

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ —
СВИДЕТЕЛЬНИЦА
ВРЕМЕН

ТОМ ПЯТИДЕСЯТЫЙ
2024

Дорогие наши читатели! «Исторический вестник»
продолжает свою работу. Мы благодарны вам
за неослабевающий интерес к нашему журналу,
надеемся и впредь радовать вас новыми
открытиями и уникальными публикациями.

Журнал издается при попечении
Российского исторического общества.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ —
СВИДЕТЕЛЬНИЦА ВРЕМЕН

ТОМ ПЯТИДЕСЯТЫЙ

Компьютерный набор редакции.
Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.
Подписано в печать 14.12.2024 г. Формат 84×108 1/16.
Усл.-печ. л. 19. Заказ № 42609.

Адрес редакции: 119071, Москва, Ленинский просп., 15А
Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76
E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51055 от 3 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2024

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут
не совпадать с точкой зрения редакции.*

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-
макета в типографии ООО «Сам Полиграфист», издательство «Onebook.ru».
Адрес: 129090, Москва, Волгоградский просп., д. 42, корп. 5.
E-mail: info@onebook.ru. Сайт: www.onebook.ru

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Редакция

- А.Э. Титков
главный редактор, кандидат исторических наук
- Д.Р. Жантiev
зам. главного редактора, кандидат исторических наук
- И.Я. Керемецкий
зам. главного редактора, художественный редактор
- К.А. Давыденко
технический редактор
- Т. Лefko
редактор английской версии
- Е.А. Радзиевская
ученый секретарь
- Т.И. Маляренко
корректор

Редакционный совет

- Е.И. Пивовар
председатель редакционного совета, доктор исторических наук, научный руководитель
РГГУ, профессор, академик РАН
- М.В. Баранов
кандидат философских наук, президент АНО «Руниверс»
- С.П. Брюн
генеральный директор ФГБУК «Новгородский государственный объединенный
музей-заповедник»
- Р.Г. Гагкуев
доктор исторических наук, председатель Правления Российского исторического общества,
исполнительный директор фонда «История Отечества»

THE HISTORICAL REPORTER

Editorial Administrative Committee

- Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief, Ph.D. in History
- Dmitriy R. Zhantiev
C.Sc. (History), Deputy Editor-in-Chief
- Igor Ya. Keremetskiy
Deputy Editor-in-Chief, Art Editor
- Kseniya A. Davydenko
Technical Editor
- Todd Lefko
Editor of the English Version
- Elizaveta A. Radzievskaya
Academic Secretary
- Tatyana I. Malyarenko
Proofreader

Editorial Board

- Efim I. Pivovarov
Chairman of the Editorial Board of the Historical Reporter, D. Sc. (History),
Scientific Director of Russian State University for the Humanities, Professor, Academician
of Russian Academy of Sciences
- Mikhail V. Baranov
C.Sc. (Philosophy), President of ANO «Runivers»
- Sergei P. Brun
General Director of Novgorod State Museums

- В.З. Голдман**
Ph.D., профессор кафедры истории исторического факультета Университета Карнеги-Меллона
- А.А. Горский**
доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института российской истории РАН
- С.В. Девятков**
доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д.Р. Жантиев**
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- С.М. Исхаков**
доктор исторических наук, заместитель председателя Секции «История социальных реформ, движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории
- Г. Кантор**
доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж
- С.А. Кириллина**
доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- Т.Ю. Кобищанов**
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- Е.М. Копоть**
старший преподаватель Института истории и политики МПГУ, ФГБОУ ВО Московский педагогический государственный университет
- И.В. Курукин**
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и Нового времени факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ

-
- Ruslan G. Gagkuev**
D.Sc. (History), Chairman of the Russian Historical Society Board, Executive Director of the Russian History Foundation
- Wendy Z. Goldman**
Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University, History Department
- Anton A. Gorskiy**
D.Sc. (History), Professor, Deputy Director of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History
- Sergey V. Deviatov**
D.Sc. (History), Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head of Russian History in 20–21 cc. Department at Moscow State University, Historical Faculty
- Dmitriy R. Zhantiev**
C.Sc. (History), Associate Professor of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
- Salavat M. Iskhakov**
D.Sc. (History), Vice-Chairman of the Section «History of Social Reforms, Movements and Revolutions» of the Scientific Council of the Russian Academy Sciences on the Fundamental Issues of Russian and Foreign History
- Georgy Kantor**
D.Phil. (Ancient History), St. John's College, University of Oxford
- Svetlana A. Kirillina**
D.Sc. (History), Professor, Head of the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
- Taras Y. Kobishchanov**
C.Sc. (History), Associate Professor at the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
- Evgeny M. Kopot'**
Senior Lecturer, Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University (MPGU)

- Г.Н. Ланской**
доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения РГГУ
- Г.Д. Ленхофф**
Ph.D., профессор кафедры истории исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе
- А.В. Марей**
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ
- Ф. Мартинес Мартинес**
профессор истории права, Мадридский университет Комплутенсе
- С.В. Орлов**
кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д. Панатери**
Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса
- А.Э. Титков**
кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Исторический вестник»
- Ар.А. Улунян**
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
- В.В. Хутарев-Гарнишевский**
кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Московского государственного института культуры
- П.В. Шлыков**
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

- Igor V. Kurukin**
D.Sc. (History), Professor at the Russian State University for the Humanities Institute for History and Archives, Medieval and Modern History Department
- Grigoriy N. Lansky**
D.Sc. (History), professor of the department of Foreign Regional Studies at the faculty of International Relations, Politology and Foreign Regional Studies of Russian State University for the Humanities
- Gail D. Lenhoff**
Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department
- Alexander V. Marey**
Ph.D. in Theory and History of Law and the State (L.D.), Distinguished Researcher of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology
- Faustino Martínez Martínez**
Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions Department
- Stepan V. Orlov**
C.Sc. (Economics), Associate Professor, Head of the Department of the History of Social Movements and Political Parties at Moscow State University, Historical Faculty
- Daniel Panateri**
D.Sc. (History), Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law
- Alexey E. Titkov**
C.Sc. (History), Editor-in-Chief of the Historical Reporter
- Arutyun A. Ulunyan**
D.Sc. (History), Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute
- Vladimir Hutarev-Garnishevsky**
C.Sc. (History), Associate Professor at the Moscow State Institute of Culture
- Pavel V. Shlykov**
Ph.D. (History), Associate Professor, Institute of Asian and African Studies Lomonosov Moscow State University

ОТ РЕДАКЦИИ

Очередной номер «Исторического вестника», посвященный общеисторической тематике, имеет для журнала особое значение — он юбилейный. Пятьдесят номеров — это века большого пути, пройденного нашим изданием, свидетельство его стабильности и будущих успехов на ниве отечественной науки, ради которой он создавался и ради которой трудится наш коллектив. Пятьдесят номеров — это не просто внушительный ряд томов журнала на книжной полке, это уже сама по себе история. Мы благодарны всем, кто поддерживал нас в трудные периоды, кто верил в нас и работал вместе с нами. Благодаря уникальному научному и творческому коллективу, сложившемуся за годы совместной работы, мы уверенно смотрим в будущее и планируем новые выпуски.

Открывает юбилейный номер рубрика «Отечественная история», состоящая из трех статей. Работа Т.А. Ильевцева посвящена теме, которая до сих пор не становилась предметом специального исследования — студенческим балам в Императорском Московском университете, приуроченным к Татьянинному дню. В статье подробно реконструирован сценарий согласования различными ведомствами первого бала в 1872–1873 гг., а также выявлена и прослежена тенденция к упрощению процесса согласования последующих балов, состоявшихся в 1874–1881 гг. При этом в работе показан срез бюрократического аппарата в сфере образования, представленный довольно известными личностями.

Статья Я.Р. Дзюбинского, посвященная малоизученным страницам частной жизни великого князя Константина Николаевича, содержит материал по истории повседневности и истории императорской семьи. Аспекты биографии великого князя представлены в контексте значительных изменений в укладе жизни династии в пореформенный период. Статья Н.А. Заяц и А.С. Редькина продолжает традиционную для нашего издания тему Гражданской войны. Статья особенно интересна тем, что в ней впервые в историографии составлено исследование, анализирующее ход Красноуфимской операции (1919 г.) Красной армии с акцен-

тированием внимания на участии 5-й стрелковой дивизии 2-й армии Восточного фронта.

Рубрика «Всеобщая история» также представлена тремя статьями. В работе нашей зарубежной коллеги Гюль Шен, посвященной османскому флоту конца XVII – начала XVIII в., рассматривается, в том числе, связь между преступностью в столице и системой наказаний, применявшейся в османском флоте, и освещается правовая культура Османской империи. Особое внимание уделяется механизму вербовки, с помощью которой османский флот обеспечивал себя рабочей силой. Этот аспект проиллюстрирован на примере важного корпуса источников – до сих пор не изданных реестров осужденных османского флота XVIII в. Работа нашего китайского коллеги Сунь Ичжи посвящена жизни послереволюционной русской эмиграции в Китае. В ней рассматривается история развития газеты «Шанхайская жизнь» – крупного русскоязычного издания, выходившего в Шанхае в 1919–1922 гг., которое прошло путь от обычного эмигрантского издания до рупора просоветских взглядов. А.Х. Хизриев и Ф.Х. Базаева представили работу, в которой анализируется характер англо-французских отношений в контексте их управления подмандатными территориями на Ближнем Востоке в период между двумя мировыми войнами. Особо следует отметить, что именно мандатная система управления бывшими провинциями Османской империи стала одним из ключевых факторов, дестабилизировавших ближневосточный регион, который до сих пор страдает от конфликтов, порожденных как внутренними причинами, так и спровоцированными извне.

Не часто появляющаяся в нашем издании рубрика «Сообщения» на этот раз содержит два материала. Сообщение Д.А. Оксамитной касается особенностей разработки и применения просопографической базы данных при исследовании части элиты периода правления Екатерины II, а именно придворных кавалеров императорского двора. Данный метод позволяет, в том числе, реконструировать «коллективный портрет»

придворного кавалера и получить дополнительное представление о механизмах социальной мобильности и карьерного роста представителей высшей аристократии того времени. В сообщении С.Е. Князевой особое внимание уделено проблемам, касающимся воспроизводства имперской идеи, в том числе в современных условиях.

В рубрике «Историческая мысль» публикуется рецензия Д.И. Петина и М.М. Стельмак «К изданию Р.Г. Гагкуевым записок М. Жанена». Авторы рецензии отмечают, что «проведенная Р.Г. Гагкуевым работа будет служить ценным подспорьем в изучении неоднозначных драматических событий истории России».

В рубрике «Источники» мы возвращаемся к событиям отечественной истории периода революции и Гражданской войны. В.В. Хутарев-Гарнишевский и А.С. Жданов подготовили к публикации отрывок из воспоминаний начальника Особого отдела Балтийского флота жандармского подполковника В.В. Владимирова. Этот источник впервые вводится в научный оборот, что придает особую ценность публикации. Значительное внимание в публикуемом отрывке уделено ходу восстания и трагическим событиям в Кронштадте в 1917 г. А.Н. Ганин подготовил к публикации документы следственного дела генерала А.В. Муханова — видного деятеля антибольшевистского движения в Ферганской области. Материалы этого дела также вводятся в научный оборот впервые.

Редакция журнала надеется, что юбилейный номер «Исторического вестника» будет так же интересен нашим читателям и принесет пользу отечественной науке, как и все предыдущие выпуски. С юбилеем, дорогие друзья и коллеги!

А.Э. Титков

Главный редактор журнала «Исторический вестник»

EDITORIAL

This issue of the Historical Reporter dedicated to general historical topics is of a special significance for the journal, because it's an anniversary one. Fifty issues is an important milestone in our publication's journey, demonstrating its stability and promising future achievements to contribute to the Russian science development, the very purpose for which the journal was established and our team continues to work. Fifty issues represent more than just an impressive array of volumes on a bookshelf – they become history. We extend our gratitude to all who stood by us during the challenging times, believed in us, and worked with us. Thanks to the exceptional research and creative team that has been formed over years of joint effort, we look to the future with confidence and are planning new issues.

The anniversary issue opens with the Russian History section, comprising three articles. The study by Timofey A. Ilyevtsev focuses on a topic that has not yet been the subject of a specialized research – student balls at the Imperial Moscow University timed to coincide with Tatiana's Day. The article provides a detailed reconstruction of how various departments coordinated the first ball in 1872–1873 to identify and trace the trend towards simplifying the coordination process for subsequent balls held in 1874 through 1881. In addition, the study offers a cross-section of the educational bureaucracy represented by quite famous persons. Ian R. Dziubinskii's article, exploring the little-studied aspects of Grand Duke Konstantin Aleksandrovich's private life, providing insights into the history of everyday life and the imperial family. The Grand Duke's biographical aspects are presented against the backdrop of significant changes in the dynasty's lifestyle during the post-reform period. The article by Nikolai A. Zayats and Alexander S. Redkin continues our publication's traditional focus on the Civil War. The article is particularly noteworthy as it presents the first historiographical study analyzing the course of the Red Army's Krasnoufimsk operation (1919), emphasizing the involvement of the 5th Infantry Division of the 2nd Army of the Eastern Front.

The General History section also features three articles. Our foreign colleague Gül Şen's work on the Ottoman Navy of the late 17th through early 18th centuries examines, among other things, the connection between crime in the capital and the punishment system used in the Ottoman Navy, shedding light on the Ottoman Empire's legal culture. Special attention is given to the recruitment mechanism through which the Ottoman Navy secured its workforce. This aspect is illustrated using an important corpus of sources – the previously unpublished registers of Ottoman Navy convicts in the 18th century. Our Chinese colleague Sun Yizhi's study focuses on the life of post-revolutionary Russian emigrants in China. It examines the development of the *Shankhayskaya Zhizn* (Shanghai Life), a major Russian-language publication in Shanghai from 1919 to 1922, which evolved from a typical emigrant publication to a mouthpiece for the pro-Soviet views. Ali Kh. Khizriev and Farida H. Bazaeva presented a study analyzing Anglo-French relations in the context of administering their mandated territories in the Middle East between the two world wars. It's particularly noteworthy that the mandated system of administering the former Ottoman Empire provinces became a key factor in destabilizing the Middle East region, which continues to suffer from conflicts stemming from both internal problems and external provocations.

This time, the Messages section, which doesn't appear often in our publication, contains two pieces. The message by Daria A. Oksamitnaya addresses the specifics of developing and applying a prosopographic database in studying part of the elite during Catherine II's reign, namely the court cavaliers of the imperial court. This method allows, among other things, the reconstruction of a «collective portrait» of a court cavalier and provides additional insight into the mechanisms of social mobility and career opportunities for the high aristocracy

of that time. In the report by Svetlana E. Knyazeva, special attention is given to the issues of reproducing the imperial idea, including in the modern conditions.

The Historical Thought section features a Review of M. Janen's Notes Publication by Ruslan G. Gagkuev prepared by Dmitriy I. Petin and Maksim M. Stelmak. The reviewers note that «the work conducted by Ruslan G. Gagkuev will serve as a valuable aid in studying the ambiguous dramatic events of Russian history».

In the Sources section, we return to the national history events during the Revolution and Civil War period. Vladimir V. Khutarev-Garnishevsky and Arseniy S. Zhdanov have prepared for publication an excerpt from the memoirs of V.V. Vladimirov, Gendarme Lieutenant Colonel, Chief of the Special Department at the Baltic Fleet. This source is being introduced into academic circulation for the first time, which lends special value to the publication. In the published excerpt, considerable attention is given to the course of the uprising and the tragic events in Kronstadt in 1917. Andrey N. Ganin has prepared for publication documents from the investigative case of General Mukhanov, a prominent figure in the anti-Bolshevik movement in the Fergana region. The materials from this case are also being introduced into academic circulation for the first time.

The journal's editorial board hopes that the anniversary issue of the Historical Reporter will be as interesting to our readers and beneficial to national science as all the previous issues. Happy anniversary, dear friends and colleagues!

Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief of the Historical Reporter

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Т.А. Ильевцев.** «Желая отпраздновать день основания университета общестуденческим танцевальным вечером...». Сценарий согласования студенческих балов Московского университета (1873–1881) 16
- Я.Р. Дзюбинский.** Две семьи великого князя Константина Николаевича в формировании его ближайшего окружения..... 40
- Н.А. Заяц, А.С. Редькин.** 5-я стрелковая дивизия и ее роль в подготовке и проведении Красноуфимской операции (июнь — июль 1919 г.)..... 70

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Поль Шен.** Военно-морской арсенал Османской империи, преступность и пенитенциарная система около 1700 г..... 92
- Сунь Ичжи.** Газета «Шанхайская жизнь» и русская эмиграция в Шанхае..... 112
- А.Х. Хизриев, Ф.Х. Базаева.** Британо-французское соперничество на Ближнем Востоке в рамках мандатной системы в период между двумя мировыми войнами 152

СООБЩЕНИЯ

- Д.А. Оксамитная.** Исследование «коллективного портрета» придворного периода правления Екатерины II с помощью просопографической базы данных. 170
- С.Е. Князева.** Имперская идея в геополитике: столкновение привилегированных интересов держав в Средиземноморье в начале XX столетия 180

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

- М.М. Стельмак, Д.И. Петин.** К изданию Р.Г. Гагкуевым записок М. Жанена. 202

ИСТОЧНИКИ

- В.В. Хутарев-Гарнишевский, А.С. Жданов.**
«Ночь кошмарных ужасов». Февральская революция в Кронштадте в мемуарах начальника Особого отдела Балтийского флота В.В. Владимирова 218
- А.В. Ганин.** «Единственным выходом из моего положения было примкнуть к повстанческому движению...». Генерал А.В. Муханов и антибольшевистское восстание в Фергане 252

CONTENTS

ISSUE ON GENERAL HISTORY

RUSSIAN HISTORY

- Timofei A. Ilevtsev.** «Wishing to Celebrate the University's Founding Day With a Student Dance Evening...». The Scenario for Coordinating Moscow University Student Balls (1873–1881) 16
- Ian R. Dziubinskii.** Two Families of Grand Duke Konstantin Nikolaevich in the Formation of His Inner Circle 40
- Nikolai A. Zayats, Alexander S. Redkin.** The 5th Rifle Division of the Red Army and Its Role in the Krasnoufimsk Operation (June–July 1919) 70

GENERAL HISTORY

- Gül Şen.** Ottoman Naval Arsenal, Criminality, and Law Enforcement around 1700 92
- Sun Yizhi.** «The Shanghai Life» and Russian Émigré in Shanghai. 112
- Ali Kh. Khizriyev, Farida Kh. Bazayeva.** British VS French Rivalry in the Middle East under the Mandate System Between the Two World Wars 152

REPORTS

- Daria A. Oksamitnaya.** Study of a Collective Portrait of Catherine's the Great Courtiers by Means of a Prosopographical Database. . . . 170
- Svetlana E. Knyazeva.** The Imperial Idea in Geopolitics: the Clash of Privileged Interests of Powers in the Mediterranean at the Beginning of the 20th Century. 180

HISTORICAL THOUGHT

- Maksim M. Stelmak, Dmitriy I. Petin.** On the Edition by Ruslan G. Gagkuev of Memoirs by Maurice Janin. 202

SOURCES

- Vladimir V. Khutarev-Garnishevsky, Arseniy S. Zhdanov.** «A Night of Nightmarish Horrors». The February Revolution in Kronstadt as Reflected in the Memoirs of V.V. Vladimirov, Chief of the Special Department at the Baltic Fleet. 218
- Andrey V. Ganin.** «The Only Way out for Me Was to Join the Rebel Movement...». General A.V. Mukhanov and the Anti-Bolshevik Movement in the Fergana Region 252

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.50.012

Т.А. Ильевцев

«ЖЕЛАЯ ОТПРАЗДНОВАТЬ ДЕНЬ ОСНОВАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА ОБЩЕСТУДЕНЧЕСКИМ ТАНЦЕВАЛЬНЫМ ВЕЧЕРОМ...»

Сценарий согласования студенческих балов
Московского университета (1873–1881)

1873–1881 гг. в досуговом календаре московских студентов появились ежегодные студенческие танцевальные вечера (балы), приуроченные ко дню основания университета (12 января). Инициаторами и организаторами этих балов были студенты. Танцевальные вечера проходили в залах Российского благородного собрания и собирали от 2500 до 5500 посетителей (из которых около трети составляли студенты¹). Вход на бал был платным, что позволяло не только возместить расходы на проведение вечера, но и собирать деньги в пользу недостаточных студентов университета или капитал для стипендии.

Организация вечеров требовала изобретения механизма многоступенчатого согласования, вызванного противоречивыми нормами

¹ Так, бал 1873 г. исходя из числа проданных билетов посетило 2867 человек, из которых 883 студента (30,8% от всех посетителей). На этот момент в Московском университете училось всего 1397 студентов: *Андреев А.И., Змеев В.А., Ильин И.В.* Студенческая жизнь Императорского Московского университета (1755–1917). М., 2011. С. 331.

общеимперского и ведомственного законодательств. С одной стороны, студенты Московского университета находились в юрисдикции университетских законодательных актов, которые запрещали любые формы студенческой корпоративности, от коллективных писем и прошений до организации мероприятий². С другой стороны, студенты как подданные империи были в зоне общеимперского законодательства, которое увеселительные мероприятия разрешало, но требовало определенного делопроизводственного оформления — обращения с прошением в соответствующие инстанции³.

Согласование этих порядков проводилось руками администраторов посредством переписки. Эту бюрократическую реальность конструировали служащие канцелярий, работа которых была похожа на конвейер: государственное делопроизводство напоминало огромную мануфактуру, где конечный продукт, принятое решение, последовательно изготавливался действиями отдельных рабочих⁴. Эту деятельность можно видеть в многочисленных пометках, формальных бланках, размере и даже положении отдельных смысловых фрагментов относительно друг друга⁵. В процессе накопления бюрократического опыта происходили эволюция, стандартизация и стабилизация как самих бумаг, так и самой бюрократической реальности соответственно⁶. Служители канцелярий стремились к «литературному живому языку» и к точности изложения (сохранившейся с эпохи Николая I)⁷, поэтому принимаемые решения следует относить в зону ответственности глав ведомств, в то время как канцеляристы осуществляли техническую функцию. Любой нестандартный казус, как индивидуальный заказ на мануфактуре, требовал от бюрократов отхода от привычного набора действий, тем не менее чиновники старались

² Устав о предупреждении и пресечении преступлений (Св. зак. т. 14, изд. 1857): доп. и изм. по Продолж. 1863, 1864, 1868, 1869 и 1871 гг. с разъяснениями по Уложению о наказаниях изд. 1866 г. и по Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. М., 1872. С. 53, 60, 61.

³ Правила Императорского Московского университета. М., 1870. С. 36, 38, 46, 48.

⁴ Ремнев А.В. «Власть канцелярии» и «искусство редактирования» в имперской России XIX—начала XX века // Социальная история: ежегодник. 2010. СПб., 2011. С. 162–163.

⁵ Hull M.S. Documents and Bureaucracy // Annual Review of Anthropology. 2012. Vol. 41. P. 254.

⁶ Орлова Г.А. Бюрократическое письмо как механизм господства // Полис: Политические исследования: Научный и культурно-просветительский журнал. 1999. № 5. С. 79–80.

⁷ Ремнев А.В. Указ. соч. С. 167–169.

нестандартное дело подчинить хоть каким-то общим стандартам и прецедентам.

В центре внимания этой статьи — процесс выстраивания уникального сценария согласования танцевальных вечеров студентов Императорского Московского университета (1873–1881), в ходе которого бюрократы разных ведомств адаптируют и изменяют набор применяемых бюрократических шаблонов и практик.

Изучение студенческих балов

Досуговые танцевальные мероприятия студентов российских императорских университетов уже попадали в поле зрения отечественных исследователей.

Исследователи истории Казанского университета отмечают, что в первой половине XIX в. в Казанском университете проводились публичные маскарады, также известно об участии студентов в балах местного Дворянского собрания⁸. Что касается студенческих праздников в Москве, то нельзя обойти вниманием Татьянин день, который обычно описывается в литературе как массовый студенческий праздник, проходящий по всему городу и сопровождающийся крупным возлиянием алкоголя⁹ и потому скорее носивший характер народного гулянья. А.Е. Иванов, известный исследователь студенчества рубежа XIX–XX вв., на основе дневников описал «вечеринки» студентов начала XX в. как мероприятия, организовываемые вне территории учебных заведений: студенты на них пили, танцевали и общались (в том числе с противоположным полом). Эти «вечеринки» устраивались землячествами и обществами взаимопомощи, нося характер благотворительных (в пользу бедных студентов). Для разрешения таких мероприятий требовалось обратиться к ректору, который через попечителя учебного округа запрашивал разрешение у градоначальника¹⁰. Суть этих «вечеринок» подробнее рассматривал А.С. Магидович, однако ничего принципиально нового в органи-

⁸ Вишленкова Е.А., Мальшьева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005. С. 354.

⁹ Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX — начало XX века. М., 2010. С. 186–189; Цыганков Д.А. Московский университет в городском пространстве начала XX века // Университет и город в России (начало XX века). М., 2009. С. 403.

¹⁰ Иванов А.Е. Указ. соч. С. 167–175.

Студенты в аудитории. Фотография конца XIX в.

зации этих мероприятий по сравнению с описаниями А.Е. Иванова он не установил¹¹.

Непосредственно танцевальные вечера (балы) студентов Императорского Московского университета, приуроченные к Татьяниним дням в 1873–1881 гг., в своей диссертации затрагивала М.В. Фадеева. С помощью полицейских отчетов она описала студенческие балы как мероприятия, которые были направлены на сбор денег в пользу недостаточных студентов. Они проходили в залах Российского дворянского собрания и сопровождались постоянными беспорядками¹². Она отметила необходимость согласования бала с полицейским начальством, но не концентрировалась на реконструкции и описании механизма бюрократического согласования. Между тем это представляется важным для выявления специфики управления пореформенными университетами и взаимодействия разных отраслей управления империи, а также для понимания режимов взаимоотношений студентов, членов университетской корпорации (студенты таковыми не считались) с системой управления империей.

¹¹ Магидович А.С. Досуг московских студентов (конец XIX — начало XX в.) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2011. №3. С. 55–62.

¹² Фадеева М.В. Стратегии повседневной жизни студентов Императорского Московского университета середины XIX — начала XX в. в условиях регламентирующей политики государства: дис. ... канд. ист. наук. М., 2023. С. 82.

Источники

Механизм согласования студенческих балов, как механизм бюрократический, работал за счет делопроизводственной переписки, поэтому источниковой базой исследования являются делопроизводственные документы, отложившиеся в фондах тех институций, которые участвовали в процессе согласования. Это, прежде всего, документы по управлению университетом (фонды Императорского Московского университета, попечителя Московского учебного округа из Центрального государственного архива города Москвы (ЦГА Москвы), Департамента народного просвещения из Российского государственного исторического архива (РГИА)), городом (фонды московского генерал-губернатора и московского полицмейстера в ЦГА Москвы, Охранного отделения при московском градоначальнике в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ)), театрами (фонд Конторы московских императорских театров в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ)), а также дела Московского дворянского депутатского собрания (ЦГА Москвы), в помещении которого происходили балы.

Фонды учреждений, которые занимались согласованием публичных увеселений (городское и театральное начальство), содержат специальные дела, посвященные разрешению (или запрещению) тех или иных мероприятий в городе. Обычно это дела по 100–500 листов, в которые собрана вся переписка о подобных вопросах за год, и, соответственно, такие дела формировались из года в год. Внутри таких собраний находятся и документы, посвященные студенческим балам. Для учебного ведомства решение проблемы студенческих увеселений не являлось рутинной, поэтому переписка о студенческих танцевальных вечерах выделялась в отдельные дела. Для Московского дворянского депутатского собрания вопрос о студенческих балах был одним из многих и рассматривался наравне с другими во время заседаний.

Отдельного упоминания заслуживает тот факт, что наиболее интересное дело в фонде Департамента народного просвещения «О разрешении студентам Московского Ута устроить танцевальный вечер» уничтожено при чистке архива в 1894 г., однако некоторые сведения о переписке позволяют восстановить опись по разряду высших учебных заведений, которая и используется в статье¹³.

¹³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 147. Л. 16, 281. [Электронный ресурс] // Российский государственный исторический ар-

Первый студенческий бал: формирование сценария согласования

14 декабря 1872 г. три студента подали в канцелярию московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова «докладную записку» с просьбой разрешить студентам Московского университета и их «родным и знакомым» танцевальный вечер, приуроченный ко дню основания университета¹⁴. Авторы ссылались на то, что подобные вечера регулярно разрешались студентам в Санкт-Петербурге и Киеве. Кроме позволе-

Князь Владимир Андреевич Долгоруков

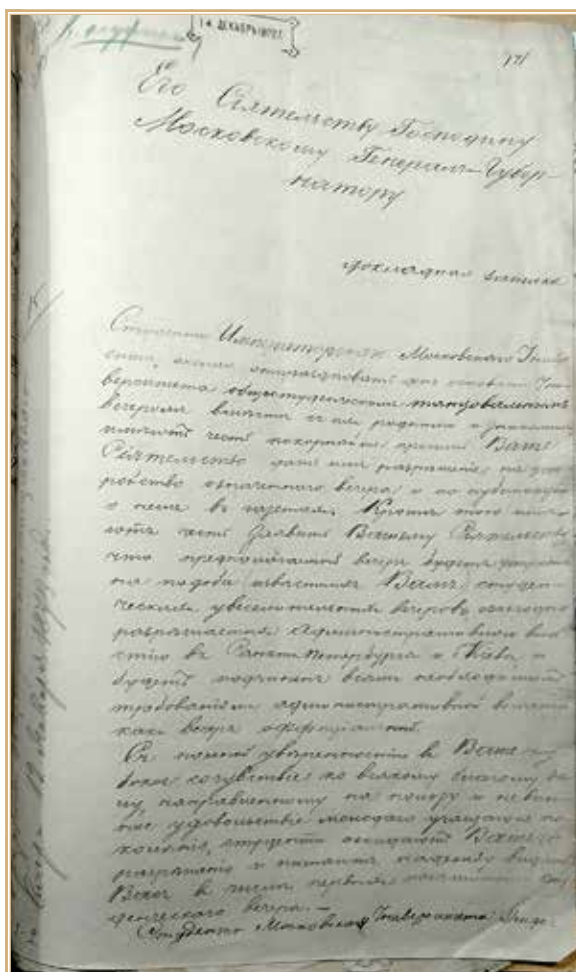
ния провести вечер, студенты просили разрешения на публикацию объявления в газетах, что было запрещено университетскими правилами¹⁵ и явно было направлено на привлечение дополнительной публики.

Зная о запрете на подачу коллективных прошений от имени студентов, авторы обозначили свое ходатайство как «докладную записку» и изначально подписал ее только один студент юридического факуль-

хив / Российский государственный исторический архив. URL: <https://fgurgia.ru/imageViewer/img?url=mZaTmpGekprCyMzMoM7LyNGPm5nZnIqNjZqRi6+emJrCztmah4vCOY+bmdmQnZWanIvCzcfMxsbHytmei4uNws7Kx8fZjjqNlp6Tws4=> (дата обращения 17.04.2022).

¹⁴ Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 16. Оп. 24. Д. 2985. Л. 171–171 об.

¹⁵ Правила Императорского Московского университета. М., 1870. С. 38.

Докладная записка от 14.12.1872 студентов ИМУ
Владимира Менде, Александра Лаврова и Владимира Иванова

тета — дворянин Владимир Менде¹⁶. Однако в последний момент по каким-то причинам было решено, что одной подписи недостаточно. К тому моменту бумага была написана начисто: подпись «Менде» находилась в самом низу страницы, поэтому еще две студенческие подписи «Александр Лавров» и «Влад Иванов» были поставлены прямо посреди оборотной стороны листа. И если обозначение «докладная записка» еще встречается среди аналогичных бумаг, то документов с подобным оформлением подписей просителей обнаружено не было.

Канцелярия генерал-губернатора решила сначала согласовать возможность проведения студенческого бала с университетским начальством. 14 декабря было отправлено письмо попечителю Московско-

¹⁶ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 37. Д. 785. Л. 1, 8.

Князь Александр Прохорович Ширинский-Шихматов

го учебного округа князю А.П. Ширинскому-Шихматову¹⁷. Последний, согласовав вопрос с ректором университета С.М. Соловьевым¹⁸, отправил телеграмму в Министерство народного просвещения¹⁹. Разрешение студенческого бала выходило за рамки прав попечителя и даже считалось делом чрезвычайным, о которых, согласно университетскому уставу, предписывалось «доводить до сведения министра»²⁰.

17 декабря в министерстве решили разобраться подробнее²¹ и направили в Московский учебный округ телеграмму с предписанием начать по этому вопросу переписку по почте²². На следующий день управляющий Московским учебным округом князь Н.П. Мецкерский написал в Министерство народного просвещения пространное письмо²³, в котором излагал содержание адресованной генерал-губернатору студенческой

¹⁷ Там же. Ф. 459. Оп. 2. Д. 3563. Л. 1–1 об.

¹⁸ Там же. Л. 1; Ф. 418. Оп. 41. Д. 300. Л. 4–5; Ф. 459. Оп. 2. Д. 3563. Л. 5 об.

¹⁹ Реально подписано управляющим округом, помощником попечителя князем Н.П. Мецкерским.

²⁰ Университетский устав 1863 года. СПб., 1863. С. 12.

²¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Л. 281. [Электронный ресурс] // Российский государственный исторический архив / Российский государственный исторический архив. URL: <https://fgurgia.ru/imageViewer/img?url=mZaTmpGekprCyMzMoM7LyNGPm5nZnIqNjZqRi6+emJrCztmah4vCOY+bmdmQnZWanIvCzcfMxsbHytmei4uNws7Kx8fZjjqNlr6Tws4=> (дата обращения 17.04.2022).

²² ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 3563. Л. 7 об., 12.

²³ Там же. Л. 3–4, 5–5 об.

Князь Николай Петрович Мещерский

записки, но также упоминал не только обращение студентов к генерал-губернатору, но и о такой же, адресованной попечителю учебного округа (в архиве такого обращения не сохранилось). Подобное упоминание, видимо, было призвано сопоставить статус и символический авторитет учебного и городского начальства в Москве. О результатах рассмотрения вопроса в министерстве Мещерский просил сообщить по телеграфу.

Студенческий вечер был согласован министром народного просвещения графом Д.А. Толстым 24 декабря. Разрешение было получено в Москве по двум каналам: по телеграфу²⁴ и почтой. Письмо министра содержало уточнение: во-первых, вечер все же предстояло согласовать у генерал-губернатора, а во-вторых, печатать объявление в газетах города было запрещено²⁵.

Из канцелярии попечителя о разрешении министра сообщили ректору университета и генерал-губернатору²⁶. Ректору было предписано «надлежаще распорядиться»²⁷, а генерал-губернатору направили ответ с возвращением приложения²⁸.

²⁴ Там же. Л. 6.

²⁵ Там же. Л. 6–6 об.

²⁶ Там же. Л. 6.

²⁷ Там же. Ф. 418. Оп. 41. Д. 300. Л. 6–6 об.

²⁸ Там же. Ф. 16. Оп. 24. Д. 2985. Л. 170–170 об.; Ф. 459. Оп. 2. Д. 3563. Л. 9–10.

Граф Дмитрий Андреевич Толстой. Худ. И.Н. Крамской

Из канцелярии ректора информация в начале января 1873 г. была направлена проректору университета — Д.Е. Мину²⁹, которому было поручено надзирать за студентами, а теперь и сообщать студентам результаты переписки. Из Управления генерал-губернатора решение о разрешении было спущено обер-полицмейстеру³⁰. Это было частью стандартной процедуры согласования увеселений. Однако в данном случае с полиции была снята стандартная функция об объявлении решения просителям.

5 января Управление генерал-губернатора уведомило попечителя о выполнении всех необходимых бюрократических формальностей³¹. Через 5 дней из канцелярии попечителя отправилось письмо к ректору с аналогичным содержанием³². Студенческий вечер состоялся 25 января, а не 12-го, как изначально планировалось³³.

²⁹ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 41. Д. 300. Л. 6; Адрес-календарь: Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1873 год. Часть I. Власти и места центрального управления и ведомства их. СПб., [1872]. Стб. 376.

³⁰ Там же. Ф. 16. Оп. 24. Д. 2985. Л. 170, 172–172 об.

³¹ Там же. Л. 174; Ф. 459. Оп. 2. Д. 3563. Л. 75.

³² Там же. Ф. 459. Оп. 2. Д. 3563. Л. 76–76 об.; Ф. 418. Оп. 41. Д. 300. Л. 7–7 об.

³³ Там же. Ф. 418. Оп. 42. Д. 168. Л. 2.

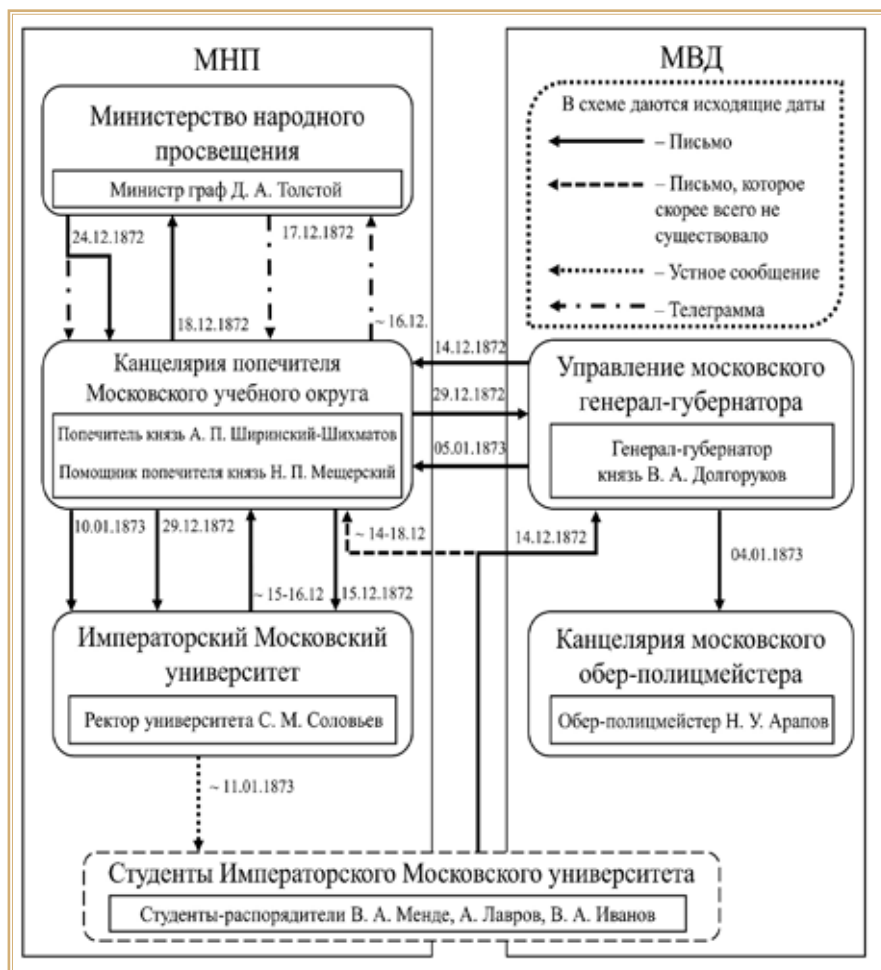
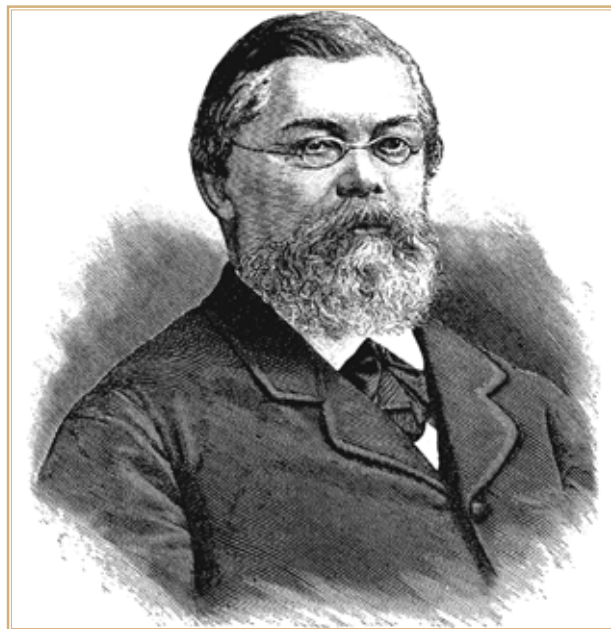

Схема разрешения студенческого танцевального вечера 12 января 1873 г.
(реально состоялся 25 января)

Адаптация сценария согласования

При организации второго вечера студенты активно использовали имеющийся опыт и апеллировали к нему. Они знали, к кому и когда обращаться и какое время требуется на согласование бала, и поэтому начали процесс не в середине декабря, а в ноябре. Студенты-представители князь Сергей Шаховской, Аврам Хвоцинский, Алексей Чижов, Николай Снежков направили на имя попечителя Московского учебного округа прошение. Интересно, что студенты просили не просто разрешения, а заступничества и помощи в организации разрешения. Описание планируемого танцевального вечера сводилось к фразе «по примеру нынешнего года»³⁴.

³⁴ ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 3635. Л. 1.

Дмитрий Егорович Мин

Поменялась и логика действий учебного начальства. 17 ноября ознакомившись с содержанием прошения, попечитель Московского учебного округа князь А.П. Ширинский-Шихматов прямо на обороте написал письмо ректору Московского университета. В нем попечитель просил ректора сообщить о его решении по вопросу³⁵. На следующий день ректор университета С.М. Соловьев 18 ноября сообщил, что с его стороны препятствий нет, «тем более, что праздник устраивается вне стен университета»³⁶.

Получив согласие ректора, попечитель 20 ноября направляет письму генерал-губернатору князю В.А. Долгорукову. Стоит выделить три момента в этом письме. Во-первых, упоминается, что студенты обратились с просьбой к попечителю по совету генерал-губернатора. Во-вторых, говорится, что вечер будет проводиться студентами «в пользу товарищей своих». В-третьих, на левом поле письма стоят перерисованные подписи студентов прямо под резолюцией «Препровождаю на заключение к об. [ер] полиц[мейстер]у»; вероятно, получив письмо вместе с приложением прошения студентов, в Канцелярии попечителя было решено уточнить таким образом личности просящих студентов для московского обер-полицмейстера Н.У. Арапова³⁷. Соответственно ему была направлена

³⁵ Там же. Л. 1 об.

³⁶ Там же.

³⁷ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 25. Д. 458. Л. 169–169 об.

Буклет в честь первого студенческого танцевального вечера.
Внутри текст «Gaudeamus igitur»

записка³⁸, на которую Н.У. Арапов ответил рапортом от 8 декабря, упомянув Российское благородное собрание как место будущего вечера³⁹.

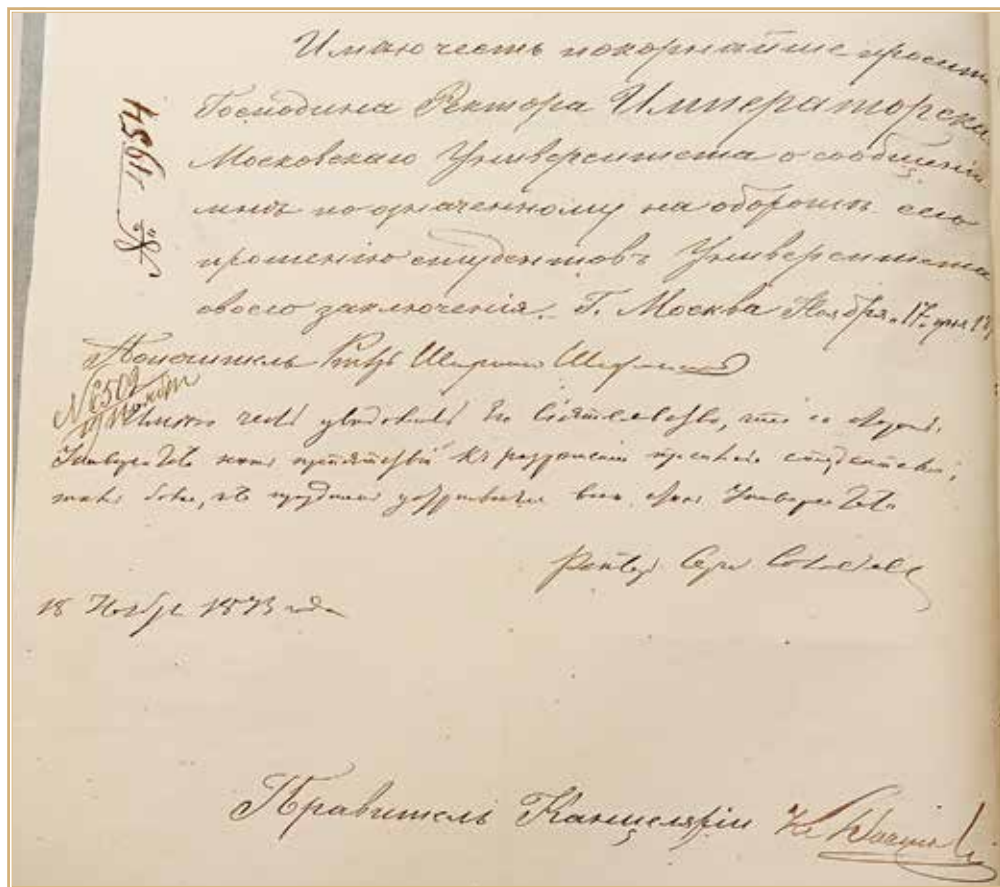
12 декабря 1873 г. московский генерал-губернатор согласовал проведение танцевального вечера⁴⁰. Получив этот ответ, попечитель обратился к министру народного просвещения с просьбой разрешить студентам провести танцевальный вечер, специально оговорив, что он сам, ректор университета и генерал-губернатор препятствий для проведения бала не нашли⁴¹. Таким образом, ведущая роль в согласовании бала перешла к попечителю учебного округа.

³⁸ Там же. Л. 144–144 об.

³⁹ Там же. Л. 168.

⁴⁰ Там же. Ф. 459. Оп. 2. Д. 3635. Л. 4.

⁴¹ Там же. Л. 5–5 об.

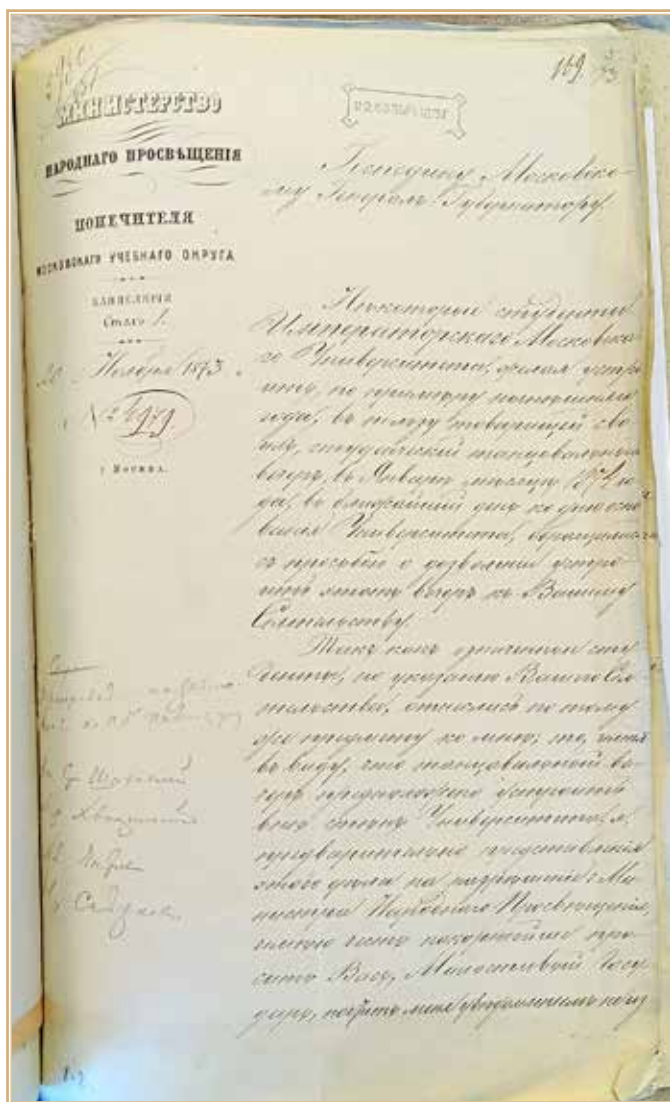
Переписка попечителя округа князя А. П. Ширинского-Шихматова и ректора университета С. М. Соловьева на обратной стороне студенческого прошения

22 декабря в Министерстве народного просвещения было принято решение о согласовании танцевального вечера «на тех же основаниях, что и в 1873 году» и отправлено соответствующее письмо попечителю (из канцелярии которого письма-уведомления были направлены ректору и генерал-губернатору⁴² для дальнейших распоряжений). Информирование студентов на этот раз происходило через попечителя, а не через инспектора студентов: на письме министра есть пометка «читал студент кн. Сер. Шаховской»⁴³.

Процесс согласования второго бала показывает, что процесс стал понятным для участников и что попечитель Ширинский-Шихматов занял центральное место в коммуникации между студентами, с одной

⁴² Там же. Л. 7–7 об. Ответ генерал-губернатора см.: Там же. Л. 8; Ф. 16. Оп. 25. Д. 458. Л. 190–191.

⁴³ Там же. Ф. 459. Оп. 2. Д. 3635. Л. 6.

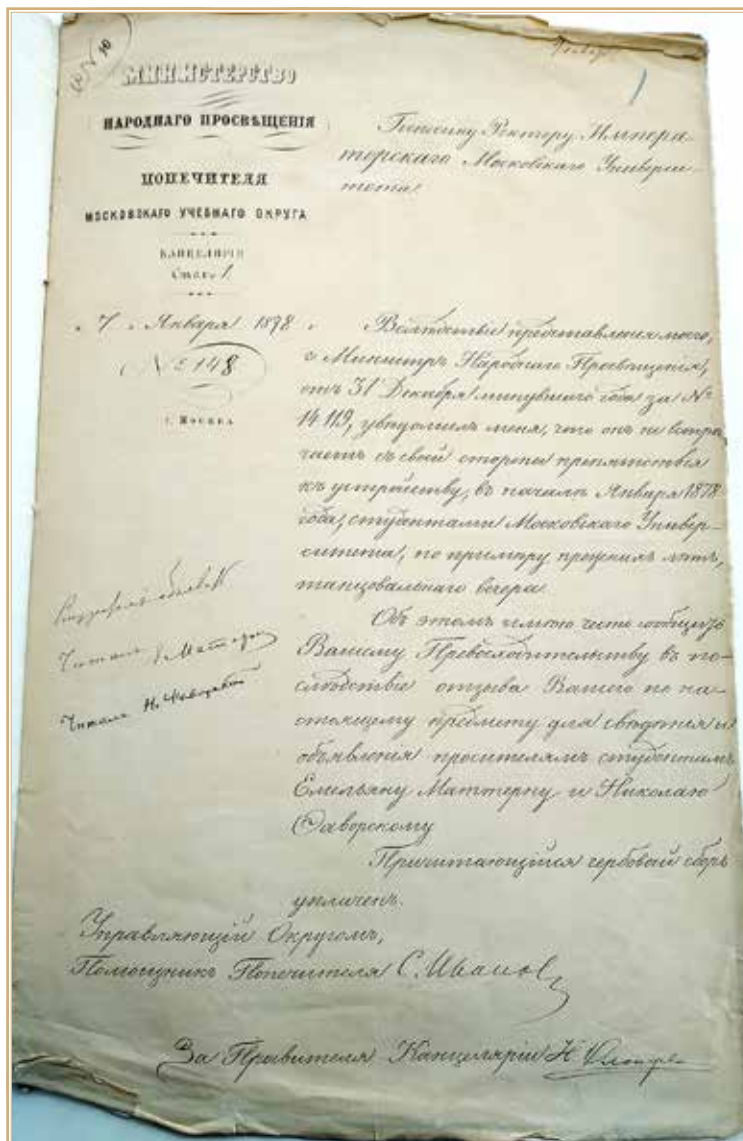

Письмо московскому генерал-губернатору князю В. А. Долгорукому от попечителя Московского учебного округа князя А. П. Ширинского Шихматова по вопросу студенческого вечера.

стороны, и генерал-губернатором и министром народного просвещения — с другой.

В следующем году новый попечитель учебного округа, а ранее помощник попечителя, князь Н.П. Мещерский, получив в середине декабря 1874 г. прошение студентов⁴⁴, придерживался того же сценария согласования студенческого вечера. Получив письма от ректора и генерал-губернатора, глава округа запросил разрешения у министра народного

⁴⁴ Там же. Д. 3698. Л. 1-1 об.

Письмо от управляющего округом, помощника попечителя С. С. Иванова к ректору университета С. М. Соловьёву от 07.01.1878

просвещения письмом и телеграммой⁴⁵. В начале января было получено разрешение министра сначала телеграммой⁴⁶, а потом письмом⁴⁷. Важно, что с этого года информирование студентов о решении было делегировано канцелярии университета — на бумагах есть пометки о чте-

⁴⁵ Там же. Д. 3635. Л. 1 об., 3, 7–7 об., 8 об.

⁴⁶ Сообщение телеграммой, видимо, применялось, когда студентам надо было получить решение к определенной дате, но сам механизм они запускали слишком поздно.

⁴⁷ ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 3635. Л. 9, 11.

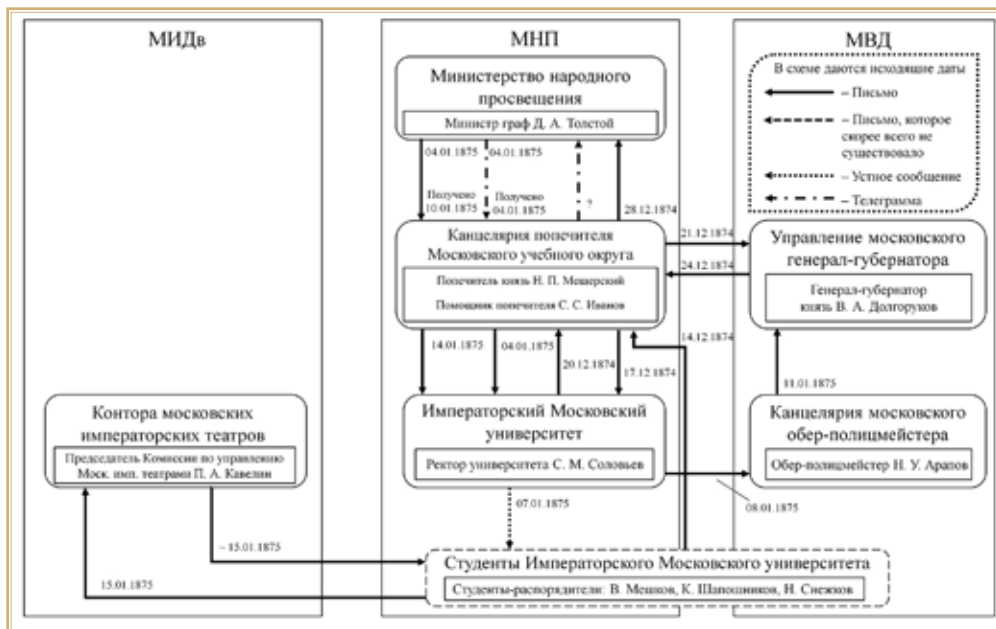

Схема разрешения третьего студенческого танцевального вечера, который состоялся 16 января 1875 года.

нии студентами⁴⁸, а позднее в письмах от попечителя прямо писалось о необходимости сообщения студентам (в других письмах есть клаузула «для надлежащих распоряжений»)⁴⁹.

Танцевечер 1874 г. является первым, среди документов по организации которого сохранилось прошение пятерых студентов-распорядителей бала в Московскую контору императорских театров, в котором студенты просили выдать им свидетельство о непротивлении⁵⁰. На прошении стоит резолюция «со стороны дирекции препятствий не встречается» за подписью председателя Комиссии по управлению императорскими московскими театрами П.А. Кавелина⁵¹. Судя по тому, что студенты запросили разрешения Конторы накануне бала, они не ждали отказа. Возможно, проведение бала было согласовано сначала устно, а потом оформлено официально.

Последующие балы согласовывались по той же схеме. Стоит отметить, что по мере рутинизации процесса согласования балов понижался

⁴⁸ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 44. Д. 2. Л. 1; Оп. 293. Д. 2. Л. 3; Оп. 295. Д. 8. Л. 1. Исключение — танцевальный вечер 1878 г., когда студентам было направлено специальное письмо (см.: ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 293. Д. 2. Л. 2).

⁴⁹ Там же. Ф. 418. Оп. 45. Д. 479. Л. 1–1 об.

⁵⁰ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 659. Оп. 1. Д. 130. Л. 3.

⁵¹ Там же; автор подписи установлен по РГИА. Ф. 497. Оп. 2. Д. 23363. Л. 33.

Николай Устинович Арапов

уровень чрезвычайности и статус согласующих и информирующих студентов инстанций.

Так, из заключительного этапа сценария согласования четвертого бала 1876 г. было исключено информирование попечителем генерал-губернатора о разрешении министра⁵². Обер-полицмейстера напрямую уведомлял ректор университета⁵³, получивший письмо попечителя⁵⁴. Та же расстановка сил сохранилась и в следующем, 1877 г.⁵⁵

Студенческий танцевальный вечер 1878 г. примечателен повышенным вниманием, которое к нему проявили полицейские чиновники, опасаясь антиправительственных выступлений⁵⁶. Стандартный путь согласования бала (до министра народного просвещения и обратно) был пройден к 11 января 1878 г., о чем новый ректор Московского университета Н.С. Тихонравов сообщил московскому обер-полицмейстеру Н.У. Арапову⁵⁷.

В канцелярии московского обер-полицмейстера на полученном письме была поставлена резолюция «завести дело»⁵⁸. В это дело вошли,

⁵² ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 3736. Л. 6.

⁵³ Там же. Ф. 418. Оп. 44. Д. 2. Л. 5.

⁵⁴ Там же. Ф. 459. Оп. 2. Д. 3736. Л. 7-7 об.; Ф. 418. Оп. 44. Д. 2. Л. 4.

⁵⁵ Там же. Ф. 418. Оп. 45. Д. 479. Л. 1-1 об., 2.

⁵⁶ Там же. Ф. 16. Оп. 68. Д. 11. Л. 1-9; Д. 19. Л. 2-3 об.

⁵⁷ Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1332. Л. 1.

⁵⁸ Там же.

Николай Саввич Тихонравов

кроме отношения ректора, стандартное свидетельство Московской конторы императорских театров, черновики писем к приставу Тверской части, программа танцевального вечера и отчеты о его проведении⁵⁹.

Свидетельство из конторы было типовым, печатным с вписанными конкретными данными, подобные свидетельства регулярно встречаются в других делах о различных увеселениях. Его текст подтверждает, что в контору обращались, как и в 1875 г.⁶⁰, сами студенты, а не университетское начальство. Также выделяется целеполагание бала — «в пользу недостаточных студентов»⁶¹. Хотя такая формулировка уже использовалась в переписке о разрешении студентам танцевальных вечеров, но сами студенты в своих прошениях ранее к ней не прибегали.

Приставу Тверской части, который впервые упоминается в документах, касающихся разрешения студенческих балов, было предписано не препятствовать устройству вечера, так как студенты уже предоставили свидетельство Конторы театров⁶². Нужно отметить, что в делах обер-полицейстера переписка с приставами встречается достаточно часто⁶³. По всей вероятности, в остальные годы проведения танцеваль-

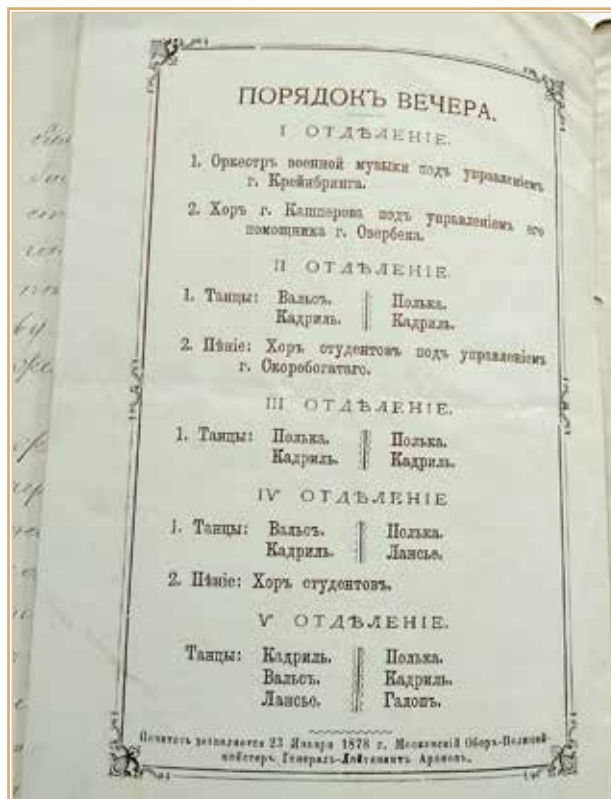
⁵⁹ Там же. Л. 2–8 об.

⁶⁰ РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 1. Д. 130. Л. 3.

⁶¹ ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1332. Л. 2.

⁶² Там же. Л. 3.

⁶³ Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1323. Л. 50, 122–122 об.; Д. 1324. Л. 187, 189–189 об.

Программа шестого студенческого танцевала вечера (последняя страница памятного буклета). Внутри буклета тексты: «Gaudeamus igitur» и «Быстры, как волны, все дни нашей жизни»

ных вечеров студентов приставу Тверской части также писали, но эти материалы не сохранились.

В 1881 г., после согласования танцевального вечера в министерстве⁶⁴, в механизм разрешения вмешалась обычно пассивная сторона — Российское благородное собрание. Сначала студентам отказали в проведении танцевального вечера, но в связи с заступничеством нового попечителя графа П.А. Капниста депутаты собрания согласились предоставить залу для бала, запретив при этом продажу вина и крепких спиртных напитков⁶⁵. Так как это не помешало студентам во время бала 27 января 1881 г. пить, буйствовать, бить стекла и испражняться на лестнице, ведущей на хоры⁶⁶, то этот бал стал последним.

⁶⁴ Там же. Ф. 418. Оп. 295. Д. 8. Л. 1–1 об.

⁶⁵ Там же. Ф. 4. Оп. 4. Д. 363. Л. 14.

⁶⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 63. Оп. 1881. Д. 150. Л. 1–1 об.

Свидетельство от Конторы императорских московских театров студентам распорядителям от 23.01.1878

Таким образом, в 1872–1881 гг. чиновниками Министерства народного просвещения, Министерства внутренних дел и Министерства двора был сформирован, отработан и рутинизирован сценарий согласования студенческого бала — мероприятия, расценивающегося изначально как «чрезвычайное» и нелегитимное. Бюрократическая структура была гибкой и реагировала на меняющиеся условия. Если изначально была велика роль генерал-губернатора, то уже после организации первого бала основная роль при согласовании бала отводилась попечителю учебного округа. Именно он обладал самой полной информацией по вопросу, так как через него проходили и вертикальные, и горизонтальные коммуникационные потоки. В то же время часть общения со студентами была переложена на ректора.

REFERENCES

1. Adres-kalendar': Obshhaja rospis' nachal'stvujushhikh i prochih dolzhnostnyh lic po vsem upravlenijam v Rossijskoj imperii na 1873 god. Chast' I. Vlasti i mesta central'nogo upravlenija i vedomstva ih. / Departament gerol'dii Pravitel'stvujushhego senata. Tip. Pravitel'stvujushhego senata, St. Petersburg. 11 p., 666 columns, 96 p.
2. *Andreev A.I., Zmeev V.A., Il'in I.V.* Student life at the Imperial Moscow University (1755–1917) [Studencheskaja zhizn' Imperatorskogo Moskovskogo universiteta (1755–1917)]. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. Moscow, 2011. 552 p.
3. Ustav o preduprezhdenii i presechenii prestuplenij (Sv. zak. t. XIV, izd. 1857 g.): dop. i izm. po prodolz. 1863, 1864, 1868, 1869 i 1871 gg. s razjasnenijami po Ulozheniju o nakazanijah, izd. 1866 g. i po Ustavu o nakazanijah, nalagaemyh mirovymi sud'jami. Tip. T. Ris. Moscow, 1872. VIII, 159 p.
4. *Cygankov D.A.* Moscow University in the urban space of the early 20th century // University and city in Russia (early 20th century) / Edited by Trude Maurer and Alexander Dmitriev [Moskovskij universitet v gorodskom prostranstve nachala XX veka // Universitet i gorod v Rossii (nachalo XX veka) / Pod redakciej Trude Maurer i Aleksandra Dmitrieva]. Novoe literaturnoe obozrenie. Moscow, 2009. P. 371–459.
5. *Fadeeva M.V.* Strategies of everyday life of students of the Imperial Moscow University in the mid-19th – early 20th centuries. in the conditions of the regulatory policy of the state: dis. ...cand. ist. sciences / *Fadeeva M.V.* National Research University Higher School of Economics [Strategii povsednevnoj zhizni studentov Imperatorskogo Moskovskogo universiteta serediny XIX – nachala XX v. v uslovijah reglamentirujushhej politiki gosudarstva: dis. ... kand. ist. nauk / *Fadeeva M.V.* Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaja shkola jekonomiki»]. Moscow, 2023. 482 p.
6. *Hull M.S.* Documents and Bureaucracy // Annual Review of Anthropology. 2012. Vol. 41. P. 251–267.

7. *Ivanov A.E.* The world of Russian students. Late 19th — early 20th century / A.E. Ivanov [Mir rossijskogo studenchestva. Konec XIX — nachalo XX veka / A.E. Ivanov]. Novyj hronograf. Moscow, 2010. 360 p.
8. *Magidovich A.S.* Leisure of Moscow students (late XIX — early XX centuries) // Modern problems of service and tourism [Dosug moskovskih studentov (konec XIX — nachalo XX vv.) // Sovremennye problemy servisa i turizma]. 2011. №3. P. 55–62.
9. *Orlova G.A.* Bureaucratic writing as a mechanism of domination // Polis: Political studies: Scientific, cultural and educational journal [Bjurokraticeskoe pis'mo kak mehanizm gospodstva // Polis: Politicheskie issledovanija: Nauchnyj i kul'turno-prosvetitel'skij zhurnal]. 1999. №5. P. 76–82.
10. *Remnev A.V.* «The power of the office» and the «art of editing» in imperial Russia in the 19th and early 20th centuries // Social History: Yearbook. 2010 / Resp. ed. N.L. Pushkareva [«Vlast' kanceljarii» i «iskusstvo redaktirovanija» v imperskoj Rossii XIX—nachala XX veka // Social'naja istorija: ezhegodnik. 2010 / Otv. red. N.L. Pushkareva]. Aletejja, St. Petersburg, 2011. P. 160–188.
11. *Pravila Imperatorskogo Moskovskogo universiteta.* Universitetskaja tip. (Katkov i K°). Moscow, 1870. 54 p.
12. *Universitetskij ustav 1863 goda.* Tipografija Iosafata Ogrizko. St. Petersburg, 1863. 128 p.
13. *Vishlenkova E.A., Malysheva S.Ju., Sal'nikova A.A.* Terra Universitatis: Two centuries of university culture in Kazan [Terra Universitatis: Dva veka universitetskoj kul'tury v Kazani]. Kazanskij gosudarstvennyj universitet im. V. I. Ul'janova-Lenina. Kazan, 2005. 500 p.

Ключевые слова:

Императорский Московский университет, студенты, бал, бюрократический механизм, Татьянин день.

Timofei A. Ilevtsev

«WISHING TO CELEBRATE THE
UNIVERSITY'S FOUNDING DAY WITH
A STUDENT DANCE EVENING...»
THE SCENARIO FOR COORDINATING MOSCOW
UNIVERSITY STUDENT BALLS (1873–1881)

The article reconstructs the scenario for coordinating student balls held on Tatiana's Day in the 1873–1881. While student balls have previously come to the attention of historians, they were never the subject of a dedicated study. Coordinating a student ball required approval at multiple levels. This was caused by, firstly, conflicting regulations on entertainment events in imperial and departmental legislation, and secondly, the unique, non-standard nature of the event, which had to be greenlit by officials from several different ministries (the Ministry of Public Education, the Ministry of Internal Affairs, and the Ministry of the Imperial Court). The study's sources include the administrative records of the Imperial Moscow University, the Trustee of the Moscow Education District, the Moscow Governor General, the Moscow Chief of Police, and the Moscow Noble Deputy Assembly (stored at the Central State Archive of Moscow), the Department of Public Education (stored at the Russian State Historical Archive), and the Office of the Imperial Moscow Theaters (stored at the Russian State Archive of Literature and Art). The study uses historical research methods and classical source analysis techniques. The article provides a detailed reconstruction of how bureaucrats from different departments coordinated the first student ball in 1872–1873, and identifies and traces the trend towards establishing a more simplified routine for coordinating the subsequent eight balls, held from 1874 to 1881.

Keywords: Imperial Moscow University, students, ball, bureaucratic mechanism, Tatiana's Day.

Timofei A. Ilevtsev – Doctoral student at the Doctoral School of History, National Research University Higher School of Economics.

 Ильевцев Тимофей Александрович

аспирант Аспирантской школы по историческим наукам,
Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

ORCID: 0009-0001-2755-5618

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.50.001

Я.Р. Дзюбинский

ДВЕ СЕМЬИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА В ФОРМИРОВАНИИ ЕГО БЛИЖАЙШЕГО ОКРУЖЕНИЯ

Частная жизнь представителей правящих династий всегда вызывала особый интерес. С отходом от осторожных принципов «викторианского историка»¹, который концентрировался на изучении социально-экономической проблематики, не меньшее значение сфера частной жизни приобрела и для ученых гуманитарного профиля. Рассматриваемая тема занимает важное и нередко центральное место в различных направлениях социогуманитарного знания — истории повседневности, брака, семьи и частной жизни, социальной и институциональной, гендерной и политической истории.

В предисловии к пятитомному исследованию «История частной жизни» под общей редакцией Ф. Арьеса и Ж. Дюби авторы «отталкивались от того неоспоримого факта, что всегда и везде частная жизнь противопоставляется общественной, доступной всеобщему обозрению и подчиненной власти общественных институтов, и этот явный контраст отражается в терминологии и в общепринятых понятиях. Особое

¹ История частной жизни. Т. IV: от Великой французской революции до I мировой войны. М., 2018. С. 5.

Великий князь Константин Николаевич

пространство, имеющее четко выраженные границы и относящееся к той части человеческого существования, которая на всех языках называется личным, — это зона неприкосновенная, хранящая секреты и предоставляющая убежище...»². «Семья, — отмечает Л.П. Репина, — становится фокусом исследования не только из-за того, что в ней реализуется взаимодействие полов, а потому что именно она является тем местом, где перекрещиваются и воздействуют друг на друга приватная и публичная сферы жизни, местом координации и взаимного регулирования репродуктивной и других форм человеческой деятельности»³.

Тема частной жизни великого князя Константина Николаевича (1827–1892) не раз поднималась в исторической литературе. Для изучения двух семей Константина Николаевича важной является работа Л. Завьяловой и К. Орлова⁴. Обширная источниковая база позволила авторам представить взаимоотношения между членами семей, вписав последние в общий контекст Дома Романовых. Отдельным приложением дана генеалогическая роспись потомков брака с великой княгиней

² Там же. Т. I: от Римской империи до начала второго тысячелетия. М., 2020. С. 7.

³ Репина Л.П. От «домашних дел» к «делам государства»: гендер и власть в историческом контексте // Диалог со временем. 2007. № 19. С. 11.

⁴ Завьялова Л., Орлов К. Великий князь Константин Николаевич и великие князья Константиновичи: История семьи. СПб., 2009.

Великая княгиня Александра Иосифовна

Александрой Иосифовной (до восьмого поколения) и продолжительной связи с Анной Васильевной Кузнецовой (до шестого поколения)⁵.

Существенную роль семейным отношениям великого князя отводит в своей монографии М. Штадельман. Анализируя деятельность Константина Николаевича после 1863 г., немецкий историк констатирует, что, в отличие от ряда провоцировавших семейные скандалы увлечений представителей правящей династии в петербургском бомонде, отношения великого князя с «артисткой балета Анной В. Кузнецовой переросли в нечто серьезное»⁶. Проводится параллель между внебрачными отношениями Константина Николаевича и Александра II: «Можно предположить, что Константин был так терпим к морганатической связи своего брата не в последнюю очередь потому, что сам много лет владел второй, неофициальной семьей, — еще одна неоспоримая причина неприязни Александра III, который был неумолимо строг в вопросах семьи и брака»⁷.

⁵ Там же: С. 553–567. Сост. по: Сапожников С.А. Потомство великого князя Константина Николаевича от А.В. Кузнецовой // Историческая генеалогия. 1993. № 2. С. 22–25; Медведкова М.М. Дополнения и исправления к статье С.А. Сапожникова // Историческая генеалогия. 1994. № 3. С. 4.

⁶ *Stadelmann M. Grobfürst Konstantin Nikolaevič. Der persönliche Faktor und die Kultur des Wandels in der russischen Autokratie. Wiesbaden, 2012. P. 418.*

⁷ *Ibid.*

Анна Васильевна Кузнецова

Схожие параллели в «большой семье Романовых» проводят Е.В. Анисимов и Ю.А. Сафронова. Отмечается, что императрица Мария Александровна «осталась за пределами того мира, в котором бурно жил теперь ее муж, а также его брат Константин»⁸. Упомянув братьев Константина Николаевича и Николая Николаевича в контексте брака Александра II и Е.М. Долгоруковой, Ю.А. Сафронова пишет, что политическое положение великих князей осенью 1880 г. «было очень шатким, а семейные дела чрезвычайно запутанными»⁹. Мраморный дворец «иначе как “притоном разврата” не именовали», а Константин Николаевич «не являл собой образец примерного семьянина» и, «в отличие от старшего брата, второй семье верности он не хранил»¹⁰. «Летописец великокняжеских скандалов», адъютант Константина Николаевича А.А. Киреев в своем дневнике также отмечал большее соблюдение приличий императором: «Это во всяком случае обставлено лучше, чем у Константина Николаевича». Кроме того, Александр II «взял любовницу не на кухне, а из большого света, а тут все кухарки»¹¹.

⁸ Анисимов Е.В. Пленницы судьбы. СПб., 2007. С. 342.

⁹ Сафронова Ю.А. Екатерина Юрьевская. Роман в письмах. СПб., 2017. С. 246.

¹⁰ Там же.

¹¹ Цит. по: Сафронова Ю.А. Указ. соч. С. 246–247.

Платон Александрович Кусков

Отдельного внимания заслуживают статьи Е.Б. Кочетовой¹² и Н.В. Антоновой¹³. Авторы рассматривают взаимоотношения Константина Николаевича и Анны Васильевны в русле микроистории и частично вводят в научный оборот ранее не использовавшиеся источники: письма Константина Николаевича к Кузнецовой за 1880-е гг., отдельные письма из частного архива их праправнучки.

Важным вкладом в изучение частной жизни Константина Николаевича является полная публикация воспоминаний поэта П.А. Кускова, которая была осуществлена Ю.А. Кузьминым по материалам фонда профессора Б.В. Никольского в Государственном архиве Российской Федерации. Публикатором отмечается, что Кусков пишет «достаточно откровенно», так как про великого князя «ходило много несправедливых слухов». С текстом мемуаров «ознакомились как законные, так и незаконные потомки великого князя Константина Николаевича»¹⁴: сам мемуарист П.А. Кусков, его сын Павел, Б.В. Ни-

¹² Кочетова Е.Б. Страницы семейной истории великого князя Константина Николаевича. Новые документы // Музеи России: поиски, исследования, опыт работы. 2005. № 8.

¹³ Антонова Н.В. Из истории дома 18 по Английскому проспекту // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. 2007. № 14.

¹⁴ Кузьмин Ю.А. Воспоминания П.А. Кускова о великом князе Константине Николаевиче. Вторая половина XIX в. // Исторический архив. 2008. № 4. С. 158.

кольский, великий князь Константин Константинович, князь Олег Константинович, управляющий двором великой княгини Александры Иосифовны П.Е. Кеппен, Марина Константиновна Ершова (Князева) — дочь от Кузнецовой.

В современной отечественной историографии можно выделить работы С.А. Сапожникова, А.А. Шумкова, М.М. Медведковой, К.А. Губастова¹⁵, которые рассматривают генеалогию союза великого князя и Кузнецовой. Среди зарубежных исследований специального внимания заслуживает работа французского генеалога Ж. Феррана «Внебрачные потомки государей и великих князей России с 1762 по 1910 г. Генеалогический свод». Он отмечает, что «в период с XVI по XX в. большинство европейских дворов жили в страхе перед морганатическими браками, тайными или незаконными союзами. Многие представители правящих династий подорвали моральные устои эпохи, вступив в одну или несколько любовных связей, от которых иногда имели одного или несколько внебрачных детей. Российский двор не избежал такого положения вещей, хотя происходившие там семейные события не сделали его одним из самых скандальных дворов в Европе...»¹⁶. В предисловии к росписи потомков Константина Николаевича и Анны Васильевны Ж. Ферран указывает, что «сведения о Кузнецовой взяты из генеалогического сборника, посвященного семье Лялиных, и из переписки покойной Анны Александровны Арсеньевой (Ершовой) и Льва Николаевича Лялина, с одной стороны, и Марии Китчин (Kitchin) — их общей подруги, с другой. В частности, эта переписка включает семейные воспоминания, свидетельства о родственниках и друзьях, пропавших без вести, а также некоторые выдержки из писем. Эти сведения дополняются, дублируются или корректируются и, в любом случае, представляют собой ценный источник информации, который трудно найти где-либо еще»¹⁷.

В качестве отдельного направления исследований по интересующей нас теме выступают работы по изучению равнородности в император-

¹⁵ Сапожников С.А. Указ. соч.; Шумков А.А. О дворянстве Князевых // Историческая генеалогия. 1994. № 3. С. 4–5; он же. О дворянстве Князевых // Дворянский вестник. 1995. № 9 (19). С. 7; Медведкова М.М. Указ. соч.; Губастов К.А. Генеалогические сведения о русских дворянских родах, произошедших от внебрачных союзов. Справочник. СПб., 2003.

¹⁶ Ferrand J. Descendances naturelles des souverains et grands-ducs de Russie de 1762 à 1910. Répertoire Généalogique. P., 1995. P. 3.

¹⁷ Ibid. P. 342.

ской фамилии, династических статусов и законодательства, а также морганатических браков представителей правящей династии¹⁸.

В фокусе данной статьи находятся отношения Константина Николаевича с великой княгиней Александрой Иосифовной и с балериной А.В. Кузнецовой. Предстоит изучить формы репрезентации этих женщин и их статуса, а также возможности женского влияния на принятие решений в публичной сфере.

Исследование выполнено на материалах фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива, Российского государственного архива военно-морского флота, Российского государственного архива литературы и искусства, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Центральным звеном источниковой базы являются источники личного происхождения: письма императора Александра II Константину Николаевичу за 1862–1863 гг., письма Н.К. Краббе¹⁹ Константину Николаевичу за 1861–1875 гг., письма Константина Николаевича А.В. Кузнецовой за 1883 г., письмо великого князя дочерям Марине и Анне Князевым от 7 июля 1886 г.²⁰ и одна из машинописных копий воспоминаний П.А. Кускова, которая впервые вводится нами в научный оборот. Особое внимание уделяется делопроизводственным документам придворной конторы великого князя Константина Николаевича, опубликованным дневникам, воспоминаниям и письмам его современников: великого князя Александра Михайловича, Д.А. Милютина, А.А. Половцова, И.С. Тургенева, С.Ю. Витте, М.Ф. Кшесинской, Л.А. Тихомирова, Дж.Ф. Лубата.

Брак с великой княгиней Александрой Иосифовной был подчинен власти публичных институтов, регламентам и традициям. Несмотря на то что фигура Александры Иосифовны остается малоизученной, можно утверждать, что великая княгиня в качестве представителя правящего

¹⁸ *Попова Г.А.* «Лучше счастливо, чем выгодно». Морганатический брак герцога Г.Г. Мекленбург-Стрелицкого // *Последние Романовы и императорские резиденции в конце XIX — начале XX века.* СПб., 2009; *Соколов А.С.* Морганатические браки Романовых второй половины XIX–XX в.: «социальный лифт» для неравнородных супругов и утрата династического статуса их потомками // *Генеалогический вестник.* 2021. № 64; *Барташев Д.С.* Проблема равнородности и морганатические браки в Российской императорской фамилии // *Клио.* 2021. № 2; *он же.* Династическое законодательство императора Александра III // *Вестник Тамбовского университета.* Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27. № 2.

¹⁹ *Николай Карлович Краббе (1814–1876)* — адмирал, управляющий Морским министерством в 1860–1874 гг.

²⁰ *Дворянский вестник.* 1995. № 7–8 (17–18). С. 7.

Николай Карлович Краббе

дома выполняла важную репрезентативную роль. Рубежным моментом для установления гендерной дифференциации ролей в великокняжеской чете является период наместничества Константина Николаевича в Царстве Польском в 1862–1863 гг.

Согласно дневниковым записям великого князя, императорская чета разделяла желание Александры Иосифовны отправиться в Варшаву вместе с мужем²¹. В июне 1862 г. Александр II направил Константину Николаевичу конфиденциальную инструкцию, в которой важное место отводилось роли Александры Иосифовны при великом князе. Предостерегая брата-наместника от резких публичных действий и обращая внимание на влияние дам на общественное мнение, он писал: «Приветливое, ровное и учтивое обращение с ними Санни²² может иметь, я уверен, самое лучшее влияние. Надеюсь вообще, что она будет тебе помогать, в кругу ее женских обязанностей, в особенности по учебной и по благотворительной части, показывая и принимая как в том, так и в другом деятельное участие, но не иначе как с твоего ведома и с моего разрешения. Другого женского вмешательства в дела я не допускаю и быть не должно. Убедительно тебя прошу наблюдать, чтобы кругом вас не было ни сплетней, ни ссор

²¹ Дневники великого князя Константина Николаевича. 1858–1864. М., 2019. С. 367.

²² Домашнее имя великой княгини Александры Иосифовны в кругу членов императорской фамилии — Санни.

и чтобы все знали и чувствовали, что ты и у себя дома хозяин и голова семейства»²³.

Ровно через год, в июне 1863 г., император вновь обращался к брату в письме «с колкостями для Санни». Акцент делался на необходимости четкого соблюдения инструкции, данной самодержцем: «Постоянное ее (Александры Иосифовны. — Я.Д.) сопутствие тебе, даже на всех смотрах войск, нахожу неприличным, и, прости мне выражение, делает вас посмешищем. Посещение ее раненых, вместе с тобою, весьма похвально, но чтобы ты иначе не мог выезжать как с нею, что с ее точки зрения я нахожу очень натуральным, странно и даже смешно. Не сердись на меня, что я вмешиваюсь, так сказать, в ваши домашние привычки, но дружба дружбой, а служба службой. Ты не должен забывать, что ты официальное лицо и во всех служебных случаях должен являться таким, т.е. один, без дамского непременно сопровождения. Из этого не следует, что я запрещаю ей быть иногда на смотрах войск, но я не могу потерпеть, что она тебя сопровождает всюду, как тень. Не сердись на эти истины, но мой долг сказать тебе это из дружбы к вам обоим и чтобы каждый из вас умел держаться в своем круге. При этом я должен опять сослаться на мою прошлогоднюю инструкцию, где я тебе ясно указал роль, которую жена твоя должна играть при тебе. Требую от тебя, любезный Костя, чтобы ты этим непременно руководствовался, и чтобы все знали и видели, что ты и у себя дома хозяин и глава семейства»²⁴. Константин Николаевич реагировал в дневнике словами: «Как трудно угодить Петербургу»²⁵.

Гендерная дифференциация символических ролей высших представителей власти в конфликтогенном регионе влияла на межличностные отношения супругов. Подданные российского императора должны были видеть, что великий князь-наместник и в семейной жизни является непререкаемым авторитетом.

Совсем другое позиционирование Александры Иосифовны прослеживается во второй половине 1860-х гг. Основываясь на записях членов американских миссий и переписке приближенных к большому двору лиц в августе 1866 г., В.В. Носков делает вывод, что «представительницы женской половины императорской фамилии... соперничали за право

²³ РГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 323. Л. 3—3 об.

²⁴ Дневники великого князя Константина Николаевича... С. 520 (в источнике часть текста написана на французском языке. Перевод дан издателями дневника).

²⁵ Там же. С. 442.

Великая княгиня Александра Иосифовна. Худ. Франц Ксавьер Винтерхальтер

принять у себя американских гостей, поэтому Шереметеву²⁶ оказалось труднее всего организовать их представление великим княгиням, ревниво следившим за соблюдением принципа старшинства²⁷. Министр двора и уделов В.Ф. Адлерберг «разрешил представить американцев, если они желают, великим княгиням прежде представления императрице...»²⁸. Первым об этом проинформировали управляющего двором великого князя Константина Николаевича Ю.Л. Тенгоборского.

Великая княгиня Александра Иосифовна принимала членов американских миссий во время отсутствия Константина Николаевича в Санкт-Петербурге. Известны случаи, когда распоряжения великой княгини о приеме американцев накладывались на приглашения других великокняжеских дворов или вносили существенные коррективы в общий график пребывания миссий в России, что вызывало дополнительные трудности церемониального характера²⁹.

Наиболее показательным приемом стал завтрак в Константиновском дворце, на котором присутствовали великая княгиня, великая княжна Ольга Константиновна, ее воспитательница баронесса Клемен-

²⁶ Сергей Сергеевич Шереметев (1821–1884) — церемониймейстер двора его императорского величества.

²⁷ Носков В.В. Американские дипломаты в Санкт-Петербурге в эпоху Великих реформ. СПб., 2018. С. 557.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 558, 562.

тина фон Ранцау, фрейлины — графини М.Э. Келлер и А.Е. Комаровская, «некоторые другие лица»³⁰, а также члены американской военно-морской экспедиции — капитан первого ранга Г.В. Фокс, его секретарь Дж.Ф. Лубат, капитаны А. Мюррей и Дж. Бомон. В.В. Носков, основываясь на книге Дж.Ф. Лубата³¹, пишет, что «сама хозяйка, ее дочь и другие дамы использовали в своих туалетах мотивы американского флага»³².

Мы видим, что на протяжении 1860-х гг. Александра Иосифовна в разных обстоятельствах выполняла различные роли, которые напрямую соотносились с властным статусом Константина Николаевича и отвечали позиционированию великокняжеской четы в символическом пространстве Дома Романовых.

В те же годы у Константина Николаевича начинаются отношения с А.В. Кузнецовой — артисткой петербургской труппы балета императорских театров. Некоторые исследователи датируют их знакомство концом 1860-х гг.³³ Согласно П.А. Кускову, «это было, кажется, в 1865 году вслед за Польшей после Катковских статей против великого князя»³⁴.

В воспоминаниях Кускова фигурирует несколько событий, которые позволяют верифицировать дату. Первое из них датируется летом 1866 г., когда А.В. Кузнецова больше месяца гостила на даче поэта в Лесном³⁵ под Санкт-Петербургом. В тот период «к ней беспрестанно приходили письма, и она каждый день относила к кому-то письма на почту; но никогда никто не видал, по какому адресу отправлялись эти письма»³⁶. Тогда же на дачу заезжал Н.К. Краббе, «который сам по себе был знаком с Анной Васильевной; но, конечно, тот визит был с его стороны любезность по адресу великого князя»³⁷.

Факт знакомства Н.К. Краббе с А.В. Кузнецовой, его роль доверенного лица в поддержании контактов с ней подтверждаются более поздним письмом Николая Карловича Константинову Николаевичу от 21 августа 1873 г.: «А.В. (Анне Васильевне. — Я.Д.) передано ваше желание иметь от

³⁰ Там же. С. 582.

³¹ *Loubat J.F. Narrative of the Mission to Russia, in 1866, of the Hon. Gustavus Vasa Fox, Assistant-Secretary of the Navy, from the Journal and Notes of J.F. Loubat. N.Y., 1873.*

³² *Носков В.В. Указ. соч. С. 582.*

³³ *Антонова Н.В. Указ. соч. С. 81.*

³⁴ ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1444. Л. 62.

³⁵ Лесной участок, или Лесная часть — единица дореволюционного административно-территориального деления Санкт-Петербурга, пригородный участок.

³⁶ ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1444. Л. 65.

³⁷ Там же.

нее письма с каждым фельдъегерем. Настоящее письмо, со вложением письма А.В., везет Сарычев^{38,39}.

Посредством обращения к Краббе, с «согласия великого князя, но без его участия», Кузнецова удовлетворяла просьбы многочисленных «бедных и неудалых» родственников отца — артиста Александринского театра В.А. Каратыгина, которые «не хотели, конечно, ее прежде и знать и смотрели на нее с пренебрежением»⁴⁰. Она же «всех их, молча, не отвечая на их письма, устроила; но устроила на соответственные их способностям места» и не обращалась при этом к великому князю «ни с единой просьбой, которая не была бы явной, не подлежащей никакому сомнению, благотворительностью»⁴¹.

Второе событие связано с театром. «Позднее, когда она была уже знакома с великим князем, — писал П.А. Кусков, — она была раз приглашена на бенефисный ужин к одной из заезжих к нам балетных известностей. За этим ужином ее сосед стал объяснять ей, что такое ожидавшийся тогда новый цензурный устав...»⁴² Речь идет о балерине Генриетте Дор, в чей бенефис давали балет «Царь Кандавл», «в котором Анна Васильевна исполняла роль царицы»⁴³. Премьера балета с участием Г. Дор состоялась на сцене Большого (Каменного) театра в Санкт-Петербурге 29 октября 1868 г. Следовательно, речь может идти не о введении цензурного устава (1865 г.), а о законе от 14 июня 1868 г.⁴⁴

Кусков писал, что великий князь «в первое время знакомства своего с Анной Васильевной, т.е. в первые те восемь лет, когда любовь к ней у него была совершенно платоническая, всячески старался спасти от огласки свое знакомство с ней. Он делал это не столько для себя, сколько для нее, — чтобы не бросить пятна на ее доброе имя»⁴⁵. С 1868 г.

³⁸ Федор Васильевич Сарычев (1829–1884) — контр-адмирал, управляющий двором Константина Николаевича с 1873 г.

³⁹ РГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 364. Л. 24 об. –25.

⁴⁰ ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1444. Л. 69.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Л. 61.

⁴³ Там же.

⁴⁴ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 43. Ч. I. № 45973. 14 июня 1868. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, объявленное Сенату министром внутренних дел 24-го того же июня. Относительно розничной продажи периодических изданий на улицах, площадях и в других публичных местах и торговых заведениях. Также см.: Патрушева Н.Г. Цензура и печать в России в конце 1860-х — начале 1880-х гг. (История цензурной контрреформы) // Solanus. New Series. 1997. № 11.

⁴⁵ ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1444. Л. 19.

и особенно в 1870-е гг. активно формировался круг общих знакомых и завсегдатаев вечеров Анны Васильевны и Константина Николаевича. П.А. Кусков с его невестой Е.А. Кашириной⁴⁶ познакомились с великим князем весной 1868 г. Кузнецова проживала тогда «в доме Чайковской против Николы Морского через дом или два от угольного дома, в котором помещался тогда статс-секретарь по делам Царства Польского, в нижнем этаже на улице»⁴⁷.

Совместный круг общения постепенно расширялся. П.А. Кусков писал: «Первые шли все от нас: общие сослуживцы моей жены и Анны Васильевны: Кузьмина Мария Николаевна — эта святая в балетной труппе, и еще Анна Ивановна Штурм — тоже в своем роде подвижница...»⁴⁸ «Потом, — сообщает Кусков, — пошли: моя сестра, моя мать, после них — кн. Ухтомский, Грейг, Краббе, музыканты, игравшие с великим князем квартеты; наконец, Чайковский⁴⁹ и его жена, Ольга Павловна... Стали являться Рубинштейн Николай, Айвазовский, Давыдов, Попов Андрей Александрович, кн. Орбельяни, Голенко — всех и не перечислить»⁵⁰.

Военный министр в царствование Александра II Д.А. Милютин вспоминал о том, как в окружение великого князя попал профессор Императорской медико-хирургической академии В.М. Флоринский. «Несколько скандальная» история была такова: «У любовницы Константина Николаевича (актрисы Кузнецовой) заболел ребенок; великий князь встревожился, рассылал ночью за докторами; двое отказались приехать, но третий, Флоринский, приехал, и хотя ребенок все-таки умер, однако же случай этот сблизил Флоринского с великим князем, и раз, находясь с ним в среде незаконной его семьи, он усердно занялся внушением великому князю необходимости отделения Академии от Военного министерства»⁵¹. Данное разбирательство закончилось в пользу оставления академии в рамках военного ведомства, а Д.А. Милютин записал, что заседание Комитета министров «прошло гораздо благоприятнее» для него, чем можно было

⁴⁶ *Елизавета Александровна Каширина* (1844–1894) окончила училище на год позже А.В. Кузнецовой (в 1863 г.), была определена в балетную труппу танцовщицей-корифейкой с окладом в 300 р. и единовременным пособием в 40 р. См.: 200 лет Ленинградского Государственного хореографического училища. Материалы по истории русского балета: 1738–1938. Л., 1938. Т. I. С. 245.

⁴⁷ ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1444. Л. 71.

⁴⁸ Там же. Л. 53.

⁴⁹ *Илларион Яковлевич Чайковский* (1831–1908) — генерал-майор, с 1904 г. контр-адмирал.

⁵⁰ ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1444. Л. 8, 54.

⁵¹ *Милютин Д.А. Дневник*. В 4 т. М., 1947. Т. I. С. 201.

ожидать. Константин Николаевич после заседания сказал Милютину: «Надеюсь, что мы будем еще многие годы идти вместе, рука в руку»⁵².

В круг лиц, формировавшийся рядом с Константином Николаевичем и Кузнецовой, входили представители различных профессий и сословий. Окружение комплектовалось с обеих сторон. Активное взаимодействие с великим князем продолжали его адъютанты, служащие великокняжеского двора и Павловского городского правления, доверенные сотрудники Морского министерства, деятели искусства, в том числе — члены Императорского русского музыкального общества, покровителем которого великий князь являлся с 1873 г. «Было все очень просто, семейно и мило, — писал П.А. Кусков, — но только нигде великий князь не был так очарователен, как у Анны Васильевны, и нигде, конечно, нельзя было слышать таких интересных рассказов его о себе самом, о своем детстве, об отце, которого он боготворил, о братьях, сестрах — как тоже у Анны Васильевны. Тут, конечно, дело было не в стенах, а в людях: только у Анны Васильевны он чувствовал себя окруженным людьми, которым от него ничего не было нужно и которым поэтому не для чего было лгать перед ним»⁵³.

Пространство частных коммуникаций во многом формировалось благодаря участию преданных великому князю чинов двора и адъютантов, служба которых приравнивалась в воспоминаниях Л.А. Тихомирова к «работе чиновника особых поручений, то есть по всем статьям, какие могут понадобиться начальнику»⁵⁴. Упомянутый выше Ф.В. Сарычев являлся не единственным передаточным звеном в корреспонденции. Находясь на коронации Александра III в Москве, великий князь каждый день отправлял письма Кузнецовой и получал их от нее. Сообщая о том, что император положительно решил вопрос о признании статуса их совместных детей — Марины, Анны, Измаила и Льва⁵⁵, присвоив им фамилию Князевы, Константин Николаевич писал 14 мая 1883 г.: «Записку Набокова⁵⁶ и копию, подписанную им,

⁵² Там же. С. 203.

⁵³ ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1444. Л. 79–80.

⁵⁴ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. Воспоминания. М., 2000. С. 656; *Stadelmann M.* Op. cit. P. 381.

⁵⁵ Первенец Сергей родился в 1874 г. и в следующем году скончался. Именно о нем идет речь в воспоминаниях Д.А. Милютин. См.: Милютин Д.А. Указ. соч. С. 201.

⁵⁶ Дмитрий Николаевич Набоков (1826–1904) — временно управляющий делами канцелярии генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, гофмейстер двора Константина Николаевича в Варшаве, директор Комиссариатского департамента Морского министерства, сенатор, член Государственного совета и министр юстиции в 1878–1885 гг.

я тебе непременно пришлю, но не хочу этого делать по почте, а поручу пакет моему Шестакову⁵⁷, который вместе с Костей (великий князь Константин Константинович. — Я.Д.) отправится обратно в Питер в понедельник или во вторник»⁵⁸.

В письмах Константина Николаевича периода коронационных торжеств в Москве отразились родительские чувства и переживания. Они свидетельствуют о том, что проработка вопроса о статусе внебрачных детей началась еще в 1880 г. и решил он «не вполне в той степени», в какой «имели право ожидать»⁵⁹. Речь идет о содержании указа, проект которого при восшествии на престол Александра III претерпел существенное изменение: детям было даровано не потомственное, а личное дворянство с присвоением фамилии Князеви и отчества по имени отца. «Тебе известно, — писал великий князь К.П. Голенко⁶⁰ 22 декабря 1880 г., — что я имею на своем попечении трех малолетних детей, подкинутых ко мне и принятых мною. Марина подкинута 8-го декабря 1875. ...Ты был ее приемником. Анна подкинута 16 марта 1878 года. ...Восприемником ее был Ф.В. Сарычев. Наконец, Измаил подкинут 1-го августа 1879-го года... Он тоже твой крестник. Ныне, ввиду известных тебе обстоятельств, прошу тебя, этих трех моих воспитанников принять на твое попечение, считать их твоими воспитанниками и заботиться об устройстве их дальнейшей судьбы, принимая те меры, которые признаешь для них полезными»⁶¹.

В мае 1883 г. К.П. Голенко подал личное прошение о статусе детей Александру III⁶². То, что именно он был просителем, подтверждается письмом Константина Николаевича от 14 мая: «Итак, слава Богу, дело сделано!!! Надо ожидать теперь просто формального исполнения, т.е. присылки Голенки формальной, скрепленной копии»⁶³. Несмотря на положительное решение императора, оставалось немало формальностей для деликатного урегулирования вопроса о сословном статусе. «Надо будет еще потолковать с Набоковым, — сообщал великий князь Кузнецовой, — как написать исполнительные бумаги, так чтоб не могло остаться

⁵⁷ Иван Алексеевич Шестаков (1820–1888) — адмирал, управляющий Морским министерством в 1882–1888 гг.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1175. Л. 4.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Константин Петрович Голенко (1823–1884) — морской офицер, управляющий городом Павловск и мызой Стрельна с 1872 г., впоследствии управляющий имениями великого князя Константина Николаевича.

⁶¹ Цит. по: Антонова Н.В. Указ. соч. С. 82.

⁶² Завьялова Л., Орлов. К. Указ. соч. С. 257; Ferrand J. Op. cit. P. 344.

⁶³ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1175. Л. 4.

ни малейшего сомнения насчет личностей, о которых идет речь. Надеюсь, что он найдет такую форму, которая бы это вполне обеспечивала. Я потому про это говорю, что в подписанной бумаге, хотя выставлены все четыре имени, но номера, которые поименованы в бумагах Тезки (К.П. Голенко. — Я.Д.), в ней не прописаны. Так этого оставить, разумеется, нельзя, могут выйти путаницы и недоразумения. Поэтому необходимо, чтоб в исполнительных бумагах этот пробел был пополнен»⁶⁴.

Н.В. Антонова на основании данных метрической книги Никольского собора определяет временем первого упоминания фамилии Князевы 8 декабря 1875 г., когда «был подкинут Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу и принят на его попечение младенец Марина Князева по крестном отце Константиновна»⁶⁵. Несмотря на то что метрические книги фиксировали сословную принадлежность, в них допускалось большое количество неточностей. Это происходило, в частности, потому, что «все сведения чаще всего вносились в метрическую книгу со слов восприемников, в том числе сведения о родителях ребенка»⁶⁶, а определение фамилии «не входило в компетенцию священно-, церковнослужителей, и они не несли за ошибки никакой ответственности»⁶⁷.

Можно утверждать, что использование фамилии было закреплено в 1875 г. записью о новорожденной в метрической книге. Однако главным основанием для присвоения фамилии и отчества воспитанникам, «подкинутым» Константину Николаевичу, явилось высочайшее повеление.

Вышеупомянутые события не нашли отражения в ежедневном журнале о времяпрепровождении великой княгини Александры Иосифовны с момента прибытия великокняжеской четы на коронацию до конца июня 1883 г.⁶⁸ В журнале отсутствуют записи об А.В. Кузнецовой, переписке с ней великого князя или определении статуса ее детей.

С момента появления у великого князя второй семьи коммуникации в его ближайшем окружении начали выстраиваться по территориальному принципу. Вспоминая работу над переводами французских хоров для русской оперы, П.А. Кусков писал: «Эти переводы открыли мне официально двери во дворец великого князя, но так как мне все равно делать там было

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Цит. по: Антонова Н.В. Указ. соч. С. 81.

⁶⁶ Антонов Д.Н., Антонова И.А. Метрические книги России XVIII — начала XX в. М., 2006. С. 168.

⁶⁷ Там же. С. 162.

⁶⁸ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 473.

нечего, то я бывал официально там очень редко. Это дало только великому князю возможность приглашать меня иногда к себе по пятницам, когда часа два перед обедом у него была музыка»⁶⁹. Гостей на музыкальных мероприятиях у великого князя «обыкновенно не было». Константин Николаевич в партии виолончели и приглашенные музыканты исполняли классические произведения камерной музыки. После музыкальной части все, в том числе «случайно приглашенные послушать, приглашались и к столу великого князя» и «пользовались совершенно одинаковым его вниманием»⁷⁰. Среди участников обедов Кусков также упоминал адъютантов Константина Николаевича и его детей с их руководителями. Александра Иосифовна «в эти дни обедала особо, не желая обедать в “подлом” обществе»⁷¹.

И.С. Тургенев в письме П.В. Анненкову в феврале 1882 г. сообщал, что находился с Константином Николаевичем в «приятельских отношениях» и тот привел его «к своей quasi-жене Кузнецовой, с которой он здесь живет *maritalement* (*фр.* — как супруги) — трое детей, а она простая, некрасивая и очень тихая и скромная горничная»⁷². Речь идет о небольшом особняке на Английском проспекте в Санкт-Петербурге, который был приобретен с участком земли Кузнецовой в январе 1876 г. за 64 тысячи рублей (в том числе 22 тысячи рублей, взятые в долг по закладной бумаге Санкт-Петербургского городского кредитного общества). Одноэтажный дом был перестроен в двухэтажный особняк по проекту архитектора И.И. Шапошникова и под руководством главного инспектора по строительной части Морского технического комитета А.Н. Чикалева. Перестройка обошлась в 10 тысяч рублей, к которым добавилось движимое имущество стоимостью 9 тысяч рублей — мебель, картины, книги, фарфор и скульптуры из мрамора⁷³.

Именно этот дом вспоминала его хозяйка с 1892 г. балерина М.Ф. Кшесинская: «Построен он был великим князем Константином Николаевичем для балерины Кузнецовой, с которой он жил... Дом был двухэтажный, хорошо обставленный, и был у него хороший большой подвал. За домом был небольшой сад, обнесенный высоким каменным забором. В глубине были хозяйственные постройки, конюшня, сарай. А позади построек снова был сад, который упирался в стену парка великого князя Алексея Александровича. При переезде в дом я переделала

⁶⁹ ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1444. Л. 78.

⁷⁰ Там же. Л. 79.

⁷¹ Там же.

⁷² Цит. по: Завьялова Л., Орлов К. Указ. соч. С. 255.

⁷³ Антонова Н.В. Указ. соч. С. 80.

Великий князь Константин Николаевич

только спальню на первом этаже, при которой была прелестная уборная. В остальном я оставила дом без изменения»⁷⁴.

Интерьеры особняка на Английском проспекте обустроивались без излишеств и со вкусом. «Два раза, — писал П.А. Кусков, — мне пришлось быть свидетелем разговоров между великим князем и Сорычевым (Ф.В. Сарычевым. — Я.Д.) о том, как раздобыть в одном случае 500 руб., а в другом 900 руб. на покупку для Анны Васильевны понравившихся великому князю — и, может быть, главным образом своей дешевизной, картин: Айвазовского — “Ледокол у Летнего сада” («Ледоколы на Неве в Санкт-Петербурге», 1877 г. — Я.Д.), и Трутовского — “Ночное свидание” (1865 г. — Я.Д.). Недели две шли в обоих случаях разговоры, на какой источник отнести этот расход».

Константин Николаевич и Анна Васильевна проживали не только в Санкт-Петербурге. С мая⁷⁵ они обосновывались на одной из собственных дач великого князя — Ушаковских дачах в Павловске⁷⁶, а также посещали Крым (Ореанда)⁷⁷. Приобретенная в великокняжескую соб-

⁷⁴ Киесинская М.Ф. Воспоминания. М., 1992. С. 41.

⁷⁵ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1175. Л. 13.

⁷⁶ Еще одной дачей, находящейся в собственности великого князя, была так называемая Александрова дача. Эта территория была приобретена Константином Николаевичем в 1879 г. См.: Семенова Г.В. Великокняжеские дачи города Павловска // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы (ОИРУ). 1996. № 2.

⁷⁷ Половцов А.А. Дневник Государственного секретаря. В 2 т. М., 2005. Т. II: 1887–1892. С. 238; Дворянский вестник. 1995. № 7–8 (17–18). С. 7.

ственность в 1868 г. дача находилась «у линии железной дороги между Софийским водопроводом и районом Большой Звезды Павловского парка»⁷⁸. Она строилась по проекту академика архитектуры А.В. Петцольда и реконструировалась по указанию великого князя архитектором И. Потоловым и садовником Ф. Катцером. Некоторые хозяйственные постройки были приспособлены для жилья и сдавались в аренду в летнее время⁷⁹. Летом 1874 г. по предложению Константина Николаевича там поселился П.А. Кусков, вспоминая, что великий князь «хотел даром нам дать помещение», но, встретив отказ, «просто нанял там дачу на общих основаниях с платою по 250 руб. в лето»⁸⁰.

Г.В. Семенова дает в своей статье подробное описание дачной территории: «Главный усадебный дом находился на углу Павловского шоссе и дороги в д. Гуммаласары. Он был деревянным, двухэтажным, на каменном подвальном этаже, с каменной башней высотой в 17 саж. Смежно с домом был устроен зимний сад на каменном фундаменте и 18 чугунных столбах. С помощью галереи дом соединялся с двухэтажным жилым флигелем с мезонином. В числе построек было еще несколько жилых флигелей, конюшни, ферма со скотным двором, каретные сараи, кладовые, прачешная, оранжереи с теплицами. На территории дачи имелись также два вырытых пруда и парк... В огороде устроено 230 гряд под клубнику и землянику, 150 гряд под “огородную овощь”, 360 кустов черной и красной смородины. Для сообщения между домами, а также для прогулок по парку проложили шоссированные щебнем с гравием ездые и пешеходные дороги»⁸¹. Становятся понятными чувства Константина Николаевича, который писал Кузнецовой из Москвы: «Как я вам завидую, что вы теперь там на покое, да в хорошем воздухе, среди молодой свежей зелени! Как бы мне хотелось застать еще в Павловске цвет сирени. Здесь хотя она уже цветет, но, живучи в городе, я ей, разумеется, жуировать не могу. Скажи мне, кому ты поручила смотреть за городским домом, наблюдать за ним? Сговорилась ли с соседским дворником или остановилась на какой-нибудь другой комбинации»⁸².

В письме от 7 июля 1886 г. великий князь сообщал своим внебрачным дочерям Марине и Анне в Ореанду из Павловска о том, что в этом пригороде столицы «очень хорошо при хорошей погоде, парк так хорошо

⁷⁸ Семенова Г.В. Указ. соч. С. 201.

⁷⁹ Там же. С. 202.

⁸⁰ ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1444. Л. 80.

⁸¹ Семенова Г.В. Указ. соч. С. 202.

⁸² ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1175. Л. 13.

пахнет свежим сеном и липой»⁸³. В парке «гуляет много народа, много детей, которые собираются на сетке, у розового павильона и в вокзале от 2 часов до 4, когда там играет военная музыка»⁸⁴. Константин Николаевич встречал «старых знакомых» дочерей — Настю Кеппен и Олю Будзинскую⁸⁵.

Письмо содержит информацию о времяпрепровождении детей, их любимых занятиях, воспитании и образовании, а также о круге общения. Как и законного сына Константина⁸⁶, великий князь учил дочерей составлять «цыдули»⁸⁷ и вести переписку: «Сердечное искреннее спасибо вам, дорогие мои голубушки, дочурки мои милые Мариночка и Нюта, за ваши милые цыдулки от 1-го июля на французском языке. Вы себе и вообразить не можете, какое Вы мне этим доставили удовольствие»⁸⁸. В том же письме отец сообщает детям, что приобрел молитвенники, по которым «можно будет следить за службою в Церквях; купил и книжки для приятного чтения по-русски и по-немецки. При них есть и много хорошеньких и интересных картинок»⁸⁹.

Ушаковские дачи неоднократно фигурировали в переписке П.А. Кускова. В мае 1888 г. он указал в письме В.В. Розанову⁹⁰ свой адрес: «г. Павловск (СПетербургской губернии) на Ушаковские дачи великого князя Константина Николаевича (по Царскосельскому шоссе)»⁹¹. Спустя 14 лет, в мае 1902 г., Кусков информировал О.А. Фрибес, что письма «следует адресовать: Павловск (Царскосельского у.). Главная улица, дача А.В. Князевой»⁹².

С.Ю. Витте вспоминал, что «одной из причин некоторого нерасположения со стороны императора Александра III к великим князьям Константину Николаевичу и Николаю Николаевичу было то, что эти

⁸³ Дворянский вестник. 1995. № 7–8 (17–18). С. 7.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Вопрос о важности корреспонденции с членами семьи и значении корректного составления «цыдуль» поднимался в переписке Константина Николаевича с Константином Константиновичем в 1876–1877 гг., когда последний совершал плавание на фрегате «Светлана» под руководством великого князя Алексея Александровича. См.: ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 114. Л. 6 об., 19, 19 об.

⁸⁷ Ироничное значение для семантического определения записки или письма.

⁸⁸ Дворянский вестник. 1995. № 7–8 (17–18). С. 7.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Василий Васильевич Розанов (1856–1919) — религиозный философ, литературный критик, переводчик и публицист.

⁹¹ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 507. Л. 12.

⁹² РГАЛИ. Ф. 2168. Оп. 1. Д. 13. Л. 40 об.

великие князья обзавелись побочными семьями, побочными женами из балета, и с этими балетчицами они жили совершенно *maritalement*»⁹³. Проживая в Крыму, Константин Николаевич представлял А.В. Кузнецову знакомым со словами: «В Петербурге у меня казенная жена, а здесь собственная»⁹⁴. Ю.А. Сафронова отмечает, что «после смерти императрицы (Марии Александровны. — Я.Д.) А.А. Киреев предсказывал не только новый брак Александра II, но и “радость” по этому поводу его братьев, которые в случае смерти своих жен поступят точно так же»⁹⁵. При этом он ссылался на высказывание самого Константина Николаевича. В дневнике 25 мая 1880 г. Киреев записал: «...Оба ночевать к своим содержанкам, это возмутительно глупо! Государь, правда, поступает не лучше»⁹⁶. Жизнь с Кузнецовой и детьми от нее мемуарист ассоциировал с пасторальными аксессуарами: «соломенной пастушеской шляпой, свирелью и барашками, пасомыми пастушками»⁹⁷.

Вопрос о правах и статусе потомства, которое не признавалось частью императорской фамилии, но было связано с ней родством, вызывал дискуссии с 1820-х гг. — с момента женитьбы великого князя Константина Павловича на Иоанне Грудзинской и появления в династическом законодательстве Российской империи нормы о морганатических браках членов правящей династии и их потомстве⁹⁸.

Для будущего Александра III потрясением явились морганатический брак отца-императора с княгиней Е.М. Юрьевской (Долгоруковой) и поведение новой супруги «в смысле каких-то отношений ее с различными дельцами, добыча в пользу этих дельцов различных концессий и льгот»⁹⁹. Источники не позволяют говорить о подобных злоупотреблениях положением Кузнецовой. Кусков писал, что как только стало заметно внимание, «которое оказывали Константин и Николай Кузнецовой и Числовой, так их услужливое начальство стало их назна-

⁹³ *Витте С.Ю.* Воспоминания. В 3 т. М., 1960. Т. I: Детство. Царствования Александра II и Александра III. С. 423.

⁹⁴ *Половцов А.А.* Указ. соч. С. 238. Встречается и несколько иная редакция: «В Петербурге у меня казенная жена, а здесь — законная». См.: *Андреев В.Е.* Семейный конфликт (к вопросу о взаимоотношениях императора Александра III и великого князя Константина Николаевича) // Император Александр III и императрица Мария Федоровна. СПб., 2006. С. 18.

⁹⁵ *Сафронова Ю.А.* Указ. соч. С. 247.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же. С. 247–248.

⁹⁸ См.: *Барташев Д.С.* Династическое законодательство... С. 491–504.

⁹⁹ *Витте С.Ю.* Указ. соч. С. 405.

чать, и всегда ту и другую вместе, во всякие аллегри и благотворительные базары наравне с первыми красавицами французской, немецкой балетной и прочих театральных трупп»¹⁰⁰. По данным «Материалов по истории русского балета», после окончания училища А.В. Кузнецова была определена в балетную труппу «с окладом в 400 руб. и единовременным пособием в 40 р.», затем «в 1868 г. ее оклад был увеличен до 600 р., в 1869 г. — до 700 р., в 1873 г. — до 800 руб. Дважды была за границей, получая отпуска с сохранением содержания, дважды получала длительные отпуска “для лечения ног”. В 1875 г. получила пенсию в размере 800 руб. и вышла в отставку»¹⁰¹. После 27 лет совместной жизни с Константином Николаевичем у Кузнецовой и их детей в качестве наследства остались дача в Павловске, личное дворянство и фамилия Князевы¹⁰².

Отношения великого князя с А.В. Кузнецовой стали причиной внутреннего кризиса в великокняжеском семействе и импульсом для изменений в Доме Романовых. Они повлияли на великую княгиню Александру Иосифовну и привели к холодности Константина Николаевича в общении с законными детьми¹⁰³. Серьезным вызовом для него и его младших братьев — Николая и Михаила явилась реформа Александра III в области династического законодательства. Поводом к ее проведению послужило ожидание в 1880-х гг. появления первых представителей следующего поколения правящего дома — правнуков императора Николая I, а именно первенцев великого князя Константина Константиновича¹⁰⁴. Перспектива ограничения их прав была воспринята в Мраморном дворце с возмущением, Константин Николаевич и Александра Иосифовна были «положительно в бешенстве»¹⁰⁵. Великий князь писал, что это «есть прямое нарушение принесенной присяги и есть прямое лишение прав состояния, есть проявление Самодержавия в самой дикой форме: нраву моему не препятствуй!»¹⁰⁶. Константин Константинович писал в дневнике: «Это произвело целую

¹⁰⁰ ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1444. Л. 73.

¹⁰¹ 200 лет Ленинградского Государственного хореографического училища... Т. I. С. 243.

¹⁰² Завьялова Л., Орлов К. Указ. соч. С. 267; Шумков А.А. Указ. соч. 1994. С. 4; Ferrand J. Op. cit. P. 344.

¹⁰³ Завьялова Л., Орлов К. Указ. соч. С. 258—260.

¹⁰⁴ Барташев Д.С. Династическое законодательство... С. 494, 496.

¹⁰⁵ Половцов А.А. Указ. соч. Т. I. С. 308.

¹⁰⁶ Цит. по: Барташев Д.С. Династическое законодательство... С. 496.

бурю. Мои родители были в сильном негодовании. Что же касается меня, то я принял эту новость совершенно спокойно и нимало не считал себя обиженным... Я думаю, этот новый закон имеет даже весьма мудрое основание»¹⁰⁷.

Рассмотренные контексты семейной жизни великого князя Константина Николаевича позволяют уяснить характерные изменения «в представлениях о себе и своем статусе», «отход от традиционных представлений о роли, обязанностях и поведении членов династии»¹⁰⁸. Наблюдения современников, дневники и переписка сыновей Николая I Александра, Константина и Николая фиксируют динамику соотношения частного и публичного в семейной жизни представителей правящей династии. В 1860–1880-е гг. в Доме Романовых произошел резкий рост внебрачных и морганатических связей, чему немало способствовал Константин Николаевич. Как отмечал В.Е. Андреев, «великий князь, очень высоко ценивший положение представителя императорского дома в обществе, в этом вопросе не считает эту любовную связь чем-то из ряда вон выходящим явлением, а говорит об этом как о предмете совершенно естественном и, можно сказать, нормальном»¹⁰⁹. Однако внебрачные отношения Константина Николаевича «стали скандалом»: «Тот факт, что он самоотверженно заботился о своей второй семье, еще больше усиливал невыносимость — чисто сексуальные отношения были бы приняты гораздо любезнее»¹¹⁰.

Процессы фрагментации личного пространства, изменения ближайшего окружения и сосуществования двух семей великого князя совпали с масштабными изменениями в Российской империи «между смертью железного правителя Европы Николая I и вступлением на престол его несчастного правнука, последнего Императора Всероссийского Николая II»¹¹¹. Происходило «решительное расширение границ допустимого поведения для представителей рода»¹¹², когда «многие члены царствующего дома вышли из всякой дисциплины и из понимания того

¹⁰⁷ Там же. С. 496–497.

¹⁰⁸ *Феофанова Н.С.* Династические связи Российской императорской фамилии // *Границы в пространстве прошлого: социальные, культурные, идейные аспекты.* Тверь, 2007. С. 108.

¹⁰⁹ *Андреев В.Е.* Указ. соч. С. 18.

¹¹⁰ *Stadelmann M.* Op. cit. P. 421.

¹¹¹ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 39.

¹¹² *Феофанова Н.С.* Указ. соч. С. 109.

положения, что они должны служить своим поведением примером для общества»¹¹³.

Частная жизнь великого князя может быть разделена на два периода: с 1848 г. до середины 1860-х гг. — время равнородного супружества Константина Николаевича с великой княгиней Александрой Иосифовной; с середины 1860-х гг. до 1892 г. — промежуток, когда помимо законной семьи у Константина Николаевича существовала семья с Кузнецовой. 1860–1870-е гг. явились рубиконом для семейной жизни великого князя: в июле 1862 г., в Варшаве, у великокняжеской четы родился младший наследник — Вячеслав, а в 1874 г. у Константина Николаевича появилось внебрачное потомство от А.В. Кузнецовой — старший сын Сергей.

Знакомство великого князя с балериной можно датировать 1865 г. С этого момента наблюдается перестройка коммуникаций в ближайшем окружении Константина Николаевича. Параллельное существование двух типов семейного уклада или «политических устройств»¹¹⁴ семьи явилось одной из предпосылок радикальной трансформации ближайшего круга великого князя в 1860–1870-е гг. Если со второй половины 1840-х до середины 1860-х гг. окружение великого князя формировалось на основе патрон-клиентских отношений и рекрутации кадров для государственных преобразований, то позднее происходит синхронное конструирование обособленного приватного пространства, контуры которого складывались в русле взаимоотношений Константина Николаевича с Анной Васильевной Кузнецовой.

¹¹³ *Витте С.Ю.* Указ. соч. С. 423.

¹¹⁴ *Ретина Л.П.* Указ. соч. С. 11.

REFERENCES

1. 200 let Leningradskogo Gosudarstvennogo horeograficheskogo uchilishcha. Materialy po istorii russkogo baleta: 1738–1938 / Sost. M. Borisoglebskij. V 2 t. T. I: Proshloe baletnogo otdeleniya Peterburgskogo teatra'nogo uchilishcha nyne Leningradskogo gosudarstvennogo horeograficheskogo uchilishcha. Leningrad: Leningr. gos. horeografich. uchilishche, 1938. 380 p.
2. *Andreev V.E.* Family conflict (on the issue of the relationship between Emperor Alexander III and Grand Duke Konstantin Nikolaevich) // Emperor Alexander III and Empress Maria Feodorovna: Materials of the scientific conference. Collected papers. [Semejnij konflikt (k voprosu o vzaimootnosheniyah imperatora Aleksandra III i velikogo knyazya Konstantina Nikolaevicha) // Imperator Aleksandr III i imperatrica Mariya Fedorovna: Materialy nauch. konf. Sb. statej] Saint-Petersburg: Profi-Centr, 2006. P. 3–22.
3. *Anisimov E.V.* Prisoners of fate. [Plennicy sud'by] Saint-Petersburg: Piter, 2007. 368 p.
4. *Antonov D.N., Antonova I.A.* Parish books of Russia in the 18th – early 20th centuries. [Metrichekie knigi Rossii XVIII – nachala XX v.] Moscow: RGGU, 2006. 194 p.
5. *Antonova N.V.* From the history of house 18 on English Avenue // Proceedings of the State Museum of History of St. Petersburg. [Iz istorii doma 18 po Anglijskomu prospektu // Trudy gosudarstvennogo muzeya istorii Sankt-Peterburga] 2007. Iss. 14. P. 79–91.
6. *Bartashev D.S.* Dynastic legislation of Emperor Alexander III // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. [Dinasticheskoe zakonodatel'stvo imperatora Aleksandra III // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki] 2022. T. 27. Iss. 2. P. 491–504.
7. *Bartashev D.S.* The problem of homogeneity and morganatic marriages in the Russian imperial family // Clio. [Problema ravnorodnosti i morganaticheskie braki v Rossijskoj imperatorskoj familii // Klio] 2021. Iss. 2. P. 62–71.

8. Dnevniky velikogo knyazya Konstantina Nikolaevicha. 1858—1864. Moskva: Politicheskaya enciklopediya, 2019. 726 p.
9. Feofanova N.S. Dynastic connections of the Russian imperial family // Borders in the space of the past: social, cultural, ideological aspects: Collected papers. [Dinasticheskie svyazi Rossijskoj imperatorskoj familii // Granicy v prostranstve proshlogo: social'nye, kul'turnye, idejnye aspekty. Sb. statej] Tver': TvGU, 2007. In 3 vol. Vol. III. P. 101—111.
10. Ferrand J. Descendances naturelles des souverains et grands-ducs de Russie de 1762 à 1910. Répertoire Généalogique. Paris, 1995. 413 p.
11. State Archive of Russian Federation (GA RF). F. 722 (Konstantin Nikolaevich). Op. 1. D. 1175.
12. Gubastov K.A. Genealogical information about Russian noble families descended from extramarital unions. Directory. [Genealogicheskie svedeniya o russkih dvoryanskikh rodah, proizoshedshih ot vnebrachnyh soyuzov. Spravochnik] Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2003. 194 p.
13. History of private life: ed. F. Ariez and J. Duby. In 5 vol. Vol. I: from the Roman Empire to the beginning of the second millennium; Vol. IV: from the Great French Revolution to World War I. [Istoriya chastnoj zhizni: pod obshchej red. F. Ar'esa i Zh. Dyubi. V 5 t. T. I: ot Rimskoj imperii do nachala vtorogo tysyacheletiya; T. IV: ot Velikoj francuzskoj revolyucii do I Mirovoj vojny] Moscow: New Literary Review, 2020 (Vol. I), 2018 (Vol. IV). 800 p., 672 p.
14. Kochetova E.B. Pages of the family history of Grand Duke Konstantin Nikolaevich. New documents // Museums of Russia: searches, research, work experience. [Stranicy semejnoj istorii velikogo knyazya Konstantina Nikolaevicha. Novye dokumenty // Muzei Rossii: poiski, issledovaniya, opyt raboty] 2005. Iss. 8.
15. Kshesinskaya M.F. Vospominaniya. Moskva: Izd-vo «Artist. Rezhisser. Teatr», 1992. 414 p.
16. Kuz'min Yu.A. Memoirs of P.A. Kuskov about Grand Duke Konstantin Nikolaevich. Second half of the 19th century // Historical archive. [Vospominaniya P.A. Kuskova o velikom knyaze Konstantine Nikolaeviche. Vtoraya polovina XIX v. // Istoricheskij arhiv] 2008. Iss. 4. P. 157—196; Iss. 5. P. 188—206.
17. Loubat J.F. Narrative of the Mission to Russia, in 1866, of the Hon. Gustavus Vasa Fox, Assistant-Secretary of the Navy, from the Journal and Notes of J.F. Loubat. New York: D. Appleton and Company, 1873. 444 p.
18. Manuscript Department of Russian National Library (OR RNB). F. 650 (Romanovy. Imperatorskij dom. Sobranie.). Op. 1. D. 1444.

19. *Medvedkova M.M.* Additions and corrections to the article by S.A. Sapozhnikov // Historical genealogy. [Dopolneniya i ispravleniya k stat'e S.A. Sapozhnikova // Istoricheskaya genealogiya] 1994. Iss. 3. P. 4–5.
20. *Milyutin D.A.* Dnevnik D.A. Milyutina. V 4-h t. T. I: 1873–1875. Moskva: Gos. ordena Lenina b-ka SSSR im. V.I. Lenina. Otd. rukopisej, 1947. 256 p.
21. *Noskov V.V.* American diplomats in St. Petersburg during the era of the Great Reforms. [Amerikanskije diplomaty v Sankt-Peterburge v epohu Velikih reform] Saint-Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2018. 832 p.
22. *Patrusheva N.G.* Censorship and the press in Russia in the late 1860s – early 1880s. (History of censorship counter-reform) // Solanus. New Series. [Cenzura i pechat' v Rossii v konce 1860-h – nachale 1880-h gg. (Istoriya cenzurnoj kontrreformy) // Solanus. New Series] 1997. Vol. 11. P. 63–89.
23. Pis'ma velikogo knyazya Konstantina Nikolaevicha k A.V. Kuznecovoj, M.K. i A.K. Knyazevym // Dvoryanskij vestnik. 1993. № 2 (3). P. 4; 1994. № 2 (5). P. 6; № 4–5 (7–8). P. 5; № 6 (9). P. 7; 1995. № 7–8 (17–18). P. 7.
24. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). Sobr. 2-e. T. 43. Ch. I. № 45973. 14 iyunya 1868. Vysochajshe utverzhdennoe polozhenie Komiteta Ministrov, ob'yavlennoe Senatu ministrom vnutrennih del 24-go togo zhe iyunya. Otnositel'no roznichnoj prodazhi periodicheskikh izdanij na ulicah, ploshchadyah i v drugih publichnyh mestah i torgovyh zavedeniyah.
25. *Polovcov A.A.* Dnevnik Gosudarstvennogo sekretarya. V 2 t. Tom II: 1887–1892. Moskva: ZAO Centrpoligraf, 2005. 639 p.
26. *Popova G.A.* «Better happy than profitable». Morganatic marriage of Duke G.G. Mecklenburg-Strelitzky // The last Romanovs and imperial residences at the end of the 19th – beginning of the 20th century: Materials of the scientific conference. Collected papers. [«Luchshe schastlivo, chem vygodno». Morganaticheskij brak gercoga G.G. Meklenburg-Strelickogo // Poslednie Romanovy i imperatorskie rezidencii v konce XIX – nachale XX veka. Materialy nauch. konf. Sb. Statej] Saint-Petersburg: OOO Ales, 2009. P. 151–172.
27. *Repina L.P.* From «household affairs» to «state affairs»: gender and power in a historical context // Dialogue with time. [Ot «domashnih del» k «delam gosudarstva»: gender i vlast' v istoricheskom kontekste // Dialog so vremenem] 2007. Iss. 19. P. 5–27.
28. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). F. 419 (Rozanov Vasilij Vasil'evich (1856–1919) – publicist, literaturnyj kritik). Op. 1. D. 507.

29. RGALI. F. 2168 (Fribes Ol'ga Aleksandrovna (psevd. I.A. Danilov; [1861]–1922) – pisatel'nica). Op. 1. D. 13.
30. Russian State Archive of the Navy (RGA VMF). F. 224 (Konstantin Nikolaevich, velikij knyaz', general-admiral (1827–1892 gg.)). Op. 1. D. 323, 364.
31. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 537 (Pridvornaya kontora vel. kn. Aleksandry Iosifovny MIDv). Op. 1. D. 473.
32. *Safronova Yu.A.* Ekaterina Yuryevskaya. A novel in letters. [Ekaterina Yur'evskaya. Roman v pis'mah] Saint-Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2017. 404 p.
33. *Sapozhnikov S.A.* The offspring of Grand Duke Konstantin Nikolaevich from A.V. Kuznetsova // Historical genealogy. [Potomstvo velikogo knyazyza Konstantina Nikolaevicha ot A.V. Kuznecovoj // Istoricheskaya genealogiya]. 1993. Iss. 2. P. 22–25.
34. *Semenova G.V.* Grand-ducal dachas of the city of Pavlovsk // Russian estate. Collection of the Society for the Study of Russian Estates (OIRU). [Velikoknyazheskie dachi goroda Pavlovsk // Russkaya usad'ba. Sbornik Obshchestva izucheniya russkoj usad'by (OIRU)]. Moscow, 1996. Iss. 2 (18). P. 197–203.
35. *Shumkov A.A.* About the nobility of the Knyazevs // Historical genealogy. [O dvoryanstve Knyazevyh // Istoricheskaya genealogiya] 1994. Iss. 3. P. 4–5.
36. *Shumkov A.A.* About the nobility of the Princes // Noble Bulletin. [O dvoryanstve Knyazevyh // Dvoryanskij vestnik] 1995. Iss. 9 (19). P. 7.
37. *Sokolov A.S.* Morganatic marriages of the Romanovs in the second half of the 19th–20th centuries: «social elevator» for unequal spouses and the loss of dynastic status by their descendants // Genealogical Bulletin. [Morganaticheskie braki Romanovyh vtoroj poloviny XIX–XX v.: «social'nyj lift» dlya neravnorodnyh suprug i utrata dinasticheskogo statusa ih potomkami // Genealogicheskij vestnik] 2021. Iss. 64. P. 120–125.
38. *Stadelmann M.* Grobfürst Konstantin Nikolaevič. Der persönliche Faktor und die Kultur des Wandels in der russischen Autokratie. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. 470 p.
39. GA RF. F. 660 (Konstantin Konstantinovich). Op. 2. D. 114.
40. *Tihomirov L.A.* Teni proshlogo. Vospominaniya. Moskva: Izd-vo zhurnala «Moskva», 2000. 720 p.
41. Velikij knyaz' Aleksandr Mihajlovich. Kniga vospominanij. Moskva: Sovremennik, 1991. 271 p.

42. *Vitte S.Yu.* Vospominaniya. V 3-h t. T. I: (1849–1894). Detstvo. Carstvovaniya Aleksandra II i Aleksandra III. Moskva: Izd-vo social'no-ekonomicheskoy literatury, 1960. 556 p.
43. *Zav'yalova L., Orlov K.* Grand Duke Konstantin Nikolaevich and the Grand Dukes Konstantinovich: Family history. [Velikij knyaz' Konstantin Nikolaevich i velikie knyaz'ya Konstantinovich: Istoriya sem'i] Saint-Petersburg: Vita Nova, 2009. 608 p.

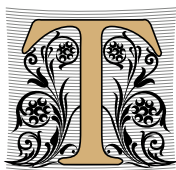

Ключевые слова:

великий князь Константин Николаевич, великая княгиня Александра Иосифовна, Анна Васильевна Кузнецова, Князевы, ближайшее окружение, Дом Романовых.

Ian R. Dziubinskii

TWO FAMILIES OF GRAND DUKE KONSTANTIN NIKOLAEVICH IN THE FORMATION OF HIS INNER CIRCLE

The article examines the influence of the long relationship between Grand Duke Konstantin Nikolaevich (1827–1892) and the ballerina Anna Vasilievna Kuznetsova (1844–1922) on the transformation of the inner circle of the emperor's brother and a major statesman. Basing on a wide range of archival sources from the State Archive of the Russian Federation (GA RF), the Russian State Archive of the Navy (RGA VMF), the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI), the Russian State Historical Archive (RGIA), the Manuscript Department of the Russian National Library (OR RNB), we aim to analyze the reconstruction of communications and the formation of a special private space as a new family was formed in the 1860s–1870s. Due to adultery we concern the history of the legal marriage of Konstantin Nikolaevich with the Grand Duchess Alexandra Iosifovna (1830–1911) and more particularly the gender roles in this marital union. The question is raised about A.V. Kuznetsova's activity outside the sphere of private life. The article contains material on the history of everyday life, family history and private life, gender roles. Less known aspects of the biography of the Grand Duke are presented in the context of serious changes in the way of life of the Romanov dynasty in the post-reform period.

Keywords: Grand Duke Konstantin Nikolaevich, Grand Duchess Alexandra Iosifovna, A.V. Kuznetsova, Knyazevs, Inner Circle, House of Romanovs.

Ian R. Dziubinskii — Researcher, Lecturer, HSE University.

 Дзюбинский Ян Ростиславович

исследователь, преподаватель, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»

SPIN-код: 9560-0679

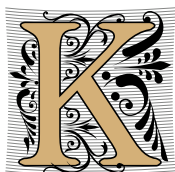
ORCID: 0000-0003-4088-6881

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.50.002

Н.А. Заяц, А.С. Редькин

5-я СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ПОДГОТОВКЕ И ПРОВЕДЕНИИ КРАСНОУФИМСКОЙ ОПЕРАЦИИ (ИЮНЬ—ИЮЛЬ 1919 г.)

середине июня 1919 г. стратегическая инициатива на Восточном фронте окончательно перешла к командованию Красной армии. В ходе наступления 3-я и 2-я армии успешно провели операции по взятию Перми и Кунгура (21 июня — 1 июля 1919 г.), а 5-я армия — Златоуста (24 июня — 13 июля 1919 г.). Данные операции хорошо изучены еще в советское время, особенно — Златоустовская. Ей посвящены работы С.М. Белицкого¹, Г.Х. Эйхе², А. Смирнова³ и др. Вместе с тем событиям того же периода на участке выше по течению реки Уфы до г. Красноуфимска внимания почти не уделено. Красноуфимская наступательная операция (1–5 июля 1919 г.) и предшествовавшие ей боевые действия на территории Красноуфимского уезда (27–30 июня 1919 г.) в целом остались незаслуженно забытыми. В ряде ранее выпущенных изданий были опубликованы лишь отрывочные сведения, посвященные наступлению

¹ Белицкий С.М. Златоустовская операция (Стратегический очерк) // Сборник трудов Военно-научного общества при Военной академии. Кн. 4. 1923. С. 5–35.

² Эйхе Г.Х. Тактические поучения гражданской войны. М., 1931.

³ Смирнов А. Златоустовская операция (Оперативно-тактический очерк) // Война и революция. 1933. Ноябрь—декабрь. С. 63–74.

Красноуфимск. Дореволюционная открытка

2-й армии в июне — июле 1919 г. Упоминалась в основном лишь дата взятия города 5-й стрелковой дивизией красных — 4 июля 1919 г. Предлагаемое исследование призвано восполнить этот существенный пробел.

Так как эта операция не исследовалась, авторы самостоятельно выделили при изучении следующие ее этапы: 1) начало операции, выразившееся в боях 1–2 июля при продвижении от линий рек Ирень и Сарс к Красноуфимску; 2) выход 5-й дивизии на подступы к Красноуфимску и на линию реки Уфы 3 июля; 3) решающий день операции, бои за город в окрестностях Красноуфимска и Нижне-Саранинского завода 4 июля; 4) закрепление успеха 5-й дивизией и отход белых на следующую линию 5 июля. Ниже они описаны в хронологическом порядке.

Со стороны РККА в операции были задействованы 5-я и 28-я стрелковые дивизии 2-й армии, а также некоторое время 35-я дивизия 5-й армии. 2-й армией командовал еще с осени 1918 г. бывший полковник В.И. Шорин. Части 2-й армии после мартовско-апрельских поражений к тому времени восстановили свою боеспособность и были в удовлетворительном состоянии, «брожений» и разложения среди как рядовых, так и командиров не было⁴.

⁴ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 115. Л. 173 об.

Василий Иванович Шорин

Наибольшая роль во взятии Красноуфимска принадлежит 5-й стрелковой дивизии, поэтому вкратце опишем ее состояние накануне боев. С 12 июня 1919 г. дивизию возглавлял бывший полковник 40-го пехотного Кольванского полка, кавалер Георгиевского оружия В.Ф. Карпов. Должность военного комиссара занимал Ф.Я. Габишев, обязанности начальника штаба временно исполнял М.Ф. Гаврилин. В ее состав входили: 1-я бригада (37, 38, 39-й стрелковые полки), 3-я бригада (43, 44, 45-й), два отдельных кавалерийских дивизиона при каждой бригаде, 2-й легкий артиллерийский дивизион (4, 5, 6-я батареи по 4 орудия) и батальон связи. На 1 июля 1919 г. в составе действующей дивизии, учитывая мелкие вспомогательные подразделения, состояло: 587 человек командного состава, 10 258 красноармейцев, 4631 стрелок, 1926 лошадей, 8075 винтовок, 78 пулеметов, 12 орудий и 8 бомбометов⁵. В среднем численность штыков в полках красных дивизий 2-й армии превышала таковую в полках сибирских дивизий белых, в массе своей поредевших после боев и дезертирства.

По меркам времени полки дивизии были неплохо снабжены, что отметила и разведка противника: «Снаряжение солдат хорошее, новое, но солдаты обращаются крайне небрежно, отчего много теряет оно в качестве. Обмундирование выдается новое или малоношеное перед отправлением на фронт, у убитых и раненых приходится отбирать запасные смены белья. Шинели у большинства новые или малоношеные. Сапоги и ботинки у всех, и почти не встречаются солдаты в лаптях.

⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 142. Л. 12 об.—13, 19.

Владимир Федорович Карпов

На пищу солдаты не жалуются и получают ее в достаточном количестве... Солдаты вооружены трехлинейными винтовками, по большей части кавалерийскими... В полках неодинаковое число пулеметов... Пулеметы по большей части новые. Систем больший процент “Максима”, меньший “Кольта”. Запасные части берутся при пулеметах»⁶.

Наименее устойчивым в боевом и политическом отношении был 44-й полк⁷, который в дни проведения Красноуфимской операции был в армейском резерве и двигался позади действующих частей. Также имелись проблемы с конницей, артиллерией и саперами. Кавдивизион 1-й бригады фактически был неполным эскадроном, но активно участвовал в боях. Дивизион 3-й бригады из-за недостатка лошадей и вовсе не мог воевать. Во 2-м арtdивизионе отмечалось плохое снабжение оружием, обувью и продовольствием⁸. Положенные по штату 1-й легкий артиллерийский дивизион и гаубичная батарея 48-линейных орудий были в стадии формирования и прибыли на фронт позже. При каждой бригаде были немногочисленные отдельные саперные роты, формирование которых было начато в Симбирске, но заканчивать его пришлось с мая 1919 г. уже в составе 2-й армии⁹. На фронте они сыграли большую роль при форсировании дивизией рек.

⁶ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 72. Л. 93–93 об.

⁷ Там же. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 115. Л. 21.

⁸ Там же. Л. 174.

⁹ Там же. Ф. 106. Оп. 4. Д. 369. Л. 198 об.–199.

Генерал Петр Петрович Гривин

Еще в начале июня дивизия сосредоточилась в Сарапуле, а утром 11 июня ее 3-я бригада на судах Волжской флотилии первой переправилась на левый берег Камы и попала на фронт. Ось наступления была направлена к Красноуфимску вдоль железной дороги Казань — Екатеринбург. Согласно приказу командующего Восточным фронтом С.С. Каменева от 21 июня 1919 г. дивизия выдвигалась в район ст. Щучье Озеро для овладения за 5–10 дней районом пересечения железной дороги Сарапул — Красноуфимск и тракта Явгельдино — Кунгур. Для связи с ней соседняя 5-я армия должна была выделить не менее одной дивизии (ей стала 35-я стрелковая)¹⁰. Следующей целью 2-й армии назначено было овладение обширным районом Кунгур — Красноуфимск¹¹.

В сторону Красноуфимского уезда с боями отступал 4-й Сибирский корпус генерал-майора П.П. Гривина (Петериса Гривиньша) в составе 3-й и 15-й Сибирских дивизий, а также отдельной Красноуфимской бригады. С 12 июня 1919 г. части корпуса действовали в основном совместно с двумя дивизиями Сводного Ударного Сибирского корпуса¹². Отступая, части 4-го и Ударного корпусов Южной группы Сибирской армии вышли к р. Туй, а затем на более подготовленную оборонительную линию вдоль рек Ирень и Сарс. Истоки этих рек находятся рядом как раз на участке железной дороги между станциями Щучье Озеро и Чад. В даль-

¹⁰ Смирнов А. Златоустовская операция (Оперативно-тактический очерк) // Война и революция. 1933. Ноябрь—декабрь. С. 68.

¹¹ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922). М., 1972. Т. 2. С. 715.

¹² РГВА. Ф. 39922. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

нейшем, из-за сложившейся ситуации, белые будут вынуждены под прикрытием арьергардов выйти еще восточнее, к рекам Уфа, Бисерть и Ут. Севернее Казанбургской железной дороги отступала с боями 3-я Сибирская (Иркутская) дивизия, вдоль нее — 1-я и 2-я Ударные дивизии и южнее — 15-я Сибирская дивизия. Крайний левый фланг Сибирской армии прикрывала Красноуфимская бригада поручика А.С. Рычагова, которая 25 июня была выведена из корпусного резерва и заняла оборону у с. Тюно-Озеро. 26 июня она уже сдерживала атаку частей 5-й армии красных¹³.

Обе дивизии 4-го корпуса были четырехполкового состава. В 3-й Иркутской дивизии: 9-й Иркутский, 10-й Байкальский, 11-й Нижнеудинский и 12-й Верхнеудинский; в 15-й Сибирской — 57-й Павлодарский, 58-й Акмолинский, 59-й Саянский и 60-й Бугурусланский. В мае — июне 1919 г. в дивизиях было в среднем по 10–12 пулеметов на полк и 60–80 чел. на роту, к концу июня эти цифры уменьшились почти вдвое. Обычно каждый из полков сопровождали 2–3 орудия из артиллерийского дивизиона. Все пленные хором жаловались на полное отсутствие снабжения и обмундирования, из-за чего полки снабжались, по сути, грабежами — а точнее, бесконтрольными реквизициями крестьян и поголовным обиранием военнопленных. В относительном недостатке дивизии были снабжены только винтовками и патронами. Неудивительно, что среди солдат были распространены утомление, ропот и недовольство и развивалось настроение в пользу красных¹⁴. Данное состояние было типично для большинства частей Сибирской армии летом 1919 г., хотя некоторые подразделения, в составе которых еще оставались добровольцы, сражались невзирая на лишения.

В состав отдельной Красноуфимской бригады входили 1-й Красноуфимский и 2-й Кыштымский стрелковые полки шестиротного состава, Красноуфимский стрелковый артиллерийский дивизион и Ачитский кавалерийский дивизион. В общей сложности бригада насчитывала: 1250 пштыков, 350 сабель, 23 пулемета, 2 орудия¹⁵.

Прежде чем перейти к описанию Красноуфимской операции, остановимся на предшествовавших ей военных действиях 27–30 июня 1919 г. — боях в районе железной дороги Казань — Екатеринбург и на линиях рек Тюй, Ирень и Сарс.

¹³ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 59. Л. 193, 196 об.

¹⁴ Там же. Ф. 169. Оп. 2. Д. 12. Л. 22, 25 об., 44 об., 66.

¹⁵ Боевой состав Сибирской армии по состоянию к 23 июня 1919 г. // Белая гвардия. Альманах. 2001. №5. С. 147.

27 июня, преследуя белых, 1-я бригада 5-й дивизии наступала слева, а 3-я бригада — справа от ж/д полотна. 43-й полк изначально числился в армейском резерве и двигался позади. В этот день на участке дивизии белые оказывали самое упорное сопротивление в районе железной дороги, но под давлением отходили на заранее укрепленные позиции за р. Тюй¹⁶. Ударному Сибирскому корпусу было приказано оборонять участок по левому берегу р. Тюй от Тюинского завода до устья р. Агарзинка по обе стороны железной дороги. Здесь располагались части 1-й (3-го полка) и 2-й (2-го полка) Ударных дивизий; справа от ударников находилась 3-я Сибирская дивизия, а слева — 15-я¹⁷.

Несмотря на то, что части Ударного корпуса пользовались расположением самого командарма Гайды, на фронт они спешно вышли в середине мая 1919 г. недоформированными, хотя обмундирование было новым, английским. После неудачных боев в конце мая — июне корпус значительно поредел. По опросам пленных красные узнали, что к концу июня 1-й Ударный полк состоял из четырех рот (а на самом деле из шести) общим числом в 300–350 чел., и у него имелось всего лишь 3 станковых пулемета (2 системы «Максим», причем один неисправный, и 1 системы «Виккерс»), хотя недостатка в патронах не было. Положение во 2-м и 3-м полках было не лучше. При полках 1-й Ударной дивизии также действовали 3 взвода саперов инженерного дивизиона и команда подрывников в 30 чел. при штабе 4-го корпуса. Ударники были мобилизованными и воевать не хотели¹⁸.

Видимо, понимая недостаточность этих сил, 28 июня командование приказало Ударному корпусу отойти в ночь на 29 июня за р. Ирень и занять участок от д. Енапаева до д. Тавда¹⁹. Вместе с ним к р. Сарс в район с. Петропавловское отступала и 15-я Сибирская дивизия. Следом за ними двигалась 5-я дивизия красных, которая 28 июня переправилась через Тюй и стала занимать населенные пункты Ильинское, Текловка, Атряш, Тюинский завод, Ольховка, Казанцево, двигаясь на участок д. Щучье Озеро — д. Егашка и на д. Малая Тарта. Много труда и времени уходило на восстановление уничтоженных белыми переправ. Полки поэтому старались максимально часто переправляться вброд, чтобы не дать противнику задержаться. К вечеру 29 июня части 5-й дивизии заняли оставленные ударниками деревню

¹⁶ РГВА. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 493. Л. 3.

¹⁷ Там же. Ф. 40010. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.

¹⁸ Там же. Ф. 169. Оп. 2. Д. 12. Л. 522.

¹⁹ Там же. Ф. 40010. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.

Леонид Ильич Верман

и станцию Щучье Озеро, а также д. Атерский Ключ, войдя, таким образом, в пределы Красноуфимского уезда²⁰. С левого фланга наступление поддерживала 35-я дивизия под командованием Л.И. Вермана, однако после выхода частей Карпова в район Щучье Озеро она постепенно освобождалась от этой задачи. С этого дня дивизия была призвана к активному участию в развивающейся Златоустовской операции 5-й армии красных.

Одновременно слева от 5-й дивизии наступала 28-я дивизия под командованием В.М. Азина. Однако ее действия были на тот момент менее успешны. В ночь с 28 на 29 июня, около 2–3 часов, части 3-й Сибирской дивизии под огнем артиллерии внезапно атаковали недавно занявший д. Биктулово батальон 244-го полка и погнали его через р. Ирень. Только благодаря отваге нескольких красноармейцев во главе с начальниками пулеметных команд противник был остановлен у моста огнем из двух пулеметов. Это дало батальону время отойти и занять исходное положение на левом берегу. Весь день 29 июня прошел в редкой перестрелке через реку²¹.

Чтобы остановить наступление противника на Красноуфимск, белым требовались дополнительные силы. 28 июня 1919 г. приказом №4 главнокомандующего Восточной группой армий была спешно образована Южная конная группа под командованием генерал-майора В.И. Волкова в составе 1-й кавалерийской, Сибирской казачьей и 2-й Уфимской кавалерийской дивизий. Управление этим временным соединением возложи-

²⁰ РГВА. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 493. Л. 3.

²¹ Там же. Ф. 3545. Оп. 1. Д. 15. Л. 32 об.—33; Д. 36. Л. 10.

Генерал Вячеслав Иванович Волков

ли на штаб Сводно-казачьего корпуса. Изначально задачей группы было обеспечить стык между Западной и Сибирской армиями, но 29 июня по приказу Гайды началась ее срочная переброска против 5-й дивизии, чтобы она направилась в рейд по тылам противника. В этот же день генерал Волков с оперативной частью штаба Сводно-казачьего корпуса отбыл на ст. Сулея, чтобы проехать железной дорогой в Красноуфимск²².

Постепенно все три дивизии сконцентрировались в окрестностях с. Петропавловское на р. Сарс. Но тут выяснилось, что конный состав их сильно измотан, особенно в артиллерии. Чтобы дать казакам для поддержки хотя бы два орудия, пришлось отбирать лучших лошадей во всех трех батареях Сибирского казачьего артиллерийского дивизиона. Их дали 1-й батарее, которая после этого выполнила долгий поход примерно в 200 км от ст. Сулея до Красноуфимска.

Однако придя на место, она узнала, что операция отменена²³. Пожалуй, главной из причин было то, что времени для развертывания группы уже не было: 5-я дивизия была на подходе к Петропавловскому. Тем не менее сосредоточение здесь таких сил ощутимо, почти на сутки, задержало движение 3-й бригады дивизии.

Наибольшая неудача красных произошла на участке 37-го полка Сазонтова. Утром 30 июня полк после артиллерийской подготовки впасть

²² Шуляков В.А. Сводно-Казачий корпус и конная группа 2-й армии (1919 г.)// История Белой Сибири: материалы VII Международной научной конференции. Кемерово, 2009. С. 150–151.

²³ Шуляков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. Кн. 1. М., 2004. С. 321.

Андрей Яковлевич Сазонтов

форсировал Ирень для занятия д. Самаровской, откуда выбил части 10-го Байкальского и 11-го Нижнеудинского полков. Но белые отошли на близлежащие высоты в четырех верстах к востоку и, подтянув к 13 часам подкрепления (9-й Иркутский, 12-й Верхнеудинский полки и учебный батальон), перешли в контрнаступление. Попав под перекрестный огонь, красноармейцы бежали. Командир полка Сазонтов с трудом восстановил порядок. Увидев, что правый фланг белых надвигается на построенную переправу, он сам переплыл на лошади реку и, взяв из резерва ближайший взвод пехоты, бросился ее защищать. Вместе с подошедшей ротой пехоты Сазонтов около часа оборонял переправу, пока полк не отошел²⁴. В этих боях красные потеряли 2 пулемета и 39 (по другим данным — 49) пленных²⁵. У белых понес потери 12-й Верхнеудинский полк: 2 стрелка убиты, 1 ранен, ранен был и 1 младший унтер-офицер²⁶.

37-й полк вынужден был отойти на западный берег р. Ирень, пока другие части 5-й дивизии успешно наступали вдоль железной дороги и на правом участке²⁷. Впрочем, в ту же ночь на 1 июля 244-й полк обходным маневром перешел через переправу у д. Екатериновка, ударил белым в тыл и захватил д. Басина²⁸. Противник отошел, и положение

²⁴ РГВА. Ф. 54. Оп. 17. Д. 96. Л. 80.

²⁵ Попович В., Гнусин И. Путь борьбы. Краткая история 5-й стрелковой дивизии. М., 1929. С. 19, 109.

²⁶ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 341. Л. 55–56.

²⁷ Там же. Ф. 169. Оп. 1. Д. 241. Л. 31 об.

²⁸ Там же. Ф. 3545. Оп. 1. Д. 15. Л. 33.

Тихон Иванович Буторин

было восстановлено. Вскоре 37-й полк вернул Самаровскую. При этом был найден раненым помощник командира полка Т.И. Буторин, чудом сбежавший с расстрела всех пленных. Эта расправа над их товарищами произвела на красноармейцев сильное впечатление и вызвала у многих желание отомстить. Вдобавок выяснилось, что пленных перед расстрелом раздевали и избивали шомполами²⁹.

К утру 1 июля части 3-й бригады с боем заняли д. Седяш и Тавда. 45-й полк продолжал бой за обладание д. Большой Сарс, а 38-й полк почти целый день 30 июня сражался с ударниками у р. Ирень, в итоге выбив их с позиций, и занял район Голодаевка — Сосновка — Мостовское. Красноармейцы взяли 200 пленных, 5 пулеметов, винтовки и патроны³⁰. В общей сложности в период с 25 июня по 1 июля 1919 г. бойцы 5-й дивизии захватили: 482 пленных, 462 винтовки, 5 пулеметов, 20 350 патронов от «трехлинеек», 25 лошадей, 6 двуколок и 1 телефонный аппарат³¹. Большая часть пленных и имущества была из частей Ударного корпуса. Такое огромное количество пленных, потерянных за короткое время, серьезно подрывало и без того невысокую боеспособность ударников.

Теперь войска могли приступить к наступлению на Красноуфимск. Приказом Шорина №1597 от 1 июля эта задача выпадала 5-й дивизии.

²⁹ Попович В., Гнусин И. Путь борьбы. Краткая история 5-й стрелковой дивизии. М., 1929. С. 19, 109–110.

³⁰ 2 армия в боях за освобождение Прикамья и Приуралья. 1918–1919. Документы. Устинов, 1987. С. 208; РГВА. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 493. Л. 3.

³¹ РГВА. Ф. 169. Оп. 1. Д. 300. Л. 526.

Красноуфимск. Здание, в котором в 1919 г. размещался штаб 28-й дивизии под командованием В.М. Азина

На первом этапе ей предписывалось выйти на фронт: верховье р. Сабарда, д. Романовка, выс. Верх. Чад, выс. Дороховские Ключи, с. Мосинское. С фланга ее поддерживала 28-я дивизия, которой было приказано выйти на д. Мосинское, Алтыновское, Янчиково, Моргуново. Резервный 44-й полк Филатова по мере продвижения должен был сосредоточиться в районе д. Верх. Бартымский — Голодаевка³².

Эти задачи выполнялись вполне успешно. Преследуя части 3-й Сибирской дивизии, 37-й полк занял 1 июля пункты по линии: Нижне-Арийский — Ширяева — Шатунова — Богородское³³. Параллельно в полдень 1-й батальон 244-го полка выступил из Басино по дороге на д. Порозово. Белые не задерживались, и деревни по пути до Порозова были заняты почти бескровно к 10 часам утра 2 июля³⁴.

Зато 3-я бригада 5-й дивизии столкнулась с упорным сопротивлением. Из-за сосредоточения в районе с. Петропавловское — д. Лига значительных сил белых, особенно кавалерийских, 39-й полк С. Домолазова приостановился. Бои тут шли с частями 59-го и 60-го полков 15-й Сибирской дивизии, а также гусарским, уланским и кирасирским конными полками, планировавшими обойти красных с фланга³⁵. Этому способствовал разрыв около 10 км, возникший между правым флангом 39-го полка и 35-й дивизи-

³² 2 армия в боях за освобождение Прикамья и Приуралья. 1918–1919. Документы. Устинов, 1987. С. 207.

³³ РГВА. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 493. Л. 3 об.

³⁴ Там же. Ф. 3545. Оп. 1. Д. 15. Л. 33 об.

³⁵ Там же. Ф. 1156. Оп. 1. Д. 12. Л. 72.

зией. Однако своевременными мерами обход был предотвращен. После неудавшейся контратаки белые, действовавшие на р. Сарс, начали спешно отступать на Саранинский завод через д. Романовку и Ерушино. Они уже и сами были под ударом — 43-й полк к этому времени с боем вышел на линию выселков Сорокин — Мавлюкин, а 45-й полк выходил на линию Романовка — Верх. Чад. Однако сильно пересеченная лесистая местность очень затрудняла управление войсками как красных, так и белых³⁶.

Фронт быстро приближался к Красноуфимску, и это вызывало у белых нервозность. Днем 1 июля на железнодорожной станции появились пьяные солдаты, устроившие в городе погром винного склада и близлежащих магазинов. Военный корреспондент Л. Грондейс описывал это так: «...Начало положили казаки, они сняли с дверей печати, затем со всех сторон набежали солдаты, а следом появились крестьяне — на телегах с бутылками, ведрами и бочками. Унтер-офицеры выстроили эту орущую, ругающуюся толпу в длинную очередь». Когда погромщики перепились, милиция кое-как навела относительный порядок, разогнав грабителей: «Между тем перевозка на вокзал бочек и баллонов со спиртным продолжалась. Я видел, как их грузили на автомобили, которые разъезжались в разные стороны: штабы получали подкрепление». На станции к полудню собрались штабы 4-го Сибирского и Ударного корпусов. Вечером к Гривину прибыл и лично командарм Гайда³⁷.

Наступление 39-го и 43-го полков красных немного замедлилось из-за заболоченных участков. Разрыв между 5-й дивизией и правым флангом 5-й армии продолжал увеличиваться. Утром 2 июля 3-я бригада, сбивая арьергарды белых, двигалась к Саранинским заводам справа от Казанбургской железной дороги. На Верхне-Саранинский завод по лесной дороге из Романовки направлялся 43-й полк Чуйкова. Отставший 39-й полк Домолазова был вынужден двигаться по труднопроходимым лесам вслед за отступающей Красноуфимской бригадой белых. 45-й полк после боя вдоль линии железной дороги со спешенной кавалерией белых, при которой имелось 3 пулемета, вышел к истокам р. Черная. 38-й полк шел немного левее в направлении р. Большая Сарана и подошел к р. Черной примерно в 12 верстах от выс. Верхний Чад. 37-й полк к 17 часам занял с. Мосинское и выступил далее к д. Черный Ключ. В 12 часов части соседнего 244-го полка шли по дороге в 6 верстах от с. Богородское³⁸. Это были последние часы,

³⁶ РГВА. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 493. Л. 3.

³⁷ Грондейс Л. Война в России и Сибири / Под ред. Р.Г. Гагкуева. М., 2018. С. 275–278.

³⁸ РГВА. Ф. 1156. Оп. 1. Д. 12. Л. 72 об.—75.

когда полки 5-й и 28-й дивизий еще поддерживали между собой связь. Потом она была потеряна на двое суток.

Прикрывала отступление колчаковцев Красноуфимская бригада, которая отходила на север через Верхне-Саранинский завод к с. Криулино³⁹. Справа от нее на Красноуфимск шли части 15-й Сибирской дивизии. Белые пытались задержать красных своими арьергардами, но безуспешно. Так, вечером 2 июля 39-й полк при переправе через небольшую речку Сабарда столкнулся на лесной дороге с ротой 1-го Красноуфимского полка. Во время перестрелки конный разведчик 39-го полка Прохоров ворвался в цепь противника, застрелил офицера и двух пулеметчиков, захватил пулемет «Льюис» и на лошади доставил его в свою часть. В ходе боя рота белых в 150 чел. на правом берегу Сабарды сдалась в плен. Трофеями красноармейцев стали 4000 патронов и 5 дисков к пулемету. Бригада Рычагова к 20 часам 2 июля была вынуждена отойти к Саране. На следующий день 43-й полк Чуйкова прошел по дороге от Верхне-Саранинского завода через выс. Петуховка прямо к Нижне-Саранинскому заводу, а 45-й полк, тесня противника вдоль железной дороги, с боем дошел до ст. Саранинский завод. В итоге разбитые части белых на этом участке рассеялись по лесу⁴⁰. По донесению разведки бригады известно, что красным в боях активно помогали местные жители: «1) В частях красных очень много местных жителей, подходя на близкое расстояние [они] выкрикивают: “Сдавайтесь товарищи, [вам] ничего не будет, ведь вы уже дошли до Сибири”. Причем наши стрелки узнавали среди красных жителей Нижне-Саранинского завода и жителей Поташки»⁴¹. Помощь местных проводников очень пригодилась красным в этих безлюдных глухих лесах.

Несмотря на то, что уход с Красноуфимского участка 35-й дивизии и направление 244-го полка 28-й дивизии немного левее от 5-й дивизии создавали два разрыва фронта, ударить в них белым было толком нечем. Конная группа оказалась слишком слабой. Боеспособность казаков из-за боев и походов за предыдущий месяц сильно упала. Других сил для организации контрудара в тылу не нашлось. Правда, из-за спешного отступления главнокомандующий Восточной группой армий генерал М.К. Дитерихс еще в конце июня объявил мобилизацию на прифронтовой территории. Однако темпы продвижения красных оказались гораздо выше, чем ожидалось. 3 июля, в день, назначенный

³⁹ РГВА. Ф. 39646. Оп. 1. Д. 7. Л. 88, 89.

⁴⁰ Там же. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 493. Л. 3 об.

⁴¹ Там же. Ф. 39631. Оп. 1. Д. 15. Л. 2–2 об.

Генерал Михаил Константинович Дитерихс

Гайдой для сбора мобилизованных⁴², красные уже были на подступах к Нижне-Саранинскому заводу, всего в нескольких часах пути от Красноуфимска. Понятно, что никакая мобилизация помочь тут уже не могла.

Впрочем, красные тоже испытывали недостаток сил — хотя убитых было не слишком много, немало людей выбыло больными и ранеными. Жалобы на потери и упорство противника в изобилии имеются в донесениях. Так, 3 июля Шорин в разговоре по прямому проводу с Каменевым сообщил, что за одну неделю эта убыль составила по армии 7483 чел. В 28-й дивизии, по его словам, оставалось не более 450 штыков в каждом полку, а в 5-й — в среднем от 400 до 600⁴³. Между тем полученные пополнения трудно было назвать достаточными. Это были в основном маршевые роты запасных батальонов армии (7-й, 21-й и 28-й дивизий), а также некоторые пленные белые⁴⁴. Самое крупное пополнение прибыло в 28-ю дивизию 30 июня в д. Сарашево — около 1000 чел.⁴⁵ В июле во 2-ю армию из запасных частей прибыло 12 чел. командного состава и 676 красноармейцев (маршевый батальон)⁴⁶.

⁴² ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 46495. Л. 36.

⁴³ 2 армия в боях за освобождение Прикамья и Приуралья. 1918–1919. Документы. Устинов, 1987. С. 209–210.

⁴⁴ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 146. Л. 189.

⁴⁵ Там же. Ф. 169. Оп. 1. Д. 300. Л. 523.

⁴⁶ Там же. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 150. Л. 5 об.

Владимир Мартинович Азин

В решающий день операции, 4 июля в 2 часа 40 минут Шорин издал приказ №1633. По нему 5-й дивизии приказывалось взять Красноуфимск и выйти на фронт Колмаково — Юва. Соседняя 28-я дивизия Азина должна была занять населенные пункты по линии: Александровское, Ачит, Давыдково, Красный Луг. В резерве продвигались 44-й и 245-й полки — на д. Рябиновка и Верхний Турыш соответственно⁴⁷. На основе этого приказа начдив Карпов в 4 часа утра приказал 1-й бригаде взять Красноуфимск и выйти на линию Рябиновка — Колмаково. Подчеркивалось, что после занятия города в нем ни в коем случае не следует задерживаться. Так как красные знали об эвакуации из города, командир 1-й бригады Каргопольцев получил приказ принять меры к охране всего захваченного имущества, оставив в городе роту гарнизона и немедленно назначив временного коменданта. 3-й бригаде Строганова приказывалось занять линию по правому берегу р. Уфы до д. Рябиновка. Всем частям дивизии поручалось обеспечить переправу через Уфу и активно вести разведку⁴⁸.

Было очевидно, что взятие Красноуфимска красными предрешиено. С западного направления город вообще находился в невыгодном географическом положении. Естественных укреплений тут не было, лишь поворачивающая на юг от д. Рябиновка линия р. Уфы была удобна для обо-

⁴⁷ 2 армия в боях за освобождение Прикамья и Приуралья. 1918–1919. Документы. Устинов, 1987. С. 211–212.

⁴⁸ РГВА. Ф. 1156. Оп. 1. Д. 8. Л. 58–59.

роны. Еще в середине июня 1919 г. пленные сообщали красным: «Около Красноуфимска никаких укреплений нет, даже офицеры говорят, что после его сдачи все посыпется»⁴⁹. Удивительно, что в ходе отступления белые не разрушили ни туннели (3 штуки), ни железобетонные виадуки (4 штуки) на линии железной дороги от раз. Черная Речка до ст. Красноуфимск. Ведь тогда красные еще долго не смогли бы использовать дорогу даже после отступления противника. Известно только, что уже на подступах к городу в районе д. Соболево белыми был сожжен обходной деревянный мост и взорван мост у раз. Сарс.

Основными путями для продвижения 5-й дивизии служили лесная дорога от д. Романовка к Саранинскому заводу и Казанбургская железная дорога, которая шла через три тоннеля и четыре виадука. Местность была пересеченная. Труднее всего было бойцам 37-го и 39-го полков на крайних левом и правом флангах, шедшим через глухие леса. В ночь с 3 на 4 июля 37-й полк заплутал и вышел вдоль русла р. Сарги западнее Красноуфимска, где столкнулся с двумя полками Ударного корпуса. Зная лишь предположительно местонахождение своих соседей, командир полка Сазонтов решил самостоятельно занять уездный центр и ввязался в бой с белыми⁵⁰. 38-й полк отставал, приближаясь к городу с юга вдоль железной дороги. Так бой за Красноуфимск начался с рассветом 4 июля.

Вскоре 43-й и 45-й полки вышли на берег Уфы. На участке 45-го полка напротив д. Черкасово левый берег реки с его отвесными склонами, поросшими хвойным лесом, был непригоден для переправы. Через Уфу можно было перейти вброд лишь у острова напротив Черкасово. Соседнему 43-му полку местность у Нижне-Саранинского завода перейти было легче, однако этот участок был открытым и мог простреливаться белыми с высот на другом берегу. И действительно, их батарея была установлена на возвышенности, по которой шла дорога из Саранинского завода на д. Копыркино. Правда, позиции на левом берегу белые заняли «прерывчато», так как сил у них для обороны явно было немного.

Основные силы белых покинули Нижне-Саранинский завод еще вечером 3 июля и переправились через реку, уничтожив все переправы. Здесь находилась Красноуфимская бригада, чья разведка заметила сосредоточение красных в районе завода уже в 3 часа ночи. Кроме того, по ее данным, в д. Рябиновка было около двух рот пехоты (из 38-го полка) и 25 конных всадников. За лесом напротив д. Черкасово на правом бере-

⁴⁹ РГВА. Ф. 169. Оп. 2. Д. 12. Л. 482.

⁵⁰ Там же. Ф. 54. Оп. 17. Д. 96. Л. 80.

гу Уфы белые заметили батарею красных, которая обстреливала участок между д. Черкасово и Чигвинцево⁵¹. Оставшиеся на правом берегу Уфы пешие и конные белые, узнав о приближении 43-го полка, рано утром 4 июля тоже переправились через реку. Подошедшие красноармейцы открыли с горы у заводской плотины пулеметный огонь по отступавшему противнику и, надо полагать, нанесли ему урон.

Примерно в семь часов утра трехдюймовая батарея белых обстреляла поселок Нижне-Саранинского завода, выпустив около двух десятков осколочно-фугасных гранат. Ближе к полудню артиллерия открыла огонь зажигательными снарядами, от разрывов которых загорелись целые улицы. Часто велась стрельба из винтовок и пулеметов. В результате обстрела Сараны возник сильный пожар. Погода стояла жаркая и сухая, поэтому не менее двух третей домов в поселке со всем имуществом мирных жителей сгорело.

Заняв днем с боем д. Рябиновка, 38-й полк Т. Эрна продолжил наступление и вскоре вышел к д. Соболево, где вновь столкнулся с противником⁵². Завязалась перестрелка. С высоты над железной дорогой к юго-западу от д. Соболево красноармейцам были вдалеке уже видны вокзал станции Красноуфимск и даже купола Свято-Троицкого собора и храма Александра Невского в самом городе.

Во второй половине дня положение мало изменилось. Части 3-й бригады под огнем строили переправу у Нижне-Саранинского завода. Белые вели на участке 5-й дивизии обстрел из нескольких батарей. Занявшие д. Соболево и Никитино левофланговые части 1-й бригады вели бой за обладание городом и станцией Красноуфимск⁵³. Сводка Сибирской армии сообщала, что днем 4 июля на фронте Ударного корпуса и Красноуфимской бригады продолжалась ружейная перестрелка⁵⁴.

Уже стемнело, когда в штаб 1-й бригады пришло донесение от командира 37-го полка Сазонтова: «После упорного боя овладел Красноуфимском. Противник отступил в большом беспорядке, но сжег единственный мост через реку. Саперы полка спешно наводят переправу, как только будет готова, возобновлю преследование, не дам белякам опомниться»⁵⁵. Официально город был занят в 22 часа 4 июля. А к утру 5 июля вся 3-я бригада перешла через Уфу и заняла д. Ключики (Марий-

⁵¹ РГВА. Ф. 39631. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–1 об.

⁵² Там же. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 493. Л. 3 об.

⁵³ Там же. Ф. 169. Оп. 1. Д. 241. Л. 32 об.

⁵⁴ Там же. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 9. Л. 63 об.

⁵⁵ Федоров А.Ф. Октябрьские зори. М., 1962. С. 197.

ские) и Стекланный завод. Своим продвижением в тыл противника она заставила его начать отступление по всему фронту дивизии⁵⁶. Начальник артиллерии 2-й армии Лысенко позднее вспоминал, как в этот день догнал товарищей в Красноуфимске: «Где же белые? Да утром еще были здесь, перед дивизией все время висит разъезд белых, группа человек в 5–6, они по-видимому сибирские казаки на своих мелких, увертливых лошадаках и [в] крестьянской одежде, на самодельных седлах, но зорко и назойливо выплывающих все и вероятно хорошие разведчики. Через проходившие деревни, от жителей узнаем “господа рано утром ушли, солдаты-сибиряки говорят идем по домам за Урал”»⁵⁷.

После этого 1-я бригада остановилась на день для отдыха в городе. Ее саперы навели в ночь с 5 на 6 июля плавучий мост, и наутро 37-й и 38-й полки переправились через Уфу и вырвались на оперативный простор на левом берегу реки⁵⁸. Теперь 5-й дивизии предстояли новые бои с отступающим за Урал противником.

Любопытно, что известный военный историк и участник Гражданской войны Г.Х. Эйхе считал, что следующей за Красноуфимской по хронологии «Екатеринбургской операции» как таковой не было, и Екатеринбург был занят «в ходе стратегического преследования войсками 2-й и 3-й армий частей белых, отступавших уже со второй половины июня 1919 г.». Он утверждал, что падение белого Екатеринбурга было предрешиено поражением арьергардных частей Сибирской армии именно под Красноуфимском⁵⁹.

Действительно, Красноуфимская операция показала, что арьергарды белых, несмотря на переходы на нескольких участках в контрнаступления, уже не были способны удержать фронт, а падение Екатеринбурга — лишь вопрос времени. Части Ударного корпуса и, в меньшей степени, 4-го Сибирского корпуса потеряли много пленных, оружия и снаряжения.

В масштабах всего Восточного фронта занятие 2-й армией Красноуфимска позволило 5-й армии окончательно сосредоточиться на выпол-

⁵⁶ РГВА. Ф. 54. Оп. 17. Д. 21. Л. 174.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 2720. Л. 13–14.

⁵⁸ Федоров А.Ф. Указ. соч. С. 203.

⁵⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 602. Д. 86. Л. 60.

нении своих задач в рамках Златоустовской операции, теоретическая угроза с севера для 5-й армии со стороны Сибирской армии белых была ликвидирована.

Успешное проведение 5-й дивизией Красноуфимской операции стало таковым благодаря следующим факторам.

1. Результативное наступление 2-й армии красных и фронта в целом в мае—июне 1919 г., несмотря на большие потери больными и ранеными, что привело к подъему боевого духа красноармейцев.

2. Эффективное централизованное управление войсками красных на уровнях: фронт — армия — дивизия — бригада — полк и удовлетворительное снабжение частей.

3. Достаточно мотивированный, устойчивый и боеспособный личный состав красноармейцев и командиров, который даже при небольших пополнениях уверенно и старательно сражался.

4. Помощь местных жителей в условиях незнакомой труднопроходимой местности, что способствовало продвижению вперед полков 5-й дивизии.

Наиболее серьезными причинами неудач белых следует считать:

1) отсутствие снабжения и плохое оснащение военнослужащих Сибирской армии на передовой (за исключением Ударного корпуса и 1-й кавалерийской дивизии, имевших хорошее обмундирование), озлобление фронтовых частей на «сытый» тыл;

2) деморализацию личного состава Сибирской армии, в первую очередь — частей Ударного корпуса, нежелание многих мобилизованных воевать и, как следствие, сдача в плен поодиночке и группами;

3) отсутствие и среди офицеров надлежащей решимости и инициативы, которые помогли бы если и не отразить наступление красных, то хотя бы на значительное время задержать;

4) недостаток резервов для отражения наступления и неправильное распоряжение переброшенными на участок частями;

5) неудовлетворительное техническое состояние значительной части пулеметов и орудий и в целом их нехватку.

REFERENCES

1. *Belickij S.M.* Zlatoust operation // Proceedings of the Military Scientific Society at the Military Academy. Strategic essay [Zlatoustovskaya operaciya (Strategicheskij ocherk) // Sbornik trudov Voenno-nauchnogo obshchestva pri Voennoj akademii]. Moscow. Vol. 4. 1923. P. 5–35.
2. *Grondejs L.* Vojna v Rossii i Sibiri. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2018. P. 455.
3. *Popovich V., Gnusin I.* Put' bor'by. Kratkaya istoriya 5-j strelkovoj divizii. M.; L.: Gos. izd-vo, 1929. P. 126.
4. *Shuldyakov V.A.* The death of the Siberian Cossack army. 1917–1920. In 2 vol. Vol. 1. M.: Centrpoligraf, 2004. P. 748.
5. *Shuldyakov V.A.* The Consolidated Cossack Corps and the Cavalry Group of the 2nd Army (1919) // History of White Siberia: Materials of the VII International Scientific Conference [Svodno-Kazachij korpus i konnaya gruppa 2-j armii (1919 g.) // Istoriya Beloj Sibiri: materialy VII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii]. Kemerovo, 2009. P. 148–155.
6. *Ejbe G.H.* Tactical teachings of the civil war. Study of the tactics of the Red Army in the fight against Kolchak and in the Far East. M.: Gosvoenizdat, 1931. P. 189.

Ключевые слова:

2-я армия, 5-я стрелковая дивизия, Восточный фронт, Гражданская война, Красноуфимск

Nikolai A. Zayats, Alexander S. Redkin

THE 5TH RIFLE DIVISION OF THE RED ARMY AND ITS ROLE IN THE KRASNOUFIMSK OPERATION (JUNE–JULY 1919)

This paper examines the role of the Red Army's 5th Rifle Division in the Krasnoufimsk Operation (July 1–5, 1919) during the Soviet Republic's Eastern Front counteroffensive. The study aims to: reconstruct the chronology of military actions involving the Division during the Operation and the preceding battles; briefly describe the Division's strength, armament, and morale, as well as those of the opposing White Siberian Army units; and provide an overall assessment of the Krasnoufimsk Operation's course and outcomes.

The study utilizes sources from the Russian State Military Archive, periodicals, literature on military history, and document collections. For the first time in historiography, this study analyzes the course of the Krasnoufimsk Operation (July 1–5, 1919), focusing on the involvement of the 5th Rifle Division, part of the Eastern Front's 2nd Army.

Keywords: 2nd Army, 5th Rifle Division, Eastern Front, Civil War, Krasnoufimsk.

Nikolai A. Zayats – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor at the Department of History, Moscow Aviation Institute.

Alexander S. Redkin – independent researcher.

 Заяц Николай Алексеевич

кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории

Московского авиационного института

ORCID: 0009-0008-3265-2456

SPIN-код: 8404-6016

AuthorID: 959848

 Редькин Александр Сергеевич

независимый исследователь

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.50.003

Гюль Шен

ВОЕННО-МОРСКОЙ АРСЕНАЛ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ, ПРЕСТУПНОСТЬ И ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ СИСТЕМА ОКОЛО 1700 г.

Османский флот эпохи раннего модерна являлся частью политического и экономического порядка в Средиземноморском регионе того времени, а значит, и в Европе¹. Будучи столицей обширной империи, Стамбул стоял в одном ряду с другими мегаполисами, такими как Париж или Лондон. С этими городами он разделял как придворное величие и культурную харизму, так и социальные проблемы, такие как бедность и преступность, и как следствие жесткие меры по поддержанию общественного порядка со стороны государства². На этот комплекс тем уже обращали внимание Фернан Бродель, рассматривавший его в универсальной перспективе, и Фариба Заринебаф на конкретных приме-

¹ Эта статья представляет собой перевод моей инаугурационной лекции «На галеры! Преступность и пенитенциарная система в Османской империи около 1700 г.» на философском факультете Боннского университета 1 декабря 2021 г. Рукопись была переработана для этой публикации.

² Braudel Fernand. Sozialgeschichte des 15.—18. Jahrhunderts, vol. 2. Munich: Kindler, 1986. P. 505—613.

Военно-морской арсенал Великого Государя (Tersâne-i 'Âmir) на Золотом Роге в Константинополе. 1705 г.

рах из истории Стамбула XVIII в.³ Основываясь на этих исследованиях и опираясь на реестры осужденных османского флота, которым до сих пор уделялось в науке мало внимания, в данной статье я более четко показываю связь между преступностью в столице и системой наказаний, применявшейся в османском флоте в период конца XVII — начала XVIII в. Хотя эта тема касается весьма конкретной области, а именно османский флот в раннемодерный период, она очень тесно связана с другими, куда более широкими областями, такими как история Европы, Средиземноморья и ранних современных империй в целом: давайте вспомним, что в это время Османская империя играла роль посредника между Европой и Азией и что это государство являлось наследственной монархией с весьма развитыми для того времени институтами и кодифицированным законодательством. Рассматривая османский военный флот, мы сталкиваемся с явлением, чьи характеристики находят отражение и в военно-морских силах других крупных средиземноморских держав, простирающихся от Леванта до Гибралтара.

В качестве вступления я затрону некоторые аспекты правовой культуры Османской империи. Затем я рассмотрю вопрос о том, какое значение вкладывали османское общество и органы власти в термин «преступность», что считалось уголовным преступлением и что на этом фоне подразумевалось под системой уголовных наказаний.

³ *Zarinebaf Fariba. Crime and Punishment in Istanbul: 1700–1800. Berkeley: University of California Press, 2010.*

Наконец, мы сосредоточимся на *конкретном* социальном измерении системы наказаний, а именно на механизме вербовки, с помощью которого османский флот обеспечивал себя крайне необходимым ресурсом, а именно человеческой рабочей силой. Я хотела бы проиллюстрировать этот последний аспект на примере важного корпуса источников, до сих пор не изданных реестров осужденных османского флота XVIII в.

1. Правовая культура Османской империи

Если мы рассмотрим эту тему более подробно, то вскоре поймем, что нам придется иметь дело с влиятельными метанарративами, такими как представление о восточном деспотизме или же идея о государстве как о частном владении правителя, в котором он может распоряжаться жизнью, свободой и имуществом своих подданных произвольно и не соблюдая законов. Однако на практике Османская империя, как и ее западные соседи, такие как Испания, Венеция и империя Габсбургов, обладала всеобъемлющей, кодифицированной системой судопроизводства и правоприменения. Помимо религиозного права, основанного на Коране и богословской традиции, — шариата⁴, источниками этого права были законы великого султана (*kānūn*) и обычное право (*‘örf*), причем два последних играли гораздо более важную роль в юридической практике, чем первый⁵. Кроме того, существовали *siyasetnâme* — своего рода консультативная литература для правителей и высокопоставленных вельмож и чиновников, в которой содержались общие рекомендации по правильному управлению и администрированию. Эта специализированная юридическая литература способствовала широкому распространению идеи «круга справедливости», согласно которой поддержание правопорядка являлось особой обязанностью каждого светского правления⁶. Еще одним источником кодифицированной юриспруденции являлись показания свидетелей. Свидетельские показания имели

⁴ Aykan Yavuz, *Boğaç Ergene*. Shari’a courts in the Ottoman Empire before the Tanzimat // *The Medieval History Journal*, 22/2 (2019): 203–228.

⁵ *İnalçık Halil*. Osmanlı Hukukuna Giriş // *Ankara Üniversitesi SBF Dergisi* 13 (1958): 102–126.

⁶ О «Круге справедливости» см.: *Darling Linda T.* A History of Social Justice and Political Power in the Middle East: The Circle of Justice from Mesopotamia to Globalization. New York: Routledge, 2013.

особый вес в уголовных процессах, о чем ясно свидетельствуют судебные реестры ведомства кади⁷.

Эта практика усложнялась тем, что существовали отдельные юрисдикции для мусульманских и немусульманских подданных, которые, однако, подчинялись верховной власти — Совету Великого Государя (*Dīvān-ı Hümayūn*), который, в свою очередь, являлся частью султанской придворной бюрократии. Подобно Европе того времени, в Османском государстве не было строго упорядоченной системы органов власти с четко определенными функциями и компетенциями. Вместо этого действовал комплекс различных институтов, которые сосуществовали, а порой и вступали в противоречие друг с другом⁸.

Что же касается прозрачности правовой системы для всех заинтересованных сторон, Османская империя с ее стандартизированной кодификацией, безусловно, опережала на шаг вперед другие европейские государства, такие как Франция времен *ancien régime* с ее многочисленными конкурирующими друг с другом местными законодательными нормами. Однако можно найти параллели в организации судопроизводства и уголовного преследования. Прокуратуры в современном ее понимании тогда еще не существовало; решение о предъявлении обвинения и возбуждении уголовного дела находилось исключительно в компетенции кади, т.е. судьи с ограниченной местной юрисдикцией, который действовал примерно так же, как *магистрат* во Франции того времени. Кади выносил свое решение в последней инстанции, т.е. оно уже не могло быть оспорено или подвергнуто кассации другим кади. Таким образом, хотя основное решение о возбуждении дела принимал кади, жалоба могла быть подана как индивидуально заинтересованным лицом, так и государственными чинами. Например, в случаях нанесения телесных повреждений, убийства или кражи истцом мог выступать сам пострадавший, а в делах, касающихся общественного порядка и морали, в частности, местный представитель государственной власти. В число этих *ehl-i örf*, которые, таким образом, практически брали на себя роль государ-

⁷ Напр., о XVIII в. см.: *Yılmaz Coşkun* (ed.). *İstanbul Kadı Sicilleri Bâb Mahkemesi* 197 Numaralı Sicil (Н. 1162—1163 / М. 1749—1750). İstanbul: İSAM, 2019.

⁸ Более подробное изложение этой сложной темы см. в более старом, но фундаментальном исследовании Уриэля Хейда: *Heyd Uriel. Studies in Old Ottoman Criminal Law*. Oxford: At the Clarendon Press, 1973. См. также: *Barkan Ömer Lütfi. Türkiye'de Din ve Devlet ilişkilerinin Tarihsel Gelişimi // Türk Tarih Kurumu Yayınları* 7/71 (1975): 49—97; *Barkey Karen. Aspects of Legal Pluralism in the Ottoman Empire // Lauren Benton / Richard J. Ross* (eds.). *Legal Pluralism and Empires, 1500—1850*. New York / London, 2013. P. 83—107.

ственного обвинителя, входили те функционеры, которые отвечали за общественную безопасность, например, главнокомандующий янычарами (который отвечал за весь город), мэр (*воевода*) Галаты, главнокомандующий/великий адмирал флота (*kapudan paşa*), начальник дворцовой стражи (*bostancıbaşı*), дневная (*subaşı*) и ночная стража (*'asesbaşı*). Все они обладали правом задерживать преступников или подозреваемых, составлять на них протоколы (*ilām*) и передавать арестантов к кади⁹.

2. Преступность в Османской империи

Если говорить о необходимости уголовного преследования, то первый вопрос, который возникает, — кто согласно османскому праву того времени считался преступником. Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны учитывать, что политическое мышление того времени было еще далеко от наших современных представлений об обществе и социальном партнерстве. Социальный разрыв между элитой и массами был еще более выражен в материальном и правовом плане, чем сегодня. Верхушка воспринимала неимущих как угрожающую массу, которую необходимо держать в узде. Кроме того, институты государства всеобщего благосостояния в том виде, в котором мы знаем их сегодня, только начинали развиваться. Болезни, потеря работы или массовая мобильность, вызванная войной или стихийными бедствиями, могли вытолкнуть значительную часть населения из своих социальных структур и превратить ее в настоящую армию отверженных, отчаявшихся и готовых на все — Фернан Бродель ярко проиллюстрировал эти связи в своей социальной истории раннего модерна как для Европы, так и для Азии¹⁰.

В целом города Средиземноморья в эпоху раннего модерна страдали от неконтролируемой миграции и высокого уровня городского насилия, индивидуальной и организованной преступности¹¹. В частности, Стамбул в XVIII в. был центром притяжения для надеющихся на лучшую жизнь или просто остро нуждающихся мигрантов с Балкан, из Причерноморья и Анатолии, как показала в своей работе Сурайя Фарокхи¹². В то же вре-

⁹ Heyd Uriel. Ottoman Criminal Law. P. 241–242.

¹⁰ Braudel Fernand. Sozialgeschichte des 15.–18. Jahrhunderts, vol. 2: Der Handel. München: Kindler, 1986. P. 556–574.

¹¹ Zarinebaf. Crime and Punishment... P. 35–50, 128–30.

¹² Faroqhi Suraiya. Migration into Eighteenth-Century 'Greater Istanbul' as Reflected in the Kadi Registers of Eyüp // Turcica 30 (1998): 163–183.

Кади и охранники публично выставляют напоказ осужденного преступника.
I Turchi: Codex Vindobonensis 8626, testo di Alberto Arbasino

мя повальная безработица, вызванная массовым притоком мигрантов, привела к росту преступности, поэтому городская администрация была вынуждена принять эффективные меры наблюдения и контроля. Этот феномен отсылает нас к известным исследованиям Мишеля Фуко о зарождении современной пенитенциарной системы при старом режиме во Франции. По его мнению, современная пенитенциарная система в Европе, основанная на взаимодействии знания и власти, привела к возникновению в европейских городах XVIII в. практик всестороннего наблюдения за населением. То же самое можно сказать и про Стамбул. Как в Священной Римской империи, например, города и территории стремились обеспечить «хорошую полицию» с помощью правил и законов, так и власти Стамбула укрепляли систему общественной безопасности с помощью усиленного привлечения янычар и дружинников.

Кроме того, был введен ряд мер полицейского контроля: одной из самых важных была процедура поручительства (*kefalet*), т.е. обязанность местных почетных граждан представлять властям свидетельство о хорошей репутации. Зарождение этой процедуры можно отнести к началу XVI в., однако интенсивное и широкое применение она получила лишь в конце XVIII в. при Селиме III¹³. Она была особенно важна как система социального контроля и надзора, поскольку позволяла блюстителям по-

¹³ Об этом: *Zarinebaf. Crime and Punishment*. P. 132–133; *Heyd. Ottoman Criminal Law*. P. 238–240.

рядка использовать реестр поручителей для учета членов групп, считавшихся маргинальными и представлявшими угрозу общественной безопасности¹⁴. В первую очередь речь шла о мигрантах из сельской местности и безработных холостяках, среди которых преобладали албанские мигранты и некоторые профессиональные группы, например носильщики. Всех, кто не мог предоставить гарантии, выдворяли из города.

Как видно из архивных дел, система поручительства играла роль и в самой системе наказаний: осужденные могли получить свободу под поручительство жителей своего района или членов своей общины¹⁵. В реестрах осужденных османского флота, напротив, во многих записях мы находим указание на то, что осужденный представил свидетельство о хорошем поведении. Это означает, что в суде он уже назвал человека или людей, которые могли поручиться за него в случае подачи ходатайства о досрочном освобождении. Таким образом, система поручительства давала заключенному определенное преимущество, поскольку предоставляла ему средство правовой защиты, которым он мог воспользоваться сразу после начала отбывания наказания — в тюрьме он вряд ли смог бы найти такую юридическую помощь.

В эпоху раннего модерна важные страны, граничащие со Средиземноморьем, являлись также и морскими державами. Им приходилось доказывать свое могущество не только на суше, но и на море. Способность сохранять морские и торговые пути открытыми или, наоборот, в случае необходимости их закрывать, а также защищать собственные прибрежные районы от вражеских нападений, являлась предметом первоочередной важности как для государств латинского Запада, так и для Османской империи. Таким образом, борьба за господство в регионе происходила в основном на море и сводилась к непрекращающемуся противостоянию военно-морских сил. Кульминацией этой постоянной борьбы можно считать битву при Лепанто 1571 г., в которой христианские государства и Османская империя сражались друг с другом, отправив в бой в общей сложности 426 кораблей.

Куда более быстрые и маневренные, чем парусные корабли, галеры составляли основу военно-морского флота того времени. Они не зависели от благоприятного ветра и могли положиться на силу гребцов, что

¹⁴ *Başaran Betül*. Crime, Violence and Urban Policing // *Shirine Hamadeh, Çiğdem Kafescioğlu* (eds.). *A Companion to Early Modern Istanbul*. Leiden: Brill, 2021. P. 446–472; *Başaran Betül*. *Selim III, Social Control and Policing in Istanbul at the End of the Eighteenth Century*. Leiden: Brill, 2014. P. 106–126.

¹⁵ Этот пример см. в кн.: *Zarinebaf*. *Crime and Punishment*. P. 133.

делало их незаменимыми особенно в прибрежной зоне Средиземного моря с его многочисленными островами и бухтами¹⁶. Но с другой стороны, эта технология требовала огромного количества рабочей силы. Так, на стандартной османской галере с экипажем в 300 человек служило 196 гребцов. На больших галерах с экипажем до 800 человек требовалось до 300 гребцов. Для галерной эскадры (40 кораблей) это означало потребность в более чем 10 000 человек только на гребных скамьях¹⁷.

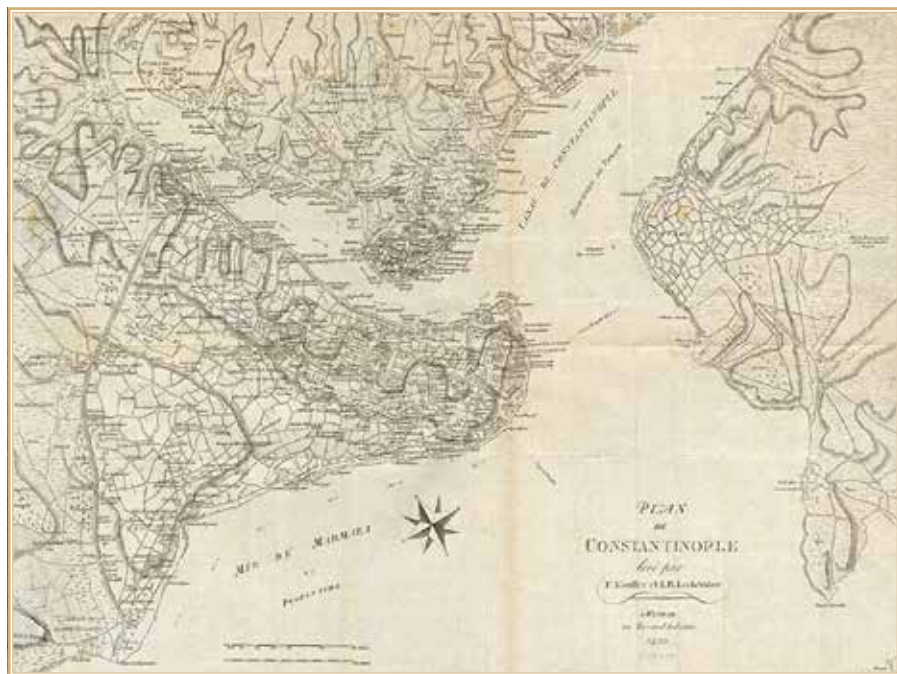
3. Морской арсенал в Константинополе: военно-морской центр и крупнейший работодатель Османской империи

Итак, потребность галерного флота в человеческом труде для поддержания ударных сил на море была огромной. Для набора, содержания и организации этой рабочей силы использовались все доступные средства, как легальные, так и нелегальные. Таким образом, и в Османской империи морские войны велись в значительной степени с использованием несвободного труда. И вот тут-то в дело и вступало государственное управление. «Терсане-и-Амире» («Имперский Военно-морской арсенал» или «Большой арсенал») на Золотом Роге являлся важнейшим государственным военно-морским центром и одновременно главной верфью Османской империи. Он служил османам основным исходным пунктом для их морских мероприятий, как военных, так и торговых, а также являлся крупнейшим работодателем во всей империи. По своим функциям и размерам государственный арсенал был сопоставим с Арсеналом (*Arsenale*) Венецианской республики или Галерным Арсеналом (*Arsenal des galères*) в Марселе. В соответствии со своими разнообразными задачами Военно-морской арсенал был не только верфью, но в нем располагались также госпиталь и тюрьма¹⁸.

¹⁶ Подробное исследование логистического влияния и маневренности галер в XVI в. см.: *Guilmartin Jr., John Francis*. *Gunpowder and Galleys: Changing Technology and Mediterranean Warfare at Sea in the 16th Century*. London: Cambridge University Press, 2003.

¹⁷ *Katib Çelebi*. *Tuhfetü'l-Kibâr fi Esfâri'l-Bihâr* (ed.). İdris Bostan. Ankara: Türkiye Bilimler Akademisi. 2018. P. 82. Об организации военно-морского флота в XVII в. см.: *Bostan İdris*. *Osmanlı Bahriye Teşkilâtı: XVII Yüzyılda Tersâne-i Âmire*. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1991.

¹⁸ О Военно-морском арсенале см.: *Şen Gül*. *Galley Slaves and Agency: The Driving Force of the Ottoman Fleet // Stephan Conermann, Gül Şen* (eds.). *Slaves and Slave Agency in the Ottoman Empire*. Göttingen: V&R unipress. P. 136–137.

Старинная карта с видом Золотого Рога

Мы достаточно хорошо осведомлены об арсенале, его организации и функциях. Большая часть информации о нем содержится в сообщениях бывших военнопленных, которые служили рабами на галерах в XVI и XVII вв., а затем были освобождены или выкуплены. Так, например, весьма яркие описания арсенала содержат мемуары бывшего военнопленного и галерного раба, богемского дворянина Вацлава Вратислава фон Митровица (ум. 1635), написанные на немецком языке в XVI в. А в 1610 г. была опубликована книга «Aegyptiaca Servitus» немецкого писателя-путешественника Михаэля Хеберера (ум. после 1623 г.), который был выкуплен в 1589 г. после трех лет пребывания рабочим на османских галерах¹⁹.

Следует отметить, что государственный Военно-морской арсенал содержал лишь ограниченное число постоянных рабочих. Однако в периоды интенсивной военно-морской активности численность персонала увеличивалась в несколько раз. Интенсивность этой деятельности зависела не только от войны или мира, но и от времени года, поскольку в осенние или зимние месяцы флот оставался в гавани. Однако как только

¹⁹ Heberer von Bretten, Johann Michael. *Aegyptiaca Servitus*, intr. by Karl Teply, reprint (Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1967, репринт оригинала 1610 г.); *Wratislaw Wenceslas, Adventures of Baron Wenceslas Wratislaw of Mitrowitz*. Transl. Albert Henry Wratislaw (Cambridge: Cambridge University Press, 2013).

Затопление турецкого военного корабля. Иллюстрация из «*Erfolge der Toskana Nell'Imprese mehr Berichtet de Ritter von St. Stephen*» Фульвио Фонтаны. Гравюра Х. Винсента, 1701 г.

он вставал в строй, потребность в персонале резко возрастала и требовала немедленного пополнения рабочей силы. Что касается потребности в гребцах, то государственная администрация прибегала к самым разным мерам по их привлечению. Например, некоторые муниципалитеты освобождались от уплаты налогов, но взамен обязаны были предоставить определенное количество гребцов. Также предпринимались усилия по привлечению платных гребцов-добровольцев, но эти попытки не приносили желаемого результата²⁰. Знаменитый придворный османский летописец На'има (ум. в 1714 г.) отмечал свои наблюдения по этому поводу: «Даже если бы на площадях были разбиты шатры и навалены серебряные монеты, все равно никто не вызвался бы записаться в гребцы»²¹. Таким образом, использование галерных рабов, военнопленных или осужденных преступников оставалось важнейшим источником кадров для флота.

Ввиду постоянной нехватки гребцов судебная практика кюрек (*kürek*, осуждение на каторгу для работ на гребной скамье) преврати-

²⁰ О различных механизмах набора гребцов см.: Şen Gül. Between Two Spaces: Enslavement and Labor in the Early Modern Ottoman Navy // *Stephan Conermann, Youval Rotman, Ehud Toledano, Rachel Zelnick-Abramovitz* (eds.). *Comparative and Global Framing of Enslavement*, Berlin: De Gruyter, 2023. P. 133–166.

²¹ *Na'imā Muştaşfā*. Ravzat el-Ḥuseyn fi ḥulūşat-i aḥbār el-ḥāfikayn. Tārīḥ-i Na'imā, vol. V. P. 201–202, Istanbul 1864–1866, 4th edition; Şen. *Galley Slaves and Agency*. P. 144.

лась в санкционированный государством ресурс для набора персонала на флот. Для этой цели использовались не только осужденные за правонарушения, но и военнопленные. Османы переняли практику гребных наказаний почти одновременно со своими европейскими противниками, а именно венецианским флотом, в начале XVI в. Хотя данное наказание не упоминается ни в шариате, ни в султанских указах *ферман*. В XVI и XVII вв. оно нашло широкое применение, чтобы восполнять постоянный дефицит рабочей силы на галерах²². Когда идет речь об османских галерах как о месте наказания, необходимо иметь в виду, что для современников это представление ассоциировалось именно с Военно-морским арсеналом в Стамбуле.

Помимо хорошо исследованных сообщений европейских свидетелей-современников особенно богатый и информативный материал по этой теме содержится в османских государственных документах, например в реестрах Арсенала Великого Государя. Как видно из записей, преступники прибывали как из самой столицы, так и из европейских провинций Османской империи (например Северных Болгарии и Греции), из Анатолии и в некоторых случаях из арабских провинций (Эдирне, Бурса, Варна, Комотины, Иерусалим, Алеппо). Помимо военнопленных из средиземноморских государств, а также из Восточной и Центральной Европы, которые были определены на службу рабами на галерах, в Военно-морском арсенале можно было встретить и османских подданных, прибывших из всех важных областей империи. За некоторыми исключениями по степени наказания не проводилось никаких различий между мусульманскими и немусульманскими подданными.

И наконец, что не менее важно, регистры дают представление о формах преступности, которые могли привести к приговору на галеры. Преступления, по которым выносились обвинительные приговоры, можно разделить на три категории. К первой из них относятся насильственные преступления, такие как убийства, уличные грабежи и сексуальные нападения. Эти преступления часто совершались бандами грабителей и разбойников, т. е. являлись формой организованной преступности того времени.

Ко второй категории относились нарушения прав собственности. Они варьировались от таких актов тяжкого грабежа, как конокрад-

²² Анализ наказания за греблю с юридической точки зрения см.: *Kılınc Abmet*. *Klasik Dönem Osmanlı Devleti'nde uygulanan Kürek Cezasının Hukuki Tahlili // Belleten 79 (2015): 531–558.*

Первые страницы реестра осужденных Военно-морского арсенала (*defter-i mücrimân-ı der-zindân-ı an tersân-i 'âmiri*), 1704 г., № 15749

ство, похищение рабочих и краж со взломом, до таких видов малотяжких проступков, как мелкие и карманные кражи. Другие уголовные преступления, такие как подделка документов и монет, переступали порог третьей категории. Эти преступления квалифицировались как «злодеяния против политического и религиозного порядка». К этому виду правонарушений относились прежде всего религиозная конверсия из армянско-православной веры в католическую веру (т. е. переход в вероисповедание противника), а также продажа алкоголя мусульманам.

Хотя все осужденные на галеры были мужчинами, имена женщин назывались или же анонимизировались в основном в тех случаях, когда они становились жертвами преступлений, таких как убийство, изнасилование, нападение или кража со взломом. До нас дошел случай, когда женщина была похищена тремя мужчинами и подвергалась изнасилованию в течение десяти дней. После раскрытия преступления жертва была пожизненно изгнана из места своего проживания, что, возможно, было связано с процедурой, принятой в то время в подобных случаях: изгнание было предписано для ее собственной безопасности, чтобы защитить ее от дальнейших преследований. Подобные социально-этические соображения, возможно, и привели к тому, что

было зафиксировано лишь несколько случаев сексуального насилия; жертвы предпочитали молчать о постигшем их несчастье чем подвергаться социальному остракизму, как это происходило и в Европе того времени²³.

Помимо закоренелых преступников и преступников-членов банд, к галерам приговаривались случайные воры и другие мелкие правонарушители. Например, решение, занесенное в тюремный реестр за 1707 г., касается имущественных преступлений: «Вышеупомянутые — закоренелые воры. Их уже несколько раз арестовывали и отправляли на весла. После того как им удавалось каким-то образом добиваться освобождения, на этот раз они были арестованы вместе со своими многочисленными сообщниками. Своим указом Великий Государь повелевает отправить их гребцами на галеры Военно-морского арсенала пожизненно». В следующей записи под той же датой «многочисленные сообщники» перечислены поименно: названы три преступника, которые являются «сообщниками Кара Мустафы» и были арестованы по его доносу. Если Кара Мустафе и его сообщнику Али на этот раз не повезло и они были приговорены к пожизненному заключению, то остальные четверо обвиняемых получили лишь срочные приговоры благодаря поручителям²⁴.

В значительном числе случаев преступников приговаривали на весьма долгие сроки или к пожизненному заключению, что выражалось в таких формулах приговора, как «пожизненное заключение» (*müebbed kürek çekmek üzere*). В реестрах осужденных обычно содержится несколько таких записей о тех, кто был осужден за бандитизм или мятежи. В соответствии с общим суровым отношением Османского государства к этим двум группам как к нарушителям спокойствия эти осужденные не попадали под возможную амнистию. Многочисленные записи также свидетельствуют о том, что осужденным часто удавалось бежать из арсенала или с галер и, как показано выше на конкретном примере, их часто ловили. В таких случаях приговор, как правило, был пожизненным, и возможность досрочного освобождения под залог также исключалась.

Что касается последней названной категории правонарушений, то многочисленные записи свидетельствуют, с одной стороны, о сосуще-

²³ *Zarinebaf*. Crime and Punishment, chapter 6, note 22, цит. по: Emsley, Crime and Society in England).

²⁴ Bab-1 Defteri, Baş Muhasebe Kalemi, Tersane Zindanları [Реестр осужденных Военно-морского арсенала], № 15749, л.7 (запись 10).

ствовании различных институтов и инстанций в османском уголовном праве. С другой стороны, очевидно, что главы немусульманских общин обладали широкой юрисдикцией над своими подчиненными. Так, например, патриарх Армянской православной церкви не хотел и не мог допустить смены конфессии членами своей общины. Поэтому он немедленно передавал такие случаи на рассмотрение (мусульманского) кади как уголовные преступления. Такой жесткий подход не в последнюю очередь стал реакцией на усиление миссионерской работы католиков среди православного армянского населения Османской империи в XVIII в. Но в то же время в этой юридической практике прослеживаются параллели с обращением с инакомыслящими и религиозными диссидентами в Европе того времени, такими как протестантские проповедники в габсбургской Венгрии или гугеноты во Франции: там, начиная с 1685 г., тысячи людей были приговорены к каторге, о чем свидетельствуют мемуары Жана Мартейля, которые охватывают тот же период, что и османские реестры 1700–1713 гг.²⁵ До нас дошли судебные решения за 1707 г., которые отражают эту судебную практику. Так, одно решение было направлено против трех членов армянской общины Стамбула, приговор гласил:

«31 марта 1707 года

Дамария	Агоп	Киркор
[Сын]	[Сын]	[сын]
Киркор	Аред	‘Азель
[из]	[из]	[из]
Стамбул	Стамбул	Стамбул

Вышеупомянутые принадлежат к армянской общине. Их патриарх арестовал их в Кумкапу [район столицы]. Они признались, что [теперь] стали франками [католиками]... По приказу Великого Государя они должны быть сосланы в Арсенал на галеры»²⁶.

Таким образом, этой конкретной мерой могли преследоваться различные виды правонарушений. В случае поимки карманным воришкам и другим мелким преступникам грозили годы на галерной скамье в одном ряду с закоренелыми правонарушителями и серьезными преступниками.

²⁵ *Martheile Jean*. Gedenkschriften van eenen protestant, veroordeelt op de galeijen van Vrankryk, ter oorzake van den godsdienst. Daniel de Superville (der Jüngere) (ed.). Rotterdam: Jan Daniel Bemann en zoon, 1757.

²⁶ Bâb-ı Defteri, Baş Muhasebe Kalemi, Tersane Zindanları [Реестр осужденных Военно-морского арсенала], № 15749, л.6 (запись 6).

4. Каторжный труд на галерах становится принудительным общественным трудом

Менее известный аспект галерной каторги заключался в использовании заключенных за пределами гребной скамьи: так, например, военнопленные и осужденные привлекались к изготовлению парусов и другого снаряжения для флота прямо в тюрьме арсенала. За пределами тюрьмы их использовали для ремонта кораблей или на общественных работах, включая строительство и ремонт мечетей, султанских дворцов, бань и других общественных зданий. Имеются также свидетельства того, что каторжные гребцы использовались даже в качестве вспомогательных войск при обороне крепостей. Следует отметить, что к началу XVIII столетия за юридической практикой осуждения на каторжные работы на гребных скамьях, т.е. «наказание веслом», закрепилось расширенное значение как принудительного труда на пользу государства. Аналогичная практика сложилась и в христианских государствах Средиземноморья.

Такое расширение юридического значения правоприменительной практики галерных наказаний было обусловлено технологическим развитием в области кораблестроения и теми фундаментальными изменениями в методах ведения морского боя, которые происходили в XVII в. и затронули не в последнюю очередь и империю султана. В османском флоте вместо галер все чаще стали использоваться парусные корабли, что привело к значительному сокращению потребности в рабочей силе гребцов. Для сражений под парусами требовались опытные и тщательно обученные моряки. Применяя бывших гребцов для работ на суше, османская юстиция следовала глобальной тенденции раннего Нового времени использования пенитенциарной системы для мобилизации рабочей силы.

Несмотря на то, что в массовом европейском сознании того времени невольная служба на османских гребных скамьях считалась воплощением нехристианского, азиатского рабства, мы находим больше сходств, чем различий в организации и функционировании османского флота при непосредственном сравнении с военно-морскими силами христианских средиземноморских государств. Это видно не в последнюю очередь по роли флота в уголовном преследовании и исполнении приговоров.

Под воздействием тех тенденций, которые в XVII в. впервые появились в северо-западной Европе, когда преступления и проступки против политико-религиозного порядка стали наказываться не физическим

уничтожением преступника, а его трудом на благо общества, османский флот в дополнение к военному приобрел и новое, нормативно-полицейское значение. Как и в остальной Европе, вместо телесных наказаний, пожизненного заключения и смертной казни за тяжкие преступления на первый план вышла идея о покаянии и исправлении индивида с помощью принудительного труда. Каторга предлагала простой и дешевый способ решения одной из главных экономических проблем доиндустриального мира — нехватки человеческой рабочей силы. Это также позволяло государству выполнять свои обязательства в соответствии с распространенной в то время идеей о «доброй полиции» (*gute Policey*)²⁷. Под этим термином связываются воедино меры по наблюдению и дисциплинарно-полицейскому воздействию со стороны властей с целью перевоспитания и морального совершенствования индивида, а значит и общества в целом, образуя тем самым систему общественной безопасности, как идеал и целеполагание государственного действия.

Заключение

В ходе всеобщей тенденции, впервые проявившейся в северо-западной Европе начиная с XVII в., — не наказывать преступления и проступки против политико-религиозного порядка физическим уничтожением преступника, а поставить его труд на службу обществу, — османский флот, помимо военного, приобрел и новое, регулятивное значение. Как и в остальной Европе, вместо телесных наказаний и пожизненного заключения за смертные преступления на первый план вышло покаяние и исправление с помощью принудительного труда.

Государство исходило не столько из гуманитарных соображений, сколько из понимания того, что одну из главных экономических проблем доиндустриального мира — нехватку человеческой рабочей силы — можно решить просто и дешево, выполнив тем самым обязанность «хорошей полиции». Этим термином обозначались меры по учреждению системы общественной безопасности.

В Северной и Центральной Европе этой цели служили различные пенитенциарные учреждения — исправительные дома и тюрьмы, возникшие главным образом в XVII в. В средиземноморском регионе, включая

²⁷ *Iseley Andrea*. Gute Policey: Öffentliche Ordnung in der Frühen Neuzeit. Stuttgart: E. Ulmer, 2009.

Османскую империю, дисциплинарно-исправительная функция была возложена на Военно-морские арсеналы и относящиеся к ним тюрьмы. Хотя ранее использовались различные формы вербовки работных людей, примерно с 1600 г. привлечение принудительного труда осужденных преступников становилось обыденной практикой. В последующий период термин «наказание греблей» все чаще становился формальным обозначением, поскольку осужденных в Военно-морском арсенале привлекали к выполнению всех видов тяжелых каторжных работ. Это никоим образом не меняло значения имперского Военно-морского арсенала как важнейшего пенитенциарного учреждения в Османском государстве.

Как показывают тюремные реестры, османская администрация и судебная система демонстрировали высокую степень бюрократизации и стандартизации процедур. Таким образом, реестры являются также свидетельством прогрессивного по меркам того времени административного аппарата. В конечном счете регистры стамбульской Арсенальной тюрьмы представляют собой особо ценный корпус источников для изучения преступности и пенитенциарной системы Османской империи первых десятилетий XVIII в. Поскольку эти акты являются сокращенными версиями судебных решений, они содержат мало информации о жизни и быте в Арсенале, но предоставляют богатейшие данные о преступлениях, группах преступников и судебном процессе.

Даже если рассматривать Военно-морской арсенал только с одной конкретной точки зрения — его роли в уголовном судопроизводстве, становится ясно, что это учреждение, которое являлось крупнейшим работодателем во всей империи и центральным институтом по найму рабочей силы, не только дает представление об османских явлениях и событиях раннего Нового времени, но и позволяет нам получить важные сведения о ранней современной военной, трудовой и социальной истории всего Средиземноморского региона.

REFERENCES

1. Archives the of Presidency of the Republic of Turkey — Ottoman Archive. Bāb-ı Defteri, Baş Muhasebe Kalemi, Tersane Zindanları [Reestr osuzhdennyh voenno-morskogo arsenala], № 15749 (1703–1706).
2. *Aykan Yavuz, Boğaç Ergene*. Shari'a courts in the Ottoman Empire before the Tanzimat // *The Medieval History Journal*, 22/2 (2019): 203–228.
3. *Barkan Ömer Lütfi*. Türkiye`de Din ve Devlet ilişkilerin Tarihsel Gelişimi // *Türk Tarih Kurumu Yayınları* 7/71 (1975): 49–97.
4. *Barkey Karen*. Aspects of Legal Pluralism in the Ottoman Empire // *Lauren Benton / Richard J. Ross (eds.)*. *Legal Pluralism and Empires, 1500–1850*. New York, 2013. P. 83–107.
5. *Başaran Betül*. Crime, Violence and Urban Policing // *Shirine Hamadeh, Çiğdem Kafescioğlu (eds.)*. *A Companion to Early Modern Istanbul*. Leiden: Brill, 2021. P. 446–472.
6. *Başaran Betül*. Selim III, Social Control and Policing in Istanbul at the End of the Eighteenth Century. Leiden: Brill, 2014. P. 106–126.
7. *Bostan İdris*. Osmanlı Bahriye Teşkilâtı: XVII Yüzyılda Tersâne-i Âmire. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1991.
8. *Braudel Fernand*. *Sozialgeschichte des 15–18, Jahrhunderts*, vol. 2: *Der Handel*. München: Kindler, 1986.
9. *Darling Linda T*. *A History of Social Justice and Political Power in the Middle East: The Circle of Justice from Mesopotamia to Globalization*. New York: Routledge, 2013.
10. *Faroqhi Suraiya*. Migration into Eighteenth-Century «Greater Istanbul» as Reflected in the Kadi Registers of Eyüp // *Turcica* 30 (1998): 163–183.
11. *Guilmartin Jr., John Francis*. *Gunpowder and Galleys: Changing Technology and Mediterranean Warfare at Sea in the 16th Century*. London: Cambridge University Press, 2003.
12. *Heberer von Bretten, Johann Michael*. *Aegyptiaca Servitus*, intr. by Karl Teply, reprint. Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1967, перинт оригинала 1610 г.
13. *Heyd Uriel*. *Studies in Old Ottoman Criminal Law*. Oxford: At the Clarendon Press, 1973.

14. *İnalçık Halil*. Osmanlı Hukukuna Giriş // Ankara Üniversitesi SBF Dergisi 13 (1958): 102–126.
15. *Isely Andrea*. Gute Policey: Öffentliche Ordnung in der Frühen Neuzeit. Stuttgart: E. Ulmer, 2009.
16. *Katib Çelebi*. Tuhfetü'l-Kibâr fi Esfâri'l-Bihâr (ed.). İdris Bostan. Ankara: Türkiye Bilimler Akademisi, 2018.
17. *Kılınç Ahmet*. Klasik Dönem Osmanlı Devleti'nde uygulanan Kürek Cezasının Hukuki Tahlili // Belleten 79 (2015): 531–558.
18. *Martheile Jean*. Gedenkschriften van eenen protestant, veroordeelt op de galeijen van Vrankryk, ter oorzake van den godsdienst. *Daniel de Superville* (de Jongh) (ed.). Rotterdam: Jan Daniel Bemann en zoon, 1757.
19. *Na'imā Muştafā*. Ravzat el-Hüseyn fi hulāşat-i ahbār el-ḥāfiḳayn. Tārīḫ-i Na'imā, vol. V. P. 201–202. Istanbul 1864–1866, 4th edition.
20. *Şen Gül*. Between Two Spaces: Enslavement and Labor in the Early Modern Ottoman Navy // *Stephan Conermann, Youval Rotman, Ehud Toledano, Rachel Zelnick-Abramovitz* (eds.). Comparative and Global Framing of Enslavement, Berlin: De Gruyter, 2023. P. 133–166.
21. *Şen Gül*. Galley Slaves and Agency: The Driving Force of the Ottoman Fleet // *Stephan Conermann and Gül Şen* (eds.). Slaves and Slave Agency in the Ottoman Empire. Göttingen: V&R unipress. P. 131–163.
22. *Wratislaw Wenceslas*. Adventures of Baron Wenceslas Wratislaw of Mitrowitz. Transl. Albert Henry Wratislaw. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
23. *Yılmaz Coşkun* (ed.). İstanbul Kadı Sicilleri Bâb Mahkemesi 197 Numaralı Sicil (H. 1162–1163 / M. 1749–1750). İstanbul: İSAM, 2019.
24. *Zarinebaf Fariba*. Crime and Punishment in Istanbul: 1700–1800. Berkeley: University of California Press, 2010.

Ключевые слова:

Османская империя, Средиземноморье, флот, труд, Военно-морской арсенал, осужденные, гребцы

Gül Şen

OTTOMAN NAVAL ARSENAL, CRIMINALITY, AND LAW ENFORCEMENT AROUND 1700

Naval warfare in the Ottoman Empire was based largely on the use of unfree labor, such as war captives and criminals in the early modern period. The need for oarsmen to maintain the military dominance at the coast and sea of the Eastern Mediterranean was enormous, especially during the navigating season in spring and summer. To attract, maintain and organize this labor force, all available means were used. Drawing on the registers of the Naval Arsenal in Istanbul, this article examines the issue of recruitment of criminals for the Ottoman Navy and the changing role of this institution around 1700. The convict registers of the Naval Arsenal document that in some cases even a simple theft could result in a condemnation for hard labor on the galleys. Such cases suggested that law enforcement was seen here as a convenient means to recruit naval workforce. Another important aspect is that with this practice the Ottoman state followed the tendency in north-western Europe since the seventeenth century to punish crimes and violations of the public order no longer with the physical destruction of the delinquent, but to place their labor in the service of the public.

Keywords: Ottoman Empire, Naval Arsenal, Navy, Labor, Convicts, Oarsmen.

Translated from German by Alexander Bauer

Gül Şen – PD. Dr. (Middle Eastern History), Privatdozentin, University of Bonn, Institute of Oriental and Asian Studies
ORCID: 0000-0002-0364-0682

Перевод статьи с немецкого
Александр Бауэр

Гюль Шен

доктор философских наук (история Ближнего Востока), доцент.
Боннский университет, Институт восточных и азиатских исследований
ORCID: 0000-0002-0364-0682

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.50.004

Сунь Ичжи

ГАЗЕТА «ШАНХАЙСКАЯ ЖИЗНЬ» И РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ШАНХАЕ

Введение

Газета «Шанхайская жизнь» являлась одним из крупнейших русскоязычных периодических изданий в Шанхае в 1919–1922 гг. Газета была основана бывшим членом Приморской областной земской управы, главным редактором известной владивостокской газеты «Далекая окраина», бывшим меньшевиком Г.Ф. Семешко в сентябре 1919 г. и в дальнейшем стала органом Дальневосточной республики (далее — ДВР) и московского центра в Шанхае.

До 90-х гг. XX в. китайская, советская и эмигрантская историография практически не обращала внимания на данную газету. В связи с тем, что газета стала в конечном итоге большевистской, авторы-белоэмигранты сознательно избегали ее упоминания. Так, например, в своем фотоальбоме В.Д. Жиганов подробно описывал развитие русской журналистики в Шанхае и биографии ключевых редакторов, однако он ни слова не упомянул о газете «Шанхайская жизнь» и ее главных редакторах¹.

¹ Жиганов В.Д. Русские в Шанхае. Шанхай: Слово, 1936.

Начиная с 90-х гг. китайские и российские эмигрантоведы начали обращать внимание на данную газету в своих исследованиях. В частности, известный историк Ван Чжичэн (汪之成) в своих монографиях дал краткую характеристику газете «Шанхайская жизнь»². Российские эмигрантоведы также попытались описать ее³. Стоит отметить, что в современном эмигрантоведении изучение данной газеты ограничено очерками и краткими упоминаниями ее в общем контексте русской журналистики в Шанхае.

Настоящим прорывом в исследовании газеты «Шанхайская жизнь» стала публикация статьи китайских исследователей по истории Коммунистической партии Китая (далее — КПК) Ли Даньян (李丹阳) и Лю Цзяньи (刘健一) в 2003 г.⁴ Статья была посвящена истории создания «Шанхайской жизни», ее редакции, а также роли газеты в создании и развитии китайских коммунистических организаций в Шанхае. Данная статья стала в свое время большим открытием и для китайских, и для российских ученых. Однако некоторые выводы, касающиеся политической ориентации редакции газеты в разное время, оказались спорными.

Вместе с интенсивным развитием историографии по русской эмиграции и революционному движению в Китае в последние годы появилась возможность более системно описать историю данной газеты. Цель нашего исследования заключается в комплексном изучении истории выпуска газеты «Шанхайская жизнь» с 1919 по 1922 г. Перед нами стоят следующие задачи: 1) реконструировать историю создания газеты Г.Ф. Семешко летом—осенью 1919 г.; 2) дать точную периодизацию развития газеты, выяснить источники и масштаб финансирования; 3) прояснить изменения в составе редакции газеты, в том числе сведения о главных редакторах; 4) проанализировать политическую ориентацию газеты согласно установленной периодизации, а также основной пропагандистский курс газеты в отношении к русским эмигрантам.

² 汪之成 (Ван Чжичэн). 俄侨在上海 (История русской эмиграции в Шанхае). Шанхай: 三联书店 (Сянь-лянь-шу-дянь), 1993. С. 567; Ван Чжичэн. 近代上海俄国侨民生活 (Жизнь русских эмигрантов в Шанхае Нового времени). Шанхай: 上海辞书出版社 (Шанхай-цзы-шу-чю-бань-шэ), 2008. С. 318–320.

³ Хисамутдинов А.А. Русское слово в стране иероглифов. Владивосток: Изд. Дальневосточного университета, 2006. С. 119; Хисамутдинов А.А. Русская словесность в Шанхае. Владивосток: Изд. Дальневосточного университета, 2014. С. 68. Кузнецова Т.В. Русская книга в Китае (1917–1949). Хабаровск: Дальневост. гос. науч. б-ка, 2003 и др.

⁴ 李丹阳 (Ли Даньян), 刘健 (Лю Цзяньи). 《上海俄文生活报》与布尔什维克早期在华活动 («Шанхайская жизнь» и ранняя большевистская деятельность в Китае) // 近代史研究 (Исследование Новой истории). 2003. № 2. С. 1–43.

Современное состояние здания Seward Rd., 12, ныне ул. Чанчжи (长治路), 177.
 Личная коллекция профессора Шанхайского педагогического университета
 Су Чжиляна (苏智良)

Стоит особо отметить, что решение поставленных цели и задач исследования существенно изменит те представления о газете «Шанхайская жизнь» и ее роли в раннекитайском коммунистическом движении в историографии, сформулированные в основном в работе Ли Даньян и Лю Цзяньи 2003 г.

История создания газеты

Г.Ф. Семешко родился в 1880 г. в Полтавской губернии в семье казака-хлебороба⁵. В 1900 г. он стал членом александровской группы РСДРП. В дореволюционное время его многократно арестовывали за участие в революционном движении и в конечном итоге он был сослан в Нарымский край⁶. В 1916 г. он сбежал из Нарыма в США, а после Февральской революции вернулся в Россию, во Владивосток. Был членом Приморской областной земской управы и главным редактором газеты «Далекая окраина». До Омского переворота 18 ноября 1918 г. был твердым меньшевиком, боролся с советской властью. Однако после возвышения

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 124. Оп. 41. Д. 561. Л. 1.

⁶ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 2670. Л. 1.

Парадная и лестница здания Seward Rd., 12, ныне ул. Чанчжи, 177.
Личная коллекция Су Чжиляна

А.В. Колчака действия Г.Ф. Семешко главным образом стали направляться против Верховного правителя, в связи с чем в марте 1919 г. он вместе с другими бывшими членами Приморской областной земской управы был арестован, а в начале апреля был вынужден покинуть Россию.

Из Владивостока Г.Ф. Семешко уехал в Шанхай. После своего приезда в этот мегаполис, в конце июня 1919 г. он предпринял первую попытку издать свою собственную газету. 29 июня 1919 г. он издал газету «Шанхайская хроника», которая в основном была направлена на критику колчаковского правительства и местного консульства во главе с Г.Ф. Гроссе. Газета почти сразу была ликвидирована полицией Международного сеттльмента и китайской полицией Шанхая по запросу генконсула России Г.Ф. Гроссе. Однако после ликвидации газеты «Шанхайская хроника» Г.Ф. Семешко не потерял надежду выпускать собственную газету в Шанхае. 21 сентября 1919 г. под его редакцией появился первый номер газеты «Шанхайская жизнь». В связи с тем, что после инцидента с газетой «Шанхайская хроника» иностранная и китайская власти запретили Г.Ф. Семешко выпускать газету, формально главным редактором новой газеты стал голландец И.Г.В. Заан. 28 августа 1919 г. секретарь Генконсульства Нидерландов выдал разрешение И.Г.В. Заану «публиковать и печатать одну газету на русском языке» для «уничтожения большевизма в России и поддержки истинного демократического правительства,

представленного на данный момент в лице режимов адмирала Колчака и генерала Деникина»⁷. Согласно содержанию разрешения, принципиальной целью газеты было «развитие коммерческих отношений между Сибирью, Китаем, Нидерландами и нидерландскими колониями»⁸.

В действительности содержание газеты никак не соответствовало положениям из разрешения секретаря Генконсульства Нидерландов. После первого выпуска «Шанхайской жизни» полиция Международного сэттльмента начала следить за газетой. 26 сентября 1919 г. полиция получила краткий перевод первого номера газеты на английском языке. 7 октября детектив-суперинтендант Гивэнс (Givens) написал рапорт с биографиями И.Г.В. Заана и Г.Ф. Семешко⁹.

В связи с тем, что газета формально была зарегистрирована в Генконсульстве Нидерландов, полиция Международного сэттльмента и русское Генконсульство не могли закрыть ее, как в случае с газетой «Шанхайская хроника». Однако 27 октября 1919 г. и.о. генконсула Нидерландов Шурман (J.A. Shuurman) отправил письмо Секретариату Муниципалитета Международного сэттльмента, указав, что разрешение И.Г.В. Заану было выдано «ошибочно» и «было уничтожено», поскольку «закон не предусматривает каких-либо разрешений, лицензий, сертификатов или других документов, необходимых для редакции и печати газет, книг и др.»¹⁰. 29 октября детектив-суперинтендант Гивэнс посетил Генконсульство Нидерландов для прояснения ситуации. И.о. генконсула предоставил информацию, что господин И.Г.В. Заан является известным голландским коммерсантом в Шанхае. По поводу письма Секретариату Муниципалитета от 27 октября и.о. генконсула никаких объяснений не дал¹¹.

В связи с туманностью дела полиция Международного сэттльмента прекратила его. Газета «Шанхайская жизнь» не была ликвидирована и просуществовала вплоть до 1922 г., а голландец И.Г.В. Заан остался на посту «главного редактора» вплоть до середины 1920 г.

Согласно поздним воспоминаниям Г.Ф. Семешко, хотя полиция прекратила дело, но давление со стороны русского Генконсульства и власти Международного сэттльмента все-таки было велико, поэтому он из Международного сэттльмента сбежал на китайскую территорию Шанхая. По словам Г.Ф. Семешко, в связи с тем, что полиция Международного

⁷ Shanghai Municipal Police Files (SMPF). IO 3012. P. 9.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibidem. P. 7–8.

¹⁰ Ibidem. P. 5.

¹¹ Ibidem. P. 2.

Шарж на Г.Ф. Семешко. «Шанхайская жизнь» от 1 мая 1920 г.
 Коллекция Российской государственной библиотеки

сеттльмента не имела права действовать на китайской территории, он таким образом избежал повторного ареста¹². Однако стоит упомянуть, что первый арест Г.Ф. Семешко в Шанхае в июле 1919 г. был совершен именно китайской полицией на китайской части Шанхая по просьбе русского Генконсульства и власти Международного сеттльмента. Вызывает сомнение, было ли намерение у Г.Ф. Семешко повторно сбежать в китайскую часть города, если первый побег был неудачным. Возможно, при написании автобиографии в 1934 г. Г.Ф. Семешко уже не помнил детали событий и перепутал даты. Тем не менее Г.Ф. Семешко не был повторно арестован по делу «Шанхайской жизни»¹³ и газета не была ликвидирована.

Проблема периодизации и финансирования газеты

Ли Даньян и Лю Цзяньи считали, что первый главный редактор газеты «Шанхайская жизнь» Г.Ф. Семешко, приехавший в Шанхай после репрессии над земскими деятелями во Владивостоке в марте 1919 г. и основавший газету «Шанхайская хроника» в июне 1919 г., «возможно, до

¹² ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 4. Д. 3952. Л. 18.

¹³ Он лишь был вторично осужден в Шанхае за диффамацию против вице-консула К.Э. Мецлера.

февраля 1920 г. уже имел связи с каким-то большевистским органом в Сибири». Также, согласно сведениям из отчета английского Форин Офиса от апреля 1921 г. (дело FO 228/3211), авторы статьи сделали вывод о том, что в феврале 1920 г. после переговоров В.Д. Виленского-Сибирякова и Г.Ф. Семешко во Владивостоке первый выкупил «Шанхайскую жизнь» за 5000 долларов США и «назначил (委派)» Г.Ф. Семешко главным редактором, после чего издание стало «полностью большевистской газетой с полным финансовым обеспечением»¹⁴.

Благодаря развитию историографии в последние годы появилась возможность пересмотреть вышеуказанные выводы по политической ориентации «Шанхайской жизни». Согласно нашему исследованию, Г.Ф. Семешко не был большевистским агентом вплоть до сентября 1920 г., когда он полностью передал газету правительству ДВР и начал состоять на советской службе¹⁵. В целом в развитии газеты «Шанхайская жизнь» можно выделить три периода: 1) период полной самостоятельности (сентябрь 1919 г. — февраль 1920 г.); 2) период советского финансирования (февраль — сентябрь 1920 г.); 3) период полного советского контроля (сентябрь 1920 г. — 1922 г.).

В феврале 1920 г. В.Д. Виленский-Сибиряков, согласно постановлениям ЦК, выехал во Владивосток «для проведения директив ЦК о необходимости предотвращения столкновения с Японией»¹⁶. С другой стороны, согласно сведению из газеты, 12 февраля 1920 г. Г.Ф. Семешко выехал из Шанхая в Пекин, а оттуда во Владивосток¹⁷. Отсюда ясно, что встреча В.Д. Виленского-Сибирякова и Г.Ф. Семешко во Владивостоке была возможна именно в феврале 1920 г.

Есть два упоминания о «продаже» газеты Г.Ф. Семешко до сентября 1920 г. и оба они были отмечены именно в поздних отчетах¹⁸. Первое упоминание было выявлено Ли Даньян и Лю Цзяньи в отчете Форин Офиса от апреля 1921 г. В нем говорилось о продаже газеты В.Д. Вилен-

¹⁴ Ли Даньян, Лю Цзяньи. «Шанхайская жизнь» и ранняя большевистская деятельность в Китае.

¹⁵ Г.Ф. Семешко — В.Д. Вегману, 21 февраля 1925 г. // Государственный архив Новосибирской области (ГА НО). Ф. П-5а. Оп. 1. Д. 310. Л. 1 об.

¹⁶ ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. 1920–1925 гг. М.: Буклет, 1994. С. 36–42.

¹⁷ Шанхайская жизнь. 1920. 14 февраля.

¹⁸ Было еще сведение из правой владивостокской газеты «Слово», подконтрольной Меркуловым после переворота 1921 г., где говорилось, что 8 мая 1920 г. «Шанхайская жизнь» передана в собственность «временному дальневосточному правительству». См.: Шанхайская жизнь. 1921. 10 июня.

скому-Сибирякову по цене 5000 долларов США в феврале 1920 г. Второе упоминание встречается в докладе известного «красного миссионера» Г.Н. Войтинского от 26 августа 1922 г., в котором он писал, что «с весны 1920 г. в Шанхае миссией ДВР (фактически Советской Россией) была куплена газета “Шанхайская жизнь”»¹⁹.

Достоверность обоих упоминаний вызывает сомнения. Во многих случаях разведывательные данные Форин Офиса о русском Дальнем Востоке, даже свежие, были получены от сомнительных источников и в большей или меньшей степени искажали реальность. Что касается слов Г.Н. Войтинского, то, во-первых, если речь идет о февральской встрече Г.Ф. Семешко и В.Д. Виленского-Сибирякова (это единственное время, когда до лета 1920 г. они физически могли бы встретиться во Владивостоке, других упоминаний о приезде Г.Ф. Семешко во Владивосток весной 1920 г. нет²⁰), тогда ДВР еще не было на политической карте; во-вторых, миссия ДВР во главе с И.А. Юриным отправилась в Китай лишь в июне 1920 г. и только к концу августа прибыла в Пекин, где начала полноценную работу, поэтому в любом случае «весной» 1920 г. миссия никак не могла выкупить газету. Под «покупкой» газеты миссией ДВР Г.Н. Войтинский, с большой вероятностью, имел в виду передачу газеты Г.Ф. Семешко правительству ДВР в сентябре 1920 г.

На наш взгляд, хотя прямые доказательства встречи В.Д. Виленского-Сибирякова и Г.Ф. Семешко во Владивостоке в феврале 1920 г.²¹ отсутствуют, но с большой вероятностью именно во время владивостокской поездки Г.Ф. Семешко нашел для газеты финансовый источник в лице советского правительства, однако речь не может идти именно о «продаже» газеты в связи с тем, что, согласно воспоминаниям Г.Ф. Семешко, лишь в сентябре 1920 г. он полностью передал газету правительству ДВР и Москве, а до этого времени газета еще была подконтрольна ему.

Такая гипотеза подтверждается изменением содержания газеты в феврале—апреле 1920 г. До разгрома А.В. Колчака «Шанхайская

¹⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 154. Д. 137. Л. 71.

²⁰ Лишь после весны, с июня по 22 июля 1920 г. Г.Ф. Семешко находился во Владивостоке.

²¹ Была возможна встреча Г.Ф. Семешко и В.Д. Виленского-Сибирякова во Владивостоке еще в июне—июле 1920 г., в июне Г.Ф. Семешко отправился во Владивосток и 22 июля вернулся в Шанхай на корабле. В.Д. Виленский-Сибиряков до середины июля 1920 г., до своей поездки в Пекин, находился также во Владивостоке. Однако уже до июня 1920 г. газета «Шанхайская жизнь» изменила свой курс политики. См.: Шанхайская жизнь. 1920. 23, 30 июля.

жизнь» не проявляла яркий большевистский уклон и была в основном антиколчаковской. К большому сожалению, среди ныне доступных номеров «Шанхайской жизни» отсутствуют номера второй половины февраля и марта. Однако уже в номерах конца марта — начала апреля четко видно, что Г.Ф. Семешко уже в это время получал деньги от большевиков. Так, например, 31 марта 1920 г. «Шанхайская жизнь» стала первым изданием в Китае, опубликовавшим знаменитый документ «Обращение Совета Народных Комиссаров РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая (Первая декларация Карахана)»²². В номере от 9 апреля 1920 г. появились материалы из центральной московской газеты «Правда»²³, а также была опубликована статья «В.Д. Виленский и кооператоры», в которой газета представила читателям идею слияния Закупсбыта в Центросоюз, инициатором чего были большевики²⁴.

Определить сентябрь 1920 г. как нижнюю рамку «буферного периода» развития «Шанхайской жизни» можно не через письмо Г.Ф. Семешко известному сибирскому большевику В.Д. Вегману от 1925 г. Из письма Г.Ф. Семешко ясно, что еще до сентября 1920 г. «газета стояла на Советской платформе»²⁵, однако лишь в сентябре 1920 г. он «передал [газету] правительству ДВР, а через его голову — Москве и сам оставался работать в ней»²⁶. В анкете для вступления в Общество политкаторжан Г.Ф. Семешко отметил сентябрь 1920 г. как начало своей работы в НКВД²⁷. В более позднем документе от 1934 г. (автобиография) он писал, что «газету передал миссии Дальневосточной Республики /ДВР/ в лице тов. Юрина, признанной Советской Россией и сам оставался работать в газете», время передачи не было упомянуто²⁸. Однако хотя в начале июня 1920 г. миссия И.Л. Юрина уже выехала из Верхнеудинска, но лишь 8 августа она из Кяхты перешла границу в Китай, во Внешнюю Монголию,

²² Ли Даньян, Лю Цзяньи. «Шанхайская жизнь» и ранняя большевистская деятельность в Китае.

²³ Шанхайская жизнь. 1920. 9 апреля.

²⁴ Там же.

²⁵ Г.Ф. Семешко — В.Д. Вегману, 4 мая 1925 г. // Вениамин Вегман. Государственная, научная и общественная деятельность: Сборник документов к 90-летию Сибархива. Новосибирск: ООО «Альфа-Порте», 2010. С. 283.

²⁶ Там же.

²⁷ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 2670. Л. 2.

²⁸ Автобиография Г.Ф. Семешко от 10 июля 1934 г. // ГА РФ. Ф. А539. Оп. 4. Д. 3952. Л. 18.

и только 26 августа прибыла в Пекин²⁹. В целом автобиография 1934 г. не противоречит содержанию письма Г.Ф. Семешко В.Д. Вегману от 1925 г. и лишний раз подтверждает сведения о передаче газеты правительству ДВР в сентябре 1920 г.

Сведения из других шанхайских русскоязычных газет также могут подтвердить, что в сентябре 1920 г. редакция «Шанхайской жизни» подвергалась реконструкции. Так, например, фельетонист белоэмигрантской газеты «Русское эхо» в первых числах октября 1920 г. писал: «Японские источники указывают, что в Шанхай прибыли виднейшие большевистские агенты и думают издавать большую “русскую” газету. “Шанхайская Жизнь” из кожи лезет, угождая богатым родственничкам. Одним словом работа кипит ...»³⁰

Газета «Шанхайская жизнь» изначально была еженедельным изданием, однако вскоре стала ежедневной. Ли Даньян и Лю Цзяньи предположили, что это произошло в конце января — начале февраля 1920 г.³¹ В действительности газета стала ежедневной с 14-го номера от 9 ноября 1919 г. (кроме понедельников и послепраздничных дней)³². Переход в ежедневный формат создал финансовые трудности для редакции во главе с Г.Ф. Семешко, поэтому она решила прекратить печатать объявления и высылку газеты в кредит³³.

После февраля 1920 г. газета получила советское финансирование и финансовые вопросы уже не беспокоили редакцию. Согласно воспоминаниям Г.Ф. Семешко, «газета стояла на Советской платформе. За год я уже приобрел наборную в 14 касс со всем необходимым оборудованием — марзанами, бабашками, линейками, украшениями и реалами»³⁴.

Советская власть выделяла достаточно много средств в издание газеты. Согласно сведениям Г.Н. Войтинского, во время периода советского контроля над газетой содержание ежедневного выпуска примерно 600–700 экз. обходилось Советской России «в среднем не менее 1000 золо-

²⁹ 黄纪莲 (Хуан Цзялянь). 远东共和国代表团使华史略 (一) (Краткая история о китайской поездке Миссии ДВР, часть 1) // 黑河学刊 (Хэйхэский научный журнал). 1986. № 1. С. 55–58.

³⁰ *Скромный наблюдатель*. Общественные заметки // Русское эхо. 1920. 2 октября.

³¹ Ли Даньян, Лю Цзяньи. «Шанхайская жизнь» и ранняя большевистская деятельность в Китае.

³² Шанхайская жизнь. 1919. 12 ноября.

³³ Там же.

³⁴ Г.Ф. Семешко — В.Д. Вегману, 4 мая 1925 г. // Вениамин Вегман. Государственная, научная и общественная деятельность. С. 283.

тых рублей в месяц»³⁵. Финансовая невыгодность для советского центра, главной целью которого в Шанхае была все-таки не агитация русских эмигрантов, а именно пропаганда большевизма среди китайского населения, не понимавшего русский язык, побудила его приостановить финансирование после полного поражения белой власти в Гражданской войне в конце 1922 г.

Изначально редакция «Шанхайской жизни» находилась во Французской концессии, на Avenue Joffre, 291³⁶. Начиная с ноября 1919 г. редакция переместилась в Международный сеттльмент на Fooshow Rd. 6³⁷. Редакция располагалась на втором этаже здания по адресу бывшей немецкой почты³⁸.

После февраля 1920 г. редакция вновь переехала на новый адрес. Теперь она находилась на Seward Rd., 12, угол Boone Rd., на третьем этаже, где до разгрома А.В. Колчака находилась Русская типография³⁹. В октябре 1920 г. редакция переместилась с третьего этажа здания на первый этаж⁴⁰, а в июне 1921 г. еще раз переместилась с первого этажа на второй этаж того же здания⁴¹.

Газета до 1922 г. издавалась в старой дореволюционной орфографии, однако в январе 1922 г. было решено перейти на новое правописание⁴².

Главные редакторы, состав редакции, корреспонденты

До периода советского финансирования, т.е. до февраля 1920 г., редактором-издателем формально был И.Г.В. Заан, а фактическим главным редактором был Г.Ф. Семешко. С февраля до мая 1920 г., согласно информации на объявлениях газеты, редактором-издателем остался голландец Заан, заведующим редакцией стал Г.Ф. Семешко⁴³.

С июня по октябрь 1920 г., согласно открытой информации в объявлениях газеты, И.Г.В. Заан перестал быть номинальным редакто-

³⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 137. Л. 68.

³⁶ Шанхайская жизнь. 1919. 21 сентября.

³⁷ Там же. 6 ноября.

³⁸ Там же. 21 ноября.

³⁹ Там же. 1920. 9 апреля.

⁴⁰ Там же. 27 октября.

⁴¹ Там же. 1921. 26 июня.

⁴² Там же. 1922. 14 января.

⁴³ Там же. 1920. 9 апреля.

ром-издателем газеты. Издателем стал Г.Ф. Семешко, а редактором — С.Д. Мельниченко⁴⁴.

Имя С.Д. Мельниченко как главного редактора значится в составе редакции вплоть до октября 1920 г., когда газета уже полностью перешла в руки советской власти. Однако в действительности он, с большой вероятностью, не был столь важной фигурой в редакции. В автобиографиях и письмах Г.Ф. Семешко С.Д. Мельниченко не был упомянут как человек, контролировавший выпуск газеты. С конца октября С.Д. Мельниченко стал одним из участников организации так называемого Русского демократического клуба с целью противостояния белоэмигрантскому Русскому клубу (Русскому общественному собранию)⁴⁵.

До сентября 1920 г. фактическим главным редактором газеты «Шанхайская жизнь» остался Г.Ф. Семешко. Однако уже с лета 1920 г. Г.Ф. Семешко постепенно передал власть новоприбывшему в Шанхай Н.К. Новицкому. Он и стал вторым фактическим главным редактором «Шанхайской жизни».

Н.К. Новицкий был революционером с дореволюционным стажем. За участие в крестьянских выступлениях 1905 г. был сослан в Сибирь. С 1915 г. начал деятельность на Дальнем Востоке. После Февральской революции стал первым председателем Владивостокской украинской громады. В отличие от Г.Ф. Семешко, который изначально работал в земской системе, Н.К. Новицкий в мае 1917 г. начал работать в Исполкоме Владивостокского совета. Однако вскоре в конце 1917 г. он также стал членом Приморской областной земской управы⁴⁶. Работал с Г.Ф. Семешко в газете «Далекая окраина», был третьим главным редактором газеты «Дальневосточное обозрение» после Н.Н. Асеева и Н.Д. Крюденер-Салько⁴⁷.

Согласно воспоминаниям Г.Ф. Семешко, «летом 1920 г. приехал для редактирования газеты, моего давнишнего товарища, нынешнего редактора владивостокского “Красного Знамени”, Новицкого»⁴⁸. Исследователь В.А. Черномаз утверждает, что Н.К. Новицкий жил в Шанхае

⁴⁴ Там же. 25 мая.

⁴⁵ Там же. 28 октября

⁴⁶ Черномаз В.А. Украинское национальное движение на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.): дисс. ... к.и.н. Владивосток, 2005. С. 358.

⁴⁷ Дальневосточное обозрение. 1919. 21 ноября (4 декабря).

⁴⁸ Г.Ф. Семешко — В.Д. Вегману, 21 февраля 1925 г. // ГА НО. Ф. П-5а. Оп. 1. Д. 310. Л. 1 об.

с июля 1920 г.⁴⁹ Вскоре после его прибытия в Шанхай, впоследствии полной передачи Г.Ф. Семешко своей газеты Миссии ДВР в сентябре 1920 г., «редактором же был назначен давнишний мой товарищ [...] Ник[олай] Конст[антинович] Новицкий»⁵⁰.

Первая статья с подписью Н.К. Новицкого появилась на полосах газеты «Шанхайская жизнь» уже в феврале 1920 г. (перепечатанная из газеты «Дальневосточное обозрение»)⁵¹. Сам Н.К. Новицкий был известным фельетонистом с владивостокских времен. Согласно словам Ли Даньян и Лю Цзяньи, псевдоним «Иона Вочревесущий» принадлежал ему⁵². В газете «Шанхайская жизнь», с сентября 1920 г., Н.К. Новицкий под этим псевдонимом начал вести раздел «Брызги жизни», где с иронией комментировал мировые и местные события.

С октября 1920 г. до марта 1922 г. газета «Шанхайская жизнь» скрывала информацию о главном редакторе. По информации на первой полосе, редактором стал «редакционный коллектив», а издателем — «Издательство “Шанхайская жизнь”». Согласно ныне доступным материалам, мы не имеем точных сведений о том, кто был главным редактором газеты «Шанхайская жизнь» с конца 1920 г. до марта 1922 г. В представлении большинства русских эмигрантов, не знавших внутренние дела редакции, главным редактором «Шанхайской жизни» вплоть до 1922 г. был Г.Ф. Семешко. Даже для шанхайской полиции он оставался на месте главреда после сентября 1920 г.: в полицейском отчете от 29 января 1921 г. Г.Ф. Семешко был описан именно как «редактор Шанхайской жизни»⁵³. Г.Ф. Семешко был неким главным лидером левого крыла эмиграции в Шанхае в представлении белоэмигрантов, хотя на самом деле с сентября 1920 г. он уже потерял контроль над главной газетой русских социалистов в Шанхае.

С целью объяснения редакция на третьей полосе номера от 14 марта 1922 г. разместила объявление о том, что «Григорий Филиппович Семешко никакого отношения к коммерческой или хозяйственной

⁴⁹ Черномаз В.А. Украинское национальное движение на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). С. 358.

⁵⁰ Г.Ф. Семешко — В.Д. Вегману, 4 мая 1925 г. // Вениамин Вегман. Государственная, научная и общественная деятельность. С. 283.

⁵¹ Шанхайская жизнь. 1920. 14 февраля.

⁵² Ли Даньян, Лю Цзяньи. «Шанхайская жизнь» и ранняя большевистская деятельность в Китае.

⁵³ SMPF. IO 3702. P. 4.

стороне Типографии и Издательства не имеет, а равно и не состоит редактором газеты «Шанхайская Жизнь»⁵⁴.

С 21 марта до 31 октября 1922 г., согласно открытой информации на полосах газеты, формальным главным редактором стал М.С. Лисютин. Так как Г.Ф. Семешко в своих письмах и других документах не упоминали, что кроме него и Н.К. Новицкого были и другие главные редакторы газеты «Шанхайская жизнь», поэтому нельзя с полным утверждением сказать, что М.С. Лисютин был фактическим главредом газеты в этом периоде.

Из открытых объявлений на первой полосе каждого номера газеты «Шанхайская жизнь» мы можем восстановить всего 11 составов редакции. Приведем их ниже в виде таблицы.

Состав редакции «Шанхайской жизни»

Состав редакции	Новые члены	Ушедшие члены
I. (09. 1919 – 02. 1920)	А.Н. Байдужный, М.В. Вишенский, И.И. Гонорский, Г.Ф. Семешко	Нет
II. (02. 1920 – 05. 1920)	А.Ф. Агарев, Арсений, М.И. Барановский, М.А. Гурман, Л.Г. Кауфман, Л. Нид, А.Е. Толин	Нет
III. (06. 1920 – 08. 1920)	С.Д. Мельниченко, Я.Р. Евзеров	Нет
IV. (08. 1920 – 10. 1920)	Инок Варлаам, В. Костенко, Лурис, Н.К. Новицкий, Д.Ф. Оржешко, А.И. Синельников	Нет
V. (10. 1920 – 12. 1920)	Иона Вочревесущий, Веселовский, Гезз, В.Ф. Классинг, Науменко, Обозреватель, Павлов, В. Подгурский, Тор, К.Х.	Арсений, М.В. Вишенский, И.И. Гонорский, Я.Р. Евзеров, Инок Варлаам, С.Д. Мельниченко, Д.Ф. Оржешко
VI. (12. 1920 – 04. 1921)	Нет	А.И. Синельников
VII. (04. 1921 – 10. 1921)	С.Д. Мельниченко	Гезз, Науменко, Л. Нид

⁵⁴ Шанхайская жизнь. 1922. 14 марта.

Состав редакции	Новые члены	Ушедшие члены
VIII. (10. 1921 – 01. 1922)	Нет	С.Д. Мельниченко
IX. (01. 1922 – 03. 1922)	Давит Борисов, Юрий Викторов, А.Б. Давсен	Л.Г. Кауфман
X. (03. 1922 – 07. 1922)	М.С. Лисютин	М.И. Барановский
XI. (07. 1922 – 10. 1922)	Б.П. Торгашев, А. Нольд	Нет

Источник: Объявления на полосах газеты «Шанхайская жизнь».

Согласно полиции Международного селтльмента, имена А.Н. Байдушный, М.В. Вишенский и И.И. Гонорский были псевдонимами Г.Ф. Семешко⁵⁵.

Мы видим, что в редакции «Шанхайской жизни» в разное время работали многие видные русские коммунистические работники в Китае того времени. Сразу после февраля 1920 г., т.е. после того, как Советская Россия начала финансировать газету, в редакцию вошли такие видные коммунисты, как А.Ф. Агарев, Л.Г. Кауфман, А.Е. Толин (т.е. А.Е. Ходоров), В.Ф. Классинг, Б.П. Торгашев и др.

А.Ф. Агарев был меньшевиком, с июля 1917 г. ставший гласным Владивостокской городской думы. Во время Гражданской войны он был городским главой Владивостока и многократно переизбирался как гласный городской думы. После падения А.В. Колчака его имя присутствовало в списке гласных городской думы, избранных 28 марта 1920 г. на срок по 1 января 1922 г.⁵⁶, однако фактически уже в мае 1920 г. он был назначен Временным правительством Дальнего Востока на должность председателя Миссии владивостокского правительства в Китае⁵⁷. После своего прибытия в Пекин А.Ф. Агарев наладил тесный контакт с ДВР, особенно после прибытия Миссии И.Л. Юрина в Китай. Пробольшевистский уклон А.Ф. Агарева ярко проявился в 1920 г. — он был сторонником объединения Миссии Временного правительства Дальнего Востока с Миссией ДВР, в октябре 1920 г. совместно с И.Л. Юриным им

⁵⁵ SMPF. IO 3012. P. 6.

⁵⁶ Поздняк Т.З. Повседневная жизнь Владивостока от Первой мировой до Гражданской войны (1914–1922). Владивосток: Дальнаука, 2018. С. 712.

⁵⁷ Ли Даньян, Лю Цзяньи. «Шанхайская жизнь» и ранняя большевистская деятельность в Китае.

Объявление на первой полосе газеты с первым составом редакции. «Шанхайская жизнь» от 21 сентября 1919 г. Коллекция Национальной библиотеки Чешской Республики

был предложен план объединения⁵⁸ и в дальнейшем он стал товарищем председателя Миссии ДВР⁵⁹, а впоследствии и председателем Миссии после ухода Юрина⁶⁰. Однако минимум до августа 1920 г. А.Ф. Агарев не выходил из партии меньшевиков. В информационной сводке МИД ДВР от 2 августа 1920 г. было указано, что «информация Китая ведется в настоящее время Владивостокским правительством, которое имеет своим официальным представителем Агарева-меньшевика»⁶¹.

Л.Г. Кауфман в 1919 г. был редактором русского отдела «Shanghai Gazette»⁶², в 1919–1920 гг. находился в Шанхае, участвовал в русской общественной жизни. В начале 1921 г. стал сотрудником Миссии ДВР

⁵⁸ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-534. Оп. 2. Д. 50. Л. 5.

⁵⁹ Шанхайская жизнь. 1921. 4 января.

⁶⁰ Саблин И. Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 341.

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 55. Л. 2.

⁶² Шанхайская жизнь. 1919. 2 октября.

в Пекине⁶³. В конце марта 1921 г. Л.Г. Кауфман вернулся в Россию, в Иркутск, и работал в службе Коминтерна. Его личное дело хранится в архиве Коминтерна. Стоит отметить, что Л.Г. Кауфман до 1921 г. не состоял в партии большевиков и только после своего возвращения в Россию 27 мая 1921 г. был принят в РКП(б)⁶⁴.

А.Е. Толин, согласно мнению русского ученого К.В. Шевелева (китайское имя Ши Кэцзян 石克强), сотрудника Института Дальнего Востока РАН, был псевдонимом А.Е. Ходорова⁶⁵, бывшего меньшевика, члена Приморской областной земской управы, заведующего владивостокской газетой «Далекая окраина»⁶⁶, арестованного вместе с Г.Ф. Семешко во Владивостоке в марте 1919 г. и высланного в Шанхай⁶⁷. А.Е. Ходоров имел высшее юридическое образование, закончил Новороссийский университет⁶⁸. В начале 1920 г. А.Е. Ходоров переехал из Шанхая в Тяньцзинь и Пекин, и после открытия Пекинского отделения РОСТА-ДАЛЬТА стал его заведующим⁶⁹. После своего отъезда на север А.Е. Ходоров сохранил связь с газетой «Шанхайская жизнь»: под псевдонимом А.Е. Толин на полосах газеты выходили длинные статьи о политической жизни Китая⁷⁰, а также в 1922 г. в типографии газеты «Шанхайская жизнь» вышла монография А.Е. Ходорова «Мировой империализм и Китай»⁷¹.

В.Ф. Классинг был одним из важных социалистических работников в Китае. С марта 1918 г. он стал заведующим Страховым подотделом Приморской областной земской управы⁷². В марте 1919 г. вместе с Г.Ф. Семешко был арестован во Владивостоке. 9 апреля 1919 г. В.Ф. Классинг вместе со своей женой прибыл в Шанхай в группе с Г.Ф. Семешко⁷³. Изначально В.Ф. Классинг служил в шанхайской конторе Центросою-

⁶³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 109. Л. 262.

⁶⁴ Там же. Оп. 65а. Д. 730. Л. 12.

⁶⁵ Ли Даньян, Лю Цзяньи. «Шанхайская жизнь» и ранняя большевистская деятельность в Китае.

⁶⁶ После ухода Г.Ф. Семешко с поста главреда газеты в конце 1918 г.

⁶⁷ Поздняк Т.З. Повседневная жизнь Владивостока от Первой мировой до Гражданской войны (1914–1922). С. 711.

⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65а. Д. 8389. Л. 12.

⁶⁹ Ли Даньян, Лю Цзяньи. Ходоров и самое раннее телеграфное агентство, учрежденное Советской Россией в Китае.

⁷⁰ Толин А.Е. Дневник журналиста о Китае // Шанхайская жизнь. 1920. 15, 17, 23 июня.

⁷¹ Ходоров А.Е. Мировой империализм и Китай. Шанхай: Изд-во Шанхайская жизнь, 1922.

⁷² РГИА ДВ. Ф.Р-534. Оп. 1. Д. 83. Л. 43.

⁷³ Shanghai Times. 1919. Apr 10.

Обложка специального номера «Помогите голодающим» в исполнении В.С. Подгурского. «Шанхайская жизнь» от 15 января 1922 г. Коллекция Национальной библиотеки Чешской Республики

за⁷⁴, после прибытия Миссии ДВР в Пекин он также работал в ней. Сам В.Ф. Классинг никогда не публиковался на полосах «Шанхайской жизни», лишь в номере от 3 августа 1920 г. вышла его статья, перепечатанная из газеты «Дальневосточное обозрение»⁷⁵. Однако, согласно исследованию Ли Даньян и Лю Цзяньи, В.Ф. Классинг был одним из важных работников редакции, контактировал с Миссией ДВР и другими коммунистами в Шанхае и Пекине.

Член Миссии ДВР в Китае Б.П. Торгашев был одним из главных авторов, писавших о Китае на полосах «Шанхайской жизни» в 1922 г. В своих публикациях он в основном затрагивал современное экономическое состояние Китая и русско-китайские экономические сношения. Первая его статья о Китае в газете появилась 20 января 1922 г.

Работали в редакции и профессиональные журналисты левого уклона, в основном приезжие из Владивостока, например, главный редактор Н.К. Новицкий (с псевдонимом Иона Вочревесущий), В. Костенко, которая была автором владивостокской газеты «Дальневосточное обо-

⁷⁴ Шанхайская жизнь. 1919. 21 сентября.

⁷⁵ Там же. 1920. 3 августа.

зрение», преемницы газеты «Далекая окраина». Работал в редакции и видный русский художник в Шанхае В.С. Подгурский⁷⁶. Для газеты он писал великолепные политические карикатуры, отражающие дух той эпохи. Карикатуры В.С. Подгурского, опубликованные в «Шанхайской жизни», стоят отдельного внимания искусствоведов.

Кроме вышеупомянутых членов, были еще «теневые» сотрудники, которые отсутствовали в списках редакции, но оказали влияние на выпуски и даже само существование газеты «Шанхайская жизнь».

«Красный миссионер» Г.Н. Войтинский, согласно исследованию Ли Даньян и Лю Цзяньи, имел тесные отношения с редакцией. Именно под прикрытием статуса корреспондента и сотрудника «Шанхайской жизни» он работал в Шанхае⁷⁷. Под своей старой фамилией «Зархин» Г.Н. Войтинский участвовал в русских делах Шанхая, например в организации Русского демократического клуба⁷⁸. Также по его предложению газета была ликвидирована в связи с тем, что «эффект, достигаемый ею, не соответствует тем денежным затратам, которые на нее производятся»⁷⁹.

Согласно материалам английских разведывательных организаций, в начале 1920 г. одним из главных сотрудников газеты «Шанхайская жизнь» был Джек Лизерович (Jack Lizerovitch), русский эмигрант (еврей) в Великобритании, в 1917 г. прибывший в Шанхай⁸⁰. Он был знаменитым социалистом уже во время своей деятельности в лондонском Ист-Энде⁸¹.

Сын известного писателя Николая Матвеева-Амурского Н.Н. Матвеев-Бодрый также был сотрудником «Шанхайской жизни» в 1919–1920 гг.: «тогда же стал сотрудничать в русской газ. “Шанхайская жизнь” советской ориентации»⁸². Н.Н. Матвеев-Бодрый в 1919 г.

⁷⁶ Шаронова В.Г. Русский след в Шанхае // Золотая палитра. 2012. № 1 (7). С. 44–50.

⁷⁷ Ли Даньян, Лю Цзяньи. «Шанхайская жизнь» и ранняя большевистская деятельность в Китае.

⁷⁸ Шанхайская жизнь. 1920. 28 октября.

⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 137. Л. 68.

⁸⁰ 英国国家档案馆藏有关布尔什维克来华, 在华人员情报选译 (Избранные переводы информации о большевиках в Китае, хранящиеся в Государственном архиве Великобритании) // 上海档案史料研究 (Исследование архивных материалов Шанхая). Т. 10. Шанхай, 2011. С. 268–275.

⁸¹ Ли Даньян. 红色俄侨李泽洛维奇与中国初期共产主义运动 (Красный русский эмигрант Лизерович и раннее коммунистическое движение в Китае) // 中山大学学报 (社会科学版) (Вестник университета Сунь Ятсена. Серия: Общественные науки). 2002. № 6. С. 59–69.

⁸² Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2891. Оп. 1. Д. 333. Л. 2.

с целью избежания насильственной мобилизации белой армии прибыл в Шанхай, после разгрома А.В. Колчака вернулся во Владивосток ненадолго (с февраля по июнь 1920 г.) и вновь прибыл в Шанхай⁸³. Сам Н.Н. Матвеев-Бодрый в поздних воспоминаниях писал, что осенью 1920 г. он был вызван из Шанхая во Владивосток⁸⁴, однако последнее упоминание о его деятельности в Шанхае появилось на полосах «Шанхайской жизни» 21 ноября 1920 г.⁸⁵ В Шанхае известный писатель активно участвовал в политической жизни русской эмиграции, был одной из центральных фигур в организации Бюро труда и Русского демократического клуба.

Н.Н. Матвеев-Бодрый редко публиковался на страницах газеты. Лишь 9 июля 1920 г. в разделе «Библиография» была опубликована его рецензия на книгу Дионео «Англия за пять лет 1914–1919», изданную в Русском издательстве в Париже. В Шанхае у него было свое издательство «Даль» и журнал «Отголоски»⁸⁶. Согласно ныне доступным материалам, нам не известна степень участия Н.Н. Матвеева-Бодрого в делах редакции «Шанхайской жизни».

В материалах полиции Международного сэттльмента мы можем найти и другие имена, которые полиция причисляла к «связанным с русской газетой “Шанхайская жизнь”»: Я.А. Хан, В.А. Комарова, Мискисс (Miskiss, Мышкис?), М.Г. Попов, Д.Б. Рабинович, В.А. Стопани и Войткевич⁸⁷. Из этих людей В.А. Комарова была активным политическим деятелем русского Шанхая, участвовала в организации Русского демократического клуба⁸⁸. Мышкис и Д.Б. Рабинович были членами Организационного комитета помощи голодающему населению северных провинций Китая, заседания которого проводились в помещении редакции «Шанхайской жизни»⁸⁹. В.А. Стопани был членом Шанхайского общества эсперантистов, покончившим жизнь самоубийством в Шанхае в марте 1921 г., когда ему было всего 19 лет. В памятной статье и некрологе, опубликованных на страницах

⁸³ Там же. Ф. 2871. Оп. 1. Д. 197. Л. 4; 25 июня 1920 г. Н.Н. Матвеев-Бодрый прибыл в Шанхай из Владивостока на пароходе. См.: Шанхайская жизнь. 1920. 26 июня.

⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 2891. Оп. 1. Д. 333. Л. 2.

⁸⁵ Шанхайская жизнь. 1920. 21 ноября.

⁸⁶ РГАЛИ. Ф. 2891. Оп. 1. Д. 333. Л. 3. Журнал «Отголоски» изначально принадлежал Н.П. Малиновскому, впоследствии перешел в издательство «Даль».

⁸⁷ SMPF. Ю 3702. Р. 4.

⁸⁸ Шанхайская жизнь. 1920. 28 октября.

⁸⁹ Там же.

«Шанхайской жизни», В.А. Стопани был назван «служащим конторы газеты»⁹⁰.

Войткевич был активным автором газеты «Шанхайская жизнь». Свою публицистическую деятельность он начал уже во Владивостоке. В Шанхае он стал одним из основных авторов «Шанхайской жизни» и писал о разных темах, в том числе о политической жизни Китая, Дальнего Востока и т.д.

Газета широко использовала материалы из разных газет и журналов, в том числе из крупных англоязычных газет «Times» и «New York Times». Кроме крупных изданий, редакция также использовала материалы из другой англоязычной левой и леволиберальной прессы, например «The Manchester Guardian» и «The New Republic» (Нью-Йорк). Редакция также получала японские газеты «Токио Ничи-Ничи Симбун (東京日日新聞)» и «Осака Майнити Симбун (大阪毎日新聞)».

Широко использовались материалы из Советской России, ДВР и Приморья, в том числе материалы газет «Правда» и «Известия». Среди дальневосточных изданий редакция обращала особое внимание на следующие газеты и журналы: журнал «Творчество», газеты «Дальневосточное обозрение» (Владивосток), «Красное знамя» (Владивосток), «Дальневосточная трибуна» (Владивосток), «Дальневосточный телеграф» (Чита), «Дальневосточный путь» (Чита), «Амурская правда» (Благовещенск), «Власть труда» (Иркутск).

Кроме социалистических газет, редакция «Шанхайской жизни» обращала внимание также на белые газеты Владивостока и газеты японских оккупационных властей: «Владиво-Ниппо», «Вечерняя газета», «Русский край», «Руль» и т.д.

Редакция газеты имела возможность познакомиться со всеми китайскими, англоязычными и франкоязычными изданиями Китая. Среди газет Северного Китая основными источниками информации для редакции служили следующие: «Le Journal de Pékin», «The Peking Leader», «North-China Star» (Тяньцзин), «Ишибао (益世報)» (Тяньцзин), «Бэйцзин Ишибао (北京益世報)» (Пекин), «Чэньбао (晨報)» (Пекин), «Шуньтянь Жибао (順天日報)» (Пекин) и др.

Материалы следующих шанхайских газет широко использованы на полосах «Шанхайской жизни»: «The North-China Daily News», «The China Press», «Millard's Review of the Far East», «Шэньбао (申報)», «Миньго Жибао (民國日報)», «Шиши Синьбао (時事新報)» и др.

⁹⁰ Там же. 1921. 29 марта.

Хотя газета «Шанхайская жизнь» изначально была социалистической и впоследствии находилась под советским контролем, тем не менее редакция постоянно выписывала большое количество русскоязычных печатных изданий со всего света и тщательно следила за событиями в эмигрантской среде.

Редакция получала почти все крупные харбинские русскоязычные издания: «Новость жизни», «Заря», «Русский голос», «Свет», «Вечер», «Слово», «Рупор» и т.д. Из Японии редакция получала номера журнала «Голос Японии (日露實業新報)» под редакцией П. Серого-Сирька⁹¹.

Из Европы и США доставлялись газеты: «Голос России» (Берлин), «Общее дело» (Берлин), «Грядущая Россия» (Берлин), «Русская сила» (Берлин), «Русское дело» (Прага), «Последние новости» (Париж), «Новое время» (Белград), «Русский голос» (Нью-Йорк) и т.д. Также доставлялись эсеровские газеты: «Свобода» (Варшава) и «Воля России» (Прага, Париж).

В течение всего периода существования газеты «Шанхайская жизнь» редакция тщательно следила за развитием русскоязычной периодической печати в Шанхае. Два главных редактора газеты, Г.Ф. Семешко и Н.К. Новицкий, хотя были социалистами, но хорошо знали белоэмигрантские газеты Шанхая. Г.Ф. Семешко как опытный разоблачитель раскрывал «темную изнанку» газет «Русское эхо», «Shanghai Gazette» и пр. Вслед за ним Н.К. Новицкий под псевдонимом Иона Вочревесущий в разделе «Брызги жизни» саркастически комментировал газеты «Русское эхо», «Русская свободная мысль», «ШНВ» и т.д.

На первой полосе каждого номера была размещена следующая фраза: «В крупных центрах России, Китая, Японии и Америки — собственные корреспонденты». Согласно содержанию раздела «корреспонденция» и др., газета в разное время имела корреспондентов со следующими именами и псевдонимами: 1) в Китае: Пекин (Г.С.), Тяньцзин (Я.), Маймайчэн (М. Семенов), Цзинань — Цинанфу (Арс., Г., Местный), Циндао (Г.Ф., С., Шл., Л.Г., Арсений), Чифу (Арсений, АБ.), Порт-Артур (АБ.), Далянь-Дайрен-Дальний (Г.Ф.), Ханькоу (А.Б., П. Учанский), Кантон⁹² (Оксин, Аксан, Пин, Л.П., А.Н.), Шаньтоу-Сватоу (Саратовский), Гонконг (Мин, Я.), Макао (Катонец); 2) в Японии: Кобе (Ф., АБ.), Нагасаки (Ор.); 3) в Передней Азии: Палестина (Spectator); 4) в Европе:

⁹¹ Журнал представлял японские интересы. Однако главный редактор русского отдела П. Серый-Сирьк уже в 1923 г. стал первым заведующим шанхайским отделением советской Уссурийской железной дороги в Шанхае.

⁹² Не понятно, в каких конкретных городах провинции находились корреспонденты.

Прага (Мих. Григорьев), Копенгаген (Стэд), Вена (Венский); 5) в США: Нью-Йорк (Синельников); 6) в Юго-Восточной Азии и Океании: Ява (Ар.), Австралия (Австралиец).

Политическая ориентация газеты и ее пропагандистский курс в отношении русской эмиграции в Шанхае

Вместе с изменением статуса газеты и состава редакции политика редакции газеты «Шанхайская жизнь» постепенно радикализировалась в течение 1919–1922 гг. До падения А.В. Колчака в начале 1920 г. Г.Ф. Семешко в основном направлял газету на антиколчаковский фронт, хотя из его письма В.Л. Бурцеву в июле 1919 г. мы видим, что сам он в это время уже изменил свою прежнюю антибольшевистскую позицию и думал о сотрудничестве с большевиками⁹³.

Стоит отметить, что вопреки антиколчаковской позиции Г.Ф. Семешко был намерен провести «внутрисистемную», а не революционную борьбу на страницах газеты. Он в своей газете никогда не призывал народ революционным путем свергнуть правительство Колчака. Наоборот, во многих случаях он рассматривал колчаковское правительство как существующий факт.

Редакция была против того, чтобы японцы и колчаковцы причисляли всех своих «врагов» к большевикам: «Определение — большевистские банды, покрывает все. Было бы интересно знать, как японские власти разбирались в политических воззрениях амурского и уссурийского населения, когда мы, русские, не сможем в них разбираться»⁹⁴.

В первое время газета отнюдь не была лояльной к большевикам. До февраля 1920 г. редакция во главе с Г.Ф. Семешко свободно использовала пренебрежительные слова в отношении к большевикам, в том числе при описании деятельности ЧК редакция без комментариев перепечатала репортаж белой газеты следующего содержания: «Жертвы чрезвычайки. В “Русском деле” напечатан список девяноста жертв красного террора, расстрелянных в прошлом году по постановлению все-русской чрезвычайки в ответ на убийство Володарского и покушение на Ленина»⁹⁵.

⁹³ Г.Ф. Семешко — В.Л. Бурцеву, 5 октября 1919 г. // ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 1. Д. 537. Л. 6.

⁹⁴ Шанхайская жизнь. 1919. 5 октября.

⁹⁵ Там же. 6 ноября.

Шапка первого номера «Шанхайской жизни» от 21 сентября 1919 г.
 Коллекция Национальной библиотеки Чешской Республики

На полосах газеты также появлялись репортажи следующего типа: «Вблизи Хабаровска красными ограблен и приведен в полную негодность казенный пароход. Красные сожгли баржи с дровами, шедшими в Хабаровск»⁹⁶.

Замену диктатуре Колчака редакция видела не в большевистской власти, а в лице павшей Уфимской директории: «Новая власть [Колчак] поставила своей задачей борьбу с большевизмом. Такую же задачу ставила себе и директория, образовавшаяся на уфимском государственном совещании. Но какая разница! В то время как само образование директории вызвано было широким народным движением, освободившим от большевиков Урал и часть Поволжья, в то время, как народные армии почти голыми руками очищали себе дорогу в советскую Россию, правительство диктатуры с первого же дня своего существования не могло охранять собственными силами свой тыл. Трудно сказать, чем бы закончилась борьба с большевизмом, если бы этой борьбой руководил не привезенный из-за границы случайный адмирал, а правительство, ищущее в этой борьбе народной поддержки. Возможно, что и директория оказалась бы неспособной свергнуть большевизм. Но вряд ли можно сомневаться в том, что когда выяснилась бы вся бесплодность гражданской войны, не уничтожающей большевизма, только разрушающей последние остатки культурной жизни, то у правительства, ищущего народной поддержки, было бы больше возможностей и больше желания ликвидировать ее и поискать других путей для объединения и воссоздания России»⁹⁷.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же. 21 ноября.

Такая позиция характерна для эсеро-меньшевистского лагеря. Это означает, что хотя Г.Ф. Семешко в это время уже вышел из партии меньшевиков, но его самоидентификация не превратилась в большевистскую.

Характерной статьёй, отражающей главную линию политики редакции в 1919 г., стала передовая от 6 ноября 1919 г. Автор передовой в начале статьи описал поражения антибольшевистских сил Колчака, Юденича и Деникина. Однако далее автор не предписывал скорейший конец белым властям и закономерную победу большевикам: «За истекшее лето военное счастье не один раз поворачивалось то в ту, то в другую сторону. Возможно, что оно еще раз повернется в сторону антибольшевистских сил. Более чем вероятно, что до зимы и большевики не смогут нанести сокрушающего удара своим противникам».

Автор обеспокоен состоянием России во время войны: «Страна все больше будет разоряться. Последние остатки экономической жизни, последние остатки промышленности будут и далее подвергаться разрушению».

Именно «Россия», а не победа белых или красных, была в центре внимания автора. В связи с чем автор в конце статьи предлагал белым и красным объединиться и начать восстановление сил Российского государства: «Не пора ли пересмотреть вопрос о способах “объединения” и “восстановления” России. Не будет ли более “патриотичным” отказаться от гражданской войны и стать на путь соглашения. В России объединенной, в России, восстановившей нормальные условия жизни, гораздо легче будет каждой группе бороться за свои политические и социальные идеалы»⁹⁸.

Начиная с января 1920 г., еще до периода советского финансирования, позиция Г.Ф. Семешко начала радикализироваться на сторону большевизма. Так, например, в передовой от 21 января 1920 г. было написано, что «теперь ясно, что в силу сложившихся обстоятельств советское правительство является единственным органом, в той или иной мере представляющим Россию. Война против большевиков все больше и больше превращается в войну с Россией»⁹⁹.

В номере от 14 февраля 1920 г. появилась перепечатанная статья Н.К. Новицкого из газеты «Дальневосточное обозрение» о расхождении между социалистической демократией и властью Советов. В ста-

⁹⁸ Там же. 6 ноября.

⁹⁹ Там же. 1920. 21 января.

тье Н.К. Новицкий объясняет преимущество власти Советов, т.е. власти большевиков, над социалистической демократией, т.е. властью других социалистов¹⁰⁰.

Начиная с периода советского финансирования газета «Шанхайская жизнь» превратилась в пробольшевистское издание. 31 марта 1920 г. «Шанхайская жизнь» опубликовала Первую декларацию Каракхана, и в номере от 9 апреля 1920 г. появились материалы из центральной московской газеты «Правда»¹⁰¹.

Уже в «буферном» периоде газета приняла свою будущую основную линию пропаганды, которая была характерна для многих социалистических, в том числе и большевистских газет Дальнего Востока. Определяя социалистическое Временное правительство Дальнего Востока (Владивосток) как истинные «русские» власти, газета критиковала белые генеральские власти как «нерусские» или «фальшиво-русские», сотрудничающие с внешними врагами — японцами. В номере от 6 июня 1920 г. в перепечатанной статье из «Красного знамени» такой курс пропаганды проявился особенно ярко: «Всякий, поднимающий сейчас руку на существующую в крае русскую власть, есть враг России, враг русских. Кто же они, эти предательские банды “русских”, переряженные в защитные интервентские цвета, пытающиеся преступной рукой совершить свое грязное, противорусское дело? [...] Это — не русские люди, это — не русские»¹⁰².

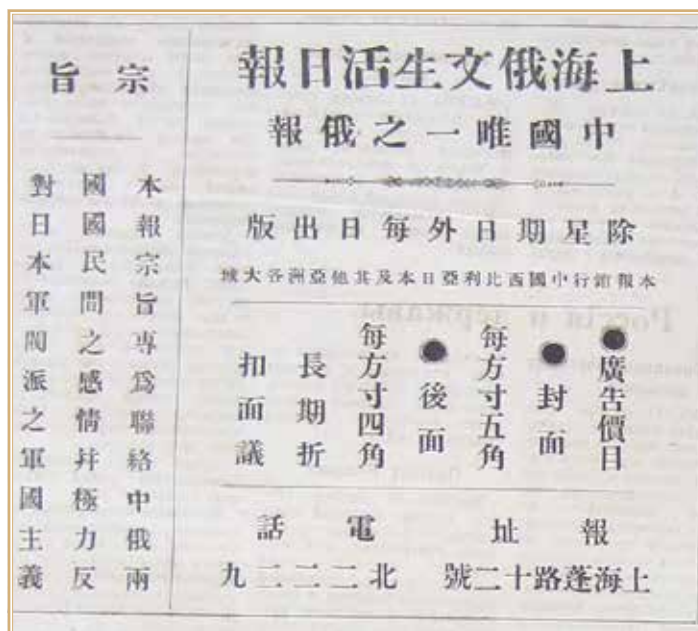
Хотя газета получала советское финансирование, но она не переставала публиковать объявления от белоэмигрантских организаций Шанхая, в том числе от Генконсульства России, Русского общественного собрания (Русского клуба) и т.д. Публиковались и рекламы компаний белоэмигрантов. Один из русских старожилов Л.И. Луговой, ярый общественный деятель белой эмиграции в Шанхае, длительное время спокойно и постоянно (почти в каждом номере) публиковал рекламу своего торгового дома.

В «буферном» периоде встречаются и парадоксальные статьи, которые не совсем соответствовали большевистскому стандарту. Так, например, в номере от 1 мая 1920 г. с фотографиями празднования 1 мая 1919 г. в советском Петрограде и Москве одновременно была опубликована статья о том, что большевистская власть была лишь переходным этапом

¹⁰⁰ Там же. 14 февраля.

¹⁰¹ Там же. 9 апреля.

¹⁰² Там же. 6 июня.

Реклама газеты на китайском языке с фразой «единственная русская газета в Китае». «Шанхайская жизнь» от 19 декабря 1920 г. Коллекция Национальной библиотеки Чешской Республики

в русской истории и она в конечном итоге погибнет и Россия превратится в демократическую страну: «В данное время вся Россия переживает большевизм вопреки тому, что сделали союзники и вопреки всему тому, что может сделать весь мир. Нет силы, известной человечеству, которая могла бы остановить большевизм, потому, что нет силы на земле более могущественной, чем сила самих русских — и русский народ прав в своем приятии большевизма. Россия переживет большевизм и тогда, и только тогда, Россия будет полусоциалистической и демократической страной, какой желают ее видеть миллионы людей. В тот момент, когда гражданская война в России будет окончена и великие, несчетные миллионы людей будут под властью Москвы, судьба большевизма решится. Побеждая — он погибнет. Союзники же, трепещущие перед красным идолом беспорядков и волнений, помогли только росту большевизма»¹⁰³.

Редакция во время «буферного» периода допускала в статьях высказывания, которые вызвали у советских цензоров возмущение. В номере от 26 августа 1920 г. в разделе «Хроника» было опубликовано сведение о предположительном возвращении французского генконсула в Шанхай. В кратком сообщении были следующие фразы: «Что касается де-Виль-

¹⁰³ Там же. 1 мая.

Реклама газеты на английском языке с фразой «The only Russian Morning Newspaper published in China». «Шанхайская жизнь» от 7 января 1921 г.
 Коллекция Национальной библиотеки Чешской Республики

дена, то в Шанхай он, как нам сообщают из осведомленных источников, возвратится ненадолго и будет отсюда переведен в Россию (г. де-Вильден — руссофил)»¹⁰⁴. В действительности, генконсул де-Вильден был человеком, симпатизировавшим именно белым эмигрантам. В номере газеты, хранящемся ныне в Российской государственной библиотеке, синим карандашом были поставлены большой вопросительный и восклицательный знаки «?!» над этим сообщением.

Существование таких статей, несоответствующее стандарту пропагандистского курса, показывает нам, что тогда в редакции работали не одни обученные большевистские агитаторы, отправленные центром в Шанхай после февраля 1920 г. для проведения агитации. Состав редакции и работники газеты были разнообразными. Был и случай, когда работник газеты «Шанхайская жизнь» в дальнейшем стал министром в правительстве Меркуловых: речь о В.П. Разумове, работавшем с марта по июнь 1920 г. корректором в «Шанхайской жизни»¹⁰⁵.

Хотя в сентябре 1920 г. редакция попала в полную зависимость от ДВР и советского центра, однако содержание газеты не превратилось

¹⁰⁴ Там же. 26 августа.

¹⁰⁵ Там же. 1922. 14 мая.

в советский официоз. На первой и второй полосах газеты по «капиталистической» традиции продолжали размещать рекламные объявления разных компаний и контор, в том числе и компаний белоэмигрантов. Редакция редко публиковала официальный материал, имела свое видение текущих политических событий.

Главная пропагандистская линия в отношении жителей русского Дальнего Востока и эмигрантов в Шанхае не изменилась и продолжала развиваться: большевики как проявление воли русского народа представлялись как защитники отечества от врагов России — белой армии и японцев.

Редакция считала свою газету единственной «русской» газетой в Китае: почти в каждом номере рядом с шапкой была напечатана фраза на китайском языке «единственная русская газета в Китае (中國唯一之俄報)», а в англоязычной рекламе газеты напечатана фраза «Шанхайская жизнь. Единственная русская утренняя газета, издаваемая в Китае (The Shanghai Life. The only Russian Morning Newspaper published in China)».

Что касается других русскоязычных газет в Китае, то редакция характеризовала их как «антирусскую прессу, выходящую в разных местах на русском языке»¹⁰⁶. Такая позиция четко прослеживается во весь период издания газеты. Самым ярким проявлением такого пропагандистского курса являются высказывания Н.К. Новицкого о белоэмигрантской газете в Шанхае «Русское эхо». В разделе «Брызги жизни» почти при каждом упоминании данной белоэмигрантской газеты Н.К. Новицкий называет ее газетой «Русское (?) эхо». В одном из фельетонов он развернуто объяснил, почему редакция «Шанхайская жизнь» считает себя единственной русской газетой в Китае: «Кстати, насчет “русского” в кавычках. То же “эхо”, в японо-семеновских стараниях, осложненных попутно конкурентскими побуждениями, упрекает нашу газету в том, что она якобы облыжно именуется в заголовке “единственной в Китае русской утренней газетой”. Что ж делать, мы так и думаем. Ибо не достаточно писать русскими буквами и называться “русскими”, чтобы быть ими в действительности. Во Владивостоке есть чудная газета на русском языке “Владиво-ниппо”. Русский язык — прелесть, что твой Дубровин! Сотрудники — на подбор: цвет охранки и жандармского управления: ругаются непотребно по-русски без малейшего акцента! А газета все-таки японская. Или, например — “Слово”: истинно русским духом — как

¹⁰⁶ Там же. 1920. 25 сентября.

и прет; а интересы защищает японские! Такое уж провиденциальное совпадение! Да мало ли примеров. Господи...»¹⁰⁷

Редакция на полосах редко пользовалась такими словами, как «большевизм», «коммунизм», «мировой пролетариат», «красная армия» и прочие большевистские термины, зато часто встречались слова «Россия», «русский народ», «русская нация», «русская рать» и т.д. Для редакции Гражданская война не была войной красных и белых, а войной национальной России во главе с коммунистами против белых.

Белые генералы были исключены из понятия «русский»: «В прошлом году главный контингент русских беженцев составляли лица, бежавшие от ужасов колчаковского режима. Лица, не желавшие сражаться в рядах белых генералов против России»¹⁰⁸. Белые генералы как нерусская и антирусская сила ярко проявились в отношении редакции к Унгерну. Редакция не соглашалась с мнением китайских газет о том, что армия Унгерна является «русской»: «Давая оценку нынешнему положению в Монголии, китайская пресса довольно единодушна в прогнозе событий и более или менее правильно указывает непосредственного виновника их: “Вторжение русских (каких?) в Монголию, — констатирует один из китайских органов, — дело японских рук”»; «В связи с этим об унгерновцах, являющихся марионетками в руках Японии, говорится как о “русских”, тем смешивая их с гражданами России, врагами которой они в действительности являются как во внутренней, так и во внешней политике»¹⁰⁹.

В некоторых статьях «Шанхайской жизни» Советская Россия рассматривалась как выразитель идеи русского национализма: «Пролетариат, конечно, не перестанет таковым быть. Но в России его интернационализм перестал быть даже кажущимся отрицанием национализма. Одно стало частью другого. Проведение международной по своему значению экономической революции стало делом самоутверждающейся нации. Расширение территории нации, собирание земли русской воедино, подчинение своему моральному духовному влиянию и идейной гегемонии соседей стало в порядок дня».

Истинное проявление национализма находилось именно в Советской России. Те «националисты» в эмиграции, которые называли себя таковыми, на взгляд редакции, отнюдь не были националистами: «А ме-

¹⁰⁷ Там же. 10 октября.

¹⁰⁸ Там же. 26 октября.

¹⁰⁹ Там же. 11 ноября.

жду тем находятся все же люди, которые сознательно закрывают глаза на полное исчезновение того, прежнего, так напугавшего их “брестского интернационализма” [...] Что это значит? Да просто что и “национализма” у них нет никакого, что правы мы были, говоря что “национализм” может быть только классовым, и что те, кто продолжает кричать о “Брестах”, на самом деле просто не хотят идти на службу к Ванькам и Митькам, но зато рады лобзать жирную десницу Тит Титычей и черноземных помещиков»¹¹⁰.

Пропагандистский курс «Шанхайской жизни» в отношении к русской эмиграции в целом соответствует общему пропагандистскому курсу тогдашней ДВР и крайне схож с тогда еще формирующейся идеей национал-большевизма Н.В. Устрялова, который в это время как раз находился в Харбине и активно публиковал свои сочинения в прессе. Уже тогда, в 1920–1921 гг., Н.В. Устрялов говорил о едином интересе Русского государства и советской власти: «Советская власть, а не Белое движение осуществляет “национальное дело”», «Задача русских патриотов — поддерживать советскую политику национального возрождения страны и способствовать процессу эволюционного перерождения советского режима» и т.д.¹¹¹

Нет никаких доказательств о связи между Н.В. Устряловым и редакцией «Шанхайской жизни». Хотя редакция получала номера «Новость жизни», ведущим сотрудником которой был Н.В. Устрялов, и в целом относилась к этому изданию положительно, но его имя появилось на полосах «Шанхайской жизни» лишь два раза — в конце 1920 г. в статье будущего сотрудника редакции Юрия Викторова об издании журнала «Окно»¹¹² и в конце 1921 г. в статье Д. Варварина о сменовеховцах¹¹³. Причем в статье от 1920 г. Ю. Викторов довольно жестко критиковал журнал «Окно» и напечатанную там статью Н.В. Устрялова, а в статье от 1921 г. автор хотя положительно относился к сменовеховцам, но никак не связывал переход части русской интеллигенции к большевикам с какими бы то ни было дальневосточными газетами.

Первоначальная идея Н.В. Устрялова о национал-большевизме появилась раньше, чем «национальный» пропагандистский курс газеты «Шанхайская жизнь». Уже 1 февраля 1920 г. в так называемой «смено-

¹¹⁰ Там же. 16 декабря.

¹¹¹ Романовский В.К. Жизненный путь и творчество Николая Васильевича Устрялова (1890–1937). М.: Русское слово, 2009. С. 193.

¹¹² Устрялов был одним из организаторов выпуска журнала «Окно». См.: Там же.

¹¹³ Шанхайская жизнь. 1920. 12 декабря; 1921. 11 декабря.

Карикатура «Русь идет!». «Шанхайская жизнь» от 7 ноября 1920 г.
 Коллекция Национальной библиотеки Чешской Республики

веховской декларации», опубликованной Н.В. Устряловым в «Вестнике Маньчжурии», была изложена его основная мысль¹¹⁴. Однако не стоит говорить о заимствовании идеи национал-большевизма редакцией «Шанхайской жизни». Н.В. Устрялов не имел связей с представителями ДВР в Китае, тем более нет никаких доказательств его связи с любым из членов редакции, не говоря уж о Г.Ф. Семешко и Н.К. Новицком.

Своеобразное отношение было и у редакции к религии. Редакция с крайним уважением относилась к православию. Член редакции А. Давсен в своей статье заметил схожесть коммунизма с христианством и считал, что коммунизм для современного ему мира будет таким, как христианство для Римской империи¹¹⁵. Во время каждого православного праздника редакция отдыхала, в некоторых случаях редакция даже размещала на полосах религиозные лозунги. Так, например, в 1921 г. Пасха как раз совпала с праздником 1 Мая. Над четвертой

¹¹⁴ Романовский В.К. Жизненный путь и творчество Николая Васильевича Устрялова (1890–1937). С. 191.

¹¹⁵ Шанхайская жизнь. 1922. 16 апреля.

и пятой полосами номера от 1 мая был размещен лозунг прописными буквами «1-е МАЯ — ПРАЗДНИК ТРУДА. 1-е МАЯ — СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ».

Такое отношение к религии имело свою пропагандистскую цель: большинство русских эмигрантов были верующими. В статье Ли Дань-ян и Лю Цзяньи очень подробно описана связь редакции «Шанхайской жизни» с китайцами-коммунистами, а также как русские работники Интернационала под прикрытием редакции работали в Шанхае для создания китайских коммунистических организаций. Однако газета «Шанхайская жизнь» публиковалась на русском языке, ее аудиторией были именно русские эмигранты в Шанхае. Кроме содействия китайским коммунистам и работникам Интернационала, пропаганда и агитация среди русских эмигрантов была одной из важных задач редакции.

Редакция свободно публиковала объявления и рекламу различных белоэмигрантских общественных организаций в Шанхае, в том числе Русского общественного собрания, Русского благотворительного общества, Русского экономического общества, Бюро по русским делам и т.д.

Часто на полосах газеты появлялись крайне подробные отчеты заседаний белоэмигрантских учреждений в Шанхае, отражающие внутренние конфликты между различными фракциями белоэмигрантов. Такие отчеты были у Русского общественного собрания, Союза военнослужащих в Шанхае¹¹⁶, Русского морского союза¹¹⁷, Русского экономического общества, Просветительного общества¹¹⁸, Союза монархистов в Шанхае¹¹⁹ и т.д. На некоторых заседаниях участвовали сами сотрудники редакции, однако в некоторые военные и монархические организации в связи с их крайне консервативным характером редакция не имела возможность отправить своих сотрудников. Получение таких подробных отчетов заседаний означает, что у редакции были свои уши и глаза в этих организациях.

Сотрудники редакции активно участвовали в общественной жизни русской эмиграции в Шанхае. Путем внутренней борьбы они пытались захватить власть в уже существующих русских общественных организациях. Так, например, многие сотрудники и работники редакции были членами Русского общественного собрания: Г.Ф. Семешко, Л.Г. Кауф-

¹¹⁶ Там же. 1920. 6, 31 июля.

¹¹⁷ Там же. 10, 13, 14, 17 июля.

¹¹⁸ Там же. 1921. 26 мая.

¹¹⁹ Там же. 2 июня.

ман, М.Л. Гурман, Н.Н. Матвеев-Бодрый и др.¹²⁰ Г.Ф. Семешко принимал самое активное участие в каждом заседании Русского общественного собрания и под его руководством сотрудники газеты «Шанхайская жизнь» пытались претендовать на места в Совете старшин в Собрании, однако потерпели неудачу¹²¹.

В связи с неудачей в борьбе внутри Русского общественного собрания редакция «Шанхайской жизни» выбрала другую тактику: организация собственных параллельных эмигрантских организаций. Так и появился Русский демократический клуб, существовавший параллельно с Русским общественным собранием. Устав нового клуба был выработан членами редакции «Шанхайской жизни» Н.К. Новицким, М.Л. Гурманом и Н.Н. Матвеевым-Бодрым, а также братом художника В.С. Подгурского — Е.С. Подгурским¹²². Заседания Русского демократического клуба проводили в помещении редакции «Шанхайской жизни» и почти все сотрудники редакции были членами Клуба.

Кроме Русского демократического клуба, редакция «Шанхайской жизни» также создавала другие «параллельные» эмигрантские организации. Уже в первой половине 1920 г. из-за конфликтов с Литературно-артистическим обществом Г.Ф. Семешко и М.И. Барановский вышли из него¹²³ и вскоре создали свое новое общество: Литературно-художественную студию. Многие другие «советские» эмигрантские организации также были тесно связаны с редакцией «Шанхайской жизни»: Бюро труда, Временный комитет поддержки русских офицеров в Шанхае, Общество эсперантистов и т.д.

Самой большой кампанией, организованной редакцией для пропаганды среди русских эмигрантов, была кампания помощи голодающим России 1921–1922 гг. В 1921–1923 гг. в целом в Китае проводилась кампания помощи голодающим России, был организован Всекитайский комитет помощи голодающим России¹²⁴. Редакция «Шанхайской жизни» во второй половине 1921 г. начала сбор пожертвований, был организован Комитет помощи голодающим России при конторе «Шанхайской жизни». 15 января 1922 г. был выпущен толстый «голодный» номер,

¹²⁰ Там же. 1920. 8 августа.

¹²¹ Там же. 8 сентября.

¹²² Там же. 23 октября.

¹²³ Там же. 13 мая.

¹²⁴ Циденков Г.Г. Гуманитарная деятельность Всекитайского комитета помощи голодающим России в 1921–1923 гг. // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2019. Вып. 4. С. 140–148.

сборы от которого шли в фонд помощи голодающим России. «Голодный» номер был успешно организован, многие иностранные и китайские компании откликнулись на просьбу редакции разместить у них рекламу, в том числе крупнейшая китаеязычная газета «Шэньбао (申報)» и Шанхайская фондовая и товарная биржа (上海證券物品交易所股份有限公司 = Chartered Stock & Produce Exchange), председателем правления которой был знаменитый китайский коммерсант Ю Цяцин (虞洽卿), православный, компрадор Русско-Китайского банка в Шанхае. На первой полосе была напечатана цветная картина В.С. Подгурского о борьбе с голодом.

Нельзя полностью утверждать, что кампания помощи голодающим России, организованная редакцией «Шанхайской жизни», была чисто внутренним событием для русских коммунистов в Шанхае. Не все русские эмигранты саботировали это мероприятие, в ежедневном отчете пожертвований числится множество русских имен. Хотя полученные конторой «Шанхайской жизни» пожертвования остались номинальными по сравнению с доходом китайских комитетов помощи голодающим России (в течение одного года собрали 8753,67 мексиканских долларов)¹²⁵, но кампания была поддержана частью русской эмиграции в Шанхае, а также определенным слоем иностранной и китайской элиты¹²⁶.

В конце 1922 г. закончилась пятилетняя Гражданская война в России. Газета «Шанхайская жизнь», чьей главной аудиторией являлись русские эмигранты в Шанхае, потеряла свою актуальность. В связи с этим с 1 ноября 1922 г. газета переименовалась в «Новую шанхайскую жизнь». Она просуществовала вплоть до 1926 г. под руководством пробольшевистски настроенных эмигрантов.

Заключение

Газета «Шанхайская жизнь» появилась в сентябре 1919 г. в Шанхае фактически в полулегальном виде из-за запрета властей Международного селтльмента, китайской части Шанхая, а также Генконсульства России в Шанхае фактическому главреду Г.Ф. Семешко издавать газету после

¹²⁵ Шанхайская жизнь. 1922. 14 октября.

¹²⁶ Иностранные компании оказали большую помощь редакции «Шанхайской жизни» в организации «голодного» концерта: Там же. 1922. 21 марта.

неудачного выпуска им газеты «Шанхайская хроника» в конце июня того же года. Первым формальным главредом газеты стал голландец Заан, «за спиной» которого стоял Г.Ф. Семешко. Именно благодаря такому ловкому ходу газета «Шанхайская жизнь» не была ликвидирована властями Шанхая.

Старая периодизация развития газеты, предложенная Ли Даньян и Лю Цзяньи и в целом воспринятая в китайской и российской историографии в течение последних 20 лет, является недостаточно точной. Г.Ф. Семешко в начале 1920 г. не продал газету В.Д. Виленскому-Сибирякову. Согласно ныне доступным материалам, в развитии газеты было не два, а три периода. Г.Ф. Семешко в начале 1920 г. лишь начал получать советское финансирование и только в сентябре 1920 г., когда миссия ДВР прибыла в Пекин, он полностью передал газету миссии и ушел с поста главреда. Иными словами, существовал некий «буферный период» развития газеты с февраля по сентябрь 1920 г.

В первом периоде развития газета пережила финансовые трудности, однако после получения советского финансирования данный вопрос был решен. Уже в третьем периоде газета получала крупное финансирование от советской власти, что нашло отражение в достаточно солидном тираже газеты в то время (600–700 экз.) в сравнении с другими эмигрантскими изданиями.

Газета «Шанхайская жизнь» постоянно публиковала состав редакции на своих полосах. Однако эта информация не всегда соответствовала действительности, особенно если речь шла о главных редакторах. Начиная с голландца Заана и заканчивая М.С. Лисютиним, не все главреды, перечисленные на полосах газеты, были таковыми в реальности. Ныне, согласно доступным материалам, можно документально определить только двух главредов газеты: Г.Ф. Семешко и Н.К. Новицкого.

Состав редакции также делился на две части: оглашенная часть состава, изменения которой можно проследить через газетные объявления, а также «теневая» часть состава, сотрудников которой современные исследователи могут определить только через сопроводительные документы, такие как полицейские отчеты, воспоминания коммунистических работников в Шанхае и др.

Политический курс газеты «Шанхайская жизнь» был своеобразным. Вопреки мнению Ли Даньян и Лю Цзяньи о том, что Г.Ф. Семешко уже до Шанхая контактировал с большевистской властью, газета «Шанхайская жизнь» в начале развития была далеко не большевистской, она имела сильный оттенок «мелкобуржуазности» и была более близка

к эсеро-меньшевистской позиции. Только после начала 1920 г. позиция газеты стала радикализироваться на сторону большевиков, однако со своей спецификой: газета придерживалась националистического тона пропаганды, а не интернационального, характерного для центральной советской прессы. Такой выбор был сделан не случайно: газета была русскоязычной и ее главной аудиторией были не китайские коммунисты, а русские эмигранты.

Стоит особо отметить, что в прежней историографии исследователи в основном рассматривали историю газеты «Шанхайская жизнь» как часть истории раннего коммунистического движения в Китае до основания КПК. Однако, как мы установили, в основном курс политической пропаганды «Шанхайской жизни» был построен вокруг темы «России». Главная пропагандистская цель газеты после выкупа Москвой и Верхнеудинском — объединение эмигрантов вокруг большевиков для более быстрой победы над интервентами и белогвардейскими формированиями на Дальнем Востоке во время Гражданской войны. Сама газета, на самом деле, не была «авангардом» распространения большевистской идеи среди китайцев, а была направлена именно на русских эмигрантов.

REFERENCES

1. *Chernomaz V.A.* The Ukraine National Movement in Far East (1917–1922) [Ukrainskoe natsional'noe dvizhenie na Dal'nem Vostoke (1917–1922 gg.)]: diss. ... k.i.n. Vladivostok, 2005. 366 p.
2. *Huang Jilian.* The History of Far Eastern Republic's Mission to China (1) [Yuandong gongheguo daibiaotuan shihua shilve (1)] // *Heihe Journal* [Heihe xuekan]. 1986. No 1. P. 55–58.
3. *Khisamutdinov A.A.* The Russian Literature in Shanghai [Russkaya slovesnost' v Shankhae]. Vladivostok: Izd. Dal'nevostochnogo universiteta, 2014. 133 p.
4. *Khisamutdinov A.A.* The Russian Worlds in Land of Hieroglyphs [Russkoe slovo v strane ieroglifov]. Vladivostok: Izd. Dal'nevostochnogo universiteta, 2006. 304 p.
5. *Khodorov A.E.* The World's Imperialism and China [Mirovoy imperializm i Kitay]. Shanghai: Izd. Shankhayskaya zhizn', 1922. 448 p.
6. *Kuznetsova T.V.* The Russian books in China (1917–1949) [Russkaya kniga v Kitae (1917–1949)]. Khabarovsk: Dal'nevost. gos. nauch. b-ka, 2003. 256 p.
7. *Li Danyang, Liu Jianyi.* The Shanghai Life and Early Bolsheviks' Movement in China [Shanghai ewen shenghuobao yv buershiweike zaoqi zaihua huodong] // *Research of Modern History* [Jindaishi yanjiu]. 2003. No 2. P. 1–43.
8. *Li Danyang.* The Red Emigrant Lizerovich and Early Communist Movement in China [Hongse eqiao Lizerovich yv Zhongguo chuqi gongchanzhuyi yundong] // *Journal of Sun Yat-sen University (Social Science collection)* [Zhongshan daxue xuebao (shehui kexue ban)]. 2002. No 6. P. 59–69.
9. *Pozdnyak T.Z.* Daily Life of Vladivostok from WWI to Civil War (1914–1922) [Povsednevnyaya zhizn' Vladivostoka ot Pervoy mirovoy do Grazhdanskoj vojny (1914–1922)]. Vladivostok: Dal'nauka, 2018. 728 p.
10. *Romanovskiy V.K. N.V.* Ustryalov's Life and Work (1890–1937) [Zhiznenny put' i tvorchestvo Nikolaya Vasil'evicha Ustryalova (1890–1937)]. Moskva: Russkoe slovo, 2009. 606 p.

11. *Sablin I.* The Far Eastern Republic: From idea to Liquidation [Dal'nevostochnaya respublika: ot idei do likvidatsii]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 480 p.
12. *Sharonova V.G.* The Russian trail in Shanghai [Russkiy sled v Shankhae] // Golden Palette [Zolotaya palitra]. 2012. No 1 (7). P. 44–50.
13. *Tsidenkov G.G.* The Relief Activities of the All-Chinese Committee for the Famine Relief of Russia in 1921–1923 [Gumanitarnaya deyatel'nost' Vsekitayskogo komiteta pomoshchi golodayushchim Rossii v 1921–1923 gg.] // Journal of MGLU. Social Science [Vestnik MGLU. Obshchestvennyye nauki]. 2019. Vyp. 4. P. 140–148.
14. Veniamin Vegman. State, Scientific and Public Activities: Collection of Documents to the 90th Year of the Sibarchive [Veniamin Vegman. Gosudarstvennaya, nauchnaya i obshchestvennaya deyatel'nost': Sbornik dokumentov k 90-letiyu Sibarkhiva]. Novosibirsk: OOO «Al'fa-Porte», 2010. 450 p.
15. VKP(b), Komintern and National Revolution Movement in China. Documents. 1920–1925 [VKP(b), Komintern i natsional'no-revolyutsionnoe dvizhenie v Kitae. Dokumenty. 1920–1925 gg]. Moskva: Buklet, 1994. 768 p.
16. *Wang Zhicheng.* The Russian Émigré in Shanghai [Eqiao zai Shanghai]. Shanghai: Sanlian shudian, 1993. 832 p.
17. *Wang Zhicheng.* The life of Russian Émigré in Modern Shanghai [Jindai Shanghai eguo qiaomin shenghuo]. Shanghai: Shanghai cishu chubanshe, 2008. 569 p.
18. The Information of Intelligence of Bolsheviks in China from British National Archive [Yingguo guojia dangangan cang youguan buershiweike laihua, zaihua ren yuan qingbao xuanyi] // Research of Shanghai Archives Materials [Shanghai dangan shiliao yanjiu]. Vol. 10. Shanghai, 2011. P. 268–275.
19. *Zhiganov V.D.* The Russians in Shanghai [Russkie v Shankhae]. Shanghai: Slovo, 1936. 290 p.

Ключевые слова:

Китай, Шанхай, русская эмиграция, Г.Ф. Семешко, Н.К. Новицкий, КПК.

Sun Yizhi

«THE SHANGHAI LIFE» AND RUSSIAN ÉMIGRÉ IN SHANGHAI

The «The Shanghai Life» was a Russian-language newspaper in Shanghai. It was founded by the socialist and ex-Menshevik emigrant G.F. Semeshko and eventually became the organ of the Bolsheviks in Shanghai. Russian émigrés in Shanghai at the time, ranging from socialists to monarchists, were aware of it. The newspaper was one of the few publications through which émigrés in Shanghai could learn the news from China, Russia, and other countries of the world in their own language. The author utilized a base of collected issues of «The Shanghai Life» from various archives and libraries in Russia, Europe and the United States, as well as archival documents, based on the historiography, has analyzed the history of the newspaper, the problem of periodization and financing, the composition of the editorial board, as well as the politics of the newspaper and its propaganda in relation to the Russian émigré in Shanghai. The study revealed that the history of «The Shanghai Life» is divided into three periods: a period of independent development, a period of Soviet funding, and a period of full Soviet control. The main audience of the newspaper was Russian émigrés in Shanghai, not Chinese communists and foreigners. «The Shanghai Life» main line of propaganda was to fight with the white propaganda for the power of discourse on the question of «Who stand by Russian interests?» Defining the White governments as an «anti-Russian element», «The Shanghai Life» considered the Bolsheviks to be the «real Russian power».

Keywords: China, Shanghai, Russian Émigré, G.F. Semeshko, N.K. Novitskii, CPC.

Sun Yizhi — Assistant-Researcher, Saint-Petersburg State University.

лаборант-исследователь,

Санкт-Петербургский государственный университет

SPIN-код: 5356-7369

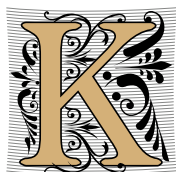
ORCID: 0000-0002-2656-2859

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.50.005

А.Х. Хизриев, Ф.Х. Базаева

БРИТАНО-ФРАНЦУЗСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В РАМКАХ МАНДАТНОЙ СИСТЕМЫ В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

к началу Первой мировой войны территории современных Сирии, Ливана, Палестины и Иордании, известные тогда в мусульманском мире под арабским названием «Шам», а в Европе именовавшиеся словом французского происхождения «Левант», являлись частью Османской империи. Эти земли делились на Дамасский, Хalebский и Бейрутский вилайеты, Ливанский и Иерусалимский санджаки. Когда в октябре 1918 г. в результате антиосманского восстания и поражения в войне турки ушли из этого региона, эти территории немедленно были заняты британскими войсками. Вслед за ними приморские районы Сирии заняли французские силы. Обе стороны заявляли о временном характере оккупации бывших османских владений. Однако по итогам Парижской мирной конференции 1919 г. и конференции 1920 г. в Сан-Ремо было принято решение о передаче мандата Великобритании на Ирак и Палестину, а Франции — на Сирию и Ливан. При этом абсолютная власть над этими территориями перешла к верховным комиссарам, представлявшим оккупационные режимы.

Будучи главными победителями в Первой мировой войне и ее выгодоприобретателями, Лондон и Париж никоим образом не намере-

вались мириться с меняющейся геополитической обстановкой. Цепляясь за свои колониальные владения, обе страны старались включить их в орбиту своего не только политического, но и культурного влияния. При этом языковые и культурные средства, с помощью которых Франция сохраняла значительное влияние на Ближнем Востоке, долгое время игнорировались англичанами. Что касается Франции, то там уделяли первоочередное внимание культурной дипломатии. В Лондоне начали осознавать верность такого подхода только в конце 1930-х гг., когда председателем «Британского совета» стал лорд Ллойд, значительно расширивший его деятельность, а культурная дипломатия была признана важнейшим инструментом британской внешней политики¹.

Согласно такому утверждению считалось, что в то время как французы стремились продвигать идеалистические и благородные ценности за границей, британцы были озабочены только своими экономическими и финансовыми интересами². При таком идеализированном видении французского присутствия на Ближнем Востоке не упоминается тот факт, что французы, как и британцы, имели значительные экономические интересы в этом регионе. Более того, французы также были политически вовлечены в дела Османской империи через систему капитуляций, и значительную роль в этом играли их консулы. В своей знаменитой книге о восточном вопросе Арнольд Тойнби объяснил, что сети консульств, посольств, религиозных миссий и школ составляли центр власти как для Великобритании, так и для Франции и играли центральную роль в соперничестве между двумя странами в Османской империи до Первой мировой войны³.

Утверждение о том, что влияние Франции лучше всего измеряется враждебностью ее соперников, показывает, что европейские империи оценивали свою силу и влияние, сравнивая себя со своими конкурентами. Действительно, стоит помнить, что имперские чиновники и эксперты разных стран наблюдали и сравнивали стратегии друг друга. Они также взаимодействовали на регулярной основе, иногда соперничая

¹ Cloarec V. «La France du Levant ou la spécificité impériale française au début du XXe siècle». *Revue française d'histoire d'outre-mer*, tome 83, no. 313, 4e trimestre, 1996. P. 3–32.

² Yakoubi M. *The French, the British and their Middle Eastern Mandates (1918–1939): Two Political Strategies* // Open Edition Journals. — <https://journals.openedition.org/rfcb/8787#bodyftn4>.

³ Toynbee A. *The Western Question in Greece and Turkey: A Study in the Contact of Civilisations*. L.: Constable, 1922. P. 45.

друг с другом, а иногда сотрудничая. Совместная англо-французская экспансия на Ближнем Востоке в межвоенные годы является показательным примером. В своей недавней работе об имперской риторике в Британии и Франции Мартин Томас и Ричард Той сосредоточили внимание на Ближнем Востоке, поскольку именно в этом регионе с конца XIX в. до 1956 г. наблюдалась самая высокая напряженность в отношениях между двумя странами. Французская и Британская колониальные империи стали соприкасаться на Ближнем Востоке. Такому взаимодействию историки дали определение «коимпериализм», что, по их мнению, означало совместный проект между несколькими империалистическими державами, включая отправку специалистов в эти страны, использовавших свой прежний опыт работы в различных ведомствах, связанных с деятельностью в колониальных владениях⁴.

Кроме того, Великобритании и Франции пришлось сотрудничать, чтобы очертить новые границы или справиться с растущим национально-освободительным движением в регионе. Мандат Лиги Наций предполагал управление бывшими арабскими владениями побежденной Османской империи с перспективой их превращения в современные национальные государства. При распределении подмандатных территорий не учитывалось то, что Трансиордания и Палестина были первое время частью одного и того же мандата, однако в 1923 г. британцы официально признали Трансиорданию автономной территорией, которая управлялась отдельно. Более того, британская политика создания еврейского национального очага в Палестине никогда не применялась в Трансиордании. Только в 1949 г., после интеграции Западного берега по итогам первой арабо-израильской войны 1948–1949 гг., страна официально стала называться Иорданией⁵.

Таким образом, цель этой статьи состоит в том, чтобы изучить французский и британский взгляды на их способность управлять своими подмандатными территориями, в частности — Сирией и Ливаном для французов, Ираком и Трансиорданией — для британцев. Предполагается изучить эти отношения в период между двумя мировыми войнами, когда Лондон и Париж пришли к соглашению о том, как делить военные трофеи на Ближнем Востоке. Сначала следует остановиться на специфике британских и французских интересов и стратегий на Ближнем

⁴ Thomas M., Toye R. *Arguing about Empire, Imperial Rhetoric in Britain and France, 1882–1956*. Oxford, Oxford University Press, 2017. P. 10.

⁵ Yakoubi M. *Op. cit.*

Востоке, а затем проанализировать взаимные подозрения, действующие в дискурсах людей на месте. Наконец, в статье будет показано, что франко-британские отношения в этом регионе также подразумевали не только соперничество, но и сотрудничество.

Во время войны, несмотря на то что британцы отправили на Ближний Восток больше войск, чем французы, обе страны вместе сражались против османов, сначала во время кампании Галлиполи в апреле 1915 г., а затем во время арабского антиосманского восстания в 1916 г. В том же году Великобритания и Франция пришли к соглашению о разделе арабских провинций Османской империи, тем самым предвосхитив ее поражение. Однако так называемые соглашения Сайкса-Пико, в соответствии с которыми Палестина должна была стать международной зоной — фактически франко-британским кондоминиумом, были быстро поставлены под сомнение британцами, которые были полны решимости держать французов как можно дальше от Египта и Суэцкого канала, насколько это возможно. Декларация Бальфура 1917 г., в которой британское правительство обязалось поддержать создание еврейского национального очага в Палестине, была для британцев способом нарушить свое соглашение с французами. И в преддверии Парижской мирной конференции 1919 г. последние пошли на несколько уступок на Ближнем Востоке. Помимо политического и культурного влияния, которое они уже имели в Леванте, они также претендовали на эту сирийскую территорию во имя своей давней защиты католических меньшинств в Леванте. Однако действовала и экономическая логика, поскольку французы непреклонно стремились контролировать территории, на которых были сосредоточены их инвестиции в железные дороги, порты и другие отрасли. Наконец, для французов официальное присутствие в Леванте также было способом повысить свой престиж в своих североафриканских колониях. Когда-то Сирия была бывшей резиденцией Омейядского халифата, а в XIX в. страна была центром арабского культурного возрождения. Интегрируя Сирию в состав своей империи, Франция стремилась укрепить то, что она называла своей мусульманской политикой.

Стратегия французов по управлению своим мандатом в Сирии заключалась в разделении территории по этническому и религиозному признаку. В результате возникло пять отдельных политических образований: два государства, базировавшиеся вокруг Дамаска и Алеппо, так называемый «Великий Ливан» с его христианским большинством, Латакия или Государство Алавитов, где в основном проживали представи-

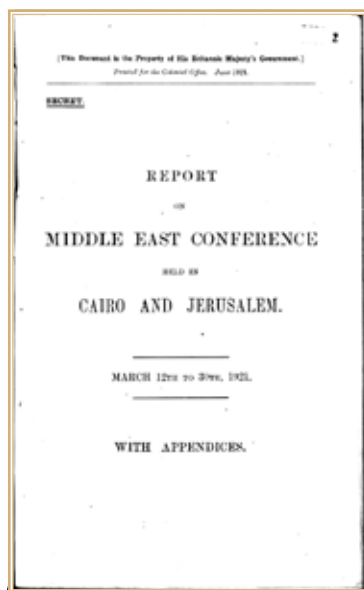

Участники Каирской конференции 1921 г.

тели шиитской секты алавитов, и Джебель-Друз в Южной Сирии, где практиковалась традиционная форма шиитского ислама, характерная для этого региона. Французы считали, что общины меньшинств необходимо защищать и превращать в союзников, и эта стратегия была наследием неформального влияния, которое они оказывали в регионе до падения Османской империи. Однако стратегия «разделяй и властвуй» одновременно подпитывала сирийский национализм, который французы постоянно недооценивали во время мандата, приписывая его непредставительной городской элите с западным образованием. Французы также были убеждены, что любая форма политической оппозиции, с которой они столкнулись, поощрялась британскими интригами⁶.

Французское правление на подмандатных владениях было довольно прямым и авторитарным. Правительство было сильно централизовано вокруг офиса Верховного комиссара, расположенного в Бейруте. Были также делегаты, контролирующие местные правительства коренных народов, и французские советники в различных министерствах. Более того, имелось значительное французское военное присутствие из-за конфликта с кемалистскими силами в районе Киликии, а также для умиротворения районов, в которых были попытки сопротивления французскому правлению. Французы продвигали местную политиче-

⁶ The National Archives, United Kingdom. «Report on Middle East Conference». CAB 24/122, March 12th to 30th 1921.

Обложка материалов Каирской конференции 1921 г.

скую автономию, прибегая к форме централизованного управления, когда дело касалось бюджета и экономики мандата в целом. Однако эффективному управлению мешало то, что подмандатные территории Восточного Средиземноморья были изолированы от французских владений в Северной Африке с географической точки зрения, и между ними не было общих границ.

Британцы, напротив, уже контролировали несколько частей Ближнего Востока, когда им были предоставлены мандаты в этом регионе. Они оккупировали Египет еще в 1882 г., поскольку контроль над Суэцким каналом был жизненно важен для доступа в Индию. Как подтверждают донесения дипломатических представителей США на Ближнем Востоке, внимательно изучавших опыт англичан в данном регионе, последние также были в дружеских отношениях с большей частью шейхов Аравийского полуострова и эмирами зоны Персидского залива⁷.

В 1921 г. министр по делам колоний Уинстон Черчилль созвал в Каире конференцию для создания новой британской империи на Ближнем Востоке. Из-за необходимости сократить расходы и приспособиться к новому международному принципу самоопределения народов Черчилль решил положиться на арабских союзников Лон-

⁷ U.S. National Archives Records Administration (NARA). Microcopy No 722. Roll 7. Records of the Department of State relating to Internal Affairs in Asia, 1910–1929. British Policy in Arabia. With the Resident of Aden. No 61. P. 1–3.

Шериф Мекки Хусейн

дона — Хашимитов, восставших во время Первой мировой войны против османов при поддержке англичан и французов. Как известно, глава семейства и шериф Мекки Хусейн рассчитывал, пытаясь договориться с англичанами, получить после войны в награду большое независимое арабское государство в рамках «Великой Сирии», охватывающей страны так называемого «Благодатного полумесяца»⁸. Хотя это оказалось невозможным в свете британских и французских амбиций в регионе, двое сыновей Хусейна сыграли заметную роль после войны. Однако Фейсал, создавший арабскую администрацию в Дамаске в конце войны, был в итоге свергнут французами в 1920 г. после того, как конференция в Сан-Ремо предоставила Франции мандат в Сирии. В конце марта брат Фейсала эмир Абдалла был приглашен У. Черчиллем в Иерусалим⁹.

В какой-то момент в Уайтхолле посчитали, что совершили ошибку, поддержав Хашимитов в их притязаниях на лидерство в арабском мире, оказав их заклятым врагам — Саудитам — военно-техническую помощь, благодаря которой те захватили большую часть Аравийского полуострова¹⁰. Как итог, в ходе состоявшихся переговоров английская сторона

⁸ Магомеддадаев А.М., Дадаев Ю.У., Саидова М.З. Очерки по истории политической культуры Ближнего и Среднего Востока. Учебное пособие. М., 2011. С. 178.

⁹ Роган Ю. Арабы. История. XVI—XXI вв. М.: Альпина Диджитал, 2009. С. 162.

¹⁰ Уолд Э.Р. Saudi Inc. М.: Альпина Паблишер, 2021. С. 26.

Уинстон Черчилль в Иерусалиме. 1920 г.

выступила категорически против притязаний Хашимитов на Палестину и Сирию. Однако Лондон все же решил взамен этого предложить Фейсалу стать королем Ирака, а Абдалле — правителем Трансиордании, которая изначально задумывалась британцами как буферное государство между Палестиной и Аравийским полуостровом¹¹.

Таким образом, французы в Сирии оказались в окружении управляемых британцами Палестины и хашимитских монархий в Хиджазе и Трансиордании. Решение полагаться на арабских политических деятелей для контроля над своими мандатами вызвало острое недовольство французов, поскольку такая политика британцев могла провоцировать антифранцузские настроения в подконтрольных им территориях. Генерал Гуро — первый французский верховный комиссар — предупредил Черчилля, что Фейсал, как и Франкенштейн, будучи британской креатурой, в конечном итоге обратится против своих хозяев, используя против них националистические идеи¹².

Мандаты Лиги Наций в этом регионе имели разнонаправленные характеристики. Первый взгляд на стратегии, которые Лондон и Париж применяли для управления своими подмандатными территориями, позволяет предположить, что они были полными противоположностями

¹¹ Новейшая история арабских стран Азии. 1917–1985 (отв. ред. В.В. Наумкин). М.: Наука, 1988. С. 160.

¹² «Report on Middle East Conference», CAB 24/122. March 12th to 30th 1921. The National Archives, United Kingdom.

Генерал Анри Жозеф Эжен Гуро

друг другу: либеральная британская модель, основанная на косвенном управлении, и довольно жесткая французская модель, основанная на прямом контроле. Официальные лица с обеих сторон часто называли эти две разные схемы типичными для двух держав. Однако при сравнительном подходе к этим двум стратегиям выявляются не только отличия, но и общие характеристики. Например, Палестиной британцы правили напрямую в течение почти тридцати лет из-за необходимости балансировать между арабами и евреями, тогда как в Сирии французы со временем все больше стали полагаться на местные элиты — стратегия, которая годами практиковалась в Марокко.

Не следует забывать, что соперничество между Великобританией и Францией на Ближнем Востоке предшествовало переговорам, имевшим место во время Первой мировой войны, и сформировало представления друг о друге с обеих сторон. После этого конфликта, когда Россия, Италия и Германия потеряли свое влияние в регионе, и до момента, когда международная конкуренция возобновилась с началом холодной войны, на Ближнем Востоке определенное время все еще присутствовала видимость британской гегемонии. Французы, сознавая, что их присутствие в Сирии и Ливане препятствует полному контролю над регионом со стороны англичан, часто подозревали последних в стремлении использовать против них арабский национализм. Как оказалось, арабский национализм в ближайшем будущем нанесет ущерб как французским, так и британским интересам; при этом в Париже опасались, что

Гертруда Белл

такая тенденция может распространиться и на французские колонии в Северной Африке.

Между тем в Лондоне были уверены, что установление монархий в Ираке и Трансиордании с местными арабскими правителями было правильным способом управления их ближневосточными мандатами. Они считали, что эта форма непрямого правления успокоит националистов и придаст большую легитимность новым политическим образованиям. Некоторые из британских официальных лиц были убеждены, что арабский национализм и британские интересы вполне могут ужиться. Например, Гертруда Белл, которая в качестве министра по вопросам Востока являлась очень близким советником Перси Кокса, британского верховного комиссара в Ираке, твердо верила в идеальное англо-арабское партнерство, считая, что не прямое правление работает лучше всего в отношениях между британскими официальными лицами и арабскими политическими деятелями¹³.

Можно с уверенностью заявлять, что такая система управления, заложенная еще во время «завуалированного протектората» в Египте в 1882–1914 гг.¹⁴, позволила заложить основы для сохранения гегемонии западных стран на Востоке после крушения колониальной системы во

¹³ *Yakoubi M. Op. cit.*

¹⁴ *Хизриев А.Х. Проблемы определения статуса британских войск в Египте после оккупации 1882 г. // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4. Ист. 2016. № 1 (37). С. 31.*

Перси Кокс

второй половине XX в. Сегодня такую систему большинством историков и политологов принято называть неоколониализмом.

Все вышеизложенное подтверждает уверенность британцев в том, что они обладают особой способностью понимать и, следовательно, управлять «туземцами», в то время как французы сосредоточились только на прямом эффективном управлении территориями, пренебрегая при этом личными отношениями с местной элитой. Однако со временем выяснилось, что и британский подход к мандатной системе не оправдал себя. В 1920 г., после объявления британского мандата в Ираке, вспыхнуло племенное восстание, которое распространилось на всю страну, прежде чем было жестоко подавлено британцами.

Поворотным моментом в истории мандатной системы на Ближнем Востоке стало восстание друзов в Сирии в 1925 г. Несмотря на напряженность между местными общинами в Джебель-Друзе и французским губернатором, Верховный комиссар генерал Саррайль отказался встретиться с делегацией представителей, которые хотели выразить свое недовольство. Затем последовало восстание, сначала в Джебель-Друзе, позже перекинувшееся на Дамаск, где националисты поддерживали восстание. Французы впервые подвергли бомбардировке сирийскую столицу в октябре 1925 г., после чего им понадобилось больше года, чтобы навести порядок в стране. Этот эпизод вызвал недоверие французов к британцам, которых они подо-

Генерал Морис Саррайль

зревали в финансировании и подстрекательстве друзей против французской администрации¹⁵.

Тем временем в 1932 г. британцы предоставили Ираку формальную независимость, и страна вступила в Лигу Наций. Однако за два года до этого они заключили договор с премьер-министром Ирака, близким союзником Великобритании, который защищал их политические, экономические и стратегические интересы. Первоначально этот акт рассматривался французами как угроза стабильности их присутствия в Сирии, так как сирийские националисты максимально использовали иракский пример в качестве аргумента в своих переговорах с французами, даже если они знали, что условия англо-иракского договора значительно ограничивают суверенитет Ирака. В 1936 г. англичане также заключили новый договор с Египтом, предоставив тому большую автономию и обязавшись вывести свои войска из страны, за исключением зоны Суэцкого канала. В этот же год началось палестинское восстание, продлившееся до 1939 г. Эти события вынудили французские власти в Сирии последовать в русле британской стратегии и заключить договор для умиротворения сирийских националистов. В Париже пришедшее к власти правительство Народного фронта Леона Блюма также намеревалось провести реформы и организовать переговоры с националистами. В конце 1936 г. условия

¹⁵ Barr J. *A Line in the Sand. The Anglo-French Struggle for the Middle East, 1914–1948*. NY: Norton & Company, 2011. P. 142.

франко-сирийского договора были подписаны по тем же принципам, что и договор между Великобританией и Ираком. Независимость и единство Сирии, на которые претендовали националисты, были удовлетворены. Также был подписан отдельный договор между Францией и Ливаном. Однако эти договоры встретили сопротивление военных и католических кругов, которые выступали против ратификации договора французским парламентом, утверждая, что договоры не защищают религиозные меньшинства. На этот раз британская политика в Ираке послужила примером для подражания. Действительно, вскоре после формального обретения Ираком независимости ассирийские христиане подверглись массовым гонениям со стороны иракских властей. Сенат Франции чутко отнесся к таким событиям и отказался ратифицировать договоры¹⁶.

Таким образом, становится очевидным, что две совершенно разные стратегии — французов и британцев — на Ближнем Востоке развивались и могли черпать вдохновение друг у друга. Более того, несмотря на взаимную подозрительность, обе державы вынуждены были сотрудничать друг с другом по ряду вопросов¹⁷.

Пограничные вопросы также были особенно чувствительными, поскольку в Сирии, Ираке и Трансиордании проживало кочевое население, на жизнь которого повлияло установление новых границ на Ближнем Востоке. Начиная с середины 1920-х гг. и англичане, и французы подписывали соглашения об условиях, по которым кочевое население, теперь определяемое как исключительно сирийское или трансйорданское, могло пересекать границы новообразованных государств. В этих соглашениях официально признавались решения, которые впервые были найдены местными офицерами, членами французского пограничного контроля и их британскими коллегами, отвечавшими за межплеменные споры в пустынных районах, в том числе из-за украденного скота. Обе колониальные державы значительно нарушали образ жизни местного кочевого населения, прибегая то к насилию, то к субсидиям или покровительству, чтобы подчинить их¹⁸.

¹⁶ Houot C. «Securing the Empire after the First World War. Local and Imperial Armed Forces in France's and Great-Britain's Middle Eastern Mandates» // Conference «Among Empires: the British Empire in Global Imperial Context». Lignan University, Hong-Kong. 27 May 2015.

¹⁷ Хизриев А.Х. Строительство Суэцкого канала и установление внешнего финансового контроля над Египтом в 50–70-е годы XIX в. Учебное пособие. Махачкала, 2023. С. 19.

¹⁸ Thomas M. «Bedouin Tribes and the Imperial Intelligence Services in Syria, Iraq and Transjordan in the 1920s» // Journal of Contemporary History 38: 4, 2003. Pp. 539–561.

Джон Багот Глабб

Такой подход весьма четко сформулирован Джоном Баготом Глаббом, командовавшим вооруженными силами Трансиордании — Арабским легионом. Глабб инициировал политику вербовки членов кочевых племен в пустынные отряды, чтобы положить конец племенным набегам через границы страны. Несколько племенных шейхов также были интегрированы в зарождающиеся институты эмирата. Глабб был поклонником бедуинов, которых он считал настоящими и подлинными арабами, восхищаясь их образом жизни и обычаями, которые, по его мнению, необходимо было сохранить. Он также был очарован местными правителями стран. В его глазах династия Хашимитов Трансиордании и алавиты в Марокко олицетворяли престижное происхождение, культурную самобытность и форму доброжелательного консерватизма, что можно было объяснить общим ориенталистским и религиозным вдохновением в западном мире той эпохи. Все эти высказывания говорили о том, что колониальный дискурс и практика циркулировали из одной империи в другую, а в рассматриваемом случае — из Северной Африки на Ближний Восток¹⁹.

После Первой мировой войны французы и англичане стремились сохранять свои интересы, при этом осознавая необходимость учитывать принцип самоопределения местных народов. Создавая новые арабские

¹⁹ *Glubb J. B. Britain and the Arabs. A study of Fifty years, 1908 to 1958. L.: Hodder & Stoughton, 1959. P. 171–172.*

правительства, британцы, казалось, использовали самую умную стратегию, чтобы доказать, что они намерены играть по правилам нового мирового порядка. В целом европейские дипломаты и журналисты более критично относились к французскому правлению в Леванте, чем к косвенному британскому правлению в Ираке и Трансиордании. Это привело к самодовольным рассуждениям британцев о их способности управлять арабским народом по-дружески. Французы, с другой стороны, были убеждены, что британская стратегия поощряла арабский национализм за их счет. Однако, вопреки убеждению французов, единой британской политики в подмандатных территориях не существовало. На самом деле лица, принимающие решения в Лондоне и Париже, были реалистами и не хотели обострения конфликтов не только на Ближнем Востоке, но и во всем мире.

Независимо от этих различий рост арабского национализма в регионе в целом показывает, что ближневосточные общины чувствовали, что они находятся под одним и тем же колониальным гнетом. Более того, небольшое преимущество, которое могли иметь британцы, было уничтожено их политикой в Палестине. Именно для того, чтобы улучшить свой несколько пострадавший авторитет в арабском мире, они вынудили французов предоставить Сирии и Ливану независимость во время Второй мировой войны. На этот раз подозрения французов оправдались, в то время как в 1930-е гг. такие предположения в большинстве случаев казались беспочвенными.

В конечном счете случаи англо-французского соперничества или сотрудничества на Ближнем Востоке в межвоенные годы свидетельствуют о взаимосвязанности этих колониальных империй. Последние следует рассматривать не просто как противопоставленные друг другу политические системы, а скорее как образования, чьи интересы иногда сталкивались, а иногда пересекались. По сути, и британцы, и французы разделяли одну и ту же империалистическую идею, которая в конечном итоге была побеждена местным сопротивлением и происходившими глобальными процессами.

REFERENCES

1. *Cloarec V.* «La France du Levant ou la spécificité impériale française au début du XXe siècle». *Revue française d'histoire d'outre-mer*, tome 83, no. 313, 4e trimestre, 1996. P. 3–32.
2. *Yakoubi M.* The French, the British and their Middle Eastern Mandates (1918–1939): Two Political Strategies // Open Edition Journals. <https://journals.openedition.org/rfcb/8787#bodyftn4>.
3. *Toynbee A.* *The Western Question in Greece and Turkey: A Study in the Contact of Civilisations*. L.: Constable, 1922. P. 45.
4. *Thomas M., Toye R.* *Arguing about Empire, Imperial Rhetoric in Britain and France, 1882–1956*. Oxford, Oxford University Press, 2017. P. 10.
5. The National Archives, United Kingdom. «Report on Middle East Conference». CAB 24/122, March 12th to 30th 1921.
6. U.S. National Archives Records Administration (NARA). Microcopy No 722. Roll 7. Records of the Department of State relating to Internal Affairs in Asia, 1910–1929. British Policy in Arabia. With the Resident of Aden. No 61. P. 1–3.
7. *Магомеддадаев А.М., Дадаев Ю.У., Саидова М.З.* Очерки по истории политической культуры Ближнего и Среднего Востока. Учебное пособие. М., 2011. С. 178.
8. *Роган Ю.* Арабы. История. XVI–XXI вв. М.: Альпина Диджитал, 2009. С. 162.
9. *Уолд Э.Р.* Saudi Inc. М.: Альпина Паблишер, 2021. С. 26.
10. Новейшая история арабских стран Азии. 1917–1985 (отв. ред. В.В. Наумкин). М.: Наука, 1988. С. 160.
11. «Report on Middle East Conference». CAB 24/122, March 12th to 30th 1921. The National Archives, United Kingdom.
12. *Хизриев А.Х.* Проблемы определения статуса британских войск в Египте после оккупации 1882 г. // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4. Ист. 2016. № 1 (37). С. 31.
13. *Barr J.* *A Line in the Sand. The Anglo-French Struggle for the Middle East, 1914–1948*. NY: Norton & Company, 2011. P. 142.
14. *Houot C.* «Securing the Empire after the First World War. Local and Imperial Armed Forces in France's and Great-Britain's Middle Eastern

- Mandates» // Conference «Among Empires: the British Empire in Global Imperial Context». Lignan University, Hong-Kong. 27 May 2015.
15. *Хизриев А.Х.* Строительство Суэцкого канала и установление внешнего финансового контроля над Египтом в 50–70-е годы XIX в. Учебное пособие. Махачкала, 2023. С. 19.
16. *Martin T.* «Bedouin Tribes and the Imperial Intelligence Services in Syria, Iraq and Transjordan in the 1920s» // *Journal of Contemporary History* 38: 4, 2003. P. 539–561.
17. *Glubb J.B.* Britain and the Arabs, A study of Fifty years. 1908 to 1958. L.: Hodder & Stoughton, 1959. P. 171–172.

 Хизриев Али Хизриевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения
Дагестанского государственного университета
SPIN-код: 9001-0357
ORCID: 0000-0002-6600-5061

 Базаева Фарида Хизриевна

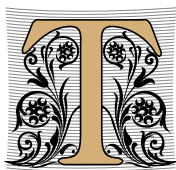
магистрант 2-го курса факультета востоковедения
Дагестанского государственного университета, направление 58.04.01
Востоковедение и африканистика, профиль «Актуальные проблемы
истории стран Азии и Африки»

Ключевые слова:

Франция, Великобритания, Ближний Восток, мандаты, Лига Наций.

Ali Kh. Khizriyev, Farida Kh. Bazayeva

BRITISH VS FRENCH RIVALRY IN THE MIDDLE EAST UNDER THE MANDATE SYSTEM BETWEEN THE TWO WORLD WARS

This article examines the nature of relations between Great Britain and France in the context of the two countries' administration of mandated territories in the Middle East between the two world wars. The unique system of governing former Ottoman provinces under the League of Nations mandate, in which Britain and France played leading roles, remains insufficiently explored by experts on the modern history of Arab regions in Asia. The mandate system undeniably contributed to destabilizing the Middle East, which is still being shaken by ongoing conflicts with both internal and external causes. In view of this, it is of particular interest to not merely compare the policies and strategies employed by both powers to administer their mandated territories, but rather to analyze how the British perceived the French strategy and vice versa. This approach sheds light on Britain's and France's vision of their respective goals and objectives in the region. The article also examines the forms of cooperation and shared interests between the two powers while governing the territories that had emerged after the Ottoman Empire's collapse.

Keywords: France, Britain, Middle East, mandates, League of Nations.

Ali Kh. Khizriyev — C.Sc. (History), Associate Professor at the Department of Oriental Studies Dagestan State University.

SPIN code: 9001-0357

ORCID: 0000-0002-6600-5061

Farida Kh. Bazayeva — 2nd year Master's student at the Faculty of Oriental Studies Dagestan State University, Specialization: Current Issues of Asian and African History.

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.50.006

Д.А. Оксамитная

ИССЛЕДОВАНИЕ «КОЛЛЕКТИВНОГО ПОРТРЕТА» ПРИДВОРНОГО ПЕРИОДА ПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II С ПОМОЩЬЮ ПРОСОПОГРАФИЧЕСКОЙ БАЗЫ ДАННЫХ

Изучение механизмов формирования, функционирования и смены политической и культурной элиты государства в исторической ретроспективе остается одним из актуальных направлений в исторической науке, поскольку дает представление о существующей исторической традиции, а также возможность более глубокого анализа современной ситуации¹.

Объектом первоначального исследования был выбран императорский двор Екатерины II как часть элиты государства второй половины XVIII в. В этот период российской истории приближенная к императрице аристократия имела возможность влияния на принятие тех или иных политических решений, задавала тенденции культурной жизни общества, отвечая критериям двух наиболее часто встречающихся подходов к определению элиты государства². Одной из целей изучения дан-

¹ Кром М.М. Политическая антропология: новые подходы к изучению феномена власти в истории России // Исторические записки. 2001. № 4 (122). С. 370–397.

² Соколова Е.Е. К определению понятия «элита» в контексте исторической психологии // Элита России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты: Сборник научных статей. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2010. С. 116.

ной социальной группы было описание «коллективного портрета» придворного кавалера периода правления императрицы. Предполагалось не только формирование статичного «портрета» вельможи, но и исследование динамической составляющей биографий, что дало бы лучшее представление о механизмах карьерного роста и социальной мобильности. Для исследования разнообразного исторического материала, содержащего информацию об этой четко ограниченной наличием придворного чина от камер-юнкера и выше группе, применялась одна из методик обобщения и обработки информации: создание просопографической базы данных (БД).

Просопография как жанр исторического исследования является примером междисциплинарного подхода, заимствуя методы из таких наук, как социология, математика, статистика. Основой исследования служат математически обработанные данные исторических источников. Кроме создания динамических коллективных биографий, работа в этом жанре также предполагает возможность сохранения и изучения индивидуального, частного, отдельных биографий. Последние черты сближают просопографию с такими направлениями, как историческая антропология и микроистория. Применительно к данному исследованию это позволит не только реконструировать общие вехи биографий придворных Екатерины II, но и проследить отдельные случаи отклонения от некоторого среднего вектора их развития.

Безусловно, полученная с помощью создания базы данных информация является, скорее, вспомогательным средством для осуществления исследования, поскольку даже наиболее полная база данных не решает всех стоящих перед историком задач. Количественные методы, скорее, дополняют традиционные описательные методы, повышают эффективность конкретно-исторического исследования.

Структура описываемой БД была задана самими целями исследования, что характерно для проблемно-ориентированного подхода к созданию подобных баз (иной вариант — источник-ориентированный подход). Как отмечено выше, основной целью планируемого исследования было формирование «коллективного портрета» придворного кавалера периода правления Екатерины II, включающего сведения об общих и индивидуальных характеристиках биографии с акцентом на особенности карьерных траекторий. Полученные данные позволяют составить более полное представление о существовавших векторах социальной мобильности среди части государственной элиты XVIII в., оценить развитие карьер придворных в динамике с учетом занимаемых должностей

и чинов статской и военной службы. Анализ собранной и структурированной с помощью БД информации дает, в том числе, представление о наиболее значимых факторах успешного и неудачного развития карьер вельмож. Дополнение базы сведениями о родственных связях той или иной персоны позволяет судить и о роли неформальных отношений: проследить те или иные нити, связывавшие вельмож, и влияние таких связей на успешность службы.

Поставленные цели исследования предопределили круг используемых при создании БД источников. При формировании базы в качестве основы использовался список придворных Н.Е. Волкова³, поскольку из всех изученных ресурсов данный материал наиболее структурирован и содержит информацию по большему числу вельмож искомой выборки. Критерии формирования последней заданы хронологическими рамками исследования. Предполагалось изучить все случаи пожалования придворным званий в период правления Екатерины II (28 июня (9 июля) 1762 г. — 6 (17) ноября 1796 г.). Кроме того, карьера многих вельмож, получивших чины при дворе до начала царствования императрицы, продолжала свое развитие. Поэтому в выборку включены также и такие персоналии. Список Волкова позволяет собрать информацию по большинству искомых случаев. Данные по полученной выборке дополнялись информацией из Адрес-календарей Российской империи⁴ за 1765–1796 гг. по каждой персоне, что позволило проследить карьерный путь большинства упомянутых у Н.Е. Волкова вельмож. Далее сведения сверялись с архивными списками⁵ двора, придворными календарями за 1763–1790 гг.⁶, списком двора от 1761 г.⁷, содержащим упоминания и о более поздних назначениях, а также с прочими бумагами

³ Волков Н.Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем: В 4 ч. СПб.: Печатня Р. Голике, 1900. 267 с.

⁴ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова [1772–1804]. СПб.: Имп. Академия наук, 1769–1804.

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 469. Оп. 14. Д. 25–26.

⁶ Придворный календарь на лето от Рождества Христова 1763, которое... СПб.:1763; Придворный календарь на лето от Рождества Христова 1766. СПб.:1766; Придворный календарь на лето от Рождества Христова 1767. СПб.:1767; Придворный календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1768. СПб.:1768; Придворный календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1769. СПб.:1769; Придворный календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1770. СПб.:1770; Придворный календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1772. СПб.:1772; Придворный календарь. СПб.:1789; Придворный календарь. СПб.:1790.

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 469. Оп. 14. Д. 7.

по придворному ведомству, в том числе именными указами⁸. Использовались иные официальные списки служащих империи изучаемого периода: «Список находящимся в гражданской службе во всех присутственных местах. С показанием каждого вступления в службу и в настоящий чин»⁹, «Список состоящим в статской службе чинам [первых восьми классов]»¹⁰ и «Список военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II, выбранный по повелению Военного министра из Архива Государственной военной коллегии 1809 года»¹¹. Кроме того, для дополнения информации структурированных источников принимались во внимание материалы Русского биографического словаря, издававшегося под наблюдением председателя Санкт-Петербургского русского исторического общества А.А. Половцова (включая более поздние тома), а также издания «Русские портреты XVIII и XIX столетий», осуществленного под руководством великого князя Николая Михайловича.

Для удобства анализа изучаемая выборка была разбита по десятилетиям, что позволило использовать социологический метод когортного анализа. С помощью такого деления получена возможность выявить характерные для каждого нового поколения придворных тенденции в развитии карьеры и изменения в процессе формирования окружения императрицы на протяжении правления. Кроме того, данный метод позволяет проследить неформальные связи, которые могли устанавливаться между сверстниками.

По каждой когорте в БД даны две таблицы, первая из которых содержит информацию источника в первоначальном виде (для биографических справок из словарей в сокращении по основным фактам), вторая содержит информацию в более удобном для обработки средствами Microsoft Excel виде. Часть данных второй таблицы представлена в формате кода, соответствующего определенному варианту значений переменной. Например, для сведений об образовании каждому из относительно небольшого числа вариантов значений (домашнее, Сухопут-

⁸ Там же. Оп. 1. Д. 126.

⁹ Список находящимся в гражданской службе во всех присутственных местах, с показанием каждого вступления в службу и в настоящий чин. На... [1766–1773] г. СПб.: при Сенате, б. г.

¹⁰ Список состоящим в статской службе чинам [первых восьми классов]. На... [1773, 1775–1780, 1783–1784, 1786, 1788, 1790–1797] г. СПб.: Сенатская тип., 1772–1797.

¹¹ Список военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II, выбранный по повелению Военного министра из Архива Государственной военной коллегии 1809 года. [СПб., 1809].

ный шляхетский кадетский корпус, Пажеский корпус и т.д.) присвоен числовой код. Такая структура БД позволяет, на наш взгляд, сохранить многообразие первичного материала, которое может быть утеряно при формализации данных. Кроме того, для последующих пользователей представляется возможность верификации получившей математическую обработку информации второй таблицы благодаря возможности сверки с информацией источника, содержащейся в первой таблице.

Структура первой таблицы имеет следующий вид. В строках даны сведения о ФИО и годах жизни вельможи. В столбцах последовательно представлены сведения из следующих источников: список Н.Е. Волкова, биографические словари (краткие справки), адрес-календари, списки дворян, находящихся в военных и статских должностях, архивные списки двора и прочие архивные бумаги по придворному ведомству, придворные календари. Вторая таблица имеет следующую структуру. В строках, аналогично с предыдущей, представлены ФИО и годы жизни кавалеров. В столбцах отражены основные биографические факты с акцентом на служебную деятельность. В первую очередь представлены столбцы, содержащие информацию об исходных данных каждой персоны в начале жизненного пути (образование, отдельно сведения о гран-туре, возраст начала службы, место начала службы). Далее следуют поля, отражающие динамические характеристики развития карьеры: возраст присвоения каждого из чинов, возраст занятия различных должностей. Чин для исследования карьеры и положения в обществе дворянина периода действия Табели о рангах является наиболее важным показателем, что нашло свое отражение в структуре описываемой базы данных. «Чинопочитание играло важную роль в общественной жизни, определяло статус, престиж, было необходимым элементом всех официальных и торжественных церемоний»¹². Отдельно представлены сведения об участии вельмож в губернском управлении и деятельности местных судебных органов. Кроме информации о карьерном развитии добавлены также поля, дающие представление об общественной деятельности вельмож. Внесены сведения об упоминании указанных персон в списках таких организаций, как Императорская академия наук, Российская академия, Императорская академия художеств, о попечительстве в благотворительных организациях (с указанием возраста упоминания). Далее представлены данные о возрасте окончания службы и возрасте смерти кавалера.

¹² Шенелев Л.Е. Отмененные историей чины, звания, титулы в Российской империи. Л.: Наука, 1977. С. 15.

При создании просопографической базы данных не удалось избежать трудностей, характерных при использовании в историческом исследовании количественных методов. Прежде всего, это необходимость выразить количественно качественную информацию источников, чтобы получить возможность статистической обработки. Как видно из перечисления выше, не все поля предназначенной для математической обработки второй таблицы содержат числовые данные. В силу существующего многообразия вариантов по некоторым показателям разбить информацию по какому-либо ограниченному числу вариантов признака и присвоить соответствующее значение по порядковой шкале или шкале наименований не всегда представляется возможным. В таких случаях количественная обработка затруднена. Тем не менее материал остается информативным и дает общее представление об объекте исследования.

Другой трудностью при создании БД является сама специфика работы с историческими источниками. К сожалению, в силу удаленности во времени и фрагментарности информации некоторых источников найти сведения по всем персонам во всех упомянутых ресурсах не удалось. Массовые источники, часто используемые для работы по созданию просопографических баз данных, характерны скорее для XX в. и по мере удаления во времени встречаются все реже. Наиболее формализованным и охватывающим наибольшее количество персоналий ресурсом информации о служебном продвижении дворян для данного исследования стали адрес-календари. Но их данные в некоторых случаях вступали в противоречие с данными других документов, и тогда необходимо было проводить дополнительный анализ с целью выявления более достоверной информации. Чтобы для дальнейшего использования в указанных моментах не создавались «черные ящики», когда решение исследователя скрыто от возможного пользователя просопографической базы, данные вновь обрабатываемых источников по каждой персоне заносились в отдельное поле первой таблицы.

Несмотря на трудности, возникшие при работе с описываемой базой данных и характерные при применении количественных методов в исторических исследованиях в целом, использование указанной методики дало уникальные возможности по сведению разрозненной информации, ее последующей формализации и анализу. Как итог проведенной работы получено приращение знания об исследуемом объекте. К примеру, получено представление о наиболее «популярных» местах службы кавалеров помимо придворной: многие продолжали числиться в гвардии и получать гвардейские чины (около 30% от всех пожалованных),

четверть персон изученной совокупности получила места в Сенате, около 15% служили в Коллегии иностранных дел. Просопографическая база данных дает представление о «коллективном портрете» придворных кавалеров времени правления императрицы Екатерины II, общем и частном в их жизненном пути, факторах, влияющих на карьерную динамику вельмож различных поколений. Исходя из анализа собранных данных, можно судить о высших достигнутых придворными кавалерами чинах (большинство персон за изученный период достигло чинов третьего класса как наивысшего в карьере — 28,4%, ещё 20% продвинулись по карьерной лестнице до чинов второго или даже первого классов), о среднем возрасте пожалования ко двору камер-юнкером (до 25 лет) и камергером (25–30 лет), среднем промежутке между пожалованиями данными чинами (7 лет) и вариантах крайних отклонений от такового. К примеру, быстрее всех получил следующий чин камергера фаворит А.С. Васильчиков (всего 1 месяц). Наиболее длительным ожидание чина камергера было у князя Александра Николаевича Долгорукова (12 лет), внука опального члена Верховного тайного совета А.Г. Долгорукова. Анализ причин подобных карьерных «аномалий» дополняет существующее знание о характерных для изучаемой эпохи факторах карьерного роста (о значении происхождения дворянина, о влиянии неформальных отношений как внутри элиты, так и лично с монархом на служебный успех и проч.). Созданная база дает также возможность решения различных задач исследования, не связанных напрямую с созданием «коллективного портрета».

Данная база продолжит пополняться материалами исторических источников. Продолжится и совершенствование формализации полученной информации и программного обеспечения.

REFERENCES

1. *Volkov N.E.* Dvor russkikh imperatorov v ego proshlom i nastoyashchem: V 4 ch. [The Court of the Russian Emperors in its past and present: In 4 parts]. St. Petersburg: Pechatnya R. Golike, 1900.
2. *Krom M.M.* Politicheskaya antropologiya: novye podkhody k izucheniyu fenomena vlasti v istorii Rossii [Political Anthropology: New Approaches to the Study of the Phenomenon of Power in the History of Russia] // *Istoricheskie zapiski*. 2001. No 4 (122). P. 370–397.
3. *Mesyatseslov s rospisyu chinovnykh osob v gosudarstve na leto ot Rozhdestva Khristova [1772–1804]* [A month with a painting of officials in the state for the summer of the Nativity of Christ [1772–1804]]. St. Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk, 1769–1804.
4. *Pridvorny kalendar na leto ot Rozhdestva Khristova 1763, kotoroe...* [The court calendar for the summer of Our Lord 1763, which...]. St. Petersburg:1763.
5. *Pridvorny kalendar na leto ot Rozhdestva Khristova 1766* [The court calendar for the summer of Our Lord 1766]. St. Petersburg:1766.
6. *Pridvorny kalendar na leto ot Rozhdestva Khristova 1767* [The court calendar for the summer of Our Lord 1767]. St. Petersburg:1767.
7. *Pridvorny kalendar na leto ot Rozhdestva Khristova 1768* [The court calendar for the summer of Our Lord 1768]. St. Petersburg: 1768.
8. *Pridvorny kalendar na leto ot Rozhdestva Khristova 1769* [The court calendar for the summer of Our Lord 1769]. St. Petersburg:1769.
9. *Pridvorny kalendar na leto ot Rozhdestva Khristova 1770* [The court calendar for the summer of Our Lord 1770]. St. Petersburg:1770.
10. *Pridvorny kalendar ili mesyatseslov na leto ot Rozhdestva Khristova 1772* [The court calendar for the summer of Our Lord 1772]. St. Petersburg:1772.
11. *Pridvorny kalendar* [The Court calendar]. St. Petersburg:1789.
12. *Pridvorny kalendar* [The Court calendar]. St. Petersburg:1790.
13. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 469. Op. 1. D. 126.

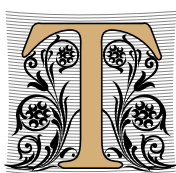
14. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive]. F. 469. Op. 14. D. 7.
15. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive]. F. 469. Op. 14. D. 25–26.
16. *Sokolova E.E.* K opredeleniyu ponyatiya «elita» v kontekste istoricheskoy psikhologii [On the definition of the concept of “elite” in the context of historical psychology] // *Elita Rossii v proshlom i nastoyashchem: sotsial'no-psikhologicheskie i istoricheskie aspekty: Sbornik nauchnykh statey* [The elite of Russia in the past and present: socio-psychological and historical aspects: Collection of scientific statey]. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, 2010. P. 115–122.
17. Spisok voennym generalam so vremeni imperatora Petra I do imperatritsy Ekateriny II, vybranny po povelenyu Voennogo ministra iz Arkhiva Gosudarstvennoy voennoy kollegii 1809 goda [List of military generals from the time of Emperor Peter I to Empress Catherine II, selected by order of the Minister of War from the Archive of the State Military College in 1809]. [St. Petersburg, 1809].
18. Spisok nakhodyashchimsya v grazhdanskoj sluzhbe vo vsekhn prisutstvennykh mestakh, s pokazaniem kazhdogo vstupleniya v sluzhbu i v nastoyashchij chin. Na... [1766–1773] g. [A list of those in the civil service in all official places, with an indication of each entry into service and the current rank. On...[1766–1773]]. St. Petersburg: pri Senate, without a year.
19. Spisok sostoyashchim v statskoj sluzhbe chinam [pervyx vosmi klassov]. Na... [1773, 1775–1780, 1783–1784, 1786, 1788, 1790–1797] g. [The list of civil service ranks [of the first eight classes]. On...[1773, 1775–1780, 1783–1784, 1786, 1788, 1790–1797]]. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya, 1772–1797.
20. *Shepelev L.E.* Otmenennye istoriey chiny, zvaniya, tituly v Rossiyskoj imperii [Ranks, titles, and titles abolished by history in the Russian Empire]. Leningrad: Nauka, 1977.

Ключевые слова:

Екатерина II, придворные, императорский двор, XVIII в., аристократия, дворянство, просопография.

Daria A. Oksamitnaya

CATHERINE'S THE GREAT REIGN PERIOD COURTIERS' COLLECTIVE PORTRAIT STUDY BY MEANS OF PROSOPOGRAPHICAL DATABASE

The article is dedicated to the specialties of creation and employment of a prosopographical database while researching part of the elite during Catherine's the Great reign, specifically speaking about courtiers. Application of this method provides an opportunity to reconstruct courtier's collective portrait and could give an information about the social mobility and career development in the aristocratic milieu during the second part of XVIII century, as well as about career growth or collapse factors. The exposed database allows to trace common trends in biographies of imperial court courtiers and also to analyze deviating career cases.

The article describes difficulties encountered during database design and compilation, in particular in mathematical data processing of information from historical sources. The article also provides methods of solving these problems. Information which was collected from different sources, then formalized and structured by the means of prosopographical database can be used for further studies of Russian eighteenth century aristocracy.

Keywords: Catherine the Great, courtiers, imperial court, XVIII century, aristocracy, nobility, prosopography.

 Оксамитная Дарья Александровна

соискатель ученой степени кандидата исторических наук,
кафедра истории России Средневековья и Нового времени,
исторический факультет Историко-архивного института,
Российский государственный гуманитарный университет

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.50.007

С.Е. Князева

ИМПЕРСКАЯ ИДЕЯ В ГЕОПОЛИТИКЕ: СТОЛКНОВЕНИЕ ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ ИНТЕРЕСОВ ДЕРЖАВ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

Введение

Средиземноморье играло ключевую роль на всех этапах европейской истории начиная с Античности и Средневековья. Средиземноморский регион остается важнейшим центром пересечения геополитических интересов крупных (и не слишком) государств, причем не только европейских, и этот временами весьма запутанный узел не всегда представляется возможным развязать и сегодня. В силу этих причин, в частности, в свете начавшейся в октябре 2023 г. войны в секторе Газа, определенный интерес вызывают отдельные этапы европейской истории, заостренные на уже разгоравшиеся в прошлом кризисы в зоне Средиземноморья, инициированные крупными игроками.

Так, в конце XIX — начале XX в. политика великих держав на Балканском полуострове отчетливо отражала их имперские устремления. Накануне Первой мировой войны великие державы рассматривали Балканы с позиций имперского высокомерия: даже не как пороховую бочку — как «аппендикс Европы». Балканский регион оставался объектом присталь-

ного внимания и опеки Австро-Венгерской империи. Но в зоне восточного Средиземноморья все ожесточеннее сталкивались геополитические интересы Австро-Венгрии и Великобритании, которые та осуществляла в рамках привычного для нее арбитража; Российской империи, заинтересованной в сохранении влияния на славянские общности и в упрочении панславизма и неославизма; смертельно «больного человека Европы» — Османской империи, постепенно утрачивавшей свои владения (причем на кону стояло само существование империи); и, наконец, Италии. К началу последней трети XIX в. Королевство Италия, наконец, преодолело многовековой сепаратизм и стремилось к признанию европейскими державами своих привилегированных интересов в восточном Средиземноморье и на Балканах.

Возможно ли было найти точки компромисса в сложившихся условиях? Поскольку столкновение интересов держав в регионе повлекло за собой Первую мировую войну, его можно воспринимать как событие сингулярное. Постструктуралист Жиль Делез трактовал сингулярности как *leverage points*, критические узлы, точки плавления, точки, порождающие новые смыслы¹. Именно в этом ракурсе, оставаясь конкретной точкой даже с учетом фрактальности времени, такое поворотное событие неизбежно связано с другими событиями в настоящем и будущем и выражает варианты взаимосвязей с последующим событийным рядом. Так, итогом Первой мировой войны стал распад «старых» империй или, по крайней мере, начало их распада.

Сегодня же опыт именно «старых» империй важен еще потому, что хронологически они относятся к периоду XIX — начала XX в. и их воспроизводство в XXI в. в подобной копии вряд ли уместно.

Империи и имперство как объект экспертных исследований

Эпоха старых территориальных и морских империй ушла в прошлое, казалось, безвозвратно. И тем не менее имперский, а в большинстве случаев постимперский синдром остается одним из существенных проявлений современного миропорядка. Другое дело, что сегодня в проблематике империологии как особого направления научного поиска значимое

¹ В рамках философии постмодернизма сингулярность определяется как индивидуальная вещь, которая выступает оппозицией общему или множественному. Шурупова М.В. Понимание концепта «Другой» в философии сингулярности Ж. Делеза // Вопросы студенческой науки. 2021. № 1(53). С. 208–209.

место занимает изучение империй (как старых, так и новых) под углом зрения двух взаимоисключающих трендов: «Время империй кончилось!» и «У нас на глазах империя обретает плоть»².

В политике государств, претендующих на создание великих империй и на реализацию их величия в любой версии, следует учитывать исторический опыт травмы. На примере Королевства Италия с конца XIX — начала XX в. уже можно усмотреть проявления «имперского синдрома», что свидетельствует о стремлении компенсировать многовековые травмы политической раздробленности и отсутствия общей субъектности, т.е. разыграть, доиграть, а то и переиграть определенную историческую «партию». В то же время и Османская империя, находившаяся уже на склоне былой исторической славы, также компенсировала свои травмы, предпринимая попытки реформировать свои государственные структуры с целью спасения империи и сохранения былой мощи и величия. Так, уже начиная со второй трети XIX в. определенная часть политического истеблишмента Османской империи способствовала запуску социально-политических и экономических реформ в рамках Танзимата³. Впрочем, как подчеркнул российский историк и этнолог Д.Е. Еремеев, большинство задуманных реформ так и остались нереализованными вплоть до ее падения⁴.

Конфликтологи определяют подобные геополитические устремления как эффект Зейгарник⁵, т.е. как воспроизводство имперских амбиций и стремление взять исторический реванш.

² Уколова В.И. Империя: исторический опыт // Вестник МГИМО. 2008. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperiya-istoricheskiy-opyt-rima/pdf> (дата обращения: 09.12.2023).

³ О реформах Танзимата: Галихузина Д.С. Опыт реформирования образовательных учреждений Османской Турции начала XX века в освещении российской мусульманской прессы (на примере журнала «Шура» (1908–1917 гг.) // Актуальные проблемы изучения современной Турции. Материалы Международной научной конференции. Нижний Новгород — Стамбул: ФМО ННГУ, ИСИ ННГУ, Центр стратегических исследований мудрецов «BILGESAM», 2011. С. 169–172.

⁴ Еремеев Д.Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М.: Наука, 1971. С. 188.

⁵ На основании и с учетом теории поля К. Левина можно обосновать следующее: взаимодействие социумов в условиях незавершенных или прерванных действий неизбежно приводит к обострению межгосударственных отношений, что влечет за собой обострение международной напряженности.

С точки зрения коллективной психологии см.: Канардов И. Почему незавершенные действия запоминаются лучше, чем завершенные // Ведомости. 09.10.2014. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2014/10/09/skazat-i-zabyt> (дата обращения: 11.12.2023).

Актуальность исследований в сфере империологии в последнее время повышается. В определении понятия «империя» прослеживаются нарративы Древнего Рима. В итало-американском исследовании «Империя» М. Хардт и А. Негри (и далеко не они одни) отмечают, что «Римская империя положила начало современному миропорядку»⁶. Как подчеркнула известный российский историк В.И. Уколова, на примере Римской империи очевидно, что империя — это не просто территория, это картина мира с аксиологическими, правовыми, психологическими ограничителями — ценностями, причем «императорский Рим усовершенствовал систему взаимоотношения элит с империей»⁷. Таким образом, «Империя составляет смысл и предел коммуникации элиты, которая занимает в пространстве империи и реальном, и условно-историческом определенное место, выстраивая определенную «политико-сценическую ситуацию»⁸.

В контексте изложенного ясно, что распад империи — это болезненный и очень продолжительный процесс, не только непредсказуемый, но и травматический, причем не только для самой империи, но и для ее соседей. Опыт Римской империи с ее «пульсирующими» границами⁹ это доказывает так же, как и уроки распада Австро-Венгерской и Османской империй. Однако опыт формирования созданной в межвоенный период итальянской фашистской «империи» также не менее показателен.

Империю рассматриваемой эпохи важно воспринимать (в том числе с позиций семантики понятия) как единоличную «власть» и «неограниченные полномочия» правителя на всех ее территориях, в том числе захваченных, а также стремление к их расширению и военно-политическому господству в регионе или в мировом контексте. С позиций конфликтологии речь идет о создании тотального силового поля влияния с включением в него перекрестных силовых полей. Европейские импе-

Эффект Зейгарник — если человеку не дать возможность закончить начатое дело, он не только будет эмоционально напряжен, но и запомнит детали задания, сохранив доступ к следам памяти, и если действие не завершить, то намерение останется неосуществленным. В этно- и гештальтпсихологии: незавершенные исторические события не могут быть «закрыты», их следует доиграть или переиграть.

⁶ О роли «варварства» в судьбе современных империй см.: Новые варвары // Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. С. 203–206. Цит. по: Уколова В.И. Империя: исторический опыт // Вестник МГИМО. 2008. № 2. С. 4.

⁷ Уколова В.И. Империя: исторический опыт // Вестник МГИМО. 2008. № 2. С. 4.

⁸ Там же. С. 4–5.

⁹ Как подчеркивает В.И. Уколова, пульсирующие границы Империи проецируют сферы интересов за пределы римского лимеса, пока есть ресурсы в самом широком значении этого слова.

рии XIX — начала XX в. (а такой была Австро-Венгрия) — это продукт национального подъема Европы, экономического роста, нового этапа самоидентификации, где ключевым стало национальное Величие. Имперство значительно изменило баланс экономических и военных сил на мировой арене. Но в условиях столкновения имперских амбиций старых и новых, лишь обозначившихся на политической карте империй, их геостратегию нелегко было приспособить к изменяющимся геополитическим реалиям, к иным представлениям о разумном политическом устройстве, к новым формам применения насилия как важнейшей составляющей империй. Если же принимать во внимание логику имперства, то с позиций аксиологии стоит учитывать воспринятую или насаждаемую повсеместно шкалу ценностей, о чем свидетельствовали «пульсирующие» границы большинства «старых» империй. Поэтому, возможно, самый важный итог имперства для «доноров» и «реципиентов» — то, что Робин Джордж Коллингвуд назвал «коррупцией сознания».

Конечно, территориальные империи, такие как Австро-Венгерская или Османская, с их подвижными границами, были менее жизнеспособными, чем морские, на что также обращают внимание многие эксперты, начиная с этногеографа и одного из «отцов геополитики» Фридриха Ратцеля. И, кстати, «империя» в Италии, провозглашенная 15 мая 1936 г., имела черты именно морской империи.

Опыт травмы в Италии в контексте итальянского ресентимента

Финальной точкой Рисорджименто стал сентябрь 1870 г., когда после присоединения Рима было провозглашено Королевство Италия в его окончательных границах, а с начала 1880-х гг. внешнеполитическое ведомство страны уже четко определило свои геополитические интересы и сформировало внешнеполитическую стратегию. Это было связано прежде всего с фигурой Ф. Криспи, поклонника Бисмарка, ставшего во главе итальянской политики и дипломатии. Лишь равнением на великого объединителя Германии можно объяснить странный союз для Италии — участие в Тройственном союзе в содружестве с Австро-Венгрией. Геополитические интересы страны уже можно было определить как стремление к лидерству в зоне Средиземноморья, включая Балканы, Малую Азию и Северную Африку.

Геополитические интересы формировавшейся итальянской «империи», точки ее «сборки» стали итогом преодоления травматического

прошлого, своего рода «ресентиментом»¹⁰. И во многом эта ситуация была связана с Австро-Венгрией.

Тяжелейшей исторической травмой стала потеря независимости итальянскими государствами Севера и отчасти Центра Италии в XVI–XVIII вв. Особенно отчетливо эффект «ресентимента» проявился позднее, в период нахождения у власти фашистского режима Муссолини.

Но политический упадок и утрата независимости зачастую влекут за собой подъем национальной культуры, нацеленной на противостояние поработителям. Таким средством борьбы стали произведения писателей и поэтов — Витторио Альфьери, Алессандро Мандзони, Эдмондо Де Амичиса и многих других. Их произведения — это, по сути, энциклопедии борьбы итальянцев за уважение к их этнокультурной и этнорелигиозной идентичности. И совершенно особенное место в этом ряду занимают Джузеппе Верди и его борьба против австрийского культурного доминирования, начиная с оперы «Набукко» (09.03.1842). Именно хор, исполнявший *Va' Pensiero*, «хор поработенных», стал на тот момент настоящим гимном Королевства Сардиния после 1848 г.¹¹

Важным этапом борьбы с господством австрийских Габсбургов стал «инцидент» во время посещения императором Францем Иосифом театра Ла Скала в 1859 г., после Второй войны за независимость Италии от Австрии. Перед началом оперы был исполнен фактический гимн Италии из оперы «Набукко» и озвучен лозунг *VIVA V.E.R.D.I*¹² вместо полагавшегося по протоколу гимна Австрии. При этом прозвучали строки: «Моя Родина прекрасная потеряна» и должна «доблестно перенести страда-

¹⁰ Впервые данный термин (и соответствующее явление) был введен в оборот Ф. Ницше, включившим в него совокупность таких негативных ощущений, как злоба, отчаяние, ненависть, социальная зависть, но среди них особое место заняли «злопамятство и жажда мести». Ведущую роль в реализации ресентимента Ницше отводил униженным низам общества, «вынашивающим идею о грядущем возмездии “господам”». *Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1990. С. 101.*

¹¹ «Лети, мысль»: «*Mia patria sì bella e perduta / Oh, membranza sì cara e fatal / ... / O t'ispiri il Signore un concerto / Che ne infonda al patire virtù*» — «Моя Родина прекрасная потеряна / О, как память дорога, как фатальна / Господи, всели ж в нас ты надежду / Доблестно перенести страданье» (пер. мой. — С.К.). Этот гимн стал первым из гимнов Италии, ведь гимн современной Италии *Fratelli d'Italia* был создан на 5 лет позднее *Va pensiero* (в 1847 г. 20-летним студентом-мадзинистом Гоффредо Мамели). А Дж. Верди стал также политиком — депутатом в Первом Всеитальянском парламенте с февраля 1861 г.

¹² А ведь было известно, что аббревиатура *VIVA V.E.R.D.I* означает восхваление Виктора Эммануила Второго (*Viva Vittorio Emanuele Re D'Italia* — Да здравствует Виктор Эммануил Король Италии). Показательно, что уже с начала 1880-х гг. опера «Набукко» и другие были поставлены на сцене Венского государственного оперного театра.

нью». Императорская семья Австрии, представлявшая одну из могущественнейших европейских династий, вынуждена была прослушать все это от начала до конца, причем стоя.

Итогом многовековой травмы политической раздробленности страны стала популярность надвигавшейся Первой мировой войны, которую итальянцы приняли с большим воодушевлением. «Манифест футуризма» — важнейший текст, написанный итальянцем Ф.Т. Маринетти в 1909 г., — это, по сути, призыв к очищению через войну и поклонение технике¹³. Историческая память о более чем полуторавековой зависимости итальянцев от Австрии, болезненный опыт Рисорджименто¹⁴, а также «проигранная победа»¹⁵ не оставляли Италию и после Первой мировой войны и прихода к власти фашистов. На примере Италии в первой четверти XX в. можно усмотреть факторы когнитивного диссонанса итальянского «Я» и ресентимента итальянцев, нашедшего глубокое отражение в коллективном бессознательном национальном компоненте (в интерпретации К. Юнга), а также проявления массового кризиса идентичности¹⁶ как важнейшего следствия «проигранной победы». Ведь не случайно фашистская «революция» 1922–1926 гг. была обозначена фашистскими идеологами именно как Второе Рисорджименто.

Тем не менее к началу XX в. Королевство Италия преодолело многовековой сепаратизм, но отнюдь не фантомные боли травмы, и стремились к признанию европейскими державами своих привилегированных интересов в восточном Средиземноморье.

После Третьей войны за независимость (весна — лето 1866 г.) с Австрией и в союзе с Пруссией в Королевстве Италия оформляется движение ирредентистов (*Terre irredente*)¹⁷, рожденное в 1866 г. и распространившееся сначала в кругах интеллектуалов и деловых людей Триеста.

С 70–80-х гг. XIX в. они стали предъявлять требования о возвращении якобы принадлежавших им искони территорий со значительным немец-

¹³ Маринетти Ф.Т. Манифест футуризма.

¹⁴ Императрица Сиси была смертельно ранена итальянским анархистом Луиджи Луккени в 1898 г. в Женеве.

¹⁵ Идея «проигранной победы» («*vittoria vinta*») нашла широчайшее отражение в итальянской историографии — написанные на эту тему тома могут заполнить хранилища многих библиотек. Термин получил широчайшее распространение. См., в частности: Gaeta F., Villani P. *Corso di Storia*. Vol. 3. Milano: Principato Editore, 1991. P. 398–399.

¹⁶ Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. / Пер. с англ. Общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. С. 23–24.

¹⁷ Дословно: Неосвобожденные земли.

ким (немецкоговорящим) или славянским населением, входивших в состав Австро-Венгрии: Истрии, Горицы, Триеста, Юлийской Крайны¹⁸, значительной части Далмации. Среди создателей ирредентизма стоит особо отметить Ч. Баттисти, Г. Обердана и М. Имбриани, который впервые обозначил данное название рожденного ими движения (1877 г.) и, к слову, стал также сооснователем обществ Данте Алигьери и Латинской Лиги в 1889 г. Все они принимали участие в войнах за независимость, в гарибальдийских походах. Многие пали в Первую мировую войну, в которую Италия вступила в мае 1915 г., поскольку по условиям Лондонского договора стране были обещаны требуемые ею территории. Участвовали они и в печально известной битве при Капоретто (октябрь 1917 г.).

Война в Триполитании как органическая составляющая Балканских войн

В предвоенный период имперски настроенный истеблишмент Италии был нацелен на территории «умирающего человека»¹⁹, т.е. Османской империи на Балканах и в Северной Африке. Завершив формирование политических союзов, Италия стремилась к колониальным захватам. С этой целью взгляды правительства сначала обратились к Тунису, но после вторжения Франции в Тунис и Марокко имперские круги итальянского истеблишмента стали усиливать влияние в Триполитании. Эти владения слабеющей Османской империи стали объектом экспансии Италии в Триполитанской войне²⁰ (1911–1912 гг.), сначала достаточно популярной благодаря значительным пропагандистским усилиям и агитации в печати. Эта война стала, как до того Первая Абиссинская война 1895–1896 гг., крупнейшей имперской авантюрой, которая нанесла серьезный удар по имиджу либеральной «эры Джолитти».

В 1911 г. отмечалась знаменательная дата — 50-летие образования Королевства Италия. Именно в этом году имперские круги полити-

¹⁸ Другие территории, на исконной принадлежности которых настаивали адепты итальянского ирредентизма, в частности Трентино Альто Адидже и Венеция Джулия, остались в составе Австро-Венгрии.

¹⁹ Российский император Александр III предпочитал именовать Сиятельную Порту (Babiâli) «смертельно больным человеком в Европе».

²⁰ Автор сознательно использует термины «война в Триполи», «Триполитанская война», поскольку маркировка данной войны принята в итальянской историографии; к тому же с исторической точки зрения она более корректна, чем Ливийская война.

ческого истеблишмента предприняли попытку реализации притязаний Италии на Триполитанию, которые приобретали все более отчетливые очертания после восшествия на престол Виктора Эммануила III (1900 г.). В связи с резким увеличением ура-патриотических настроений во Флоренции состоялся Учредительный съезд итальянских националистов (1910 г.) и была образована «Националистическая ассоциация»²¹. Под напором националистов правительство Джолитти было вынуждено сделать ставку на территориальную экспансию и отправить войска в Триполитанию.

В связи с растущей популярностью войны, многократно усиленной захватившей Италию, да и Европу в целом, модернистской парадигмой, имперски настроенный сегмент политического истеблишмента рассматривал кампанию в Триполи как возвращение к средиземноморской политике Римской империи. К тому же некоторая часть националистически настроенных представителей католичества видела в ней новый крестовый поход против ислама. Значительная часть итальянской общественности смотрела на эту новую южную колонию как на территорию, куда можно будет отправлять избыточное население, что, с их точки зрения, положило бы конец эмиграции итальянцев в Америку. В целом итало-турецкую войну 1911–1912 гг. стоит рассматривать в контексте участия Италии, позиционировавшей себя в качестве одной из великих европейских держав, в разделе Османской империи²² на финальном этапе ее существования.

Италия, которую более не устраивало ее положение «малышки» (Italietta) во внутреннем и внешнем контуре²³, инициировала множе-

²¹ Сначала националисты выступали лишь против слишком скромной роли, отведенной Италии великими державами. С 1910 г. ультра националисты инициировали выпуск газеты «Голос» (la Voce). Прокаччи Дж. История итальянцев. / Пер. с итал. С.Е. Князевой, Н.С. Славина, В.Е. Язьковой. М.: Весь мир, 2012. С. 444.

²² *Osmanlı* или Османцы (османы) — так именовали себя крупнейшие представители власти Оттоманской империи — *Babiâh*, управления, аппарата, а также служители культа — ислама, в отличие от *Türk* — подданных Империи. Официальным языком Империи, т.е. власти, управления подданными, религиозного культа, официального делопроизводства был арабский, или, как его именовали, турецкий османский, в отличие от тюркского наречия (и отчасти персидские наречия, хотя последний был скорее языком литературы). Именно поэтому М.К. Ататюрк инициировал реформу турецкого языка после установления Республики. Подробнее об этом: Еремеев Д.Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М.: Наука, 1971. С. 174, 203.

²³ Прокаччи Дж. История итальянцев. / Пер. с итал. С.Е. Князевой, Н.С. Славина, В.Е. Язьковой. М.: Весь мир, 2012. С. 436, 444, 448.

ство политических, социальных и экономических действий для усиления влияния в регионе еще до оккупации Триполитании. Итальянское правительство предприняло серьезные дипломатические усилия с целью обеспечения нейтральной позиции крупных европейских государств. И, как отмечает ряд итальянских историков, в отличие от прежних колониальных войн, экспедиция в Триполитанию вызвала самую бурную реакцию: в самом начале война пользовалась достаточно широкой поддержкой населения, а в определенном сегменте общества обозначился ультрапатриотический подъем²⁴.

29 сентября 1911 г. Италия объявила войну Османской империи, предъявив Высокой Порте ультиматум с требованием передачи под итальянский контроль территории Триполитании вплоть до полной ее аннексии. Причем первоначально этот ультиматум был поддержан правительствами Великобритании и Франции. В тот же день были атакованы и уничтожены османские корабли в Адриатическом море, после чего Австро-Венгрия, имевшая интересы на Балканах, осудила конфликт в регионе так же, как и другие европейские державы. Но их неудовольствие по поводу начавшегося конфликта не повлияло на действия Италии. Ведь, как отмечает М. Макмиллан, Италия пренебрегла важнейшими (хотя негласными и неписаными) договоренностями сформировавшегося в тот период международного права «относительно того, что ни одна держава не станет вступать в опасную конкуренцию за передел территорий слабеющей Османской империи»²⁵.

После начала войны Османская империя увеличила военное присутствие в своих балканских провинциях²⁶, в результате чего Болгария призвала крупные государства защитить ее. Политика Порты порождала все более широкое недовольство как среди турецкого населения, так и у жителей Болгарии, а также Румынии, имевших длительный исторический опыт травмы порабощения Османской империей. В начале войны

²⁴ Итальянская историография Ливийской войны насчитывает не одну сотню томов. См., в частности: *Прокаччи Дж.* История итальянцев. / Пер. с итал. С.Е. Князевой, Н.С. Славина, В.Е. Язьковой. М.: Весь мир, 2012. С. 448–450; *Brancati A.* *Civiltà nei secoli*. Vol. 3. Firenze: La Nuova Italia, 1990. P. 340–342 и др.

²⁵ *Макмиллан М.* Прислушиваясь к предостережениям истории // Россия в глобальной политике. 07.10.2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/prislushivayas-k-predosterezeniyam-istorii/> (дата обращения: 12.12.2023).

²⁶ В дискурсе Османского государства Румелией именовалась практически вся территория Балкан или, по крайней мере, территория южной и юго-восточной части Балканского полуострова, что скорее воспринималось как территории Восточной Румелии, хотя и входившие туда Греция и Болгария уже давно получили независимость.

в Триполитании между болгарским и сербским правительствами началось сближение для обсуждения интересов сторон. По мнению болгарской элиты, в то время все балканские государства должны были объединиться против Османской империи с учетом того, что война в Триполитании неизбежно повлекла бы за собой ослабление державы Османов. Начало войны вызвало энтузиазм греческой общественности и критику премьер-министра Э. Венизелоса за то, что он своевременно не подготовился к использованию преимуществ войны для Греции. В начавшемся конфликте подобное стремление Греции не было поддержано Италией, Австро-Венгрией и другими великими европейскими державами, соперничавшими за влияние на Балканах.

Когда к политическим, экономическим и военным проблемам Османской империи прибавилась необходимость усиления контроля в зоне Триполитании, это потребовало поиска новых союзников. Как пишет турецкий исследователь Б. Борлат, Османская империя никоим образом не пренебрегала финансовой поддержкой извне, а также воспользовалась силами собственных офицеров, добровольно отправившихся в регион²⁷. Поскольку итальянские войска не сумели продвинуться вглубь территории и закрепились только на побережье, Италии пришлось увеличить свой воинский контингент и сконцентрировать военно-морские силы в Эгейском море, вблизи Дарданелл, а также в Красном море, чтобы заставить Османскую империю заключить мирное соглашение на невыгодных для нее условиях.

В октябре 1911 г. итальянский пилот К. Пьяцца совершил первый военный разведывательный полет над территорией Османской империи, однако его самолет удалось сбить. В ходе военных действий Италия впервые осуществила бомбардировку, невзирая на принятую в Гааге «Конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны»²⁸, подтвердившую и дополнившую положения Конвенции 1899 г. 1 ноября 1911 г. итальянский летчик Дж. Гавотти впервые в мировой истории сбросил бомбы на османских солдат, что стало прямым нарушением 25–27 статей Конвенции, а также

²⁷ В данном исследовании на основе документов Военного архива (АТАС) предпринята попытка оценить принятые оборонительные меры относительно возможности высадки итальянских войск, дислоцированных в районе Чанаккале во время войны в Триполи. *Borlat B. Osmanlı-İtalyan harbinde (1911-1912) Çanakkale'ye asker ihraçına karşı alınan savunma tedbirleri.*

²⁸ Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, 18 октября 1907 года. 18-10-1907 Договор с приложением: Положение о законах и обычаях сухопутной войны. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm> (дата обращения: 20.12.2023).

преамбулы, где было подчеркнуто, что «население и воюющие остаются под охраной ...международного права»²⁹.

Кроме того, во время войны в Триполитании итальянские пилоты сбрасывали листовки над ее территорией, а затем в тылу Османской империи для достижения политических и психологических целей.

Не только воздушное, но и превосходство на море оставалось за Италией на протяжении всей войны. Итальянцы постоянно и беспрепятственно подвергали бомбардировкам многие районы вдоль побережья Триполитании, а 1 октября 1911 г. итальянский торпедный катер захватил османскую канонерскую лодку «Сайид-в-Дерья» и паром «Дерне».

В январе 1912 г. итальянский флот вошел в Красное море и начал бомбардировку порта Ходейда, потопив несколько османских кораблей, а в феврале — марте итальянцы захватили Бенгази. Кроме того, они потопили два османских корабля в гавани Бейрута. К тому же, вследствие восстания в Йемене в январе 1911 г. часть османских войск была перебросена в этот регион из Триполитании еще до начала войны. Позднее военное присутствие итальянцев в районе Красного моря затрудняло для османов подавление йеменского восстания.

В ходе военных действий на территории Триполи итальянское правительство стремилось заставить Порту подписать неравноправный договор. Одним из городов, который пытались атаковать итальянцы, стал Бейрут, где имелось сильное французское влияние. Нападение Италии на Бейрут вызвало бы решительные протесты не только Османской империи, но и других европейских государств, в особенности Франции и Австро-Венгрии. Однако итальянское правительство стремилось к тому, чтобы крупные государства начали оказывать давление на Порту ради достижения мира. По этим причинам итальянский флот атаковал Бейрут 24 февраля 1912 г. Два османских военных корабля были потоплены, а город подвергся артиллерийскому обстрелу.

18 апреля итальянский флот начал бомбардировку береговых укреплений Дарданелл, и Османская империя была вынуждена временно закрыть пролив для судоходства³⁰. Кроме того, были предприняты две атаки на Дарданеллы. Это событие заставило османских политиков и военных предпринять попытки нанести максимальный ущерб итальянскому флоту и перейти к оборонительным действиям.

²⁹ Там же.

³⁰ Однако уже 10 мая пролив был вновь открыт для торговли вследствие протестов европейских стран, прежде всего Великобритании.

В этой связи большой интерес представляют важные и практически неизвестные в России документы, сохранившиеся в архиве МИД в Стамбуле. Известный турецкий историк Х.К. Байюр приводит выдержки из двух документов, комментируя их содержание как «самую мошенническую и скандальную сделку в истории». В один из самых напряженных моментов войны османский тайный агент, проживавший, как выяснилось позднее, в Лейпциге, но большую часть времени проводивший в Италии, обратился к османскому послу в Берлине Осману Низами-паше с предложением взорвать ряд военных кораблей итальянского флота. В шифровках (документ 1) подчеркивалось, что если остатки военно-морского флота противника будут выведены из строя (возможно, в несколько приемов), то «требовались гарантии оплаты дополнительных семидесяти пяти тысяч лир, но в случае неуспеха нет никаких обязательств уплаты каких-либо денег»³¹. Речь, таким образом, шла об огромной по тем временам сумме. Стороны даже сумели прийти к предварительному соглашению в ходе переговоров, проведенных агентом с великим визирем и министром иностранных дел Сиятельной Порты. Однако по неизвестной причине сделка сорвалась, хотя в документе 2 приводились объяснения тайного агента по вопросу о причинах провала операции, правда, не очень внятные³².

Политика Италии на Балканах в свете раздела османских территорий

Триполитанская война стала весьма болезненным опытом не только для армии Османов, но и шоком для самой Османской империи и показателем того, как операция, проведенная без должной подготовки и предосторожностей, неизбежно должна была обернуться для империи поражением. В последующий период операции они провели войсковую подготовку к обороне Стамбула на Чатаджинских позициях и продолжали подготовку к возможной последующей операции, сосредоточившись на обучении и исправлении недостатков войсковой подготовки³³.

³¹ Bayur H. 1911–1912 İtalyan Savaşı'nda Geçmiş Garip Bir Olay. Mode of access: <https://belleten.gov.tr/tam-metin/1433/tur> (date of access: 12.07.2023).

³² Там же.

³³ Sediroğlu S.C.I. Balkan savaşı'nin doğu harekât alanında Osmanlı şark Ordusu'nun harp tarihi bağlamında analizi.

В турецкой историографии война в Триполитании, завершившаяся 20 октября 1912 г. подписанием договора в Уши³⁴, вместе с последующими за ней Первой и Второй Балканскими войнами квалифицируются как «Балканская катастрофа» в контексте заката Османской империи. При поддержке других держав и с началом Первой Балканской войны Италия достигла серьезных успехов, захватив всю территорию османской провинции Триполитания³⁵.

Итоги войны, имевшие разрушительные последствия для престижа Высокой Порты, изменили контуры политической географии не только этой некогда могущественной державы. Как отмечает турецкий историк С. Седироглу, «политическая карта Балкан также претерпела существенные изменения; мало того, Балканская катастрофа в результате подготовила почву для Первой мировой войны»³⁶.

Стремясь к лидерству в восточном Средиземноморье, Италия начала проникновение в Албанию и Черногорию, добившись подписания соглашений об открытии радиотелеграфных станций, строительстве железных дорог. Этим успехам в немалой степени способствовал брачный союз короля Виктора Эммануила III с черногорской принцессой Еленой, принявшей для заключения брачного союза католичество. Были также поставлены задачи усиления влияния Италии в Болгарии, Сербии и Румынии. Пределы экспансии были обусловлены лишь противодействием правительства Австро-Венгрии, ссылавшегося на ст. XXIX Берлинского Трактата 1878 г., а также правительства Порты, отмечавшего важность исполнения ст. XV и ст. XVII Берлинского Трактата 1878 г., закреплявших влияние Порты в Восточной Румелии и ее право защиты своих военно-морских рубежей³⁷. Но и после аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией

³⁴ Острова Родос и Додеканес были оккупированы итальянскими войсками. Италия обещала вернуть Додеканес Османской империи в соответствии с договором в Уши, подписанным после войны. Однако из-за договорной неопределенности острова оказались под временным управлением Италии. Турция отказалась от своих претензий на острова в соответствии со статьей 15 Лозаннского договора, подписанного летом 1923 г. После Второй мировой войны Додеканесские острова перешли Греции.

³⁵ Эти территории позднее объединились, чтобы сформировать Ливийское государство. Однако накануне Второй мировой войны фашистская Италия не отказалась от своих претензий на данные территории, и военная кампания 1940 г. развернулась именно в Тобруке.

³⁶ *Sediroğlu S.C.I. Balkan savaşı'nın doğu harekât alanında Osmanlı şark Ordusu'nun harp tarihi bağlamında analizi.* URL: <http://busbed.bingol.edu.tr/tr/download/article-file/701134> (date of access: 05.08.2023).

³⁷ Берлинский Трактат. Берлин, 1–13 июля 1878 г. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/berlin.htm> (дата обращения: 16.12.2023).

итальянское правительство вело политико-дипломатическую игру против Османской империи. Когда в ходе Первой Балканской войны Черногория выдвинула претензии на албанский Шкодер, итальянская дипломатия не решилась на конфронтацию с Австро-Венгрией и не поддержала Черногорию. Тем не менее с весны 1913 г. были предприняты попытки создания итальянской и австрийской зон влияния в Албании.

В начале Первой мировой войны османское политическое влияние в Албании прекратилось, и в декабре 1914 г. Италия оккупировала Влёру.

Имперский опыт фашистской Италии

После Первой мировой войны новая геополитическая ситуация породила новую фазу роста имперских амбиций в Италии. Уже в ходе и особенно после войны многие итальянские ирредентисты стали сторонниками интервенционизма, отражая усилившийся имперский синдром значительной части политического истеблишмента и населения страны. Они приняли участие в походе на Фиуме (сентябрь 1919 г.) и поддержали наступавший фашизм³⁸.

Так, уже новые травмы — ставший итогом Первой мировой войны посттравматический синдром итальянцев, массовый кризис идентичности³⁹, аномия, эффект Зейгарник как модель компенсации вследствие «проигранной победы», а также логика недоигранного и неудовлетворенного имперства — привели к рождению, а затем консолидации фашистского государства, провозгласившего себя новой версией Римской империи. В период «Черного двадцатилетия» (1922–1943 гг.) идеология, пропаганда, поощрение ультрапатриотических чувств, социальная политика фашистского правительства — все было брошено на обработку сознания населения, особенно подрастающего поколения⁴⁰. Итальянцам с молодых ногтей внушалось, что они особые, не такие, как остальные европейцы, и что их, образно говоря, вскормила Римская волчица. С девяти лет итальянские дети вступали в организацию «Балилла», затем «Балилла-мушке-

³⁸ Показательно, что одним из первых торжественно обставленных визитов Б. Муссолини в «его колониальные владения» на этапе консолидации режима стал визит в Триполи 7 апреля 1925 г., что должно было продемонстрировать «возвращение Италии в Африку». *Santarelli E. Storia del fascismo. Vol. 2. Roma: Editori riuniti, 1967. P. 68–69.*

³⁹ Термин приведен по: *Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. / Пер. с англ. Общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. С. 23–24.*

⁴⁰ *Филатов Г.С. Крах итальянского фашизма. М.: Наука, 1973. С. 22–24.*

теры». Эта организация была названа по имени юного итальянского патриота Джованни Баттисты Перассо по прозвищу Балилла, бросившего в декабре 1746 г. камень в австрийского солдата⁴¹.

Возрождение Римской империи стало на повестку дня в первые годы после утверждения фашистов у власти. И отнюдь не случайно в годы фашистской «империи» Муссолини недвусмысленно называли Средиземное море Итальянским озером.

Отдельные признаки ослабления ультрапатриотических настроений стали проявляться в итальянском обществе уже после окончания Итало-Абиссинской войны (1935–1936 гг.), хотя до этого, в 1920-е — начале 1930-х гг., ура-патриотический подъем обеспечил небывалую поддержку режима⁴². В мае 1936 г. по итогам этой войны фашистская Италия провозгласила Империю. Но победа над слабым в технологическом, экономическом и социально-политическом отношении противником досталась слишком дорогой ценой и не достигла ожидаемого эффекта.

Выводы

Сегодня, уже в условиях постмодерна⁴³, спустя 100 лет после распада Османской империи, прослеживается усиление региональных, а возможно, и международных притязаний такого крупного игрока, как Турецкая Республика. Вновь избранный в мае 2023 г. президент Р.Т. Эрдоган давно проявляет себя не только как региональный средиземноморский игрок. Ряд российских экспертов утверждают, что «реставрация османских традиций в политической жизни современной Турции начала происходить с приходом к власти Т. Озала, особенно в периоды его президентства (1989–1993)»⁴⁴.

⁴¹ «Дети волчицы» — так называлась детская организация, куда вступали дети с 5 лет. Об организации «Балилла» см.: Белоусов Л.С. Муссолини: диктатура и демагогия. М.: Машиностроение, 1993. С. 149–150; *Его же*. Режим Муссолини и массы. М.: Изд-во МГУ, 2000. С. 117–119.

⁴² Gaeta F., Villani P. Corso di Storia. Vol. 3. Milano: Principato Editore, 1991. P. 428; *Прокваччи Дж.* История итальянцев. С. 489–490.

⁴³ О постмодерне см., в частности: Князева С.Е. Электоральная активность новых популистов на восточном фланге Европейского союза (2010-е — начало 2020-х гг.) // Актуальные проблемы Европы. Восточная Европа 2014–2022 гг.: политические системы и политические процессы. 2023. № 2. С. 66–67.

⁴⁴ Щербаков И.М. Неосманизм как внешнеполитическая традиция современной Турции: анализ российских взглядов // Полилог/Polylogos. 2022. Т. 6. № 3. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110020432-7-1/> (дата обращения: 13.12.2023).

Сегодня это проявляется в переходе к идеологии «неосманизма», т.е. к ориентации на имперские ценности Османской империи, к возвращению былого величия. В последнее время можно наблюдать возвращение к арабским терминам, к использованию арабизмов в официальном языке протокола. А ведь именно реформа языка, инициированная Ататюрком, осуществлялась достаточно последовательно в течение целых 30 лет. Эта реформа способствовала возвращению к доосманским (до конца XIII в.), тюркским основам этнокультурной и этнорелигиозной⁴⁵ идентичности и к отказу от политической (а возможно, и этнокультурной) идентичности той части турецкого населения, которое в течение столетий именовало себя «османцами» (османлы), противопоставляя свое этнокультурное «я» простому населению — «туркам»⁴⁶.

Нельзя также не отметить необыкновенно популярную в Турции киноэпопею «*Mubteşem Yüzyıl*» («Великолепный век»), где прославляется династия великих Османов эпохи расцвета (XVI в.), где султан Сулейман Кануни изображен в качестве эталона мудрости, справедливости и благочестия, образцом морали, веры, служения отечеству — показателем небывалого величия Османской державы.

Возможно, это лишь дань празднованию великой даты — 100-летия Республики, отмечавшейся в октябре 2023 г. И все же выступление президента Эрдогана накануне праздника едва ли оставляет сомнения в том, что «имперство» возрождается, как феникс из пепла. Особенно примечательным является следующее высказывание: «Когда те силы, на которые Израиль полагается, уйдут, первым местом, где израильский народ будет искать безопасности и милосердия, будет Турция, как и 500 лет назад»⁴⁷. И особого внимания, безусловно, заслуживает речь президента Турции на праздновании 100-летия Республики: «Запад, я обращаюсь к вам! ... Еще сто лет назад Палестина для нас была то же самое, что и Адана, Газа была частью наших территорий, которую мы не предполагали потерять». И далее: «Турецкая Республика существует уже тысячи лет. Мы дорожим каждым этапом нашего славного прошлого... Никакая империалистиче-

⁴⁵ Даже Коран был переведен на турецкий язык. Языковой маркер является важнейшим гештальтом этнокультурной идентичности любого народа.

⁴⁶ Подробнее об этом см., в частности: Еремеев Д.Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М.: Наука, 1971. С. 174–176, 203; а о реформе Ататюрка: Там же. С. 208–210, 230–232.

⁴⁷ Son dakika... Erdoğan'dan tarihi İsrail açıklaması! 'Normalleşme' bitiyor mu? 25 Ekim 2023. URL: https://www.cumhuriyet.com.tr/siyaset/son-dakika-erdogan-partisinin-meclisteki-grup-toplantisinde-2133888?utm_medium=CokOkunanlar&utm_source=HaberDetay (date of access: 12.12.2023).

ская держава не сможет помешать Турецкой Республике быть успешной и победоносной»⁴⁸.

В свете изложенного вопрос о возможностях компромисса в случае обострения геополитических противоречий крупных (и не очень) игроков в Средиземноморье остается дискуссионным. Но стремление к возрождению империй, к реализации их величия отнюдь не влечет за собой мир и стабильность как на региональном, так и на международном уровне.

⁴⁸ Cumhurbaşkanı Erdoğan, 100'üncü yıl hitabını gerçekleştirdi. 29 Ekim 2023. URL: <https://www.iletisim.gov.tr/turkce/haberler/detay/cumhurbaskani-erdogan-cumhuriyetin-100uncu-yil-donumunde-millete-seslendi> (date of access: 11.12.2023).

REFERENCES

1. *Bayur H.* 1911–1912 İtalyan Savaşı'nda Geçmiş Garip Bir Olay URL: <https://belleten.gov.tr/tam-metin/1433/tur> (date of access: 10.07.2024).
2. *Belousov L.S.* Mussolini: diktatura i demagogiya [Mussolini: Dictatorship and demagogy]. M.: Mashinostroenie, 1993. 368 p.
3. *Belousov L.S.* Rezhim Mussolini i massy [The regime of Mussolini and the masses]. M.: Izd-vo MGU, 2000. 368 p.
4. *Berlinskii Traktat* [The Berlin Treatise]. Berlin, 1–13 iyulya 1878 g. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/berlin.htm> (date of access: 10.07.2024).
5. *Borlat B.* Osmanlı-İtalyan harbinde (1911–1912) Çanakkale'ye asker ihraçına karşı alınan savunma tedbirleri.
6. Cumhurbaşkanı Erdoğan, 100'üncü yıl hitabını gerçekleştirdi. 29 Ekim 2023.
7. *Didenko P.I.* Resentiment liberal'noi intelligentsii [The resentment of the liberal intelligentsia] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 7. Filos.* 2012. № 3(18). P. 79–85.
8. *Ebrikson E.H.* Identichnost': yunost' i krizis [Identity: youth and crisis] / *Per. s angl. Obshch. red. i predisl. A.V. Tolstykh.* M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1996. 352 p.
9. *Eremeev D.E.* Ehtnogenez turok (proiskhozhdenie i osnovnye ehtapy ehtnicheskoi istorii [Ethnogenesis of the Turks (origin and main stages of ethnic history)]. M.: Nauka, 1971. 274 p.
10. *Filatov G.S.* Krakh ital'yanskogo fashizma [The collapse of Italian Fascism]. M.: Nauka, 1973. 518 p.
11. *Gaeta F, Villani P.* Corso di Storia. Vol. 3. Milano: Principato Editore, 1991.
12. *Gaidar E.T.* Gibel' Imperii. Uroki dlya sovremennoj Rossii [The Demise of the Empire. Lessons for Modern Russia]. M.: ROSSPEN, 2006. 448 p.
13. *Galikhuzina D.S.* Opyt reformirovaniya obrazovatel'nyh uchrezhdenij Osmanskoj Turcii nachala XX veka v osveshchenii rossijskoj musul'manskoj pressy (na primere zhurnala «Shura» (1908–1917 gg.)) [The experience of reforming educational institutions in Ottoman Turkey at the beginning of the twentieth century in the coverage of the Russian Muslim press (on the example of the magazine «Shura» (1908–1917))] // *Aktual'nye problemy izucheniya sovremennoi Turtsii. Materialy Mezhdunarodnoi*

- nauchnoi konferentsii. Nizhnii Novgorod – Stambul, FMO NNGU, ISI NNGU, Tsentr strategicheskikh issledovaniy mudretsov «BILGESAM», 2011. P. 169–172.
14. *Groppo B.* Kak byt' s «temnym» istoricheskim proshlym [What to do with the «dark» historical past] // POLIT.ru 25.02.2005.
 15. *Knyazeva S.E.* Ehlektoral'naya aktivnost' novykh populistov na vostochnom flange Evropeiskogo soyuza (2010-e – nachalo 2020-kh godov) [Electoral activity of new populists on the eastern flank of the European Union (2010s – early 2020s)] // Aktual'nye problemy Evropy. Vostochnaya Evropa 2014–2022 gg.: politicheskie sistemy i politicheskie protsessy. 2023. № 2. P. 63–90.
 16. *Makmillan M.* Prislushivayas' k predosterezheniyam istorii [Heeding the warnings of history] // Rossiya v global'noi politike. 07.10.2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/prislushivayas-k-predosterezheniyam-istorii/> (date of access: 10.07.2024).
 17. *Marinetti F.T.* Manifest futurizma [Futurism Manifesto].
 18. *Prokachchi Dzh.* Istoriya ital'yantsev [The history of the Italians] / Per. s ital. S.E. Knyazevoi, N.S. Slavina, V.E. Yaz'kovo. M.: Ves' mir, 2012. 592 p.
 19. *Santarelli E.* Storia del fascismo. Vol. 2. Roma: Editori riuniti, 1967.
 20. *Sediroğlu S.C.I.* Balkan savaşı'nin doğu harekât alanında Osmanlı şark Ordusu'nun harp tarihi bağlamında analizi.
 21. *Shcherbakov I.M.* Neosmanizm kak vneshnepoliticheskaya traditsiya sovremennoi Turtsii: analiz rossiiskikh vzglyadov [Neo-Ottomanism as a Foreign Policy Tradition of Modern Turkey: an Analysis of Russian Views] // Polilog/Polylogos. 2022. T. 6. № 3.
 22. *Shurupova M.V.* Ponimanie kontsepta «Drugoi» v filosofii singulyarnosti Zh. Deleza [Understanding the concept of the «Other» in the philosophy of singularity J. Deleuze] // Voprosy studencheskoi nauki. 2021. № 1(53). P. 208–209.
 23. Son dakika... Erdoğan'dan tarihi İsrail açıklaması! 'Normalleşme' bitiyor mu? 25 Ekim 2023.
 24. *Ukolova V.I.* Imperiya: istoricheskii opyt Rima [Empire: historical experience] // Vestnik MGIMO. 2008. № 2.

Ключевые слова:

Имперская идея, постимперский синдром, опыт травмы, ресентимент, Балканские войны, Ливийская война, Триполи, итальянский фашизм, Османская империя, неоосманнизм.

Svetlana E. Knyazeva

THE IMPERIAL IDEA IN GEOPOLITICS: THE CLASH OF PRIVILEGED INTERESTS OF POWERS IN THE MEDITERRANEAN AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

nalyzed are the problems related to the reproduction of the imperial idea at different historical stages in the context of a clash of geopolitical interests in the Mediterranean region. The research is dedicated to an attempt to reproduce the Imperial idea during the clash of privileged interests of Italy and Ottoman Empire at the beginning of the 20th century. This problem is important and relevant. The Mediterranean region today is an important centre where multiple states' geopolitical interests overlap. Taking in account the war that began in October 2023 in the Gaza Strip, a historical retrospective of the crises that have already flared up in this region are of interest.

Much attention is focused on the obvious impact of individual and multiple trauma experiences on the inevitable formation of the empire's logic of the power. The author attempts to show how the strengthening of resentment in the societies trigger the desire for historical revenge of the state. Using the example of the Libyan war unleashed by Italy against the Ottoman Empire, and then using the example of the fascist empire of Mussolini, the author shows the ideological and psychological attitudes of the leaders of empires, the features of their discourse, and the tools to advance their aggressive aspirations.

The focus of the research is that such empires are capable of not only dying, but also being reborn in new historical conditions, in the context of identity crisis of significant segment of society that requires reproduction of the mythology of Greatness.

Keywords: the Imperial Idea, Post-Imperial Syndrome, Traumatic Experience, Resentment, Balkan Wars, Libyan War, Tripoli, Italian Fascism, Ottoman Empire, Neo-Ottomanism.

Svetlana E. Knyazeva — Ph.D. in History, Associate Professor (НАС of the Russian Federation), Associate Professor at the Department of International Relations, Political Sciences and Foreign Regional Studies, Russian State University for the Humanities.

 Князева Светлана Евгеньевна

кандидат исторических наук, доцент факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения, Российский государственный гуманитарный университет
SPIN-код: 4847-3795

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.50.008

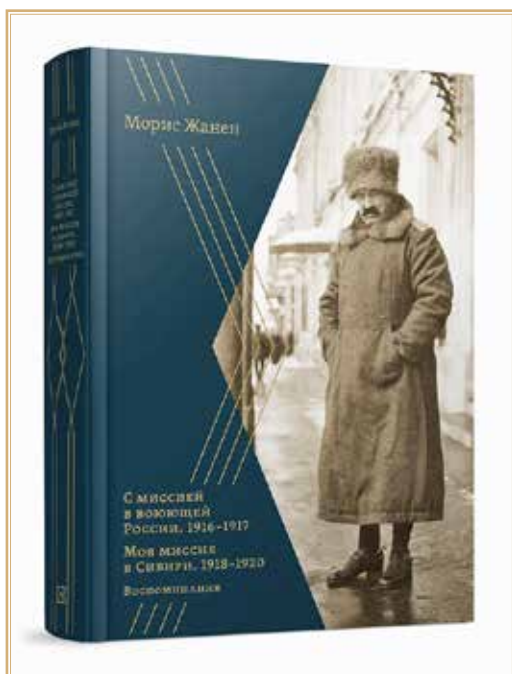
М.М. Стельмак, Д.И. Петин

К ИЗДАНИЮ Р.Г. ГАГКУЕВЫМ ЗАПИСОК М. ЖАНЕНА

События Великой российской революции 1917–1922 гг. все также вызывают в нашем обществе устойчивый интерес не только среди ученых, но и среди рядовых граждан. По этой тематике за минувший век вышли в свет сотни научных работ: монографий, статей, сборников документов и др. Как в СССР–РФ, так и в других странах издавались мемуары, дневники участников событий. Для осмысления эпохи весьма важно то, что авторами тех эго-документов были люди разных политических взглядов: правых, консервативных, авторитарных, монархических, или либеральных, левых, леводемократических, социалистических, марксистских. Это дает возможность посмотреть на всенародную трагедию России со всех позиций политического спектра.

Среди источников личного происхождения известны и записки иностранных участников революции и Гражданской войны, позволяющие видеть ситуацию со стороны (хотя многие из них воспринимали описываемые события, как и россияне). К числу новинок можно от-

нести и воспоминания французского генерала Мориса Жанена¹. Эту книгу мы держим в руках благодаря кропотливой многолетней работе доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН Руслана Григорьевича Гагкуева. Он подготовил немалое число работ не только о роли Жанена в событиях Гражданской войны в Сибири, но и об иных деятелях интервенции. Но, как видно, французский мемуарист и его документальное наследие давно присутствуют в центре внимания изысканий Р.Г. Гагкуева².

Важность рецензируемого издания огромна: в нем в полном объеме опубликованы воспоминания и иные материалы Жанена о его пребывании во Французской военной миссии сначала при Ставке Верховного главнокомандующего Русской действующей армией в 1916–1917 гг., затем в Сибири в 1918–1919 гг. Часть сибирского дневника Жанена издавали в 1927 г. в СССР в журнале «Сибирские огни». Но большая часть его записок до выхода рецензируемого труда оставалась непереведенной и неизвестной в России. Как справедливо заметил Р.Г. Гагкуев, кроме

¹ Жанен М. С миссией в воюющей России. 1916–1917 гг. Моя миссия в Сибири. 1918–1920 гг. Воспоминания, дневники, статьи / Вступ. ст. науч. ред., сост. и коммент. Р.Г. Гагкуева. М., 2023. 896 с.

² Гагкуев Р.Г. «Рассказывать сегодня о Гражданской войне нужно сдержанно, без стремления взять чью-то сторону...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9. № 1. С. 6–7.

фрагментов публикаций, иные ценные воспоминания Жанена почти не используются российскими историками³. Надеемся, что теперь ситуация изменится.

В предисловии публикатор детально описал биографию автора записок, объясняя его дальнейшую роль в событиях российской истории. Еще в молодости он был первый раз отправлен в Российскую империю для языковой практики и изучения страны. Успехи Жанена заметило начальство. В 1896 г. он вошел в состав комиссии, принявшей Николая II во Францию. С 3 октября по 10 октября 1896 г. являлся его адъютантом. В 1908–1909 гг. Жанен публиковал статьи о Русско-японской войне. В 1910–1911 гг. стажировался при Николаевской академии Генштаба. Вернувшись домой, Жанен составил весьма точный (по мнению Р.Г. Гагкуева) рапорт для Генштаба Франции. С апреля 1916 г. по октябрь 1917 г. Жанен возглавлял Французскую военную миссию в России при Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве. За короткий срок он сумел стать ключевым звеном во взаимодействии французской Главной квартиры и русского Верховного командования. В 1918–1919 гг. кроме руководства Французской военной миссией Жанен командовал всеми силами союзников, находившимися к востоку от Байкала⁴.

Кроме воспоминаний и дневников Р.Г. Гагкуев выявил и опубликовал ряд отзывов о трудах Жанена, вызвавших полемику, особенно в среде русской белой эмиграции. Но весьма ценны научные комментарии публикатора (более 200 страниц общего объема рецензируемой книги), где тщательно, с опорой на наработки историографии и неопубликованные источники раскрыт контекст эпохи, указаны случаи заблуждений или недостаточной осведомленности мемуариста.

Д.М. Галиуллина считает: «<...> любой письменный источник несет в себе отпечаток субъективности как результат творчества отдельно взятой личности, но в мемуарах это нашло наиболее яркое отображение. Поэтому каждый мемуарный источник должен быть подвергнут самой строгой проверке на достоверность»⁵. По ряду параметров это относится к Жанену: он подробно описывает встречи и совещания, военных и политических деятелей, с кем ему пришлось столкнуться. Но Жанен —

³ Жанен М. С миссией... С. 51–52.

⁴ Там же. С. 14–19.

⁵ Галиуллина Д.М. Проблема изучения мемуаров в отечественной исторической мысли // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. Т. 148. № 4. С. 42.

человек своих эпохи, круга общения и сословия, избравший военную стезю и службу в жесткой вертикали власти. Он имел свою точку зрения, но умел признавать ошибки. При чтении книги возникает ощущение (безусловно, субъективное), что если бы не некоторые особенности, то его повествование не отличается от оценок революции участником Белого движения из круга консервативных военных, с кем Жанен серьезно сблизился. При этом читатель сможет узнать интересные характеристики многих исторических деятелей эпохи, увидеть судьбоносные события под иным углом зрения.

Но есть на страницах и известные заблуждения. Как и многие современники, Жанен был в плену шпиономании, списывая все кризисы на «всесильные немецкие спецслужбы». По его словам, еще в 1911–1912 гг. он обдумывал некие сведения «о сговоре между русскими революционными партиями и немецким генштабом». Ультралевые партии, якобы заключив до Первой мировой войны с Германией союз, вдобавок получили одобрение социалистов всех стран⁶.

На одной из версий сделаем акцент. Мемуарист, описывая беседы с Н.А. Соколовым (монархист, юрист, назначенный в марте 1919 г. А.В. Колчаком расследовать расстрел семьи Романовых большевиками в Екатеринбурге⁷), передает версию о том, что следователь имел убеждение о ликвидации бывшей царской семьи по приказу Германии. Ее представители желали, чтобы Николай II подписал с немцами еще один мирный договор (аналог Брестскому миру), тогда ему сразу бы возвращен трон (и, видимо, произошло бы «автоматическое восстановление» Российской империи). Но государь отказался это сделать, после чего последовал приговор. Несмотря на оговорки Жанена, могли ли немцы все это осуществить, далее он говорит о правоте Соколова⁸. Здесь же мемуарист «выразил благодарность» Б.В. Савинкову, «организовавшему убийство» немецкого посла В. Мирбаха⁹. Как известно, устранение немецкого дипломата организовали совершенно

⁶ Жанен М. С миссией... С. 74, 174, 529.

⁷ Вебер М.И. Жизнь и смерть Николая Соколова (1882–1924). Документы и материалы. Екатеринбург, 2019. С. 15.

⁸ Но профессионализм Соколова не вызывает вопросов, если обратиться даже к инциденту с взрывом боеприпасов в Омске 1 августа 1918 г. Соколов смог опровергнуть исходную версию следствия о наличии «германо-большевистского» следа и факта теракта (см. подробнее: Петин Д.И. Взрыв 1 августа 1918 г. в Омске // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 65–75).

⁹ Жанен М. С миссией... С. 614.

иные силы¹⁰. Вероятно, Жанен что-то путает. Савинков мог готовить покушение на В.И. Ленина¹¹. Миф о большевиках как немецких шпионах опровергнут в историографии¹². Но приверженность Жанена данной идее не удивляет. С началом Первой мировой войны шпиономания в России охватила и высшее армейское командование, и обывателей, влияя на политическую и экономическую жизнь страны; общество к 1917 г. свыклось с ощущением, что «предатели повсюду»¹³.

Жанен пусть и не относит к противникам британские власти, но, рассуждая в духе альтернативной истории, упрекает их в причастности к различным негативным политическим акциям (и приверженцев этой позиции было немало)¹⁴. Мемуарист считал, что Великобритания организовала Великую французскую революцию, революции в соседних странах (правда, без указания, в каких именно), убийство Павла I, свержение Николая II и приход к власти А.В. Колчака в Омске. Здесь надо вновь отметить подробные пояснения высказываний Жанена Р.Г. Гагкуевым, опровергающие конспирологию (особенно об участии англичан в свержении Директории в Омске). Так, комментарий об ответственности Великобритании в становлении режима Колчака, в том числе по объему используемых источников, принимает вид отдельной научной работы. Р.Г. Гагкуев указал и корни представлений Жанена, на чью убежденность в роли англичан в свержении Романовых во многом повлиял составленный в апреле 1917 г. доклад сотрудника 2-го бюро французского Генштаба капитана Э. де Малези, находившегося с января 1917 г. в составе Французской военной миссии в России¹⁵.

¹⁰ Гусев А.В., Леонтьев Я.В. «...С этого момента события развивались неотвратимо, вплоть до исчезновения Партии левых эсеров с политической сцены». Очерк Виктора Сержа «Казнь посла Германии графа Мирбаха (Москва, 6 июля 1918 г.)» // Отечественные архивы. 2018. № 2. С. 86–106.

¹¹ Морозов К.Н. «Я имел связь с группой террористов»: о причастности Б.В. Савинкова к покушению на В.И. Ленина 30 августа 1918 г. // Российская история. 2020. № 2. С. 89.

¹² Старцев В.И. Немецкие деньги и русская революция: Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 2006. 288 с.; Соболев Г.Л. Тайный союзник. Русская революция и Германия. СПб., 2009. 476 с.; Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам). М., 2010. 620 с.; Козлов Я.В., Корнеев В.В. Правда о Ленине. Ответ клеветникам. М., 2018. 256 с.

¹³ Греков Н.В. «Шпиона по роже видать» // Родина. 2014. № 8. С. 101.

¹⁴ Колоницкий Б.И. Занимательная англофобия: Образы «Коварного Альбиона» в годы Первой мировой войны // Новое литературное обозрение. 2000. № 1. С. 69–87.

¹⁵ Жанен М. С миссией... С. 176, 520, 590, 714, 764–772.

Не обошел Жанен в записках и еврейский вопрос. Позиционируя себя противником антисемитизма, он склонен верить слухам о «еврейском влиянии» в геополитике. Такие представления тогда имели место и в России¹⁶. Евреи якобы оказывали огромное влияние на президента США В. Вильсона, а свержение царизма для них виделось выгодным. Жанен критикует антисемитскую агитацию в белой Сибири. Увидев 10 марта 1919 г. образцы таких воззваний, разбрасываемых белыми с аэропланов, он осудил этот шаг. Но подчеркнул, что сделал это как по человеческим соображениям, так и боясь евреев в окружении Вильсона¹⁷.

Взгляд Жанена на события 1914–1922 гг. во многом совпал с воззрениями консервативной части белой эмиграции, но фигура генерала стала враждебна в эмигрантской среде. С одной стороны, он указывает, что еще в 1913 г. осознавал имеющиеся в России проблемы, с другой — высоко оценил увиденных в Могилеве в 1916 г. представителей российского истеблишмента (в том числе генералов М.В. Алексеева, В.Б. Фредерикса и др.). В целом Жанен, пытаясь показать в лучшем свете Николая II, признает, что почти никогда не говорил с ним о внутренней политике. Мемуарист подтвердил, что осенью 1916 г. сановники предупреждали императора о росте недовольств. Указаны им и его недостатки как правителя, но французский генерал старался оправдать российского монарха, объясняя его заблуждения невозможностью поступить иначе¹⁸. Оценки царя совпали у Жанена с его будущим антагонистом — британским атташе А. Ноксом¹⁹. Жанен 5 июля 1919 г. записал: «Я давно, еще в России, говорил, что за исключением отдельных лиц, из которых многих, как, например, бедного Николая II, нет уже в живых, все русские — неблагоприятные создания»²⁰.

¹⁶ Сушко А.В., Стельмак М.М. «...Еврейство Сибири и Урала с тревогой ждет ответа»: докладная записка М.А. Новомейского Российскому правительству А.В. Колчака (май 1919 г.) // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 2. С. 555–567; Сушко А.В., Стельмак М.М. Докладная записка иркутского чиновника С.А. Шиманского с предложением выселения евреев из России Верховному правителю адмиралу А.В. Колчаку (декабрь 1918 г.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7. № 1. С. 47–55.

¹⁷ Жанен М. С миссией... С. 342, 348, 531.

¹⁸ Там же. С. 74, 84, 517.

¹⁹ Поршнева О.С. Политические процессы и деятели Российской революции 1917 года в восприятии военного атташе Великобритании Альфреда Нокса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 2. С. 269.

²⁰ Жанен М. С миссией... С. 586.

События 1917 г. вызывали негативную оценку мемуариста. Причины желаяния мира многими россиянами для него неясны и сомнительны. По сложившейся в публицистике традиции гибель армии и иные беды приписывают знаменитому Приказу № 1²¹. По сути, он закреплял права солдат, речь в нем шла не о военных, а о политическx действиях. Приказ санкционировал военный министр А.И. Гучков, у кого, как указал А.В. Шубин, не было выхода: «А что ему было возразить? Что нужно грубо обращаться с солдатами или что вся страна получает гражданские права, а солдаты будут лишены их вне службы?»²² Положительные эмоции в целом вызывает у М. Жанена меньшевик И.И. Кириенко, депутат 2-й Государственной думы, сосланный в Сибирь, после революции назначенный комиссаром Временного правительства в 11-й армии и комиссаром Киевского военного округа. Согласно воспоминаниям французского генерала, в конце июня 1917 г. Кириенко возмущался невозможностью расстреливать солдат, отказывающихся воевать (в ночь на 23 декабря 1918 г. Кириенко расстреляли в белом Омске)²³. Укор Жанена Временному правительству в неприменении силы в отношении противников далек от реалий. Читая записки Жанена весны–лета 1917 г., вспоминаются слова генконсула Франции в Москве Ф. Гренара: «союзники были ослеплены в своем желании продлить любой ценой военное сотрудничество с Россией. Они совершенно не видели, что возможно, а что нет»²⁴.

Негативно подан Жаненом и лидер эсеров-центристов В.М. Чернов. Без критики, он приводит рассказ Савинкова о Чернове, где последний карикатурно описан как инфантильный и невоспитанный человек²⁵. Жанен приветствовал военный мятеж Л.Г. Корнилова. И здесь мемуарист упустил «хорошую возможность» объявить Корнилова агентом Англии, ведь Нокс также симпатизировал Корнилову, сожалея о его неудаче²⁶.

Будучи в Сибири, Жанен в целом положительно говорит о видных деятелях колчаковской власти — И.И. Сукине, М.К. Дитерихсе,

²¹ Там же. С. 149, 164.

²² Шубин А.В. Революционный 1917 год. От Февраля к Октябрю. М., 2018. С. 56.

²³ Жанен М. С миссией... С. 212.

²⁴ Соболев Г.Л. Русская революция 1917 года: взгляд историка из 2012 года // Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. Сборник докладов. СПб., 2013. С. 33.

²⁵ Жанен М. С миссией... С. 561.

²⁶ Ланцев С.Н. А.Ф. Керенский, Л.Г. Корнилов и британское политическое сообщество: ориентация на военную диктатуру // Вестник Брянского государственного университета: История. Литературоведение. Языкознание. 2012. № 2. С. 127.

Н.А. Степанове. Хотя, характеризуя элиту белого Омска, Жанен не упомянул влиятельную светскую даму М.А. Гришину-Алмазову, в чьем салоне вырел заговор, приведший к власти А.В. Колчака²⁷. Много рассуждая о Верховном правителе, мемуарист не описал его роскошную резиденцию, что не раз удостоилась внимания современников²⁸.

Сибирская часть воспоминаний послужит реконструкции ситуации на белом востоке России и отношений с иностранными союзниками. В Сибири Жанен смог глубже увидеть страну в период Гражданской войны (что не оберегло его от заблуждений). В 1916–1917 гг. его общение с российским истеблишментом шло в столице и Могилеве. В Сибири в круг задач мемуариста вошли помощь в снабжении белой армии, командование иностранными союзными войсками, урегулирование их отношений, как с российскими властями, так и друг с другом. Через серьезный комплекс источников Р.Г. Гагкуев тщательно проверил оценки Жаненом численности войск, объемы поставок, состав миссий и др.

Много внимания уделено Чехословацкому корпусу, враждебному отношению к легионерам со стороны русских офицеров и лично Колчака²⁹. Этот антагонизм действительно существовал в реалиях Гражданской войны. Жанен не раз препятствовал протестам в Чехословацком корпусе, которые могли серьезно мешать власти Колчака³⁰.

Упомянутый Жаненом миф о том, что Колчак — морфинист, Р.Г. Гагкуев также тщательно разобрал, показав несостоятельность такого суждения. Впрочем, Жанен внес лепту в мифологию образа Керенского, приписав ему кокаиноманию³¹. Но порой есть ощущение, что морфием Жанен «поясняет» ошибки Колчака, оправдывая его. Не раз вызывающие негатив у Жанена участники Белого движения обвиняются им в германофилии (что также имело место в Сибири)³².

²⁷ Сушко А.В., Петин Д.И. Мария Гришина-Алмазова: биография, внутренний мир и политическая деятельность в белом Омске // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2023. Т. 10. № 4. С. 16–23.

²⁸ Пученков А.С. Омские Форсайты и «Дом Колчака» // Российская история. 2023. № 2. С. 205–208.

²⁹ Жанен М. С миссией... С. 333.

³⁰ Васильченко М.А., Панин Е.В. Протестное движение в Чехословацком корпусе и чрезвычайный съезд в Иркутске на завершающем этапе Гражданской войны в России // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 5. С. 18–19.

³¹ Жанен М. С миссией... С. 237, 836–838.

³² См., напр.: Лосунов А.М. «Дело» генерала А.И. Андогского // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1999. № 7. С. 196.

Вместе с тем Жанен принял точку зрения Н.А. Соколова, считавшего, что тот нашел под Екатеринбургом останки семьи Романовых. Но в 1919 г. Соколов смог найти далеко не все, отчасти заблуждаясь в выводах³³. У Жанена можно прочесть, что Соколов якобы вывез в Харбин останки царской семьи. По просьбе Дитерихса Жанен согласился в чемоданах доставить прах в Европу³⁴. Описание перевозки груза напоминает строки из триллера. Жанен воспроизводит распространенный миф об отделенных от тел головах Романовых, перевозимых в ящиках с опилками. Позднее эта версия трансформировалась в историю об отсечении голов для использования их большевиками в ритуалах³⁵. А след чемоданов с останками был утерян. В 1920 г. их якобы собирались отправить в белый Крым, но не стали, ибо Соколов считал, что П.Н. Врангеля окружают агенты Германии, причастные к расстрелу Романовых. Жанен пишет, что останки утратили, но ряд лиц считали, что прах хранится в Великобритании в одном из банков³⁶. В.П. Аничков вспоминал: «Соколов не любил говорить точно, изъяснялся намеками, отчего я плохо его понимал»³⁷. Вероятно, Жанен не так понял Соколова, хотя он старался избегать доводов в духе конспирологии³⁸.

Фрагмент, связанный с прахом Романовых, нуждается в более подробном разборе, дабы не оставить поле околонучным фантазиям. Интерпретации гибели Романовых и судьбы их останков подробно разобраны³⁹. И, вероятно, тогда вывезли в чемоданах материалы следствия о гибели Романовых, но не тела (их фрагменты). Этот пассаж лишь подтверждает, что записки Жанена — важный источник для изучения мифов и слухов, обильно ходивших в революционной России⁴⁰.

Нельзя не предвидеть, что в будущем фрагменты мемуаров Жанена, вырванные из контекста, с игнорированием обстоятельных комментариев Р.Г. Гагкуева могут быть использованы склонными к конспирологии публицистами: отрывки о «действиях» разведок Англии и Германии

³³ Шубин А.В. 1918 год. Революция, кровью омытая. М., 2019. С. 405–406.

³⁴ Жанен М. С миссией... С. 619–620.

³⁵ Шубин А.В. Архивы и конспирология // Историческая экспертиза. 2019. № 2. С. 199.

³⁶ Жанен М. С миссией... С. 606, 626.

³⁷ Вебер М.И. Жизнь и смерть Николая Соколова... С. 17.

³⁸ Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми. М., 2005. С. 405.

³⁹ Шнирельман В.А. Удерживающий. От Апокалипсиса к конспирологии. М.; СПб., 2022. С. 249–268.

⁴⁰ См., напр.: Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М., 2020. 992 с.

в этом смысле — «большой соблазн». События 1917–1922 гг. продолжают будоражить умы тех, кто склонен искать «тайные нити», объясняющие исторический процесс через призму «всеобщего заговора»⁴¹. Безусловно, от искаженной интерпретации не защищено ни одно издание. А для вдумчивого исследователя проведенная Р.Г. Гагкуевым работа будет служить ценным подспорьем в изучении неоднозначных драматических событий истории России.

⁴¹ См., напр.: Ганелин Р.Ш., Лебедев С.К., Лукоянов И.В. Политическая ситуация конца XX — начала XXI в. и исторические оценки причин гибели царизма // Первая мировая война и конец Российской империи. В 3 т. Февральская революция. Т. 3. СПб., 2014. С. 38–41.

REFERENCES

1. *Aksenov V.B.* Slukhi, obrazy, emotsii. Massovyie nastroyeniya rossiyan v gody voyny i revolyutsii (1914–1918) [Rumors, images, emotions. Mass mood of Russians during the war and revolution (1914–1918)]. Moscow, 2020. 992 p.
2. *Budnitskiy O.V.* Rossiyskiye yevrei mezhdru krasnymi i belymi [Russian Jews between Red and White]. Moscow, 2005. 552 p.
3. *Gagkuyev R.G.* «Rasskazyvat' segodnya o Grazhdanskoj vojne nuzhno sderzhanno, bez stremleniya vzyat' ch'yu-to storonu...» [«Today we need to talk about the Civil War with restraint, without the desire to take anyone's side...»] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser.: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. 2024. Vol. 9. No. 1. P. 6–12.
4. *Galiullina D.M.* Problema izucheniya memuarov v otechestvennoj istoricheskoy mysli [On the problem of studying memoir in Russian historical science] // Uchenyye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. 2006. Vol. 148. No. 4. P. 36–45.
5. *Ganelin R.Sh., Lebedev S.K., Lukoyanov I.V.* Politicheskaya situatsiya kontsa XX — nachala XXI v. i istoricheskiye otsenki prichin gibeli tsarizma [The political situation of the late XX — early XXI century and historical assessments of the causes of the death of tsarism] // Pervaya mirovaya vojna i konets Rossiyskoj imperii. V 3 t. Fevral'skaya revolyutsiya. Vol. 3. St. Petersburg, 2014. P. 16–42.
6. *Grekov N.V.* «Shpiona po rozhe vidat'» [«You see a spy in the face»] // Rodina. 2014. No. 8. P. 99–101.
7. *Gusev A.V., Leontyev Ya.V.* «...S etogo momenta sobytiya razvivalis' neotvratimo, vplot' do ischeznoveniya Partii levykh eserov s politicheskoy stseny». Ocherk Viktora Serzha «Kazn' posla Germanii grafa Mirbakha (Moskva, 6 iyulya 1918 g.)» [«...From that moment, events developed inevitably, up to the disappearance of the party of the Left Socialist Revolutionaries from the political scene». Viktor

- Serzh's essay «The Execution of the Ambassador of Germany Count Mirbach (Moscow, July 6, 1918)» // Otechestvennyye arkhivy. 2018. No. 2. P. 86–106.
8. *Janen M. S missiyey v voyuyushchey Rossii. 1916–1917 gg. Moya missiya v Sibiri. 1918–1920 gg. Vospominaniya, dnevniki, stat'i* [With a mission in a warring Russia. 1916–1917. My mission in Siberia. 1918–1920. Memories, diaries, articles]. Moscow, 2023. 896 p.
 9. *Kolonitskiy B.I. Zanimatel'naya anglofobiya: Obrazy «Kovarnogo Al'biona» v gody Pervoy mirovoy voyny* [Entertaining Anglophobia: images of «insidious Albion» during the First World War] // *Novoye literaturnoye obozreniye*. 2000. No 1. P. 69–87.
 10. *Kozlov Ya.V., Korneyev V.V. Pravda o Lenine. Otvet klevetnikom* [Pravda of Lenin. The answer to the slanderers]. Moscow, 2018. 256 p.
 11. *Lantsev S.N. A.F. Kerenskiy, L.G. Kornilov i britanskoye politicheskoye soobshchestvo: oriyentatsiya na voyennuyu diktaturu* [A.F. Kerensky, L.G. Kornilov and the British political community: orientation to military dictatorship] // *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta: Istoriya. Literaturovedeniye. Yazykoznaneye*. 2012. No. 2. P. 123–128.
 12. *Losunov A.M. «Delo» generala A.I. Andogskogo* [«The case» of General A.I. Andogsky] // *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-krayevedcheskogo muzeya*. 1999. No. 7. P. 193–200.
 13. *Mezhdu dvumya perevorotami. Dokumental'nyye svidetel'stva o sobytiyakh leta 1917 goda v Petrograde (po frantsuzskim i rossiyskim arkhivnym istochnikam)* [Between two coups. Documentary evidence of the events of the summer of 1917 in Petrograd (according to French and Russian archival sources)]. Moscow, 2010. 620 p.
 14. *Morozov K.N. «Ya imel svyaz' s gruppoy terroristov»: o prichastnosti B.V. Savinkova k pokusheniyu na V.I. Lenina 30 avgusta 1918 g.* [«I had a connection with a group of terrorists»: the problem of about B.V. Savinkov's involvement in the assassination attempt on V.I. Lenin (August 30, 1918)] // *Rossiyskaya istoriya*. 2020. No. 2. P. 78–89.
 15. *Petin D.I. Vzryv 1 avgusta 1918 g. v Omske* [The explosion on 1 August 1918 in Omsk] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022. No. 476. P. 65–75.

16. *Porshneva O.S.* Politicheskiye protsessy i deyateli Rossiyskoy revolyutsii 1917 goda v vospriyatii voyennogo attashe Velikobritanii Al'freda Noksa [Political processes and figures of 1917s viewed by british military attache Alfred Knox] // Vestnik Rossiyskogo universiteta družhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. 2017. Vol. 16. No. 2. P. 264–280.
17. *Puchenkov A.S.* Omskiye Forsayty i «Dom Kolchaka» [Omsk Forsytes and Kolchak's House] // Rossiyskaya istoriya. 2023. No. 2. P. 205–208.
18. *Shnirel'man V.A.* Uderzhivayushchiy. Ot Apokalipsisa k konspirologii [Holding. From the Apocalypse to Conspirology]. Moscow; St. Petersburg, 2022. 424 p.
19. *Shubin A.V.* 1918 god. Revolyutsiya, krov'yu omytaya [Revolution, washed with blood]. Moscow, 2019. 598 p.
20. *Shubin A.V.* Arkhivy i konspirologiya [Archives and Conspirology] // Istoricheskaya ekspertiza. 2019. No. 2. P. 188–201.
21. *Shubin A.V.* Revolyutsionnyy 1917 god. Ot Fevralya k Oktyabryu [Revolutionary 1917. From February to October]. Moscow, 2018. 331 p.
22. *Sobolev G.L.* Russkaya revolyutsiya 1917 goda: vzglyad istorika iz 2012 goda [Russian Revolution of 1917: the view of the historian from 2012] // Russkaya revolyutsiya 1917 goda: problemy istorii i istoriografii. Sbornik dokladov. St. Petersburg, 2013. P. 31–37.
23. *Sobolev G.L.* Taynyy soyuznik. Russkaya revolyutsiya i Germaniya [Secret ally. Russian Revolution and Germany]. St. Petersburg, 2009. 476 p.
24. *Startsev V.I.* Nemetskiye den'gi i russkaya revolyutsiya: Nenapisanny roman Ferdinanda Ossendovskogo [German money and the Russian revolution: unwritten novel by Ferdinand Ossentovsky]. St. Petersburg, 2006. 288 p.
25. *Sushko A.V., Petin D.I.* Mariya Grishina-Almazova: biografiya, vnutrenniy mir i politicheskaya deyatel'nost' v belom Omske [Maria Grishina-Almazova: Biography, Inner World and Political Activity in the White Omsk] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki». 2023. Vol. 10. No. 4. P. 16–23.
26. *Sushko A.V., Stel'mak M.M.* «...Yevreystvo Sibiri i Urala s trevogoy zhdet otveta»: dokladnaya zapiska M.A. Novomeyskogo Rossiyskomu pravitel'stvu A.V. Kolchaka (may 1919 g.) [«Jewry of Siberia and the

- Urals Anxiously Awaits an Answer»: A Report by M.A. Novomeysky to Russian Government of A.V. Kolchak (May 1919)'] // *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2021. Vol. 11. No. 2. P. 555–567.
27. *Vasil'chenko M.A., Panin Ye.V.* Protestnoye dvizheniye v Chekhoslovatskom korpuse i chrezvychaynyy s"yezd v Irkutske na zavershayushchem etape Grazhdanskoy voyny v Rossii [Protest movement in the Czechoslovak corps and an extraordinary congress in Irkutsk at the final stage of the Civil War in Russia] // *Manuskript*. 2020. Vol. 13. No. 5. P. 16–19.
28. *Veber M.I.* Zhizn' i smert' Nikolaya Sokolova (1882–1924). Dokumenty i materialy [Life and death of Nikolai Sokolov (1882–1924). Documents and materials]. Yekaterinburg, 2019. 106 p.

Ключевые слова:

мемуары, Первая мировая война, революция 1917 г., Гражданская война, интервенция, Белое движение, белый Омск, А.В. Колчак, Жанен.

Dmitriy I. Petin, Maksim M. Stelmak

ON THE EDITION BY RUSLAN G. GAGKUEV OF MEMOIRS BY MAURICE JANIN

The study is an author's analytical review of an archaeological novelty — a publication within the framework of a single edition of the memoir heritage of the French military figure Maurice Janin. He was one of the key representatives of the Entente in Russia during the First World War and was among the leaders of the foreign military intervention during the Civil War. Due to the specificity of the topic, the main scientific method used in preparing the review is problematic. At the same time, the principles of systematicity and determinism made it possible to characterize the book novelty as a phenomenon in scientific life, which includes itself in the community of general historical knowledge. The review characterizes the general substantive component of the published notes. The authors of the review also made a subjective emphasis on individual components of the memoir heritage of Janin associated with the anti-Bolshevik movement in 1918–1919, the functioning of the military and socio-political spheres in the east of Russia during this period. The central place here is naturally given to the situation in Omsk and the personality of the Supreme Ruler Admiral A.V. Kolchak. The authors of the review note the high academic level, thoroughness and meticulousness of the work done by the publisher of the sources — the famous Russian academic historian Ruslan

Grigorievich Gagkuev. In conclusion, it is noted that the published sources will be especially useful in the further study of the Civil War in Russia, as well as in counteracting the formation of incorrect ideas about this period, because the work will undoubtedly bring a breadth of scientific ideas through the discourse of the history of rumours, historical anthropology and the history of everyday life.

Keywords: Memoirs, World War One, Revolution of 1917, Civil War, Intervention, White Movement, the White Omsk, A.V. Kolchak, Maurice Janin.

Maksim M. Stelmak — C.Sc. (History), Leading Archivist of the Civil War History Research Center of the Omsk Region.

Dmitry I. Petin — C.Sc. (History), Associate Professor (HAC of the Russian Federation), Associate Professor at the Department of History, Philosophy and Social Communications, Omsk State Technical University.

Стельмак Максим Максимович

кандидат исторических наук, ведущий архивист Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области

SPIN-код: 4328-1399

ORCID: 0000-0002-1329-9481

Петин Дмитрий Игоревич

кандидат исторических наук, доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета

SPIN-код: 9987-3347

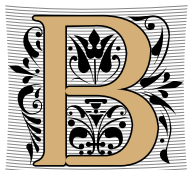
ORCID: 0000-0003-1614-8133

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.50.009

В.В. Хутарев-Гарнишевский,
А.С. Жданов

«НОЧЬ КОШМАРНЫХ УЖАСОВ». ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В КРОНШТАДТЕ В МЕМУАРАХ НАЧАЛЬНИКА ОСОБОГО ОТДЕЛА БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА В.В. ВЛАДИМИРОВА

2019 г. был опубликован сборник воспоминаний и документов «Призраки измены. Русские спецслужбы на Балтике в воспоминаниях подполковника В.В. Владимирова, 1910–1917 гг.». В книгу вошел ряд архивных материалов: 1) показания, данные в 1925 г. на допросах в ОГПУ быв-

шим помощником начальника Кронштадтского жандармского управления и начальником Особого отдела Штаба флота Балтийского моря В.В. Владимировым; 2) записка — политический памфлет А.А. Хребтова «Остров Эзель во время войны 1914–1915 года»; 3) делопроизводственные документы политического сыска и военной контрразведки: рапорты, отчеты, послужной список и другие служебные документы Владимирова, документы адмирала В.А. Канина, директора Департамента полиции МВД С.П. Белецкого, начальника Кронштадтского жандармского управления В.В. Тржецяка и многие другие¹. «Изюминкой» работы стал полный список секретных сотрудников, осведомителей, рабо-

¹ Хутарев-Гарнишевский В.В. Призраки измены. Русские спецслужбы на Балтике в воспоминаниях подполковника В.В. Владимирова, 1910–1917 гг.: Сборник воспоминаний и документов. М.: Фонд «Историческая память», Родина, 2019. 304 с.

Владимир Владимирович Владимиров. 1910-е гг.
Columbia University. Bakhmeteff Archive

тавших на жандармерию на Балтийском флоте, с их биографическими сведениями, восстановленными В.В. Хутаревым-Гарнишевским. Работа была оценена положительно военно-морскими историками и удостоена нескольких научных рецензий².

Однако дальнейшее исследование биографии и деятельности В.В. Владимирова было затруднено в связи с отсутствием информации о нем после ареста в 1925 г. Не сохранилось сведений ни о политическом репрессировании бывшего жандарма советской карательной системой, ни о его отъезде в эмиграцию. И только в конце 2023 г. в Бахметевском архиве Колумбийского университета были обнаружены бумаги Владимирова: мемуары, состоящие из 22 исторических очерков, личные письма, фотографии, документы дореволюционного и советского периода. Из очерка «Под советской властью» выясни-

² Бажанов Д.А. Призраки измены? Размышления о работе В.В. Хутарева-Гарнишевского «Призраки измены. Русские спецслужбы на Балтике в воспоминаниях подполковника В.В. Владимирова, 1910–1917 гг.: Сборник воспоминаний и документов». М., 2019 // Исторический вестник. 2020. № 31. С. 222–229; Веледеев А. В борьбе с изменой на флоте. Кронштадтский жандарм свидетельствует // Морской сборник. 2022. № 8. С. 92–94.

лось, что 11 ноября 1925 г. после продолжительных допросов сотрудниками ОГПУ Владимиров вышел из Дома предварительного заключения в Ленинграде под подписку о невыезде и скрылся. А в ночь с 26 на 27 декабря 1925 г. он при помощи проводника перешел советско-эстонскую границу недалеко от Нарвы. Неизвестно, сколько лет или месяцев жандармский подполковник проживал в независимой Эстонии, но покинул ее он не ранее 3 марта 1926 г., когда был сфотографирован таллинской полицией на документ, удостоверяющий личность. Впоследствии автор мемуаров выехал в Бразилию, где и поселился в местечке под названием Пиражу — курортном пригороде Сан-Паулу. Точное время переезда неизвестно, но это произошло не позднее 14 декабря 1942 г., когда им была опубликована статья «Непротивление злу» с критикой русских эмигрантских и иностранных «советофилов».

Хранящаяся в Бахметевском архиве рукопись воспоминаний напечатана на печатной машинке в дореволюционной орфографии. Каждый очерк датирован и подписан личной подписью Владимирова. Подпись идентична автографам на его служебных документах, хранящихся в Государственном архиве РФ и Российском государственном военно-историческом архиве, что подтверждает подлинность публикуемой рукописи. На листе-заверителе коллекции бумаг Владимирова указан также их провенанс. Они были написаны автором в период с 1 мая 1951 г. по июль 1955 г. и приобретены Колумбийским университетом частями в течение 1952–1956 гг., вероятно, также частями. В открытых документах Государственного архива Бразилии нами обнаружен сертификат о смерти В. Владимирова (Wladimir Wladimirov), которая была зарегистрирована в Сан-Паулу 8 декабря 1959 г. Личные и семейные данные умершего, указанные в сертификате, совпадают с биографическими сведениями Владимирова.

Внимание читателя представлен отрывок из очерка Владимирова под названием «Февральская революция в Кронштадте», завершеного автором 28 июля 1953 г. в Пиражу. Целиком очерк будет опубликован в предполагаемом полном издании мемуаров В. В. Владимирова, над которым сейчас ведется работа. Первые 30 из 44 машинописных листов очерка посвящены событиям, происходившим в Кронштадте с 18 февраля 1917 г., когда были получены сведения о возможных революционных волнениях, по 18 марта, когда Владимиров выехал из Кронштадта в Петроград. Воспоминания иллюстрируют атмосферу растерянности органов власти и командования

Балтийского флота, которая парадоксальным образом сочеталась с полной осведомленностью о происходящих событиях и трезвым пониманием перспектив. Посуточно, если не по часам восстановлены действия Владимирова, как начальника Особого отдела Штаба флота Балтийского моря, отвечавшего за политическую безопасность на флоте и в местах базирования. Владимиров оперативно информировал адмиралов А.И. Непенина и Р.Н. Вирена о ходе революции в Петрограде, постоянно связываясь с товарищем прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты И.К. Смирновым, который был не только близким другом Владимирова, но и многолетним вице-директором Департамента полиции МВД. Также контрразведчик заблаговременно за несколько дней до революционных волнений предоставил информацию, в каких воинских частях готовилось восстание. Современный исследователь Февральской революции на флоте А.В. Смолин в сравнительно-биографическом очерке, посвященном А.И. Непенину и А.В. Колчаку, приводит даты и время получения сохранившихся в архивах телеграмм Владимирова, что подтверждает точность приводимых в публикуемых мемуарах сведений³. Однако Владимиров не знал о наличии на Балтийском флоте революционного кружка, которым руководил его непосредственный шеф — начальник разведывательного отделения Штаба флота капитан 1-го ранга И.И. Ренгартен. Так что нам остается лишь гадать, в каком ключе им был интерпретирован текст телеграмм при докладе командующему флотом. Красочно описан бунт солдат и матросов, который сопровождался спорадическими актами насилия против офицеров и представителей власти.

Текст воспоминаний публикуется согласно правилам современной орфографии и пунктуации русского языка, сокращения раскрыты. Автор мемуаров имеет склонность к использованию сложносочиненных и сложноподчиненных конструкций чрезмерной длины в одном предложении. Поэтому для удобства восприятия текста некоторые сложносочиненные предложения были разделены на два без внесения изменений в текст. Публикаторы выражают благодарность за неоценимую помощь в поиске и работе над источником Ольге Ивановне Колган и Анне Христофоровне Шульгиной, без которых этот материал не увидел бы свет.

³ Смолин А.В. Два адмирала: А.И. Непенин и А.В. Колчак в 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. С. 55, 59–62.

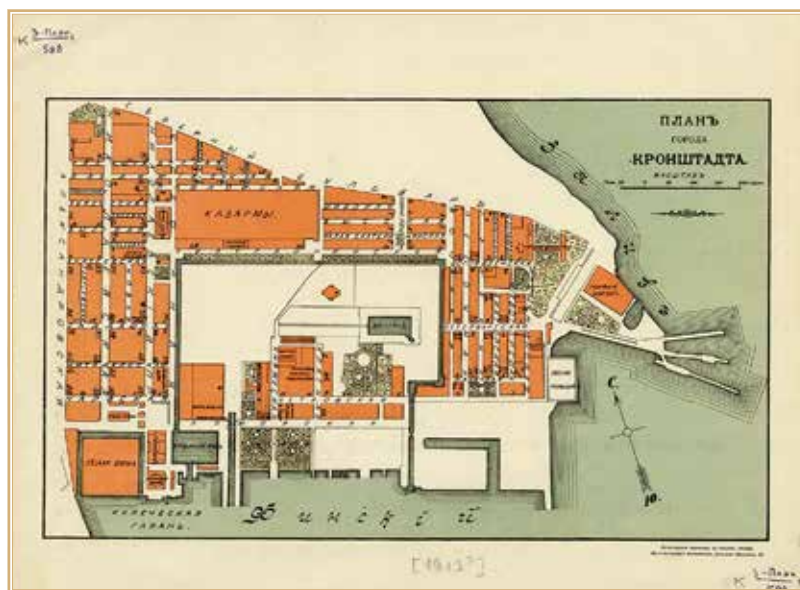
В. В. Владимирова Февральская революция в Кронштадте (отрывок)

В начале февраля месяца я, проходя по Эспланаде, в Гельсингфорсе, был остановлен подъехавшим на автомобиле командующим флотом адмиралом Непениным⁴, который пригласил меня сесть вместе с ним в автомобиль, так как ему надо поговорить со мной. В течение короткого переезда от ресторана «Кемп» и до ворот порта он только успел спросить меня, что я думаю относительно общего положения и того напряженного состояния, которое создалось в настоящее время в Петербурге и на фронте, начиная с конца прошлого года. Я сказал, что обо всем этом необходимо более продолжительное собеседование, которое невозможно в течение 2–3 минут. Адмирал мне сказал, что он хотел вызвать меня в штаб, но что завтра он предполагает пройти на ледоколе в Ревель, а потому лучше всего, если я завтра прибуду к отходу ледокола «Царь Михаил Феодорович»⁵ с пристани в порту. Во время перехода в Ревель мы будем иметь возможность переговорить с глазу на глаз в каюте лучше, чем в штабе. На следующий день утром я прибыл на ледокол и имел продолжительный разговор с адмиралом в его каюте.

Необходимо дополнить, что И. К. Смирнов в середине 16-го года оставил должность вице-директора департамента полиции и перешел на службу по министерству юстиции, заняв место товарища прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты и потому моя осведомленность о всем, что происходило в империи, несколько уменьшилась. Директором же департамента полиции был назначен тоже хороший знакомый товарищ прокурора Санкт-Петербургского окружного суда Алексей Тихонович Васильев, но, однако, я интимных отноше-

⁴ *Адриан Иванович Непенин* (21 октября 1871 — 4 марта 1917) — вице-адмирал, с 16 сентября 1916 г. командующий флотом Балтийского моря, проявил нерешительность во время Февральской революции, признал Временное правительство. Во время волнений в Гельсингфорсе убит пьяными матросами эскадренного броненосца «Император Павел I».

⁵ Ледокол «Царь Михаил Феодорович», наряду с ледоколом «Красин» (историческое название «Святогор»), является одним из двух сохранившихся до сего дня русских ледоколов дореволюционной постройки. Построен по заказу царского правительства немецкой верфью Stettiner Maschinenbau AG Vulcan в 1913 г. Входил в состав Балтийского флота. Временным правительством переименован в «Вольнец» в честь Вольнского полка, первым поднявшего мятеж в феврале 1917 г. В 1918–1922 гг. в составе финского флота под названием «Вяйнямейнен», а с 1922 г. в составе эстонского флота под названием «Суур Тылль» (Suur Tõll). На данный момент постоянно находится в Эстонском морском музее в Таллине.

План Кронштадта. 1913 г.

ний с ним не имел и у него как частный знакомый не бывал, и потому кроме хороших служебных отношений между нами [ничего] не было. По некоторым сведениям, [он] недавно умер в Париже. Ввиду сего мои общие сведения о состоянии умов и напряженности в стране были несколько ограничены. Однако при разговоре с адмиралом Непениным я ему изложил свое мнение, что, насколько мне известно, общее настроение в Петербурге напряженное и оппозиционные круги, как в Думе, так и в обществе, настроены враждебно к правящим сферам и к самому государю и особенно императрице. Говорят, что великие князья тоже принимают участие в оппозиции совместно с великосветскими салонами, где почти открыто обсуждаются вопросы о низложении императора и заключении в монастырь императрицы. В салоне великой княгини Марии Павловны, вдовы великого князя Владимира Александровича, будто бы, говорят о возведении на престол великого князя Кирилла Владимировича.

Работа революционных организаций идет своим чередом главным образом в казармах в Петербурге и окрестностях, но это вне зависимости от процесса думских депутатов, преданных суду за составление «заговора». Однако многие из партийных работников главным образом партии социалистов-революционеров оставили партийную деятельность на время войны и служат в армии офицерами и на разных должностях. Пропаганда ведется в Кронштадте в порту и на судах и остановить ее при существующих порядках и общем настроении невозможно.

В числе руководителей оппозиции называют А.И. Гучкова, [М.И.] Терещенко, П.Н. Милюкова, М.В. Родзянко и других. Кроме того, у нас в Гельсингфорсе в санатории находится «на отдыхе» член Государственной думы и в то же время состоящий в партии социалистов-революционеров А.Ф. Керенский, которого посещают много его знакомых, приезжающих из Петербурга. Но кто именно бывает у него, ввиду невозможности вести наблюдения агентуре генерала Еремина, установить нельзя. Что касается общего настроения матросской массы, то оно, как ему известно из моих докладов, тоже довольно напряженное и подобно бочке с порохом, в которой протянут зажигательный шнур и только не хватает поднести к нему спичку. Однако на судах нельзя пока ожидать взрыва, до того времени, пока не будет дан сигнал из Петербурга или Кронштадта. Принимать какие-либо меры для подавления или вернее рассеяния этого настроения в виде обысков или арестов на кораблях не следует, так как это может вызвать нежелательное сопротивление и ухудшить и без того тяжелое положение.

Та система, которая нами применялась еще по соглашению с адмиралом Эссенем и продолжалась до сего времени при его, адмирала Непенина, одобрении, — это не допускать образования каких-либо революционных ячеек или организаций, в чем мы расходились с системой, применявшейся остальными розыскными органами, от которых прокурорский надзор требовал, чтобы при производстве ликвидации были бы непременно представляемы вещественные доказательства принадлежности к преступной организации. Эта система, которая была осуществлена при ликвидации организации на «Рюрике», где с одобрения департамента полиции статский советник Дьяченко⁶ завербовал матроса Орлова, как секретного сотрудника, и только тогда, когда там сформировалась организация, была произведена ликвидация⁷. В результате, как известно, военно-морской суд приговорил матросов к каторжным работам, но они были помилованы и оказались героями и защитниками прав матросов, и защитниками их от гнета царского режима. Наша же система, как известно, заключается в том, чтобы по получении сведений

⁶ *Венедикт Антонович Дьяченко* (род. 12 марта 1870 г.) — на службе в Департаменте полиции МВД с 1906 г. Статский советник. Чиновник особых поручений, в 1916 г. заведующий 9-м делопроизводством.

⁷ *Петр Тимофеевич Орлов* — из крестьян Торжокского уезда Тверской губернии, машинист первой статьи на крейсере «Рюрик», секретный сотрудник (осведомитель) Кронштадтского жандармского управления с мая 1911 г. под кличкой «Патриот». В 1912 г. своим донесением смог предотвратить восстание на судах Балтийского флота.

о какой-либо деятельности или простой болтовне кого-либо из матросов, сообщать командиру корабля имя этого лица, который просто призывал этого матроса и предупреждал его, что в случае повторения его болтовни дело может окончиться для него плохо. Как известно, после процесса 1912 года болтовня прекратилась, и никаких организаций на судах более не возникало.

Этот наш разговор с адмиралом я очень хорошо помню, само собой не в точности тех словах, в которых я его сейчас воспроизвел, но общий смысл изложен точно. Наше собеседование длилось более полутора часов, и адмирал Непенин, сам очень хорошо знакомый с делом разведки, понимал прекрасно все сказанное мною. То, что я ему передал о петербургских настроениях, ему тоже известно, но ему как высшему военному начальнику только остается быть верным данной присяге и воинскому долгу, не принимая участия ни в каких интригах и политических комбинациях, а ожидать лишь внешних распоряжений.

Будучи в Ревеле, я имел свидание со своим «резидентом», который мне сообщил, что один из наших осведомителей, будучи в публичном доме в Ревеле, разговаривал с одним из матросов с миноносца, который, в пьяном виде и бахвалясь, говорил, что ему поручено убить командующего флотом адмирала Непенина. Кем поручено, он не сказал. Фамилии этого матроса осведомитель не знает, но на ленточке у него было написано название миноносца не то «Грозный», не то «Гремящий». Разговор наш с адмиралом Непениным происходил во время перехода из Гельсингфорса в Ревель. Лед был слабый, так как был уже разбит ледоколами и длился не более 3-х часов. На обратном пути мы только пили чай с бутербродами и наш разговор не возобновлялся. Я не считал возможным передавать адмиралу о полученном сведении, так как оно было весьма туманно и, может быть, ложно. Однако эта болтовня свидетельствовала о каких-то неясных слухах о необходимости «убрать» адмирала при первом удобном случае. И эти слухи могли исходить и из революционных, и из шпионских кругов. Адмирал Непенин очень энергичный, последователь идей адмирала Эссена, был «помехой» и для тех, и для других и это желание «убрать» было вполне допустимым. Я осведомил капитана Нордмана, а также сказал и старшему лейтенанту Блинову. Кто-то из них проговорился адмиралу, но только миноносцы с такими названиями стояли не в Ревеле, а в Гельсингфорсе. Адмирал со свойственной ему горячностью отправился на миноносец, кажется «Грозный», и вызвав команду наверх, обращаясь к ним сказал, что до его сведения дошло, что один из команды намеревается его убить, но только

это не принесет никакой пользы тому, по чьему подговору его хотят убить, так как смерти он не боится и на его место сейчас же найдется другой, который будет исполнять свой долг так же, как и он. А лучше, чтобы этот матрос молчал и не болтал бы в таких местах, где его могут слышать. 1-го марта адмирал был убит и по некоторым данным в толпе матросов были немецкие шпионы.

Приблизительно 18–20 февраля мне были доставлены агентурой прокламации с так называвшимся «Циммервальдским манифестом», которые распространялись среди артиллеристов Свеаборгской крепости. С этими прокламациями я отправился к адмиралу Непенину и сказал, что мне еще неизвестно, но наверно они распространяются уже и на судах. Адмирал сказал мне, что это еще не так важно, а что его больше всего беспокоит положение в Петербурге и Кронштадте. Что в Петербурге происходит что-то неладное и серьезное, и он полагает, что и в Кронштадте не все благополучно. Я сказал, что положение в Кронштадте мне известно, так как я только что вернулся оттуда и что пропаганда в порту и на судах продолжается и идет полным ходом и прекратить ее в настоящее время невозможно, ибо она исходит сверху и, по-видимому, одобряется. Для того чтобы прекратить пропаганду, надо иметь в Петербурге в своем распоряжении несколько верных правительству частей, а их нет. Адмирал, очень озабоченный, приказал мне немедленно выехать в Петербург и Кронштадт и выяснить положение. Это было мое последнее свидание с ним. Больше я его ни живым, ни мертвым не видал.

В ту же ночь с 20-го на 21 февраля я выехал поездом в Петербург. Прямо с вокзала проехал в Манежный переулок на квартиру к И.К. Смирнову. Он был холост и у него жила старая «Матреша», давно служившая в их семье в качестве «говернанте». Наскоро позавтракав и поговорив о положении на фронте и в Петербурге, пошли пешком в департамент полиции к директору Алексею Тихоновичу Васильеву. Хотели узнать из первоисточника о положении в стране. Он нам сказал, что по донесениям с мест в провинции тихо, хотя настроение оппозиционное в особенности в земствах, а в некоторых местах прямо враждебное, но однако никаких выступлений на местах не ожидается, что же касается фронта, то там все в Ставке законспирировано и ничего определенного сказать нельзя. Здесь же в Петербурге, по сведениям охранного отделения, очень неблагополучно в казармах и на фабриках. Искусственно созданы задержки в подвозе продуктов, особенно муки, хотя в действительности имеются значительные запасы ее на складах, но по агитации враждебных правительству элементов, не отпускающих

хлебопекарням достаточного количества муки, и таким образом создаются «хвосты» у булочных и хлебопекарен, и беспорядки на этом недостатке хлеба уже начались. На Выборгской стороне и у Николаевского вокзала были столкновения с полицией, и казаки отказались разгонять толпу. Сведения были малоутешительные. По выходе из департамента я расстался с Иваном Константиновичем и больше его ни живым, ни мертвым не видал. По не точно проверенным сведениям, расстрелян в Петропавловской крепости вместе с А.А. Макаровым. Когда моя жена была в последний раз перед отъездом в Ельню у мадам Макаровой, то она сказала, что Ваню арестовали в думе, еще в феврале месяце вместе с Александром Александровичем и что с ним сделали, она не знает. Конечно, наши «благодетели», устроители «Февральской революции», не могли простить А.А. Макарову его известной фразы, произнесенной по поводу Ленских беспорядков в Государственной думе: «Так было и так будет». Как известно, рота, вызванная для прекращения беспорядков, выведенная из терпения бросаемыми против нее камнями и выстрелами из револьверов из толпы, открыла по ней огонь. Господа марксисты, как вообще и все социалисты, умеют только мстить, ибо это мщение есть их основание всего их учения.

После того, что я распроцался с И.К., я на короткое время зашел к другому своему другу дежурному генералу при штабе 6-й армии Алексею Ивановичу Черепенникову. Командовал на фронте Московским гренадерским полком, был ранен и эвакуирован в тыл, где и находился в штабе на Дворцовой площади, а жил на набережной Мойки, рядом с домом, в котором когда-то жил и умер А.С. Пушкин. От него я ничего нового не узнал, кроме тех же самых слухов и беспорядков в Петербурге, о бездеятельности генерала Хабалова, о сидящих без дела в казармах готовых бунтовщиках, об ожидании всеми каких-то событий, но, в общем, убедился окончательно о полном «маразме» власти. Зашел еще к другому своему приятелю капитану Сергею Алексеевичу Соколову, исполнявшему обязанности начальника контрразведывательного отделения при штабе округа. От него узнал, что он сопровождал генерала Хабалова, посетившего некоторые петербургские заводы, кажется Путиловский и Обуховский, но и это посещение лишь показало, что настроение рабочих весьма агрессивное и можно ждать всяких осложнений. От Соколова направился на вокзал Балтийской дороги и, прибыв поездом в Ораниенбаум, сел в санки и прибыл в Кронштадт уже в полную темноту, около 8 часов вечера. По наружному виду в Кронштадте все было спокойно.

Моя жена и два сына, старший 16 лет Борис и младший Николай 8 лет жили в квартире еще с 1909 года. Старший учился в Кронштадтском реальном училище и был уже в 7-м классе, а младший в частной подготовительной школе. Кроме того, у нас жила племянница жены 17-летней барышня Кассиния, дочь ее брата, а моего товарища по училищу подполковника Константина Яковлевича Шубинского, убитого в начале войны в сражении под Люблином. Дома тоже все было благополучно. К адмиралу Вирену я не пошел за поздним временем, так как было уже около 10 часов.

На следующий день 22 февраля рано утром пришел ко мне один из портовых рабочих, человек известный мне давно своими твердыми убеждениями, и искренно русский человек, любящий родину и болеющий за нее. Имени его не называю, как и вообще называю по именам и фамилиям лишь тех лиц, о которых мне известно, что они или убиты, или умерли, так как у советов руки очень длинные и я не хочу, чтобы эти руки дотянулись до тех лиц, которые еще могут быть живы.

Так вот, этот рабочий, который ко мне заходил и ранее как гость, и мы за чаем разговаривали о текущих событиях. Вина он никакого не пил и сотрудником, и осведомителем у меня не был. Говорили о злоупотреблениях в порту и о революционных настроениях рабочих. Пришел же он рассказать, что в порту во всех мастерских идут непрерывно сходки и митинги, и все ждут какого-то приказа из «центра». В казармах на Павловской улице агитируют приехавшие из Петербурга партийцы. Советовал мне уехать в Петербург или куда-либо. Когда он ушел, то пришел мой унтер-офицер и доложил, что во 2-м крепостном артиллерийском полку очень озлоблены против командира полка полковника Кисель-Загорянского и грозятся его убить⁸.

Делаю некоторое отступление для перечисления частей войск, находившихся в это время в Кронштадте, а именно: 2 полка Кронштадтской крепостной артиллерии, расположенных в городе и на фортах, Саперная бригада, в которую входила саперная рота, кажется, уже развернутая в батальон, Минная рота, тоже увеличенного состава, Штаб Кронштадтской крепости с комендантом генералом Никитиным и начальником

⁸ Сергей Сергеевич Кисель-Загорянский (26 декабря 1868 — 1 марта 1917), из потомственных дворян Смоленской губернии, окончил 1-е военное Павловское училище, участник обороны Порт-Артура. В чине полковника с 1915 г., командир батальона в 1-м Кронштадтском крепостном артиллерийском полку. Жена Ольга Ивановна.

Школа юнгов. 1910-е гг.

штаба генерал-майором Антоном Васильевичем Даниловым⁹, 1-й Балтийский флотский экипаж, Кронштадтский полуэкипаж, Учебно-минный отряд, Школа юнгов¹⁰ и Водолазная школа. Кажется, были еще два запасных пехотных батальона.

К адмиралу Вирену я отправился в 9 часов утра, предварительно испросив разрешения прибыть к нему с поручением от командующего флотом. Наш разговор не был очень продолжительным, так как и для него не было секретом, что творится что-то неладное и в Петербурге, и в Ставке. А к настроению в Кронштадте он уже давно привык считать его, как в экипажах, так и на судах в порту, угрожающим. Я со своей стороны ознакомил его в общих чертах с настроениями на судах и в Свеаборге и напомнил ему, чтобы он был очень осторожен и не ходил по городу и в порту без охраны. Напомнил ему, что я его в свое время предупреждал о грозящей ему опасности, ибо преступная «матросня» грозит убить его и адмирала Бутакова за суровые меры. Адмирал Вирен сказал, что его долг оставаться на посту и ждать распоряжения свыше. До сих пор он не получил никаких распоряжений ни от Морского министра, ни из Ставки. Распрощавшись, я ушел довольно обескура-

⁹ Антон Васильевич Данилов (3 августа 1861 – 1 декабря 1923) – генерал-лейтенант с 1916 г., начальник штаба Выборгской крепости в 1900–1907 гг., начальник штаба Кронштадтской крепости в 1909–1917 гг. Во время Гражданской войны в Вооруженных силах Юга России. В эмиграции в Токио.

¹⁰ Так называлось учреждение.

женный. Возвращаясь домой, зашел по дороге в Кронштадтское жандармское управление к начальнику его полковнику Аплечееву¹¹. Общее настроение неуверенности и ожидание каких-то распоряжений сверху было и здесь. Ощущение безвластия и анархии преобладало везде.

День 23-го прошел весь в переговорах с осведомителями, которые приходили ко мне на отдельную квартиру, которую я с этой целью имел¹². Часа в 4 вечера пришел ко мне местный коммерсант и староста Андреевского собора Марков. Он желал узнать у меня, что происходит в Петербурге и каковы распоряжения правительства по поводу происходящих беспорядков. Я сказал, что ничего, кроме того, что и ему известно, я не знаю. Не мог же я ему прямо сказать, что власти нет более и нет ни повелевающих, ни исполняющих, и страна находится в состоянии, близком к полной анархии.

В 5 часов вечера я позвонил к И.К. Смирнову и из разговора с ним узнал, что беспорядки в Петербурге продолжаются и были столкновения с полицией. В Государственной думе идут какие-то совещания и бурные заседания и ждут распоряжений из Ставки.

Так в таком же неопределенном положении прошли дни 24-го и 25-го февраля. В Кронштадте никаких столкновений с полицией не было, не было недостатка ни в хлебе, ни в других продуктах, все лавки и магазины были открыты. Ездивший в Петербург подполковник Кронштадтского жандармского управления Александр Михайлович Филатьев¹³ расска-

¹¹ Николай Николаевич Аплечеев (род. 20 ноября 1864 г.) — окончил Вторую Харьковскую гимназию и Елизаветградское кавалерийское юнкерское училище, на службу поступил в 1887 г. в 15-й драгунский Александровский полк, с 1898 г. в Отдельном корпусе жандармов, служил в Оренбургском, Донском, Харьковском, Херсонском и других жандармских управлениях. Полковник. Назначен начальником Кронштадтского жандармского управления в конце октября 1916 г. в связи с переводом многолетнего руководителя управления В.В. Тржецяка начальником Казанского губернского жандармского управления. Женат, 3 сына. Умер в 1940 г. в городе Нови-Сад в Югославии.

¹² В январе — феврале 1917 г. Владимиров постоянно получал донесения от 14 осведомителей под кличками Андреев, Березовский, Голубев, Громкий, Дудка, Егоров, Мирской-Миловидов, Сахаров, Синецын, Случайный, Удалов, Федоров, Чернов и Яковлев.

¹³ Александр Михайлович Филатьев (род. 28 февраля 1875 г.) — окончил Первый кадетский корпус и Павловское военное училище, с 1895 г. служил в 116-м пехотном Малоярославском полку, с 1898 г. в Отдельном корпусе жандармов в Харьковском, Екатеринославском, Ярославском и Варшавском управлениях. Подполковник с 1913 г., состоял в должности помощника начальника Кронштадтской портовой жандармской команды с 18 июня 1911 г. Женат. Отец — Михаил Николаевич Филатьев (2 ноября 1846 — после 1917), с 1907 г. генерал-майор корпуса жандармов, начальник Донского областного жандармского управления. В 1898 г. во время службы в Санкт-Петербургском ГЖУ допрашивал В.И. Ульянова (Ленина).

зал мне вечером, что на улицах и даже на Невском проспекте какие-то группы неизвестных людей останавливают офицеров и требуют сдавать им оружие, и на его глазах отобрали у каких-то молодых прапорщиков шашки. Остановили также и его, но он не отдал шашку и прошел мимо их и сел в трамвай. Поспешил на вокзал и вернулся в Кронштадт. Вечером 25-го пришел ко мне мой приятель начальник Школы юнгов капитан 1-го ранга Константин Иванович Степанов с супругой¹⁴. Наши разговоры относительно возможности матросского бунта продолжались до позднего часа, но ни он, ни я не могли прийти к определенному заключению, так как напряженное состояние длилось уже почти с начала января, не выявляясь ни в какой определенной форме, — все слухи, разговоры, общее недовольство положением на фронте, возможность оставления Риги и всей Прибалтики.

День 27-го февраля прошел в свиданиях с осведомителями и разговорах по телефону с Иваном Константиновичем¹⁵. Затем был у адмирала Вирен на учебном судне «Двина», у начальника Учебно-минного отряда адмирала Сапсай, где с его ведома и разрешения передал в штаб командующего флотом для доклада адмиралу Непенину радиogramму, которую зашифровал «полицейским» шифром и в ней обрисовал создавшееся положение в Петербурге и Кронштадте. Положение же в Петербурге в этот день 27-го февраля сделалось уже угрожающим. Оппозиция приступила к образованию Временного правительства, а революционные элементы параллельно с этим создали Совет рабочих и солдатских депутатов, в который вошли преимущественно социал-демократы. Столкновения полиции с демонстрантами и «хвостами» у хлебопекарен еще более усилились, на улицах уже началась стрельба, Арсенал был частично разграблен. Стреляли рабочие больше в воздух. Некоторые группы вооруженных рабочих начали громить полицейские участки, ломать мебель, сжигать дома и снимать с постов городских. В Думе и около нее все время происходили сходки посторонних людей, не принадлежавших ни к служащим, ни к депутатам. Председатель Думы М.В. Родзянко ведет по телеграфу переговоры со Ставкой. Имеются слухи о прибытии

¹⁴ Константин Иванович Степанов (26 сентября 1866 — 2 марта 1917) — капитан 1-го ранга с 1911 г., командовал в разные годы броненосцем «Адмирал Грейг», крейсером «Адмирал Макаров», учебным судном «Николаев», заведовал обучением в Минном офицерском классе в 1913–1914 гг., начальник Школы юнгов в Кронштадте с 12 мая 1916 г. Убит бунтовщиками двумя pistolетными выстрелами. Погребен 14 марта 1917 г. на Кронштадтском военно-морском кладбище.

¹⁵ Смирновым.

в Петербург Государя. Генерал Иванов Николай Иудович с батальоном георгиевских кавалеров особым поездом направляется в Петербург для водворения порядка. Все это, что мне сообщил И.К., я передал по радио в Гельсингфорс и это была моя первая телеграмма, осведомлявшая адмирала Непенина о положении 27 февраля.

Было около 6-ти часов вечера, когда я вернулся домой. Проходя по Николаевскому проспекту, попадавшиеся мне навстречу матросы, конечно, не отдавали чести и некоторые из них нагло смотрели мне в лицо. Я вообще мало обращал внимания и раньше, отдает кто-либо честь или нет, а сейчас и подавно не придавал этому никакого значения. На улицах все было в нормальном положении и торговые заведения были открыты. Дома я никому ничего не сказал, не желая тревожить ни жену, ни детей.

Эту ночь с 27-го на 28 февраля я всю провел без сна, сидя на диване в кабинете. Время от времени звонил по телефону к И.К., желая знать, какие еще перемены прошли в течение дня и вечера. Кое-как заснул часов в 5 утра. Состояние духа было подавленное, главным образом от неизвестности: что же делается в Ставке и почему не принимаются меры со стороны правительства к подавлению беспорядков, и ни Главный командир порта, ни командующий флотом не получают никаких распоряжений.

В следующий день 28-го февраля осведомители сообщили, что прибыл из Петербурга один из главных агитаторов не то партии социалистов-революционеров, не то социал-демократов, студент Психоневрологического института по фамилии Рошаль, который призывает к восстанию сегодня ночью. Первыми, кто должны выйти на улицу — это артиллеристы, а затем и флотские части¹⁶.

Делаю отступление, так как забыл включить в день 26-го февраля некоторые детали в событиях этого дня, а именно. Вечером 26-го был назначен в Морском собрании оперный спектакль, где приехавшая из Петербурга группа оперных артистов имела поставить оперу «Паяцы»¹⁷,

¹⁶ Семен Григорьевич Рошаль (1896–1917) — сын петербургского коммерсанта, студент Психоневрологического института, участник революционного движения с 1912 г., член РСДРП(б) с 1914 г., дезертировал с фронта в 1915 г., занимался революционной пропагандой, арестован и помещен в тюрьму «Кресты», из которой вышел во время Февральской революции. 1 марта 1917 г. прибыл в Кронштадт, член Исполнительного совета Кронштадтского совета. Участник июльского восстания большевиков, арестован Временным правительством и освобожден во время Октябрьской революции. Участник убийства главнокомандующего Русской армией генерала Н.Н. Духонина. Арестован в Яссах румынскими властями и убит неизвестными.

¹⁷ Популярная опера итальянского композитора Руджеро Леонкавалло. В России ставилась в переводе на русский язык начиная с 1893 г.

Большой зал Кронштадтского Морского собрания, где проходил последний оперный спектакль, а после революции содержали арестованных офицеров и чиновников.

Фото 1902 г.

которая и состоялась, и я с семьей был на нем. Присутствовал также адмирал Вирен с супругой Надеждой Францевной. По возвращении домой около 12 часов ночи позвонил И.К.¹⁸, который сейчас же отозвался, так как еще не ложился спать. Он сказал, что в Петербурге положение очень серьезное, так как солдаты, сидящие в казармах, окончательно вышли из повиновения, особенно в казармах Преображенского и Павловского полков, что на Марсовом поле. Много содействуют развалу армии прапорщики, вышедшие недавно из школ, но в казармах Гренадерского полка агитирует какой-то штабс-капитан Дзевалтовский. Ожидаются какие-то кавалерийские части, долженствующие прибыть с фронта для водворения порядка, но это лишь только слухи, а положительного ничего нет и распоряжений никаких сверху не последовало.

Продолжаю день 28-го февраля. Студент Рошаль говорит, что надо сейчас же освободить всех заключенных из тюрем, дабы усилить революционные ряды. Начало выступления в 12 часов ночи сего 28 февраля. На стоящие в порту суда тоже посланы делегаты с распоряжениями и возваниями о присоединении к восставшим.

С этими сведениями и полученными от осведомителей и от портовых рабочих я отправился к адмиралу Вирену. По дороге зашел в жан-

¹⁸ Владимирова звонил Смирнову.

дармское управление. Около 4-х часов вечера я застал адмирала Вирена в его кабинете и изложил ему все мне известное, причем тоже сказал ему, что в его личных интересах, а равно и служебных, я бы посоветовал ему уйти сейчас же из дома Главного командира [порта] по возможности незаметно и не показываться дня два-три. Ночевать же у кого-либо из знакомых в городе, например, у евангелического пастора церкви Св. Николая, но отнюдь ни у кого из офицеров. Предупредил его, что сегодня ночью предположено произвести восстание и что в портовых мастерских никто не работает, а идут все время разные митинги, что агитаторы находятся во всех казармах и на судах, стоящих в порту, и ожидается прибытие из Петербурга новых руководителей. Сказал адмиралу, что в Петербурге положение очень серьезное и что нет ни одной надежной части, верной правительству, а ожидающиеся с фронта войска едва ли придут, так как железнодорожное сообщение находится в руках уже сформировавшегося революционного правительства и их не пропустят в столицу.

На мои слова адмирал Вирен сказал, что он верен данной им присяге и никакого другого правительства он не признает и ему не подчинится, а будет ожидать распоряжений от своего непосредственного начальства, то есть от Морского министра, а что касается рабочих сходок, то он сейчас отправится в порт и разгонит все эти митинги, а против проникновения новых агитаторов из Петербурга, то он сейчас же прикажет поставить особый караул у Петербургских ворот и не допустит никаких неизвестных лиц проникнуть в город. Я возразил, что никакого караула сейчас поставить нельзя, ибо нет надежных людей, и этот караул только осложнит положение и сам может перейти на сторону восставших. Сказал, что готовится освобождение из тюрем, если уже не состоялось, всех уголовных преступников, среди которых есть опасные грабители и убийцы, пересланные из Петербургских тюрем для дальнейшей отправки по этапам в Сибирь. Ему же вновь советую сейчас же уйти из дома, лучше даже в статском платье. Я не хотел ему напоминать, что все, кто его ненавидит за строгое соблюдение дисциплины, то в первую очередь, как только вспыхнет восстание, при содействии выпущенных из тюрем каторжников немедленно убьют его. Об этом я предупреждал его и всех офицеров, намеченных матросней. Адмирал Вирен меня не послушал, а остался в доме, где и был убит ночью¹⁹.

¹⁹ Владимирова допускает неточность. Адмирал Вирен был схвачен дома, но убит на Якорной площади Кронштадта.

От адмирала я прошел, как и накануне, в Учебно-минный отряд на учебное судно «Двина», бывший крейсер «Память Азова», и зашифровавши там же полицейским шифром радиogramму командующему флотом. В ней я изложил все, что мне было известно о положении в Петербурге и Кронштадте. В отряде в зале кают-компаний, где я зашифровывал радиogramму, ничего ненормального я не заметил. Радиотелеграфист матрос сейчас же при мне вызвал штаб командующего в Гельсингфорсе и передал радиogramму. Адмирал Сапсай сидел тут же в кресле и читал газету. Обменявшись несколькими фразами с ним и его флаг-офицером, я ушел. Было около 6 часов вечера. Прошел спокойно по улицам до дома — все было тихо.

Дома у меня в то время находились: жена Александра Яковлевна 36 лет, сын Борис 16 лет, сын Николай 8 лет, племянница Кассиния 17 лет, сестра жены Мария 40 лет (жена находившегося в то время в плену подполковника 106 пехотного Уфимского полка Ивана Павловича Серебрянникова), няня младшего сына Наташа, горничная Катя и кухарка Эмилия. Рядом с моей квартирой находилась квартира подполковника Кронштадтского жандармского управления Рубана²⁰, в нижнем этаже была квартира морского офицера — фамилии не помню.

Придя домой, я снова позвонил И.К., но никаких новых известий от него не узнал, и когда после вечернего чая все отправились по своим комнатам спать, я сел в кабинете на диване в ожидании событий. На улицах в округе была зловещая тишина.

Эта страшная ночь, «ночь кошмарных ужасов» и до сих пор стоит перед моим мысленным взором. Около 12 часов ночи я услышал звуки музыки. Большой военный оркестр играл военные марши. Я открыл форточку в окне кабинета и стал прислушиваться, из какого направления исходят эти звуки. Направление было от артиллерийских казарм, то есть, как и было сообщено, первыми из казарм вышли артиллеристы. Вслед за сим другой оркестр присоединился, и я определил его находже-

²⁰ *Василий Васильевич Рубан* (11 мая 1869 — 1 марта 1917) — окончил Киевское реальное училище и военно-учебные курсы Московского пехотного юнкерского училища, в 1890 г. поступил на службу в 20-й пехотный Галицкий полк. С 1906 г. в Отдельном корпусе жандармов, служил в Подольском, Вольнском, Новгородском и Петроградском жандармских управлениях. С 1913 г. в чине подполковника. Во время Первой мировой войны работал в Центральном военно-регистрационном бюро Главного управления Генерального штаба (центральный орган военной контрразведки). С 18 апреля 1916 г. занимал должность помощника начальника Кронштадтского жандармского управления по городу Кронштадту и Морскому району. Убит. Женат, 2 детей.

ние в стороне морских казарм на Павловской улице. Звуки то приближались, то удалялись, из чего я заключил, что толпы бунтовщиков перемещаются по городу; в то же время стали слышны крики и рев толпы со стороны находившегося по прямому направлению от моей квартиры не более полуверсты дома Главного командира, Княжеской улицы и Петровского парка, что указывало, что толпа сконцентрировалась в этом направлении. Оркестры продолжали все время играть, то марши, то марсельезу.

Было около 2-х часов ночи, когда я попросил телефонную станцию соединить меня с Петербургом и позвонил И.К. Он немедленно отозвался и сказал, что бунт в Петербурге в полном разгаре. Окружной суд горит, преступники выпущены из тюрем, стрельба идет по всему городу и вокруг его квартиры в Манежном переулке и предложил мне послушать в телефон, что творится кругом. Я послушал, и действительно, в трубку были слышны не только ружейные выстрелы, но и треск пулеметов. Я ему тоже сообщил, что и у нас в Кронштадте тоже идет бунт. Так с промежутками мы поддерживали разговор до 5 часов утра, когда моя знакомая телефонная барышня сказала мне: «Владимир Владимирович, я больше не могу держать Ваше соединение с Петербургом, так как я слышу шаги и удары прикладов на лестнице поднимающихся по ступенькам солдат для занятия станции». Это был мой последний разговор с Петербургом и с Иваном Константиновичем, и было утро 1-го марта 1917 года.

Около 6 часов утра пришла на квартиру одна знакомая барышня, но жена и все в доме спали и ничего не слышали. Фамилии ее не называю, да это и неважно. У нее был жених саперный офицер Кронштадтской саперной роты. Она мне сказала, что прибежала только что из саперных казарм, где находятся в настоящее время все саперные офицеры. Полчаса тому назад к казармам подошла группа матросов и потребовала, чтобы саперы выдали им всех офицеров для отправки их в тюрьму. На это саперные солдаты ответили, что их офицеры находятся у них под охраной, а им матросам нет до них никакого дела, так как они для них хороши и потому они их не выдадут. Матросы сказали, что тогда они возьмут их силой. «А ну-ка попробуйте». После этого предупреждения матросы ушли. Но начальник Саперной бригады генерал Волков уже был убит на своей квартире. Его солдаты саперы не успели взять под охрану в казармы. Барышня по поручению офицеров просила у меня узнать, что им делать. Я сказал, что не имею права давать какие-либо указания, но советовал бы офицерам продолжать оставаться в казармах впредь до выяснения общего положения. С тем барышня и ушла.

Площадь Козье болото, на которой был убит подполковник В.В. Рубан

В это время наши прислуги сказали мне, что живущие наверху рабочие хотят меня видеть. Я попросил, чтобы они пришли ко мне, и они принесли мне свое статское платье и стали уговаривать меня уйти из квартиры, так как мой сосед подполковник Рубан уже убит и труп его валяется на площади, называемой «Козьим болотом». А меня они скрывают у своих знакомых — других рабочих. Я поблагодарил их, но сказал, что я еще хочу сам посмотреть, что творится в городе, а потому воспользуюсь их одеждой и потом уже решу, что мне делать.

Я действительно воспользовался их платьем и, несмотря на уговоры жены, вышел из квартиры и обошел весь город кругом, пройдя по Екатерининской улице до конца, и затем мимо порта, парка Петра 1-го и через Нарвскую площадь по Николаевскому проспекту, вернулся домой. Никто меня не задержал, и я лишь издали видел скопление народа, вернее солдат и матросов на площади перед Морским собором и памятником адмиралу Макарову. Там раздавались выстрелы и, очевидно, шли расстрелы. На Екатерининской улице я встретил одного знакомого, служащего в банке, известного мне своими монархическими убеждениями. Он меня или не узнал, или сделал вид, что не узнал меня, очевидно, с целью не показать, кто я такой, чтобы скрыть меня. Проходя через Нарвскую площадь, обратил внимание на стоявших около роты матросов, составивших ружья в козла и гревшихся около разложенного костра. Очевидно, охраняли Нарвскую гауптвахту и Гражданскую тюрьму, примыкавшие к площади. На Николаевском проспекте встре-

Богоявленский морской собор и памятник адмиралу С.О. Макарову
на Якорной площади Кронштадта. 1913 г.

Фотоателье Карла Буллы

тил писаря жандармского управления, который мне сказал, что матросы поломали мебель и пишущие машинки и сожгли много бумаг и начальник управления полковник Аплечеев, по-видимому, арестован, а подполковник Филатьев где-то скрывается.

Из всего, что произошло в Петербурге и здесь в Кронштадте, вывод был ясен. Власть ушла. Императорской власти больше нет. В Кронштадте это не матросский бунт, а часть того же, что происходит и в Петербурге и это есть восстание в широких размерах и организованное не какой-либо отдельной партией, а исходит из кругов, имеющих соприкосновение с Государственной думой, и может быть и исходящей из нее. Ведь вся пропаганда против Императорского правительства исходила из нее же.

Вернувшись домой, я сейчас же сжег в печке все бывшие у меня в портфеле секретные бумаги, шифры и список секретных сотрудников и осведомителей. Но надо было немедленно решать, что предпринять для спасенья семьи в случае, если меня арестуют и расстреляют. Надо было учесть все возможности и обстоятельства, и личные, и семейные. Что будет с семьей, если меня убьют. Несомненно, погибнут.

Только что я начал раздумывать, как послышался электрический звонок с парадной двери, а затем и удары прикладами. Я сейчас же вышел из кабинета и велел всем уйти в спальню и детскую комнату, а Наташе

Морской артиллерийский арсенал Кронштадта. Фото 1912 г.

и Кате сидеть в кухне, а сам пошел открывать дверь. Лишь только я открыл дверь, как мне в грудь уткнулось дуло большого револьвера Смита и Вессона, очевидно, из разграбленного арсенала, и раздался крик: «Руки вверх». Я поднял руки и увидел перед собой двух человек. Один из них был в статской одежде, то есть в пиджаке и помятой шляпе, а другой в форме матроса, в матросском бушлате и фуражке с ленточками, — надписи не успел разобрать. Они были вооружены «до зубов», то есть перевязаны пулеметными лентами крест на крест и с патронташами на поясах, винтовки на ремнях через плечо и у обоих на руках еще и револьверы. Штатского я сейчас же узнал, так как еще до начала войны видел его как служащего или рабочего в винном складе, который находился на углу Николаевского проспекта. Обращал на него внимание потому, что цвет лица его был темного цвета, но не как у негров, а как бы синего. Был он небольшого роста, коренастый, приземистый и широкоплечий. Матрос был немолодой с рябоватым темным лицом и, по-видимому, был не матрос, а переодетый в форму. Оба были, вероятнее всего, выпущены из тюрьмы и пришли с целью грабежа.

Я, как со мной бывало и ранее в минуты смертельной опасности, если перед этим трусил и когда был на войне в сражении на реке Шахэ²¹ и под Мукденом, когда руки тряслись, держа в них бинокль, в самую минуту, когда приближалась эта опасность, делался спокойным. Так и здесь,

²¹ В тексте написано — Шаше.

подняв руки, я спокойно спросил: «В чем дело? Я ведь не имею никакого оружия в руках, а если вам что-то нужно, то скажите». Штатский отвел револьвер и сказал: «Выдавай все оружие и пулеметы, какое у тебя есть». Я сказал, что у меня нет ни ружей, ни пулеметов, а есть шашка, и предложил подойти к платяному шкафу, стоявшему в передней, в котором хранилась моя одежда, и вынул висящую там шашку. Штатский, взяв в руки шашку, обратил внимание на надпись, имевшуюся на эфесе: «За храбрость», и сказал, обращаясь к матросу: «На ка, за храбрость имеет». И потом, отдавая мне шашку, сказал: «Это нам ни к чему». «Смотри-ка, как они жили». А после того прибавил: «Мы это только для проверки, и кто сопротивляется, того забирают». Так они, ничего не взяв, и ушли.

Я же понял, что в Кронштадте власть перешла к улице. Но это временная анархия, а должна быть образована какая-то власть, и надо искать эту власть, которая неизбежно будет устанавливать какой-то порядок, должен быть какой-то «комитет». Надо было решать, что делать. Надо было идти на риск, так как в случае если какая-либо группа матросов узнает, какую должность я исполнял в штабе командующего флотом, а это могло проникнуть из того же штаба, или от кого-либо из замешанных в прежних процессах, то меня могут прикончить без какого-либо комитета или трибунала, или просто толпой каторжников, выпущенных из тюрем. Если же найти какой-либо «комитет», то могут меня впредь до выяснения посадить в тюрьму. И это самое надежное место, и я решил искать этот «комитет».

Проходя по улицам, я видел, что по ним бродят небольшие группы матросов и солдат, человек по 5–10, — «патрули», решил я. Недалеко от моей квартиры на углу находился винный склад, закрытый еще с начала войны, и я в форточку видел, что один из этих патрулей разгоняет кучку солдат и матросов, группирующихся около этого склада, а два патрульных матроса выводят из подвала совершенно пьяного матроса. Когда я проходил по городу, то видел несколько таких патрулей, следовательно, какая-то власть посылает эти патрули для поддержания какого-то порядка. Самое надежное место, где можно находиться вне уличной толпы — это тюрьма. Я окончательно решил сесть в тюрьму, а для этого надо позвать один из патрулей и предложить ему отправить меня в тюрьму, через какой-либо «комитет» или другим порядком.

Меня, конечно, больше всего интересовало, знают ли, что я из себя представляю и какую должность я занимаю, а знали меня очень хорошо в 1-м Балтийском экипаже еще по процессу «Матроса Бибы». Но все же с того времени я перешел в распоряжение адмирала Эссена, то есть

с 1911 года, я больше никаких ни обысков, ни арестов не производил. Аресты на «Рюрике» и других судах производило С.-Петербургское охранное отделение, по своим ордерам и в связи с дознанием, производившимся статским советником Дьяченко и генерала Попова, а также при содействии Финляндского жандармского управления, я же был в стороне, хотя агентурные сведения исходили от меня. Формы жандармской я не носил, а носил штабную и из числа морского начальства меня знали только: конечно, Морской министр адмирал И.К. Григорович, командующий флотом, начальник штаба адмирал Григоров, начальник Разведывательного отделения капитан 1-го ранга князь Черкасский, старший флаг-офицер старший лейтенант А.П. Блинов и некоторое весьма незначительное число командиров судов, а также конечно в Кронштадте в Штабе порта и Военно-морском суде, да еще 2–3 офицера штаба. Если меня расшифруют, то тогда дело плохо, а потому надо было как-нибудь искать способы избежать этого разоблачения.

Все это промелькнуло у меня в мыслях, и я начал ожидать прохода мимо квартиры одного из патрулей. Когда я увидел через форточку, что приближается один из таких патрулей, во главе которого шел молодой матрос с унтер-офицерскими нашивками, я высунулся из форточки и крикнул, что прошу патруль зайти ко мне. Старший патруля с унтер-офицерскими нашивками остановил патруль и поднялся ко мне. Я встретил его у дверей квартиры и попросил зайти. Я сказал, что состою в Разведывательном отделении штаба командующего флотом и приехал из Гельсингфорса, так как моя семья живет здесь в этой квартире. Ввиду того, что сейчас идут обыски в квартирах в городе и могут быть всякие недоразумения и неприятности для моей семьи, то я прошу его направить меня в «комитет» или прямо в тюрьму впредь до выяснения всего положения и дать мне охрану. Этот матрос, фамилии которого я не называю, по высказанным ранее соображениям оказался бывшим железнодорожным телеграфистом и с образованием уездного училища. Он мне сказал, что раз я добровольно сдаюсь, то он предлагает мне сдать оружие, которое я имею. Я открыл письменный стол и отдал ему один «Маузер» малого калибра и «Браунинг», а также могу передать саблю и пашку. От сабли и пашки он отказался, а револьверы взял и добавил, что действительно лучше сесть в тюрьму, так как по городу ходят шайки грабителей и убийц, и нет гарантии, что они не могут зайти и сюда, а потому он попросил лист бумаги и написал на нем красным карандашом: «Эта квартира осмотрена и просят товарищей больше не беспокоить жильцов» — и прикрепил кнопками к наружной двери. Потом добавил,

что уже многие из офицеров убиты на квартирах неизвестными грабителями. Сейчас он должен идти сдать патруль, а потом придет за мной и сдаст меня в «Революционный совет». После этого он ушел, а я постарался успокоить семью и сказал, что сам добровольно сяду в тюрьму.

Наши прислуги подтвердили, что наш сосед подполковник Рубан действительно убит в городе и его труп в статском платье валяется на улице. Убиты адмирал Вирен, адмирал Бутаков²², капитан 1-го ранга Стронский²³ и многие офицеры. Верхние жильцы рабочие (фамилий не называю) говорят, что если придут грабить, то позвали бы их, так как у них есть и ружья, и револьверы и они не дадут грабить.

Было уже близко к полудню и пришел в статском платье подполковник Филатьев и сказал, что он всю ночь скрывался на чердаке, а квартира его разграблена, и он не знает, что предпринять. Я ему сказал, что оказывать какое-либо сопротивление, если не будут явно угрожать смертью, бессмысленно, так как власть ушла из рук Императорского правительства, и мы находимся предоставленными своей собственной судьбе. Если будут угрожать смертью, то выпустить все заряды в угрожающих, а последний себе в висок. Я сдал револьверы, бывшие в столе, но бывший в кобуре «Наган», который остался вместе с походным снаряжением, находился у меня в книжном шкапе в кабинете. Так как этот матрос, который обещал прийти за мной, все еще не приходил, то я предложил Филатьеву отправиться в поисках Революционного комитета к Морскому собранию, где, по моему предположению, мог быть таковой.

Я тоже одел статское платье, принесенное рабочими, и мы оба ушли на улицу и направились к Морскому собранию. Проходя по Екатерининскому скверу, заметили трех матросов с ружьями, по-видимому, тоже патрулировавших по скверу. Подойдя к ним, я спросил, где находится Революционный комитет и один из них сказал, что тут же в Морском собрании. Подходя к подъезду, один из них с усмешкой сказал: «Чего Вам

²² Александр Григорьевич Бутаков (25.06.1861 — 01.03.1917) — из дворян Костромской губернии, сын адмирала Григория Ивановича Бутакова (1820–1882), внук вице-адмирала Ивана Николаевича Бутакова. Контр-адмирал, русский военно-морской агент в США в 1902–1905 гг., начальник штаба Кронштадтского порта в 1917 г. Убит матросами за отказ присягать Временному правительству. Сын капитан 1-го ранга Григорий Александрович Бутаков (1897–1978) перешел на сторону советской власти, участник Гражданской и Великой Отечественной войн.

²³ Николай Васильевич Стронский (28.04.1863 — 02.03.1917) — из дворян Херсонской губернии, сын контр-адмирала Василия Григорьевича Стронского (1821–1879), генерал-майор флота, командир Первого Балтийского флотского экипажа. Жена Ольга Павловна Стронская, сын.

Читальный зал библиотеки Морского собрания, где заседал Исполком
Кронштадтского совета

идти в комитет, идите прямо на площадь». Площадь Морского собора с памятником адмиралу Макарову находилась в некотором отдалении от Морского собрания и отделялась от Екатерининской улицы и сквера обводным каналом, через который был мост. В это время со стороны этой площади почти без перерыва раздавались ружейные выстрелы и крики. Было очевидно, что там происходит самосуд толпы и расстрелы, и матрос хотел, чтобы мы отправились туда, но я сказал, что нам приказано явиться в «комитет». Кем приказано, я умолчал, а они и не спросили, и я поторопился войти в подъезд, а матросы остались на улице.

Войдя в подъезд, я направился в примыкавшую к прихожей залу, как помнится, библиотечную. Тут за столом, покрытым сукном, сидело несколько человек, и в числе их находился матрос, известный мне по процессу, в котором он был замешан как обвиняемый в связи с делом по обнаружению нелегальной литературы на судах, и которого я вместе с И.К. Смирновым допрашивал в Петропавловской крепости, где он был заключен по особому распоряжению военно-судебных властей или Кронштадтского морского суда, хорошо не помню, а фамилия его была Кириллов²⁴. Тоже в числе сидевших за столом был и один из зна-

²⁴ Максим Кириллов — матрос 1-го Балтийского отряда подводного плавания, являлся секретным сотрудником (осведомителем) Кронштадтского жандармского управления, работал под кличкой «Калашников». Завербован В.В. Владимировым.

комых мне студентов. Я объяснил, кто мы такие и сказал, что мы желаем впредь до выяснения всех обстоятельств сесть в тюрьму, и просил нас направить туда. Матрос Кириллов с улыбкой мне сказал: «Мы ведь с Вами знакомы, но теперь все это уже прошло». Один из сидевших за столом сказал, чтобы мы шли наверх в большую залу, и оттуда уже нас направят, куда нужно. Наверху в большой зале собрания, где я 26-го был вместе с семьей на спектакле и где еще не были убраны кулисы на сцене, было очень много народу, и какие-то люди распределяли присутствующих, а нас попросили подождать и указали соседнюю комнату, куда мы и направились. В это время пришел мой старший сын Борис и принес нам бутерброды. Я сказал ему, чтобы нам прислали нашу военную форму и взяли статское платье. Через короткое время Борис принес нам военную форму, и я просил передать жене, чтобы она не беспокоилась и что мы будем отправлены в тюрьму, какую еще не знаем.

Мы переоделись и после того меня в сопровождении солдат артиллеристов отправили в Морскую следственную тюрьму, а Филатьева в Гражданскую тюрьму. В Морской следственной тюрьме меня заперли в одиночную камеру с деревянной решеткой-дверью и вместе со мной поместили старого городского, который всегда дежурил у адмирала Вирена. Клетка была настолько мала, что мы только могли либо стоять, либо сидеть «на корточках». Никакой кровати или даже соломы на полу не было. Эти клетки предназначались для матросов, задержанных в пьяном виде, для вытрезвления. В таком положении я пробыл три дня. Выпускали на прогулку во двор, где пилили дрова.

В тюрьме, кроме меня, находились и некоторые морские офицеры и в числе их адмирал Курош. Во время прогулки на второй день адмирал Курош тоже пилил дрова с одним из офицеров. Невдалеке стоял матрос и ругал площадной бранью адмирала Куроша, на что тот отвечал ему громко во всеуслышание: «Вы все подлецы, негодяи и убийцы и подождите, придет время, что наши дети отомстят вам сторицей». Матрос что-то еще отвечал, но потом повернулся и ушел. На третий день утром появился в коридоре матрос или переодетый рабочий, который обходил клетки — их было приблизительно десять — и ругал всех заключенных площадной бранью, потрясая при этом револьвером. Подошел и к нашей клетке и, направляя на меня револьвер, кричал: «Что не нравится сидеть в карцере, а нас сажал сюда, — вот захочу и застрелю». Я отвечал, что может стрелять потому, что я не имею никакого оружия. «Ага, так не боишься». Я ничего ему не ответил, и он прошел дальше. Через некоторое время пришла в помещение группа матросов человек в 6, были,

кажется, в этом числе и артиллерийские солдаты. Во главе этой группы был студент Рошаль. Он, обращаясь ко мне, спросил: «Как можно кончить войну?» — и, не дожидаясь ответа, прошел мимо. Выше среднего роста, без усов и бороды, лицо одутловатое и темное, одет в длинную солдатскую шинель без погон, но брюки длинные, без пояса и через плечо офицерская шашка на плечевой портупее. Я хотел ответить, что каким способом он полагает ее кончить. Но он прошел мимо и вышел наружу.

После полудня меня и нескольких других заключенных перевели под конвоем в Гражданскую тюрьму, где я и просидел еще несколько дней. Пища в Морской тюрьме была обыкновенная матросская и хорошая.

В Гражданской тюрьме меня заключили в довольно просторную камеру, в которой были деревянные нары и в ней никого, кроме меня, не было. Камера была чистая, тюремные надзиратели были те же самые и относились они ко мне хорошо, пища была обыкновенная тюремная, но не столь обильная и хуже, чем в Морской тюрьме. На другой день посадили ко мне другого арестованного, но кто он был, не припомню хорошо, но был не солдат и не матрос, а или из рабочих, или из мелких служащих порта, и сидел он в тюрьме за какие-то проступки уже несколько времени. От него я узнал все обстоятельства убийства адмирала Вирена и других лиц, что ему в свою очередь было известно от других арестованных, с которыми он сидел в общей камере до перевода в мою камеру.

Адмирал Вирен в 12 часов ночи с 28-го февраля на 1-ое марта был разбужен и вытащен из кровати в одном белье вторгшимися в дом Главного командира матросами и каторжниками, причем дверь им отворил матрос, находившийся вестовым у адмирала Вирена, и он же проводил бунтовщиков в комнату, где был Вирен. Эти негодяи с криками и гиками вытащили адмирала на Княжескую улицу и потащили к площади Морского собора. По дороге избивали его, и оторвав ему ногу, сбросили с моста, что был против ворот порта, в овраг²⁵.

²⁵ Один из участников расправы матрос П.И. Кольшкин, захвативший трофей — офицерский палаш адмирала, несколько иначе описывает гибель фон Вирена. В составленных им в 1957 г. мемуарах сказано: «Рано утром с рассветом матросы решили уничтожить всех тех адмиралов и офицеров, а также “шкур”, так называемых боцманов и фельдфебелей сверхсрочной службы, которые являлись наиболее яркими драчунами и деспотами по отношению к матросам. <...> Подойдя к дому, часть матросов вошли в квартиру Вирена, в квартире находилась жена Вирена, и та лежала на кровати и еле дышала, видимо, с перелуга, и на вопросы матросов она совершенно ничего не отвечала, только что-то стонала. <...> Когда с него (с Вире-

Адмирал Бутаков также был вытащен из кровати, и его повели к той же площади, где ему предложили перейти на их сторону, но он категорически отказался, и когда его поставили к стенке, то перекрестившись на собор, крикнул: «Ну а теперь стреляйте, мерзавцы». Тело его также было сброшено в ров.

Капитан 1-го ранга, кажется, уже был произведен в генерал-майоры, Стронский, командир 1-го Балтийского флотского экипажа, взятый из квартиры тоже в полночь, был сопровождаем кучкой матросов на место казни у памятника адмиралу Макарову, при этом два матроса воткнули ему штыки с двух боков, а другие в это время обрезали ему уши и нос. Полумертвого приставили к стенке и, убив, сбросили в ров.

Начальник Машинной школы капитан 1-го ранга Пекарский²⁶ был убит на квартире своими же матросами.

Командир 2-го крепостного артиллерийского полка полковник Кисель-Загорянский был убит солдатами, и тело его валялось несколько дней около Владимирской церкви, пока не взяли его родственники.

Помощник кронштадтского полицмейстера Даусон²⁷ был убит на улице около моей квартиры, когда он проходил в статском платье, с очевидной целью скрыться в доме, в котором жил раньше отец Иоанн Кронштадтский, где был высокий каменный забор.

Старший агент кронштадтской полиции, фамилии не помню, который был грозой для воров и мошенников, спекулировавших в Крон-

на. — Прим. В. Х.-Г.) сняли шинель, то внизу у него был сюртук с адмиральскими погонами и со всеми орденами. Вирен что-то хотел сказать, но не смог, а только обратился к первому рядом стоящему матросу и спросил: “Что я сделал?” Матрос вместо ответа сильно кулаком ударил Вирена по лицу и сказал: “Ты еще, сволочь, спрашиваешь, что ты сделал матросам”. Но тут сразу матросы зашумели, хотели тут же его убить, но было предложено вести на Якорную площадь и там убить его. Когда вели Вирена на Якорную площадь, то многие матросы били его, а когда привели на площадь, то предложили не убивать сразу, а поставить 5 винтовок с прижатыми штыками, подбросить его на воздух, и чтобы он упал на штыки и так несколько раз. Так оно и было, а потом уже почти мертвого, в голову ему пустили несколько пуль “Нагана” и потом его бросили в овраг» (см.: Деконская Н.В. Палаш адмирала Вирена в коллекции музея «Нарвская застава» // 100 лет Русской революции: сборник научных статей по материалам научной конференции / Под ред. Е.Н. Смирновой. Саратов: Буква, 2017. С. 13,14).

²⁶ Георгий Петрович Пекарский (23 мая 1866 — 1 марта 1917) — капитан 1-го ранга с 1909 г., участник русско-японской войны. Помощник начальника Машинной школы Балтийского флота с 1912 г.

²⁷ Николай Иванович Даусон (10 июня 1865 — 1 марта 1917) — личный дворянин, коллежский советник. Жена Александра Ивановна, сыновья Иван (1903 — после 1922), кадет Морского кадетского корпуса, потом гардемарин, участник Белого движения, в эмиграции в Бизерте; Антонин (1908–2002), режиссер Александринского театра.

Помощник кронштадтского полицмейстера Николай Иванович Даусон с женой и детьми. Убит в Кронштадте 1 марта 1917 г. Фото 1905 г.

штадтском порту, был обнаружен несколькими из числа тех, которых он в свое время изловил, и они хотели направить его на расстрел на площадь, но он нескольких из них сшиб кулаком и убежал, и они открыли против него охоту. Он скрылся в доме около «Козьего болота», и когда они ворвались в этот дом, то вылез на крышу и предупредил, что если кто попытается прорваться на крышу, то он его убьет. Один попытался, и он его угробил и сбросил труп на улицу. Матросня, восхищенная его смелостью, стала кричать ему, чтобы он спустился, и они возьмут его под свою защиту. Был он человек очень большого роста и обладал большой физической силой. Матросня пролезла к нему и вывела его из дома и скрыла в казармах.

Мой ближайший приятель капитан 1-го ранга Константин Иванович Степанов, начальник Школы юнгов, был убит при следующих обстоятельствах. Его захватили утром 1-го марта и повели арестованным в Морскую тюрьму, то есть туда же, где и я оказался после полудня того же 1-го марта. У него болела нога и была одета вместо сапога туфля, и он хромал. Когда по пути ему было трудно идти, он останавливался, а матросы подгоняли его. Во время одной из остановок около благовещенской церкви он стал поправлять перевязку на ноге, а матросы начали его подталкивать прикладами. Всю эту сцену видела моя знакомая барышня, окно из комнаты которой выходило на улицу против церкви и была раскрыта форточка. Когда К.И. стал их ругать и сказал, что при-

Митинг на Якорной площади Кронштадта. 1–2 марта 1917 г.

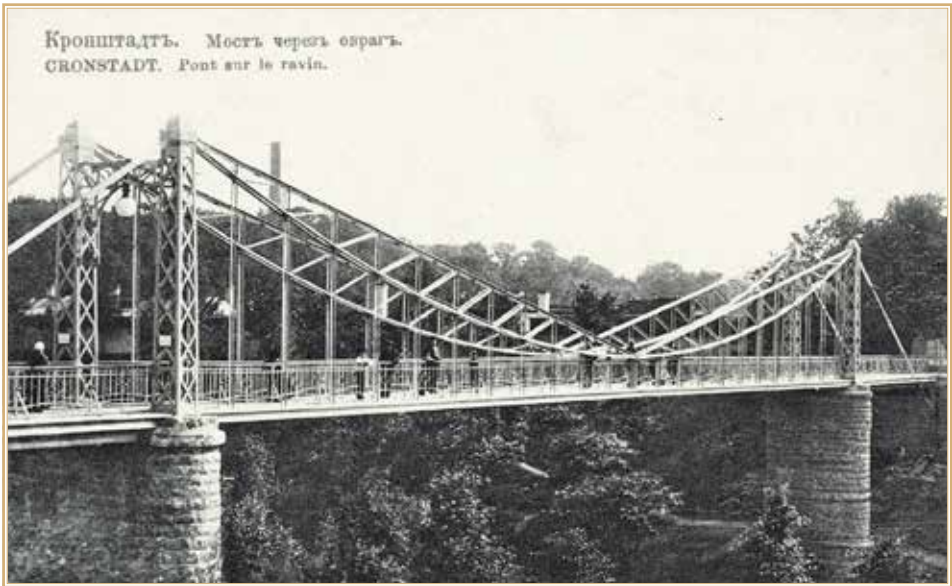
дет суд и на них, то они закололи его штыками и бросили на снежную кучу, бывшую у церкви, а сами ушли. Перечислять убийства других офицеров и частных лиц, которые были расстреляны в эти дни, я не имею возможности, так как многие имена у меня исчезли из памяти, а многие мне и были неизвестны, но помню, что когда уже был в Петербурге, то мне говорили, что всего было убито 67 офицеров и разных лиц.

Так протекала бескровная революция в Кронштадте.

Еще забыл упомянуть о зверском убийстве начальника Учебно-артиллерийского отряда капитана 1-го ранга Повалишина²⁸, которого, обвязав проволоками, опускали с борта флагманского корабля «Император Павел I» в прорубь около борта — опускали и поднимали до тех пор, пока он не превратился окончательно в глыбу льда. Это тоже бескровное убийство Февральской революции.

В гражданской тюрьме я просидел до 18-го марта без особых неприятностей. Никто меня не беспокоил, и никто не приходил меня допрашивать. Между тем, мои прежние осведомители и сотрудники, оказавшиеся на свободе, работали в мою пользу и благодаря одному из них, которого я не называю, я был освобожден и тотчас же уехал в Петербург. В прежнее время я его выручил из тяжелого положения, в которое он случайно попал, и он этого не забыл. Оказавшись знакомым с членами Революционного комитета, он получил ордер на мое освобождение

²⁸ Николай Иванович Повалишин (1 февраля 1867 — 1 марта 1917) — из потомственных дворян Рязанской губернии, участник подавления Боксерского восстания в Китае, капитан 1-го ранга, в 1915–1917 гг. командир учебного броненосца «Император Александр II» (в составе Учебно-артиллерийского отряда). Писатель.

Мост через овраг недалеко от Княжеской улицы Кронштадта, с которого в 1917 г. сбрасывали убитых офицеров. Фото 1913 г.

и приехал в тюрьму на автомобиле и привез на квартиру. Я его, конечно, поблагодарил от души и посоветовал ему только тоже, как можно скорее, убираться из Кронштадта, так как положение очень непрочное и его могут затянуть и разоблачить в связи со знакомством со мной. Этим советом он и воспользовался, так как насколько мне известно, после моего отъезда на фронт он уехал в Сибирь²⁹.

Я же, прибыв домой, немедленно приготовился к отъезду в Петербург. Дома было все в порядке, и никто семью не беспокоил. Этот унтер-офицер матрос, бывший начальником патруля несколько раз заходил на квартиру и говорил, что если их будут беспокоить, то позвали бы его по телефону. Я же посоветовал быть осторожной жене и что я ни в коем случае в Кронштадт не вернусь, так как если меня до сих пор не разыска-

²⁹ Имеется в виду Александр Иванович Гуйтов, мещанин города Новоржева Псковской губернии, моторист нестроевой роты Кронштадтского крепостного артиллерийского склада, самый высокооплачиваемый секретный сотрудник (осведомитель) Кронштадтского жандармского управления под кличкой «Каменский», получал 125 рублей в месяц из секретных сумм на агентуру. После Февральской революции вошел в комиссию Исполкома Кронштадтского совета по выяснению степени виновности арестованных офицеров. Сформировал и возглавил Чрезвычайно-следственную комиссию по расследованию работы секретной агентуры Кронштадтского ЖУ. По его ходатайству были выпущены из тюрем все арестованные офицеры Кронштадтского жандармского управления. Пытался бежать из города, но был арестован. Информация Владимирова о его бегстве в Сибирь либо является ошибочной, либо Гуйтову удалось перебраться в Сибирь позднее.

ли, то через некоторое время все равно обнаружат и тогда уже непременно посадят крепко, а потому мне нужно как можно скорее уехать на фронт и там меня уже никто не разыщет. Жене же нужно, по возможности, продать, что возможно, а мебель сдать в склад. Серебро и золото увезти в Петербург и сдать в казенный ломбард.

Взяв с собой сына Бориса, взял знакомого извозчика, того самого, который в свое время возил отца Иоанна Кронштадтского в Ораниенбаум, отправился также в Ораниенбаум. Было еще около 10 часов утра, и мы успели к поезду, который прибыл около полудня в Петербург.

Оригинал: Columbia University. Bakhmeteff Archive. Rare Book and Manuscript Library. Vladimir Vladimirovich Vladimirov Papers. «Fevral'skaia Revoliutsia v Kronshtadte». P. 1–30.

Подготовка текста, предисловие и комментарии:

 Хутарев-Гарнишевский Владимир Владимирович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии
Московского государственного института культуры

SPIN-код: 5785-9890

ORCID: 0000-0001-9218-0739

 Жданов Арсений Сергеевич

юрист, руководитель практики наследственного права «Филиал № 84
Шмелева, Пак, Поспелов» Московской областной коллегии адвокатов

Ключевые слова:

Кронштадт, Февральская революция, В.В. Владимиров, политическая полиция,
революционный террор, Бахметевский архив, Балтийский флот.

Vladimir V. Khutarev-Garnishevsky, Arseniy S. Zhdanov

«A NIGHT OF NIGHTMARISH HORRORS».
THE FEBRUARY REVOLUTION
IN KRONSTADT AS REFLECTED
IN THE MEMOIRS OF V.V. VLADIMIROV,
CHIEF OF THE SPECIAL DEPARTMENT
AT THE BALTIC FLEET

The reader is invited to consider an excerpt from the memoirs of the Gendarmerie Lieutenant Colonel V.V. Vladimirov, head of the special department of the Baltic Sea Fleet headquarters, stored in the Columbia University archives. This source is being introduced into academic circulation for the first time. The published excerpt focuses on the revolutionary events that took place in Kronstadt from February 18 to March 18, 1917. The author of the memoirs, Vladimir Vladimirov, was responsible for ensuring political security throughout the Baltic Fleet and its home ports. Being well-informed about the brewing revolution and the tensions among the soldiers, sailors, and port workers, he accurately assessed the situation but was ultimately unable to prevent the uprising. The publication's title, «A Night of Nightmarish Horrors», is a direct quote from the memoir. The published excerpt pays considerable attention to the course of the Kronstadt uprising, mob violence against the officers and officials, and the survival strategies of the regime defenders on the night of March 1, 1917. The text has been edited to follow the modern Russian language rules.

Keywords: Kronstadt, February Revolution, V.V. Vladimirov, Political Police, Revolutionary Terror, Bakhmeteff Archive, Baltic Fleet.

Text preparation, introduction and comments by:

Vladimir V. Khutarev-Garnishevsky — C.Sc. (History), Associate Professor at the Moscow State Institute of Culturee.

Arseniy S. Zhdanov — Lawyer, Head of Inheritance Law Practice at Branch No. 84 of Shmeleva, Pak & Pospelov under the Moscow Regional Bar Association.

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.50.010

А.В. Ганин

**«ЕДИНСТВЕННЫМ ВЫХОДОМ ИЗ МОЕГО
ПОЛОЖЕНИЯ БЫЛО ПРИМКНУТЬ
К ПОВСТАНЧЕСКОМУ ДВИЖЕНИЮ...»
ГЕНЕРАЛ А.В. МУХАНОВ
И АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЕ ВОССТАНИЕ
В ФЕРГАНЕ**

После выхода справочника и монографического исследования о кадрах Генерального штаба в Гражданскую войну¹, в которых было отражено участие офицеров-генштабистов в создании практически всех противоборствующих армий того конфликта, мы обратили внимание на пробел в служебном пути одного из фигурантов справочника — генерала-генштабиста Александра Владимировича Муханова (04.03.1874–1941). В качестве военного специалиста он фигурировал в советских учетных документах 1918 г., а также 1920–1921 гг., однако где он находился в промежутке между регистрациями в 1918–1920 гг. зафиксировано не было. Поскольку в Советской России существовал развитый учет кадров Генштаба, случайный пропуск или ошибка практически исключались. В таких случаях, как правило, генштабисты оказывались в антибольшевистском лагере.

¹ Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009; *его же*. Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2023. Т. 1–2.

Генерал А.В. Муханов

Так произошло и с Мухановым. Свет на его деятельность в Гражданскую войну проливают воспоминания советского военачальника Н.А. Веревкина-Рахальского². Последний свидетельствовал, что Муханов в разгар противостояния красных и белых оказался на службе... у басмачей (впрочем, ферганская действительность была несколько сложнее — речь шла о союзе различных антибольшевистских сил). В феврале 1920 г. после боев против отряда Курширмата Веревкин из укрепления Гульча направил Муханову письмо на пограничный пост Иркештам с предложением вернуться в ряды Красной армии и своими знаниями и работой искупить вину за службу басмачам. Несмотря на то что поручение было смертельно опасным, письмо согласился доставить Хамракул Турсункулов — разведчик штаба 2-й Туркестанской стрелковой дивизии, которой командовал Веревкин, и впоследствии трижды Герой социалистического труда.

Муханов принял предложение и отправился в Ташкент, в штаб Туркестанского фронта красных, где, по-видимому, рассчитывал на покровительство сослуживцев по старой армии, прежде всего, заместителя командующего, бывшего генерала Ф.Ф. Новицкого. Расчет оказался верным. Веревкин-Рахальский вспоминал: «Для меня стало полной неожиданностью его появление в середине марта передо мной с предписанием штаба Туркфронта о назначении А.В. Муханова помощником начальника 2-й Туркестанской стрелковой дивизии, то есть моим по-

² Веревкин-Рахальский Н.А. Мои 90 лет. М., 2000. С. 40, 70, 79.

мощником. Помнится, встреча была несколько натянутой: я не мог вот так сразу преодолеть свое недоверие к нему. Сказывалось, видимо, и то, что в период Первой мировой войны он был полковником Генштаба, а я молодым поручиком.

Только после нескольких дней общения мы с ним, наконец, поговорили по душам. Вспомнили нашу встречу в домике генерала [И.В.] Колпикова³, вспомнили и [Е.И.] Достовалова. Затем Муханов вынужден был подробно мне рассказать, как он очутился в рядах басмачей, рассказать о характере боевых действий басмаческих отрядов, крупных и малых. Подробно охарактеризовал Мадамин-бека и других курбашей⁴.

Таким образом, генштабисты оказались причастны и к созданию вооруженных формирований басмачей, что дополняет наши прежние исследования. Необходимо было установить детали участия Муханова в басмаческом движении. Дальнейшие поиски позволили обнаружить в Центральном архиве Федеральной службы безопасности России архивно-следственное дело Муханова 1930–1931 гг. В отличие от многих других следственных дел того периода, оно касалось исключительно событий прошлого. Было проведено тщательное расследование деятельности Муханова в 1918–1920 гг. и его сотрудничества с антибольшевистскими силами. Благодаря этому удалось выявить ценный документальный материал как о самом Муханове, так и о басмаческом движении и антибольшевистском повстанчестве в Фергане.

Обозначим вехи дореволюционной биографии генерала Муханова. Он происходил из дворян, родился 4 марта 1874 г. в Санкт-Петербурге в семье военного инженера, полковника и французки. Окончил 2-й кадетский корпус (1893 г.), Константиновское артиллерийское училище (1896 г.) и Николаевскую академию Генерального штаба (1903 г.). Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Многолетняя служба Муханова была связана с Туркестаном, куда он попал весной 1906 г. Продолжительное время он занимался разведывательной деятельностью. В 1908–1912 гг. командовал Памирским отрядом, совершил ряд рекогносцировок на Памире и даже руководил переписью местного населения в 1908 г. Под руководством Муханова были завершены работы по открытию колесного движения от Хорогского до Памирского постов. Муханов разрабатывал планы строительства мостов и дорог, озеленения. За несколько лет будущий генерал хорошо изучил Памир, стал крупным

³ В тексте ошибочно — Колпакова.

⁴ *Веревкин-Рахальский Н.А. Мои 90 лет.* М., 2000. С. 80.

Н.А. Веревкин-Рахальский. 1928 г.

военным востоковедом и знатоком региона. В 1912 г. в Ташкенте штабом Туркестанского военного округа была издана его фундаментальная работа «Памирский район», содержащая физико-географическое описание, стратегический и военно-статистический очерки, данные о демографии и обзор ресурсов региона⁵. Накопленные знания и опыт, несомненно, помогли Муханову в Гражданскую войну, а связь с краем предопределила возвращение сюда в революционную эпоху и последующее вовлечение в противостояние красных, крестьян-переселенцев и басмачей.

В старой армии Муханов дослужился до генерал-майора (произведен 30 октября 1916 г.), был начальником штаба 2-й Туркестанской стрелковой бригады, командиром 6-го Сибирского стрелкового полка, начальником штаба 1-й и 2-й Сибирских стрелковых дивизий и военным агентом в Греции. В годы Первой мировой войны был награжден Георгиевским оружием.

Будучи назначен в ноябре 1916 г. на должность военного агента в Греции, он прибыл в Афины 20 января 1917 г.⁶ Муханов не знал греческого языка. По имеющимся сведениям, особых успехов на посту военного агента генерал не достиг — попытки наладить разведку Турции и Болгарии дали ничтожные результаты, а возможностей для организации раз-

⁵ Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М., 2005. С. 168.

⁶ Каширин В.Б. Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014. С. 247.

ведывательной работы там у Муханова не имелось⁷. Уже в апреле 1917 г. Муханов посчитал свое пребывание в Греции излишним и, тяготясь бездействием, прямо сообщил об этом в Петроград. Тем не менее, в Греции он оставался, по-видимому, до 1918 г.

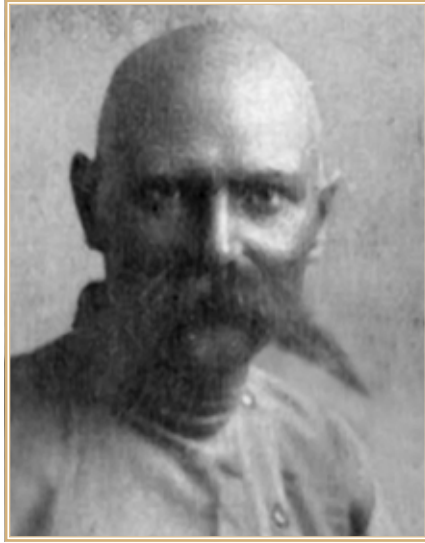
Оставив наконец свой пост, генерал отправился на родину. Прямого сообщения с Россией во время продолжавшейся Первой мировой войны не было, и пришлось добираться на родину кружным путем через Суэцкий канал, Сингапур, Шанхай и Владивосток. Далее Муханов добрался до города Скобелев Ферганской области, где проживала его семья.

О своей послереволюционной биографии Муханов сообщал в анкете арестованного, что в 1918 г. преподавал в средней школе в Фергане, затем был начальником штаба 14-й стрелковой дивизии Красной армии. Однако на самом деле его жизнь протекала не столь линейно.

По приезде в Россию, отдохнув несколько месяцев, он действительно устроился работать школьным учителем. В 1919 г. в разгар басмаческого движения в Фергане Муханов получил приглашение от командующего Ферганским фронтом Сафонова занять должность помощника начальника штаба фронта. Он отказался под предлогом того, что отстал от военного дела. Однако такой отказ выглядел надуманным. Чтобы как-то сгладить ситуацию, бывший генерал предложил себя в качестве начальника обороны города Скобелева, но тут уже отказался Сафонов.

Сложно сказать, насколько такие свидетельства достоверны, поскольку они известны лишь со слов Муханова. Тем более, что следственные дела того времени — источник специфический, а фигуранта дела свидетели воспринимали как контрреволюционера. Показания расходятся — в одних Муханов утверждал, что из-за плохих отношений с Сафоновым бежал с семьей к китайской границе, чтобы попасть в Кашгар, а Сафонов выслал за ним погоню. В других заявлял, что в сентябре 1919 г. был арестован за отказ работать у Сафонова и участие в басмаческом движении и лишь затем бежал на китайскую границу. В обеих версиях совпадает только то, что в Китай его не пустили из опасения дипломатических осложнений, предложив вернуться. Пришлось жить в горах у киргизов в юртах. В одном из вариантов показаний отмечалось, что тогда-то Муханов и пошел служить противникам большевиков — Крестьянской повстанческой армии и басмачам. Однако из документов известно, что попытки выехать в Китай Муханов предпринимал значительно позже —

⁷ Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война. М., 2001. Кн. 3. Ч. 1. С. 126–127; Каширин В.Б. Дозорные на Балканах. С. 352.

К.И. Монстров

в начале 1920 г., поэтому достоверность приведенных выше версий вызывает сомнения. Таким образом, точная дата перехода Муханова к повстанцам неизвестна. Возможно, это произошло в сентябре 1919 г.

Способствовал присоединению Муханова к противникам большевиков его знакомый бывший директор «Памирского золотопромышленного акционерного общества» и племянник чрезвычайного посланника в Румынии В.В. Поклевский-Козелл, представивший генерала командующему Крестьянской повстанческой армией К.И. Монстрову. Армия Монстрова выросла из отрядов крестьянской самообороны от басмачей, создававшихся с ноября 1918 г.⁸ Во второй половине августа 1919 г. крестьяне пошли против большевиков и объединились с басмачами Мадамин-бека, причем согласно договору от 1 сентября Мадаминбек подчинялся штабу Крестьянской армии⁹. Силы повстанцев насчитывали около 20 000 человек.

Муханов не был единственным русским офицером в этих формированиях. Только в штабе Мадамин-бека насчитывалось около 40 офицеров, а в целом в войсках Мадамин-бека — до 90 человек¹⁰. Некоторые из них ранее служили в туркестанских стрелковых частях.

⁸ Подробнее см.: *Алексеев П.* Крестьянское восстание в Ферганае. Ташкент, 1927.

⁹ Там же. С. 67.

¹⁰ *Раджабов К.К.* Мадаминбек и Шермухаммадбек курбаши — вожди повстанческого движения в Ферганской долине // *Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922. Материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 10–13 июня 2019 г.)*. СПб., 2020. С. 308.

М.В. Фрунзе и Мадамин-бек на параде. Март 1920 г.

Соединенные силы восставших повели наступление на город Ош и 8 сентября захватили его. Муханов был парламентаром при сдаче крепости. Далее повстанцы двинулись на Андижан, но началось разложение, операция провалилась, а армия рассеялась. Осаду с Андижана красные сняли 24 сентября, 26 сентября заняли Ош, а 30 сентября — Джалал-Абад. Остатки повстанцев отошли в горные районы, обосновавшись в укреплениях Гульча и на пограничном посту Иркештам на границе с Китаем. Муханов бежал в Иркештам, куда прибыли затем и Монстров с Мадамин-беком. Было создано Временное автономное правительство Ферганы, в которое как военного специалиста включили Муханова. Затем генералу, прекрасно знавшему регион, доверили военное управление тылом. В Иркештаме он перезимовал. Попытки уйти за границу успехом не увенчались. Китайские власти посоветовали генералу остаться в России. Кроме того, во второй половине февраля 1920 г. он обращался к британскому генеральному консулу в Кашгаре П. Эсертону (Эдертону) по поводу перехода с группой беженцев в Индию через Китай (эти сведения упоминались в отчетных документах британского консула)¹¹.

Столкновения частей Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) с басмачами не прекращались на протяжении осени 1919 —

¹¹ Басханов М.К. События Гражданской войны в Туркестане и Семиречье в отчетах и донесениях британского консула в Кашгаре подполковника П.Т. Эдертона (1918–1920) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2018. № 21. С. 50.

П. Эсертон. Около 1910 г.

зимы 1919/1920 гг. К началу 1920 г. красные сконцентрировали в Фергане крупные силы. Их основу составляла 2-я Туркестанская стрелковая дивизия Н.А. Веревкина-Рахальского численностью 12 340 человек при 52 пулеметах. Кавалерийские части были сведены в Отдельную Ферганскую кавалерийскую бригаду Э.Ф. Кужелло из трех национальных полков численностью 4500 человек. Также была сформирована 4-я стрелковая бригада¹². Красные развернули наступление на остатки повстанцев. В результате уже 17 января 1920 г. К.И. Монстров с соратниками сдались.

В феврале 1920 г. Муханов получил письмо от начальника 2-й Туркестанской стрелковой дивизии красных Н.А. Веревкина-Рахальского с предложением сдаться и перейти на советскую сторону. Имелось и важное лично для Муханова обстоятельство — в Ташкент прибыл М.В. Фрунзе с хорошо известным Муханову видным военным специалистом РККА, бывшим генералом Ф.Ф. Новицким. С 26 ноября 1919 г. Новицкий являлся заместителем командующего фронтом. Он якобы тоже гарантировал Муханову забвение прошлого и безопасность. Муханов дружил с Новицким. Возможно, это знакомство и сыграло свою роль в том, что вчерашний лидер антибольшевистских повстанцев без особых затруднений продолжил службу в РККА. С 26 ноября 1919 г. Новицкий

¹² *Инояттов Х.Ш.* Народы Средней Азии в борьбе против интервентов и внутренней контрреволюции. М., 1984. С. 206–207.

Ф.Ф. Новицкий

являлся заместителем командующего фронтом. В итоге Муханов решил сдаться вместе с отрядом, о чем сообщил красным в Ош по телеграфу.

Примеру Монстрова и Муханова в начале марта 1920 г. последовал Мадамин-бек, сдавшийся красным вместе с отрядом в 1 200 человек. Однако говорить о победе над басмачеством в Ферганской долине было рано. Лишь к концу года басмаческое движение в регионе в основном было подавлено. Мадамин-бека красные привлекли к агитации в свою пользу среди других курбаши, однако в мае 1920 г. его отряд попал в засаду и бывшего лидера басмачей казнили. Судьба Монстрова остается неизвестной. По некоторым данным, он смог уцелеть и дожил в СССР до начала 1930-х гг.

Муханова приняли на службу в Красную армию, назначив помощником начальника 2-й Туркестанской стрелковой дивизии, а затем начальником штаба 14-й стрелковой дивизии. Теперь он уже занимался борьбой с басмачами, которым недавно служил. Начальник 2-й Туркестанской стрелковой дивизии Н.А. Веревкин-Рахальский вспоминал о Муханове в РККА в 1920 г.: «Муханов являл собой безвольную личность, без твердых и ясных убеждений, об Октябрьской революции и становлении советской власти имел весьма поверхностные понятия. Имея чин генерал-майора, он легко подчинился в стане врагов полковнику Монстрову — бездарной личности.

Муханов странно повел себя в присутствии людей, и особенно на совещаниях командиров бригад и полков. Он обязательно высту-

М.В. Фрунзе на Туркестанском фронте. Ташкент, 1920 г.
Научный архив Института российской истории РАН

пал со своим мнением и предложениями по тому или иному поводу, но каждый раз, обращаясь к присутствующим на совещании командирам и политработникам, говорил: “Господа!” Это на первый раз ему сошло, но перед очередным совещанием командиры обратились ко мне с протестом.

На неоднократные мои разъяснения Муханову, что в нашем советском обществе отменены классовые и сословные различия при обращении друг к другу, он мне отвечал: “Я считаю, что именно сейчас, когда правящая аристократия отстранена от руководства государством, рабочие и крестьяне стали господами своего положения, поэтому, обращаясь к командирам, я и говорю “Господа!” Пришлось в служебном порядке разъяснить, что советской властью установлено: при обращении друг друга называть “гражданин” или “товарищ”, а в Красной армии при обращении друг к другу следует говорить “товарищ командир”, “товарищ красноармеец”»¹³.

В августе 1920 г. Муханова вызвали в Ташкент для назначения в военно-научный отдел штаба Туркестанского фронта с заданием написать военно-статистический очерк Ферганской области (как мы знаем, Муханов был специалистом по региону). Далее от М.В. Фрунзе поступило предложение отправиться с ним на Южный фронт для ликвидации сил

¹³ Веревкин-Рахальский Н.А. Мои 90 лет. М., 2000. С. 80–81.

генерала П.Н. Врангеля. Муханов согласился, но поездка не состоялась. Военспеца передали в распоряжение прибывшего в Туркестан нового командующего фронтом Г.Я. Сокольников, однако в день отъезда Фрунзе в сентябре 1920 г. Особый отдел Туркестанского фронта арестовал Муханова¹⁴ за службу басмачам. Бывшего генерала направили в Москву, где он полтора года содержался в Бутырской тюрьме. Постановлением коллегии Всероссийской Чрезвычайной комиссии (ВЧК) Муханов был осужден на два года концлагеря в Архангельске. Очевидно, в зачет пошел срок пребывания в тюрьме. В итоге на свободу арестованный вышел осенью 1922 г.

После освобождения Муханов поселился в Москве. В новую жизнь вписался с трудом — работал лаборантом в частном магазине, состоял в профсоюзе Совторгслужащих, организовал с партнерами мастерскую, но дело не пошло, а с 1928 г. занимался частными уроками и подрабатывал переводами с английского языка для Высшего совета народного хозяйства. В 1924 г. он был исключен из списков РККА¹⁵.

22 июня 1930 г. сотруднику оперативного отдела Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), курсанту транспортной школы ОГПУ Г.Е. Иванову был выдан ордер № 4533 на «производство ар[еста] и об[ыска]» на квартире Муханова, проживавшего в Москве по адресу Покровский бульвар 14/6 кв. 17. Ордер подписали заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода и начальник оперативного отдела¹⁶. Обыск провести удалось (нашли тетради с записями), но самого Муханова на месте не оказалось. Как выяснилось, еще 3 июня он уехал на дачу, расположенную в Соколовой пустыни в 7 км от станции Кашира Рязано-Уральской железной дороги¹⁷. Там Муханов давал уроки детям.

Узнав об обыске и ордере на арест, Муханов сам явился в комендатуру административно-организационного управления ОГПУ, где и был арестован 25 июня 1930 г. При аресте были изъяты обручальное кольцо, 31 руб. 72 коп. денег, кошелек, бумажник, портмоне, семь книг, пультверизатор, очки, перочинный нож, ложки, вилка, кружка, чайник, пенсне, щетки, бритва, ручка, карандаши и прочее, что бывший генерал захватил с собой для пребывания под арестом¹⁸.

¹⁴ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 24.

¹⁵ Приказ РВС СССР по личному составу армии. 1924. № 338. 14.10.

¹⁶ ЦА ФСБ. Д. Р-42311. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 6–8.

К моменту ареста Муханов (как он сам указал в анкете 25 июня и на допросе на следующий день) был освобожден от военной службы по возрасту, официально считался безработным и «занимался частными уроками. Готовил в школу, техникумы и репетировал»¹⁹. Муханов был вдовцом и в числе близких родственников указал дочь Веру, 27 лет (она была замужем за Г.Н. Мыслицким), фельдшерницу в институте аборта; сына Владимира, 26 лет, счетовода во 2-й государственной типографии; дочь Ксению, 18 лет (она вышла замуж и жила в Гомеле и Минске) и сестру Надежду Владимировну, 55 лет, работавшую в Интуристе. Из имущества у Муханова имелся участок в Сочи в районе Агриня.

Следователей вновь интересовало участие Муханова в басмаческом движении и связи с англичанами. 8 июля уполномоченным 2-го (контрразведывательного) отдела Особого отдела ОГПУ А.М. Левитским было вынесено постановление о содержании Муханова под стражей за систематическое ведение антисоветской агитации (статья 58-10 Уголовного кодекса РСФСР)²⁰. Как и в предыдущий арест, Муханов опять оказался в Бутырской тюрьме.

С какой целью чекисты взялись повторно расследовать старые дела, неясно. Возможно, это было связано с активизацией басмаческого движения в Средней Азии. Отметим и то, что в СССР тогда развернулось дело всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна», одним из основных объектов которого оказались бывшие офицеры.

Копии допросов Муханова в октябре 1930 г. направили в Полномочное представительство ОГПУ по Средней Азии для проверки деятельности арестованного в 1919–1920 гг., а также его связей с британским генеральным консулом П. Эсертоном²¹. Получение данных в Москве затем потребовали ускорить²², а вр.и.д. помощника начальника Особого отдела ОГПУ С.Г. Гиндин 26 октября 1930 г. просил заместителя председателя ОГПУ Г.Г. Ягоду продлить следствие еще на два месяца «в связи с углублением следствия и [для] выяснения ряда моментов, по которым ведется переписка с отдаленными местами»²³. Аналогичное ходатайство

¹⁹ Там же. Л. 9.

²⁰ Там же. Л. 12.

²¹ Там же. Л. 22.

²² Там же. Л. 23.

²³ Там же. Л. 24.

направили в Президиум ЦИК СССР²⁴. Тем более, что «результатами следствия выявлена руководящая роль Муханова А.В. в повстанческом движении (басмачестве)»²⁵. Ходатайство удовлетворили, и в результате был собран ценный исторический материал, хотя никакого смысла арестовывать Муханова не было, как не совершал он и новых преступлений перед властями.

В начале 1931 г. из Ташкента в Москву помощнику начальника Особого отдела ОГПУ Н.Г. Николаеву-Журиду помощник начальника Особого отдела полпредства ОГПУ в Средней Азии Б.Д. Берман отправил десять протоколов допросов свидетелей по делу Муханова²⁶. Свидетели добавили значимые для следствия факты — речь шла о причастности Муханова к казням в укреплении Гульча.

25 апреля 1931 г. Особое совещание при коллегии ОГПУ постановило войти с ходатайством в Президиум ЦИК СССР о предоставлении коллегии права вынесения внесудебного приговора по делу Муханова²⁷. 8 июля коллегия ОГПУ приговорила Муханова по статье 58-13 Уголовного кодекса к пяти годам заключения в концлагере, считая срок с 22 июня 1930 г.²⁸ В том же месяце Муханова этапировали из Бутырки в Кемь и заключили в Соловецкий лагерь ОГПУ²⁹. 16 июня 1933 г. он был досрочно освобожден по решению той же коллегии³⁰, а в ноябре 1992 г. реабилитирован Генеральной прокуратурой Российской Федерации.

По некоторым данным, Муханов был арестован незадолго до начала Великой Отечественной войны, а когда началась война, был расстрелян или погиб в тюрьме. К сожалению, его дело за этот период обнаружить не удалось, поэтому дата и обстоятельства его гибели остаются неизвестными.

Документы публикуются по современным правилам орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей. Явные ошибки исправлены без оговорок. Все даты российской истории до февраля 1918 г. приведены по старому стилю.

Выражаю благодарность д.и.н. М.К. Басханову за высказанные замечания.

²⁴ ЦА ФСБ. Д. Р-42311. Л. 25, 26, 28.

²⁵ Там же. Л. 25.

²⁶ Там же. Л. 30.

²⁷ Там же. Л. 66.

²⁸ Там же. Л. 71.

²⁹ Там же. Л. 69.

³⁰ Там же. Л. 68.

1. Из протокола допроса А.В. Муханова. 26 июня 1930 г.³¹

[В] 1916 г. в декабре Генеральным штабом Ставки был назначен с фронта на должность военного атташе в Афины. Политика России и союзников убрать короля Константина³², т. к. он был женат на сестре Вильгельма³³, для чего сделали Венизелоса³⁴ регентом королевича Александра³⁵. Константина выслали в Швейцарию в 1917 г., после чего Греция вступила в войну на стороне союзников. В 1918 г. по своей личной просьбе меня откомандировали на Рум[ынский] фронт н[ачальни]ком штаба 13[-го] корпуса. Т. к. Дарданеллы были минированы, мне пришлось ехать окружным путем через Суэцкий канал — Коло[м]бо — Сингапур — Шанхай — Владивосток через Харбин, Самару, по Волге до Астрахани, Баку и г. Скобелев, куда прибыл в мае м[еся]це 1918 г., где работал преподавателем средней школы. Арестован в IX 1919 году за то, что я отказался работать у командующего Ферганским фронтом Сафонова³⁶ и участие в басмаческом движении, я из гор[ода] Скобелева бежал на китайскую границу, Кашгар, где меня задержали на границе китайские власти и предложили уехать на территорию СССР. Я прожил в горах с семьей в юртах у киргизов и бежал из г. Скобелева по личным отношениям к быв[шему] ком[андующему] Ферганским фронтом тов. Сафонову.

С 1922 года после срока, отбытого концентрационного лагеря г. Архангельска, я приехал в Москву IX 1922 года в 1923 году, чтобы поступить в союз, я поступил в частный магазин Шаурова лаборантом, но [неразборчиво]... в 1926 г. попал в профсоюз Советорслужаших³⁷. Организовали свою мастерскую с Хрущевым Дмитрием Констан[тиновичем], Левин [неразборчиво]..., Жбанков, 1926/27 — эту мастерскую мы поддерживали до ликвидации в 1928 г. вследствие больших налогов фининспектору, мастерская была ли-

³¹ В документе указано — июля, но дата первого допроса определена по дню ареста, произошедшего накануне и по соседним документам.

³² Константин I (02.08.1868–11.01.1923) — король эллинов (1913–1917 гг., 1920–1922 гг.) из династии Глюксбургов.

³³ Супругой Константина I была младшая сестра кайзера Германии Вильгельма II София Доротея Ульрика Алиса Прусская (14.06.1870–13.01.1932) — принцесса Прусская, королева-консорт Греции.

³⁴ Венизелос Элефтериос Кириаку (23.08.1864–18.03.1936) — греческий политический и государственный деятель. Премьер-министр Греции.

³⁵ Александр I (01.08.1893–25.10.1920) — король греков (1917–1920 гг.) из династии Глюксбургов.

³⁶ Сафонов Михаил Владимирович (01.11.1878–1939) — командующий войсками Ферганского фронта.

³⁷ Советских торговых служащих.

квидирована. С 1928 года я занимаюсь частными уроками, делал переводы с английского языка в ВСНХ, кого мне давали переводы, не помню.

Знаком с Лерхом, с которым живу в одной квартире.

Я бываю у Новицкого Федора Федоровича³⁸, зав[едующего] учебной частью Воздушной академии.

Больше показать ничего не могу.

С моих слов записано и прочитано. А. Муханов

ЦА ФСБ. Д, Р-42311. Л. 11-11об. Подлинник. Чернила.

2. Из протокола допроса А.В. Муханова. 27 сентября 1930 г.

До 1917 г. я служил в царской армии. В начале 1917 г. я получил назначение военного атташе при посольстве в Афинах и приблизительно в конце января 1917 г. был уже в Афинах. В Афинах я пробыл вплоть до октябрьского переворота. С началом октябрьского переворота я перестал получать всевозможные директивы из России и считал, что дальнейшее мое пребывание в Афинах в качестве военного агента — бесполезным³⁹, я просил Генеральный штаб откомандировать меня обратно в Россию на фронт. Вскоре мне был прислан заместитель, и я в начале января 1918 г. выехал в Россию. Приехав в Самару, я узнал, что старая армия демобилизована, что въезд в Москву разрешен только по особым разрешениям и что я теперь совершенно свободный гражданин. В Москву и Ленинград⁴⁰, как я увидел, мне ехать было нечего, сдавать мне ничего не надо было, поэтому я решил уехать к своей семье — в г. Скобелев. По приезде в г. Скобелев я, отдохнув 2–3 мес[яца], устроился там же преподавателем в средней школе. В 1919 г. началось сильное басмаческое движение, г. Скобелев подвергся неоднократному нападению со стороны басмачей; в это время к нам в город приехал командующий Ферганским фронтом Сафонов. Вскоре после приезда Сафонова последний как-то пришел ко мне домой и предложил мне должность помощника начальника штаба Ферг[анского] фронта. Предложение Сафонова мною было отклонено, мотивировал я тем, что я, будучи

³⁸ Новицкий Федор Федорович (02.08.1870–06.04.1944) — бывший генерал-майор, военный специалист РККА. Сратник М.В. Фрунзе. В 1919–1920 гг. состоял в распоряжении командующего Туркестанским фронтом и был заместителем командующего фронтом. В 1923–1930 гг. — начальник факультета Военно-воздушной академии РККА.

³⁹ Так в документе.

⁴⁰ Тогда — Петроград.

оторванным от России, отстал за то время от событий революции и еще не ориентировался в новой обстановке, чувствуя, что полезным я в то время быть не мог. В результате моих переговоров с Сафоновым у меня с последним создались такие отношения, что я вынужден был окончательно отказаться от предложения Сафонова. С другой стороны, желая быть полезным, я предложил Сафонову назначить меня начальником обороны г[орода] Скобелева, на что Сафонов мне ответил, что он на это полномочий не имеет. Отказ Сафонова я расценил как недоверие ко мне. После этого Сафонов настойчиво требовал от меня согласия на его предложение, прибегая к известным даже угрозам. Угрозы Сафонова и установившиеся с ним личные отношения заставили меня бежать с семьей в Китай — г[ород] Кашгар. По моем прибытии к китайской границе нач[альник] гарнизона пограничной крепости запросил телеграммой губернатора Кашгарии разрешение на мой въезд в Кашгарию. Губернатор, боясь дипломатических осложнений, просил меня вернуться обратно. Я решил вернуться обратно, но тут положение мое усложнялось: вернуться в Скобелев я уже не мог, тем более, что мне стало известным, что Сафонов посылал за мной погоню. Я решил уйти в горы и искать выход из положения. В это время крестьяне, недовольные политикой местной власти, начали организовываться в повстанческую армию. Единственным выходом из моего положения было примкнуть к повстанческому движению, что мною и было сделано. В одном из кишлаков в горах меня встретил мой старый знакомый по г. Скобелеву Поклевский-Козел Владислав Викентьевич, с которым мы поехали к командующему повстанческой армией Монстрову⁴¹. В это время произошло объединение крестьянской повстанческой армии с Мадамин-беком⁴² — вождем басмачей и решено было перейти к активным действиям.

⁴¹ Монстров Константин Иванович (1874–?) — конторский служащий, подрядчик и землевладелец. Командующий Крестьянской армией из русских крестьян-переселенцев Ферганской долины, сформированной для обороны от басмачей (1918–1919 гг.). Центром формирования был Джалал-Абад. В августе 1919 г. перешел на сторону басмачей и возглавил антибольшевистское восстание. В январе 1920 г. сдался частям РККА. По неподтвержденным данным, расстрелян.

⁴² Мадамин-бек (1892–05.1920) — один из лидеров басмаческого движения в Ферганской долине, курбаши. Начальник милиции Старого Маргелана (1917–1918 гг.). Первоначально действовал в составе отрядов Иргаш-бая (1918 г.). Противостоял Крестьянской армии К.И. Монстрова, но в августе 1919 г. заключил с ней союз. Руководил вооруженными формированиями общей численностью до 30 000 человек. После поражения от частей РККА заключил мирный договор с советской властью (в марте 1920 г.). Вел переговоры с другими курбаши для перехода их на сторону красных. Попал в ловушку в кишлаке Вуадиль, где весь его отряд был уничтожен, а самого Мадамин-бека казнили. Голова Мадамин-бека стала трофеем отряда Хал-ходжи.

Сдача в плен банды басмачей курбаши Ахунджана на Ферганском фронте в Андижане. 1919 г.

Мы повели наступление на г. Ош; при занятии г. Ош я по просьбе Монстрова и Мадамин-бека отправился парламентаром для переговоров о сдаче крепости Ош в ответ на предложение осажденных. Город был занят нами. Дальше мы двинулись на г. Андижан, в это время у нас в армии началось разложение и примерно через неделю контр наступлением из Андижана наша армия была рассеяна. Остаться мне было негде, и я поехал в Иркештам (граница Китая), со мной туда же направилась группа русских, и по дороге к нам присоединился Памирский отряд. Вскоре в Иркештам приехал Монстров и Мадамин-бек со своим штабом, и тут было решено создать Временное правительство в составе Монстрова, Мадамин-бека, меня и Ненсберга⁴³. Я был членом правительства по военным делам. В Гульче было оставлено человек 8 офицеров, которые сформировали во главе с Кучуковым⁴⁴ киргизский полк. В это время начинаются у нас среди членов правительства разногласия на почве общей целеустановки движения, так как тут выявились определенные цели у отдельных

⁴³ Ненсберг — присяжный поверенный. Министр внутренних дел Временного Ферганского правительства (1919–1920 гг.).

⁴⁴ Кучуков Сулейман Юнусович (11.07.1889–02.11.1931) — штабс-ротмистр. Участник басмаческого движения. Руководил штурмами городов Ош и Джалал-Абад в сентябре 1919 г. Командир отдельного Кара-киргизского кавалерийского полка, сформированного в укреплении Гульча. Перешел на сторону красных (02.1920) и атаковал с полком Гульчу, выбив оттуда формирования Крестьянской армии. Служил в РККА. Командовал кавалерийским дивизионом. Награжден орденом Красного Знамени (1923 г.).

С.Ю. Кучуков. 1915 г.

чл[енов] прав[ительства]. Так, Мадамин-бек старался провести явно свои сепаратистские тенденции, прикрывая их дипломатическими формами. Это разногласие привело к внутреннему у нас расколу — главнокомандующим был назначен Мадамин-бек, я взял на себя управление военными делами в тылу. Мадамин-бек уехал с отрядами для операций в долину вместе с Ненсбергом, Монстров уехал в крест[ьянские] поселки, я же остался в Иркештаме. Денежные средства, обмундирование и продовольствие мы взяли при отступлении из г. Ош. В таком положении мы находились всю зиму. В феврале 1919 г.⁴⁵ я получил письмо от Веревкина-Рахальского (в то время нач[альника] дивизии в Фергане)⁴⁶, в котором он извещал меня, что в Ташкент прибыл т. Фрунзе⁴⁷ вместе с частями Кр[асной] армии, что тов. Фрунзе сопровождает хорошо мне известный б[ывший] ген. Новицкий⁴⁸, последний написал мне якобы письмо с предложением вернуться, гарантируя полную безопасность и забвение всего прошлого, что подтверждал в своем письме Вевекин-Рахальский. Мною тотчас же была восстановле-

⁴⁵ На самом деле речь идет о феврале 1920 г.

⁴⁶ Вевекин-Рахальский Николай Андреевич (23.11.1893–22.04.1984) — военный специалист РККА, советский военачальник, генерал-лейтенант. Начальник 2-й Туркестанской стрелковой дивизии (21.12.1919–13.06.1920).

⁴⁷ Фрунзе Михаил Васильевич (21.01.1885–31.10.1925) — революционер, советский государственный деятель. Командующий войсками Туркестанского фронта (15.08.1919–10.09.1920).

⁴⁸ Речь идет о Ф.Ф. Новицком.

М.В. Фрунзе и Ф.Ф. Новицкий

на телеграфная связь с Ошем и, вызвав комбрига т. Парамонова, сообщил ему, что я сдаюсь и со всем отрядом перехожу на сторону Красной армии, что мною и было сделано. Мною была послана телеграмма в Кашгар моей семье, чтобы последняя выезжала в Скобелев. В ответ на эту телеграмму я получил пространную телеграмму от рус[ского] консула в Кашгаре Успенского⁴⁹ с предложением англ[ийского] консула Эссертона⁵⁰ поступить на английскую службу, что мною было отвергнуто⁵¹. Вскоре я прибыл с отрядом в Скобелев, откуда по вызову т. Фрунзе я направился в Ташкент, где был прикомандирован к РВС Туркфронта. Вскоре за мной перешел на сторону сов[етской] власти и Мадамин-бек. Дальше я был назначен нач[альником] штаба 14[-й] дивизии кр[асных] коммунаров, с которыми выехал из Ташкента в Скобелев для борьбы по ликвидации басмачества. Примерно в августе я был вызван обратно в Ташкент т. Фрунзе, был назначен в военно-научный отдел штаба фронта, где мне дана была задача написать военно-статистический очерк Ферганы. Примерно через месяц т. Фрунзе, предполагая выехать на Южный фронт против белых, предложил мне выехать с ним, на что я согласился. Однако с прибытием в Ташкент т.т.⁵²

⁴⁹ Успенский Александр Иванович (?–1932) — генеральный консул России в Кашгаре (1917–1920 гг.).

⁵⁰ Эсертон (Эдертон) Перси Томас (Etherton Percy Thomas) (04.09.1879–30.03.1963) — британский генеральный консул в Кашгаре.

⁵¹ На самом деле консул не имел таких полномочий.

⁵² Товарищевой.

Сокольников⁵³ и Петерса⁵⁴ вопрос о моей судьбе был решен иначе, именно должен был остаться в распоряжении Сокольников. Через несколько дней тов. Фрунзе уехал и вечером в тот же день я был арестован, отправлен в Москву, где просидел в Бутырках полтора года, после чего пост[ановлением] коллегии был приговорен к 2 годам концлагеря в г. Архангельск. По отбытии наказания в ноябре 1922 г. я приехал в Москву, где жил безвыездно до ареста. Работал в радиолaborатории Шаурова и в Моск[овской] радиопроизводственной артели до конца 1927 г. С 1928 г. даю уроки по разным предметам. Моих бывших товарищей по академии я знаю всех, но знакомство поддерживаю только с тов. Новицким — б[ывшим] генералом, ныне — зав[едующим] учебной частью Воздушной академии.

Записано с моих слов верно и мне прочитано. Муханов.

Допросил Левитский⁵⁵

ЦА ФСБ. Д. Р-42311. Л. 17-21. Подлинник. Чернила. Л. 13-15. Незаверенная машинописная копия.

3. Из протокола допроса Д.М. Милеева. 17 декабря 1930 г.

По существу дела показал:

Осенью 1919 года Муханов (быв[ший] генерал Генерального штаба) вместе с Ильницким (быв. присяжный поверенный) и Покровским (тоже присяжн[ый] повер[енный]) скрылись из г. Скобелева. Ильницкий и Покровский где-то пропали, Муханов с некоторыми быв[шими] офицерами, которые тоже ушли к Мадамин-беку играл видную роль в басмаческом движении. У Мадамин-бека были: адъютантом б[ывший] офицер Никольский (из Скобелева), действовавший под кличкой «Белкин»; Мастерков — б[ывший] полковник⁵⁶, Спегов Владимир,

⁵³ Сокольников Григорий Яковлевич (03.08.1888–21.05.1939) — советский государственный деятель. Председатель Туркестанского бюро ЦК РКП(б). Командующий Туркестанским фронтом (1920–1921 гг.).

⁵⁴ Петерс Яков Христофорович (21.11.1886–25.04.1938) — один из создателей и руководителей ВЧК. Член Туркестанского бюро ЦК РКП(б). Полномочный представитель ВЧК в Туркестане и председатель Ташкентской ЧК (с 1920 г.).

⁵⁵ В машинописной копии приписка чернилами: «Муханов окончил академию Генштаба в 1903 г. Владеет англ[ийским], фр[анцузским] и нем[ецким] языками». Левитский А.М. — уполномоченный 2-го отдела Особого отдела ОГПУ.

⁵⁶ Мастерков Филипп Семенович (08.10.1865–?) — полковник. Служил в туркестанских стрелковых частях. Участник Гражданской войны и басмаческого движения.

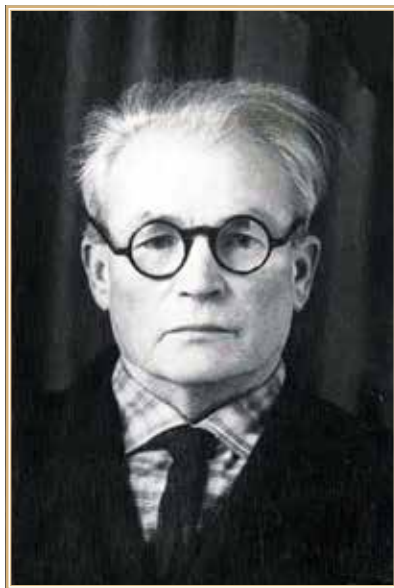

Ф.С. Мастерков. 1910 г.

быв[ший] офицер, под кличкой «Мулла Темир»; Фирсов⁵⁷, Мозгунов и др. Монстров, Тимофеевы братья, Купленников⁵⁸ и Кучуков были в «Крестьянской армии». Мадамин-бек сговорился с руководителями т[ак] наз[ываемой] «Крестьянской армии», причем одно из совещаний происходило в пос. Благовещенском (об этом знает Дебердиев Апанды, случайно присутствовавший там[]). Роли в этом Муханова я не знаю. Организовано было наступление соединенных банд Мадамин-бека и «Крестьянской армии» на гор[од] Ош, а затем на Андижан. После бегства из-под Андижана Муханов обосновался в Иркештаме, там же были: Монстров, Тимофеев, Мастерков, Фирсов, Кучуков и быв[ший] золотоискатель на Алтае, фамилии которого сейчас не помню (быв[ший] гвардейский офицер). В Иркештаме образовалось так называемое «Временное правительство Ферганы», в которое вошли: Мадамин-бек (он же команд[ующий] войсками), Муханов, Монстров. Мадамин-бек находился со своей бандой в своей «ставке» в м. Каратере (под Наманганом), Кучуков организовал так называемый «Кара-киргизский кон-

⁵⁷ Возможно, Фирсов Николай Петрович — капитан. Служил в туркестанских стрелковых частях.

⁵⁸ Купленников Петр Константинович (01.01.1891–?) — сын офицера, капитан. Служил в туркестанских стрелковых частях. Участник Гражданской войны и басмаческого движения. Служил в Крестьянской армии. Сдался в плен красным. В 1930 г. проживал в Фергане, работал строительным десятником маслозавода № 10. Женат, трое детей.

Д.М. Милеев

ный полк» и сидел в укр[еплении] Гульча; Муханов, Мастерков, Фирсов и указ[анный] выше быв[ший] золотоискатель находились в Иркештаме, откуда имели возможность держать связь с Кашгаром. Кто-то из этой кампании ездил в Кашгар, теперь уже этого не помню, и, мне помнится, вся семья Муханова находилась некоторое время в Кашгаре (его жена, дочь и сын; последнего звали Жоржиком и, как я впоследствии слышал, этот Жоржик был расстрелян где-то в Сибири, где находился, кажется, у Колчака).

Связь у Муханова с английским консулом в Кашгаре несомненно была, об этом ходили разговоры, но в чем выразилась эта связь — не знаю. Слышал, что были разговоры о пропуске белогвардейско-русских частей в Кашгар, но китайские власти запротестовали, после этого быв[ший] «Памирский отряд» под командой Плотникова⁵⁹ ушел к Мадамин-беку.

В период нахождения Муханова в Иркештаме там были Мастерков и Фирсов, и если их найти — они могут показать о существовавшей связи и вообще о работе этого «Временного правительства Ферганы». Кроме того, об этом должен знать указ[анный] быв[ший] золотоискатель, фамилию которого я забыл. В Гульче проживает гр[ажданин] Купцов, который может быть что-либо знает еще об этом. Кроме того, у Мадамин-бека

⁵⁹ Плотников В.И.(?) (?–1919) — бывший штабс-капитан. Командир Памирского отряда. Перешел на сторону басмачей. Убит на свадьбе в кишлаке Балыкчи — ставке курбаши Байтумана-ходжи.

был особо доверенным лицом его личный советник, быв[ший] присяжный поверенный Ненсберг, который должен знать детали белогвардейских замыслов этой кампании.

Вот припомнил фамилию этого золотоискателя, о котором упоминал выше — Козел-Поклевский. Где сейчас находятся все эти лица, не знаю. О Монстрове я слышал, что он лет 6–7 назад приезжал в Узген или в Джалал-Абад. Ненсберг имел дом в Скобелеве, а Муханов — участок земли около ст. Кувасай.

Д. Милеев⁶⁰

Допросил уп[олномоченный] ГПУ по Базар-Курганскому р[айону] Филонец

ЦА ФСБ. Д. Р-42311. Л. 32-32об. Подлинник. Чернила.

4. Из протокола допроса П.М. Аксакова. 2 декабря 1930 г.

По существу дела показал:

Знаю Муханова с весны 1919 года по случаю несения совместной службы по окарауливанию заразного барака с арестованными басмачами в г. Фергане. Знал я его как обыкновенного рядового караульного, но потом от техника Колосарева (имени не помню), я узнал, что тот Муханов бывший греческий посланник⁶¹. Когда я был в 1920 г. в марте месяце, я встретил Муханова в Фергане в рядах сдавшихся белых с отрядом Мадамин-бека. В 1923 г. в Москве на выставке я узнал, что Муханов сидит в Обдорской тюрьме⁶² и на днях должен быть выпущен.

⁶⁰ Милеев Дмитрий Михайлович (28.06.1896–07.11.1966) — сын ветеринарного врача, уроженец города Скобелев. Окончил три курса юридического факультета Петроградского университета. Работал в редакциях газет «Знамя труда» и «Щит народа». Следователь Ошского уезда. Председатель ЧК в Оше. Участник басмаческого движения (с сентября 1919 г. по январь 1920 г.). Служил в Киргизском полку, командовал взводом. Затем перешел на службу в РККА (с февраля 1920 г. по 1923 г.), командовал эскадромом. Делопроизводитель управления начальника бронечастей Туркестанского фронта (с 1922 г.). Работал на Аулие-Атинском государственном конном заводе. Юрисконсульт окрисполкома Джелал-Абада. На 1930 г. — народный следователь Базар-Курганского района. Участник борьбы с басмачеством в 1933–1934 гг. Работал художником в музеях Андижана и Ташкента. Член Союза художников СССР (с 1942 г.). Умер в Ташкенте. Похоронен на Боткинском кладбище.

⁶¹ На самом деле российский военный агент в Греции.

⁶² На самом деле — в Бутырской.

Когда я был в Кампараваре, я слышал, что Муханов с отрядом Мадамин-бека оперировал в районе Ирису — Узген — Гульча. Здесь они снимали исполкомы, увозили с собой, а других подробностей не знаю. Знаю, что Муханов, Монстров — н[ачальник] штаба Крестьян[ской] армии, Ненслер⁶³ — судья, Козел-Паклевский⁶⁴ — упол[номоченный] штаба Крест[ьянской] армии работали совместно. Мне известно, что Муханов принимал участие в захвате гор[ода] Оша и в наступлении на Андижан. Где проживал Муханов с 1923 г., я не знаю, даже не приходилось слышать, где он прожил до сего дня. Приходилось слышать от участника поездки (Ф.Н.), что Муханов, Козел-Паклевский и еще каких-то двое ездили для переговоров в Кашгар к англо-консулу для обеспечения себе места жительства, англо-консул сказал им, что отступающим белым армиям место жительства им не будет предоставлено, т. к. вместе с белыми могут вступить и Красная армия. Свидетелями по этому вопросу могут быть крестьяне села Покровского Пилюгины Иван и Илья. Больше показать ничего не могу. Показание мне прочитано и с моих слов записано верно. П. Аксаков⁶⁵.

Опрос производил Л. Мирон

ЦА ФСБ. Д. Р-42311. Л. 34-34об. Подлинник. Чернила.

5. Протокол допроса А. Каличибекова. 28 ноября 1930 г.

Протокол допроса свидетеля.

1930 года ноября 28 дня я, упол[номоченный] ЮКОС⁶⁶ по Алай-Гульчинскому району допросил с соблюдением 162-168 [?] ст.[?] УПК в качестве свидетеля гр[ажданина] Азизбек Каличибекова, какой, будучи предупрежден об ответственности за дачу ложного показания, по существу дела показал:

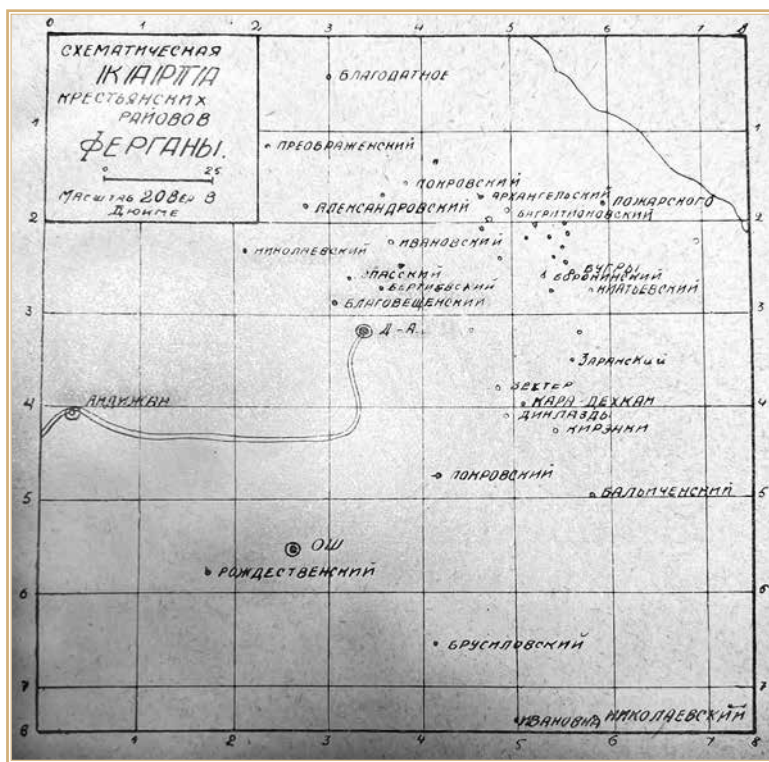
Каличибеков Азизбек, 49 лет, киргиз рода «Баргы», неграмотный, б[ес]партийный, по соц. полож[ению] с[е]редняк, занимается дехканством, имеет пасека на бочаре [?] 2 десятины, 20 баранов и крупного скота 20 голов, проживает в кишлаке Согат Будалыгского [?] с[ельского] с[овета], не судим, рев. заслуги — в 1919 годах боролся против банд, шаек Мадамин-бека, Хан Хаджи и др. Не судим.

⁶³ Видимо, Ненсберг.

⁶⁴ Правильно — Поклевский-Козел.

⁶⁵ Аксаков Пантелеймон Михайлович (1884–?) — из крестьян Тверской губернии. Служащий Гидрометеорологического отдела до 1917 г. Пчеловод. Женат.

⁶⁶ Южно-Киргизского оперсектора.

Крестьянские районы Ферганы. Схема из книги П. Алексеенкова «Крестьянское восстание в Фергане». Ташкент, 1927 г.

По существу дела показал: Точно не помню, кажется, в 1919 или 1920 году в Гульчу прибыл Мадамин-бек с 550 джигитами. С ним также прибыли русские Муханов и Монстров, последние числились у Мадамин-бека большими людьми. Среди населения ходили слухи о том, что руководителями этой армии и Мадамин-бека являются они. В Гульче они прожили приблизительно дней 15, после этого они снялись и с Мадамин-беком направились в Кара-Текин.

Банда, находясь в Гульче, главным образом занималась грабежами. Муханов и Монстров имели своих джигитов русских — 73 человека. О связях Муханова с границей мне ничего не известно.

Возможно о нем даст более подробные сведения мои братья Кадыр-бек и Дунамищбек.

Больше показать ничего не могу. Протокол записан с моих слов верно, мне прочитан и переведен, в чем и расписуюсь.

Допросил: [нерзборчиво]

Добавляю:

Упустил из виду с Мадамин-беком, Мухановым прибыл некто Кучков, каковой также числился большим человеком, также был одним из

руководителей. После ухода Мадамин-бека и остальных, Кучуков был оставлен в Гульче приблизительно с 200 джигитами и правил всеми делами, занимаясь грабежами и убийствами. Слышал, что Кучуков где-то находится в Коканде, работает в Госколхозоводстве [?].

ЦА ФСБ. Д. Р-42311. Л. 35-35об. Подлинник. Чернила.

6. Протокол допроса Т. Саитова. 29 ноября 1930 г.

Протокол допроса

1930 г. ноября 29 дня я, упол[номоченный] ЮКОС⁶⁷ ОГПУ Булатов, допросил в качестве свидетеля гр[аждани]на Саитова Топчибека, какой на первоначальные вопросы показал

Саитов Топчибек, киргиз, рода Сивай, 45 лет, неграмотный, может расписаться, б[ес]партийный, происходит из к[ишлака] Каран-Шура Каплан-Кольского с[ельского] совета, занимаюсь дехканством, имею 6 лошадей, 10 коз, 1 корова, земли 3 десятины помимо с[ельского] хоз[яйст]ва, работаю на почте по доставке корреспонденции из Оша до Иркештама, не судим, будучи предупрежден об ответственности по существу дела показал:

Муханов А.В. у нас в Гульче был точно не помню, но, кажется, [в 19]20-21 годах. Он приехал сюда с Мадамин-беком при около 500 джигитов. Муханов был руководителем этой армии. Всякие расстрелы производились по его решению. Например, по его приказанию был расстрелян Избасар Халфа — житель к[ишлака] Кара-Кинского с[ель]с[овета] Гульчинского района и еще 2 родственника, кои отказались быть в рядах Мадамин-бека. Кроме того, был расстрелян еще один житель из Карасу, коего привели джигиты Мадамин-бека. Его обвинил Муханов в шпионаже в пользу красных. Таких случаев расстрела было очень много. В общем Муханов числился у Мадамин-бека очень большим человеком. Его связи с Китаем и др[угими] государствами мне неизвестны.

Больше показать ничего не могу, протокол записан с моих слов верно, мне прочитан, переведен, в правильности расписуюсь.

Допросил Булатов

ЦА ФСБ. Д. Р-42311. Л. 36-36об. Подлинник. Чернила.

⁶⁷ Южно-Киргизского оперсектора.

7. Из протокола допроса К.Е. Купцова. 29 ноября 1930 г.

По существу дела показал:

В 1918 году я исполнял должность надсмотрщика телеграфа при телеграфной к[онто]ре Гульча Ошского округа, в начале 1919 г., во время наступления в апреле месяце банды басмачей курбаши Ахунджана⁶⁸ на Гульчу с намерением разоружить команду красноармейцев, прибывших с Восточного Памира для сопровождения комиссара тов. Гостева, следовавшего из Ташкента на Памиры, по распоряжению тов. Гостева команде красноармейцев было дано приказание ждать его в Гульче до особого распоряжения, которая, исполнив приказ своего начальника, осталась ждать в Гульче, узнав об этом, шайка курбаши Ахунджана, которая в то время грабила население в Ошском и Андижанском уездах, в апреле месяце сделала налет на Гульчу и хотела разоружить команду красноармейцев, но благодаря опытности начальника команды, который сумел вовремя собрать в[о]круг себя служащих того времени сел[ения] Гульчи, где я принимал активное участие и был назначен помощником начальника обороны по отбитию шайки бандитов, которая осаждала Гульчу три дня и требовала сдачи крепости, оружия и имущества; это событие может подтвердить гражд[анин], живущий в гор[оде] Оше — бывш[ий] военнопленный австрийской армии тов. Яшен (который в то время служил красноармейцем в вышеназванной команде); выдержав нападение бандитов, нам нужно во что бы то ни стало установить связь с гор[одом] Ош и донести о нашем положении, что лично мною при помощи трех красноармейцев и Кадырбека Камчибекова была установлена связь с Ошем, откуда была дана нам помощь и также для преследования шайки Ахунджана, которая впоследствии потерпела поражение от Ошского отряда и высланного из Гульчи в тыл шайки, в местности Лянгар был дан бой, где шайка потеряла 10 человек убитыми и оставила часть награбленного имущества в сел[ении] Гульча. После этой операции было приказано военным комиссаром города Ош тов. Холодовым эвакуироваться из Гульчи, как учреждениям, также и служащим оных под прикрытием высланного из гор. Оша для этой цели отряда и команды тов. Гостева. Как помню, 12 апреля 1919 г. мы покинули сел[ение] Гульчу, эвакуирова-

⁶⁸ Нурматов Ахунджан (?–15.12.1920) — курбаши, один из лидеров басмаческого движения. Одним из первых лидеров басмачей перешел на сторону красных (21.06.1919). Участвовал в обороне Андижана от войск Мадамин-бека. Командир 1-го тюркского полка, позднее — Узбекского кавалерийского полка. Погиб в бою в районе Андижана.

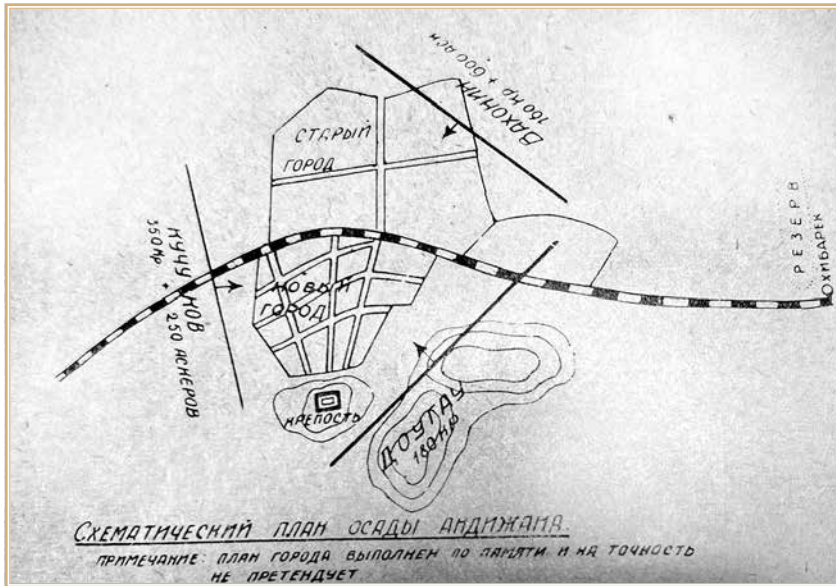

Схема осады Андижана. 1919 г. Из книги П. Алексеенкова «Крестьянское восстание в Фергане». Ташкент, 1927 г.

лись в гор[од] Ош, где я и был прикомандирован временно к п[очтово] телеграфной к[онто]ре [г.] Ош до особого распоряжения.

В июле месяце 1919 г. по распоряжению Турк[естанского] Наркомпочтеля⁶⁹ я был назначен опять в Гульчу надсмотрщиком телеграфа и восстановления связи на участке Ош — Гульча — Ак-Босага и Иркештам; в это время был сформирован Памирский отряд для занятия постов на участке Гульча, пост Хорог, с которым я и выехал для восстановления связи, прибыл в Гульчу в конце июля, где за время отсутствия власти все здания, как почты, также и воинских, были в хаотическом положении — имущество, оставленное во время эвакуации, было разграблено, здания частично приведены в негодность, но благодаря энергичности начальства, было приступлено к благоустройству, для ремонта почты был специально выслан из Ташкента техник, также для постройки телеграфной линии от Ак-Босага до поста Памирского механик Пономарев Степан Исидорович, к сентябрю мес[яцу] был вышеназванный участок в полном смысле благоустроен и оставалось только пожелать наилучшего в дальнейшем, но в связи увеличения⁷⁰ в то время басмачей по всей бывшей Ферганской области, для чего была сформирована Крестьянская армия и командовал некто Монстров, штаб армии находился в гор[оде] Джалаяль-Абаде, впослед-

⁶⁹ Народного комиссариата почт и телеграфов.

⁷⁰ Так в документе.

ствии, как выяснилось после, Монстров изменил сов[етской] власти, сделал заговор с курбашами Мадамин-беком, Хал Ходжой и прочими басмачами этого времени, баями — кулаками, помещиками и всей сволочью, ненавидящей⁷¹ сов[етскую] власть, повел наступление на гор[од] Ош, который и был занят бандитами, где была установлена власть Монстрова; в период наступления Монстрова на гор[од] Ош между Ошем и Гульчей было бандитами устроено повреждение телеграфной линии, для чего со стороны гульчинского гарнизона была послана команда, чтобы устранить повреждения и установить связь, но последней не удалось, так как засада басмачей в местности Мады нашу команду обстреляла, ввиду чего последней в этом момент не удалось установить действие, в это время уже Ош был занят Монстровым и кампанией, через три дня по телефону явился Ош сам, действие также восстановлено последними, на запрос нач[альника] гарнизона Гульчи, в чем заключалось повреждение, Ош ответил, что Монстров совместно с басмачами, наступая на Ош, в трех верстах в сторону Гульчи разорил телеграфную линию, ввиду чего и было повреждение. В этот же день, как я помню, вызвали к телефону нач[альника] гарнизона Гульчи и после переговоров последнего с Ош, я узнал, что Ош занят монстровцами и что в Оше власть другая, то есть не советская, а монстровская, когда узнав об этом, весь гарнизон Гульчи, были заявлены протесты против действия Монстрова, но вскоре было дано распоряжение в Гульчу начгару⁷², чтобы распустить весь гарнизон, кроме тех, кто лишь остается на стороне Монстрова, ввиду чего в гарнизоне пошло недовольствие на действия ошской власти, спустя 20–25 дней ошская авантюра была красными войсками разбита, и Монстров со своими лакеями стал отступать на Гульчу и Иркештам и частью на Памиры. Отступая из Оша, как после выяснилось, бандой Монстрова был ограблен банк и захвачены все ценности последнего, также на телеграфе в Оше был разбит аппарат Морзе и телефон, действие телеграфа с Ошем было прервано, через день — два дня стали появляться в Гульче отступающие из банды Монстрова, и вскоре появился и сам Монстров со своим штабом в Гульчу, во главе которого был генерал Муханов, полковник Тимофеев⁷³, капитан Фирсов, капитан Куп-

⁷¹ В документе — ненавидящих.

⁷² Начальнику гарнизона.

⁷³ Тимофеев Владимир Николаевич (15.10.1885–15.12.1937) — полковник. Служил в туркестанских стрелковых частях. Примкнул к басмачам Мадамин-бека. Командовал отрядом, направленным на Памир. Отряд прибыл в крепость Хорог в конце декабря 1919 г. Командир Памирского отряда. Ушел в Индию (в апреле 1920 г.). В Индии работал тапером. В 1925 г. вернулся в Ташкент. Арестован. Расстрелян.

лен[н]иков, штабс-капитан Хорев и много других, фамилии не пришлось узнать, также совместно с этой авантюрой прибыли и часть куршабских крестьян и ошских жителей, из которых были, как помню фамилии — Бажанов и много других крестьян из Джалал-Абадского района, фамилии не знаю, из гор[ода] Оша — Орлов с семейством, т.е. сын, жена и сам, Приходько Борис и три брата Ситняковских и другие, фамилий которых не знаю. По прибытии в Гульчу Монстров издал приказ об эвакуации всего казенного имущества, находящегося в Гульче, вплоть до казарменных окон, также было приказано эвакуироваться и европейским жителям, находящимся в это время в сед[ении] Гульча — Исаков Тимофей Макеевич (лесообъездчик), Ящ Людовик Михайлович (лесообъездчик), Корнев Иван Васильевич — демобилизованный фронтовик, в том числе и мне, но мы в числе перечисленных выше семейств категорически следовать за ними отказались и потребовали пропуск на выезд в г. Ош, который с трудом, но все же был выдан для выезда в гор[од] Ош, но в связи [с] занятием⁷⁴ дорог басмачами в сторону Оша выехать не удалось, пришлось остаться на произвол судьбы в Гульче, вскоре после эвакуации монстровцев [в] Иркештам прибыла в Гульчу рабочая колонна, строящая телеграфную линию от Ак-Босаги до поста Памирского в лице строителя-механика Пономарева, который рассказал об ужасах, нанесенных на производителя работ, также и рабочих со стороны банды Монстрова, которые, забрав все ценности, материалы и прочее, угрожая расстрелом за неподчинение, т. е. следование за ними. Ввиду невозможности пробраться до Оша, механик Пономарев и два рабочих-австрийца остались в Гульче вместе с нами до возможного проезда в г. Ош. Забравшись в Иркештам монстровцы и кампания организовали там Временное правительство Ферганы при помощи английского и русского консула, во главе правительства, как было слышно — Муханов был военным министром, Монстров — министр внутренних дел, Козело-Паклевский⁷⁵ — министр финансов, Мадамин-бек — командующий бандой; этому правительству, как было слышно, английский консул обещал оказать всяческую помощь, как денежную, также и материальную, после чего названное правительство начало производить принудительный набор среди киргизского населения в Иркештаме, Ак-Босарге, Уч-Тюбе, Суфи-Кургане, Кизил-Кургане мобилизации для создания армии бандитов, набрав около сотни киргиз, стали обучать военному делу, то есть грабя мирное население, отбирая лошадей, одежду и продукты

⁷⁴ В документе — занятия.

⁷⁵ Правильно — Поклевский-Козел.

Курширмат

питания, среди населения пошло недовольствие, в особенности бедняцкого, с организацией правительства был запрещен всем выезд, как европейцам, также и местному населению в г. Ош под страхом расстрела, были случаи не пожелавшие красноармейцы присоединиться к монстровской авантюре, бежали в сторону Оша, на дороге были казнены бандитами. Находящееся имущество в Иркештаме, как таможенное, также военное и п[очтово]-телеграфное было правительством банды продано китайцам вплоть до телеграфного сооружения, выкапывали рельсовые столбы и вывозили в Кашгар. В начале февраля 1920 г. со стороны наших красных войск началось наступление на Монстрова и кампанию, живя в это время в помещении почтового здания, я с семейством, Пономарев — механик, строящий Памирскую линию и два рабочих-австрийца; однажды был услышан вызов фонического телефона со стороны Оша, так как уходя монстровцы из Гүльчи каким-то образом не сняли в Гүльче индукторный телефон, который остался на стене, трубка этого телефона была снята с крючка, ввиду чего и послышался вызов с линии телефона, в это время механик Пономарев стал слушать, хотя слышимость была плохая, но все же было возможно кое-что услышать, оказалось, что наши красные части в этот момент были в Лянгаре, тут же я совместно с механиком Пономаревым стали информировать наши передовые части о положении как самой Гүльчи, также и банды, которая в этот момент, услыша наступление, стала группироваться [в] Кизил-Кургане и в районе Гүльчи. Ночью нам удалось передать нашему передовому отряду, что басмачи

расположились частью на перевале Шильбели по дороге Гульча — Капланкуль, частью на перевале Чигирчик и посел[ение] Талдык, благодаря нашему умелому и своевременному сообщению об бандитах и их намерениях, наш отряд, наступавший по дороге Лянгар — Капланкуль, разбил басмачей на голову, в Капланкуле было потеряно со стороны банды сто с лишним человек, на перевале Чигирчик и в Катта-Талдыке был разбит на голову Курширмат⁷⁶, отступая, бандиты в сторону Гульчи, узнали, что остался телефон на почте в Гульче и заподозрили, что мы дали знать нашему отряду о численности и намерении банды, искали нас, т.е. меня, Пономарева и двух австрийцев для расстрела, но, благодаря тому лишь, что мы вовремя спрятались в кучу навоза и лишь ночью опять нам удалось связаться с нашим передовым отрядом, который в то время уже был в Талдыке, и нам удалось переговорить с комбригом тов. Парамоновым, последний сказал нам спрятаться с телефоном и тут же выслав в Гульчу отряд, который прибыл [в] 3 ч[аса] ночи и после утром штаб бригады и через некоторое время прибыл начдив тов. Веревкин-Рахальский, который предложил отступившим бандитам в[о] главе с генералом Мухановым сдаться. Через несколько дней мухановцы и кампания прибыли в Гульчу из Иркештама в штаб бригады, который находился в здании почты, после чего сдавшихся направили в гор[од] Ош.

Протокол составлен мною собственноручно, в чем и подписуюсь
К. Кушцов⁷⁷

ЦА ФСБ. Д. Р-42311. Л. 37об.-40об. Подлинник. Карандаш.
Л. 41-47. Заверенная машинописная копия.

8. Протокол допроса Д. Карабекова. 30 ноября 1930 г.

Протокол допроса

Гор[од] Ташкент, 1930 года, ноября месяца «30» дня, я, уполномоченный 8 от[дела?] ОО САВО⁷⁸ и ПП ОГПУ в С/А⁷⁹ Муртазин с соблю-

⁷⁶ Шири Мухаммед-бек Гази (Курширмат) (1893–10.03.1970) — один из лидеров басмаческого движения.

⁷⁷ Кушцов Карп Евсеевич (1887–?) — из крестьян Горецкого уезда Могилевской губернии. Образование домашнее. До революции — почтовый служащий. Надсмотрщик телеграфа в укреплении Гульча (1918–1919 гг.). Был судим, осужден на полгода принудительных работ, срок отбыл. На 1930 г. — заведующий складом и приемщик в Гульчинском отделении Госторга. Семья проживала в городе Ош.

⁷⁸ Особого отдела Среднеазиатского военного округа.

⁷⁹ Полномочного представительства ОГПУ в Средней Азии.

Переговоры с басмачами в Фергане. 1921 г.

дением ст. ст. УК Уз[бекской ССР] допрашивал в качестве свидетеля гр[ажданина] Джамшидбека Карабекова, который на первоначально предложенные вопросы показал:

Я, Карабеков Джамшидбек, 54 года, киргиз, уроженец к[ишлака] Гульча, того же р[айо]на, грамотный по-мусульмански, по-русски низшее [образование], женат, семья в 8 душ, род занятия служащий, постоянное место жительства ст. Урсатъевское. Не судился.

Записано с моих слов верно, записанное мне прочитано.

Д. Карабеков

Карабеков по существу дела показал следующее:

В [19]19/20 году Мадамин-бек, соединившись с джалал-абадскими и куршабскими крестьянами, во главе восставшихся⁸⁰ был председателем крестьянин Монстров (житель г[орода] Д[желал]-Абада) сделал нападение на г. Ош. Во время взятия г. Оша с восставшими был вместе и Муханов, восставшие в г. Оше пробыли 12 дней и намеревались взять Андижан. При налете на Андижан восставшие были разгромлены частями Красной армии, после этого Муханов с несколькими своими единомышленниками бежал в Иркештам. После прихода в Гульчу отряда красных и переговоров по телефону с Мухановым, находящимся в Иркештаме, Муханов согласился сдаться и пришел в Гульчу. Через год после этого гр[ажданина] Муханова я встретил

⁸⁰ Так в документе.

в г. Фергане при штабе Фер[ганской] группы, но не знаю, на какой должности он работал.

Подробности о басм[аческой] деятельности Муханова хорошо знает Классовский Николай, ныне сотрудник Кокандского оперсектора ОГПУ⁸¹.

Больше показать ничего не могу. Записано с моих слов верно, записанное мне прочитано.

Д. Карабеков

Допросил: Муртазин

ЦА ФСБ. Д. Р-42311. Л. 48-48об. Подлинник. Чернила. Л. 49. Заверенная машинописная копия.

9. Из протокола допроса Н.Г. Михайльченко. 18 ноября 1930 г.

Главным командующим с начала организации крестьянской повстанческой армии был Монстров, Мадамин-бек и третьим министром по военному делу был генерал Муханов, которые с самого начала организации до самого поражения крестьянской армии руководили. Наступление на Ош, подготовка наступления на Андижан была со стороны указанного выше штаба.

Мадамин-бек, Монстров и Муханов во время подготовки наступления на Андижан перед этим приблизительно в сентябре м[есяц]е [19]19 г. принимали бой с командующим Ферганского фронта т. Сафоновым, которым первоначально пришлось отступить ввиду отсутствия боеприпасов и снарядов.

Сначала Крестьянская армия была сильна, количество их доходило до 12 тысяч человек. Это все руководил Мадамин-бек, Монстров и Муханов и другие, которые сдались в последнем благодаря нажиму со стороны красных. Больше ничего показать не могу, показание мое мне прочитано. Н. Михайльченко⁸².

18/XI-[19]30 г. Допросил Умаров

ЦА ФСБ. Д. Р-42311. Л. 50об.-. Подлинник. Чернила.

⁸¹ Классовский Николай Владимирович (1892-?) — сотрудник органов ОГПУ-НКВД Ферганской области.

⁸² Михайльченко Никифор Герасимович (1883-?) — из крестьян Каневского уезда Киевской губернии. Красный партизан. Служил в РККА (до 1922 г.). Женат, трое детей.

10. Из сообщения № 4/325 Андижанского городского отдела ОГПУ в Ферганский оперсектор ОГПУ (город Коканд) с копией в Ошский оперсектор ОГПУ (город Ош). 23 декабря 1930 г.

Генерал-майор Муханов нам известен, он совместно с известным руководителем крестьянской армии Монстровым сорганизовал к[онтр]р[еволюционное] выступление в 1919 г. в б[ывшем] Ошском округе, и он лично руководил Памирским отрядом, состоящим исключительно из быв[шего] офицерства и кадетов, целиком который перешел на сторону восставших, и силами крестьянской армии и указанного Памирского отряда ими был взят гор[од] Ош, затем они повели наступление на Андижан.

После разгрома монстровской армии и басмачества под Андижаном, он, Муханов, бежал в горы, а затем в 1920 г. сдался частям Красной армии. После сдачи он, Муханов, работал как военспец во 2-й дивизии [в] г. Фергане, последственных данных о его работе у нас нет.

Подробная деятельность Муханова должна быть известна Ошскому оперсектору ОГПУ, т.к. Муханов начало и конец своей к[онтр]р[еволюционной] деятельности проводил в районах обслуживания Ошского оперсектора ОГПУ

И, кроме того, данные о нем можно получить из архивных материалов О[собого] о[тдела] 2-й дивизии, который в тот период его разрабатывал, а равно может подтвердить быв[ший] адъютант одного из монстровских полков Каравайцев Иван Петрович, ныне находящийся в г. Ташкенте на службе в Хлоп[ковой] организации Ташкента или его р[айо]на, которому он достаточно был известен.

Зам. нач. АГРО⁸³ ОГПУ *Вишневский*

Упол[номоченный] О[собого] о[тдела] *Сагадеев*

ЦА ФСБ. Д, Р-42311. Л. 51-51 об. Подлинник. Машинопись.

11. Из протокола допроса М.М. Арсеньева. 29 ноября 1930 г.

Муханова генерал-майора я знал как полковника. Приблизительно в 1918 или [19]17 году, точно не помню, но знаю, что это было еще при старой армии, Муханов приехал в город Фергану (быв[ший] Скобелев), будучи назначен начальником штаба войск Ферганской области, откуда

⁸³ Видимо, Андижанский городской отдел.

он приехал, я не знаю, вместе с ним приехала жена и, кажется, 2 детей. Муханов в должности нач[альника] штаба пробыл недолго, не более года, и что он делал короткий период после расформирования царской армии и организации Красной, мне неизвестно, точно припоминаю, что вскоре он очутился в армии Мадамин-бека, где занимал какую-то командную должность. Вместе с Мадамин-беком брали Ош и наступали на Андижан, роль его в шайке Мадамин-бека мне неизвестна. Как он перешел на сторону сов[етской] вл[асти], об этом я не слышал, но хорошо помню, что он был арестован [и] осужден на два года, и где он живет после отбытия наказания, неизвестно. Муханов, о котором я говорю, военным атташе в Афинах не был, там был другой Муханов (возможно, брат), о котором я слышал по газетам и который позже был военным агентом в Китае. О положении, которое занимал Муханов в бандах

Мадамин-бека знает хорошо Куплен[н]иков, служащий на заводе № 10, который в момент действия Мадамин-бека проживал в Джал[ал]-Абаде и, кажется, имел какое-то отношение к Мадамин-беку. Куплен[н]иков — капитан царской армии и по наслышкам служил в Крестьянской армии по мобилизации. Больше добавить ничего не могу, протокол мне прочитан, фиксирован правильно, в чем и распишусь.

М. Арсеньев⁸⁴

Допросил Бабин [?]

ЦА ФСБ. Д. Р-42311. Л. 52об.-53. Подлинник. Чернила.

12. Из протокола допроса П.К. Купленникова. 20 ноября 1930 г.

Я родился в гор[оде] Фергане в семье подполковника, моего отца, убитого в Японскую войну⁸⁵. Жил я на иждивении матери, получавшей⁸⁶ пенсию, получаемую за отца. В 1900 г. я поступил в Ташкентский кадетский корпус, окончил его в 1910 году, и был отправлен в Московское военное училище, которое окончил в 1912 году.

⁸⁴ Арсеньев Михаил Михайлович (18.06.1856–?) — из Орска Оренбургской губернии. Служил в туркестанских стрелковых частях. Бывший полковник. На 1930 г. — безработный.

⁸⁵ Купленников Константин Николаевич (28.03/03.04.1853–10.02.1905) — подполковник 4-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Ранен в руку и живот навывлет 12.01.1905. Умер от ран в Харбине. Подробнее см.: Офицеры русской армии, погибшие в войне с Японией 1904–1905 гг. Биографический справочник. Сост.: Д.К. Николаев, О.В. Чистяков, М.В. Абашина, Н.Г. Захарова, С.А. Харитонов. М., 2018. С. 334.

⁸⁶ В документе несогласованно — получающую.

До войны [19]15 года я служил в п. Кушка [в]зводным командиром отряда, перевелся в г. Фергану в 7-й Турк[естанский] полк. С этим полком я попал на фронт в Восточную Пру[с]сию, где пробыл месяцев 7 и вышел инвалидом. Выйдя из строевых частей, месяцев 8 служил в тыловой ополченской дружине, откуда ушел в бессрочный отпуск, прибыв на жительство в г. Фергану. В Фергане занялся садоводством и пчеловодством до [19]19 года. В [19]18 году осенью я поехал в горы в Джал[ал-]Абадский район, где у меня строилась пасека еще с [19]16 года и которую я продолжал строить. Зимой в конце [19]18 года началось движение басмачей, и я, как офицер, был мобилизован Ревкомом для отражения нападения банд на Джала[л]-Абад и окружающие поселения. Будучи мобилизован, я вскоре заболел и был отправлен в госпиталь в гор[од] Фергану. К весне [19]19 г. я поправился и, выйдя с госпиталя, я с женой и шурином Посновым Д.М. уехали на пасеку крутые горки в Джала[ла]бадский район. Проработал я на пасеках приблизительно до сентября м[еся]ца [19]19 года. К этому времени образовалась повстанческая крестьянская армия, которая имела фронт против красных с главным штабом в Джал[ал]-Абаде. Крестьяне знали, что я бывший офицер, поэтому я был вызван в Джал[ал]-Абад и забран в повстанческую армию. Главнокомандующий Монстров и нач[альник] штаба Муханов были в то время на фронте и в Джал[ал]-Абаде оставался в штабе Десятчиков — штаб[с]-капитан, который оставил меня в штабе как инвалида. Помню, что при штабе я находился несколько дней, за это время части крестьянской армии на фронте были разбиты, и мы бросились отступать. Я вместе с крестьянами отступили на Гультчу, с нами отступил Памирский отряд, перешедший на сторону кр[естья]н с пулеметами, а с этим отрядом Монстров и Муханов, которые были всегда вместе и находились при самых надежных частях. Остатки крестьянской армии были сформированы в полк, которым принял команду капитан Кучуков, и в этот полк я был назначен командиром сотни, в какой должности пробыл м[еся]ца три. В моей сотне были всего 4 русских, остальные — киргизы. С этой сотней мы были брошены на перевал Точба-Кара-бель для защиты этого перевала от Куршаба. В это время разнесся слух, что Кучуков, снял с полковых пулеметов русских и заменил киргизами, и что Мадамин-бек вырезал группу русских памирцев. Это дало повод к подозрению, что нас они могут побить. Поэтому задумали здатся (так в документе. — А.Г.), с этой целью мы наладили связь с Куршабским ревкомом, который обещал нам, русским, помочь обезоружить сотню.

С этой целью я с сотней спустился в кишлак недалеко от Куршаба, на время отпустил своих бойцов киргиз по домам, оставив винтовки в одной

сакле, в это время подошел отряд красных, взяв всю сотню без боя. После моей задачи (так в документе. — А.Г.) Муханов и Монстров с гор ушли и находились где-то около Джал[ал]-Абада с Мадамин-беком и также сдались совершенно отдельно от нас, где и при каких обстоятельствах, не знаю. Подробности деятельности Муханова мне неизвестны, и о нем я боле[e] ничего показать не могу. В правильности показаний и росписуюсь.

П. Куплен[н]иков

Допросил [подпись неразборчива]

[приписка:]

О деятельности Муханова хорошо должен знать капитан Никольский Андрей, который был близко при Муханове и который после задачи (так в документе. — А.Г.) уехал в Москву, но где находится в настоящее время, я не знаю.

П. Куплен[н]иков

Допросил [подпись неразборчива]

ЦА ФСБ. Д. Р-42311. Л. 54об.-56. Подлинник. Чернила.

13. Из протокола допроса Н. Классовского. 4 января 1931 г.

1931 г., 4 января, г. Коканд

По существу дела Муханова могу показать следующее:

В 1919 г. ком[андующим] войсками Фер[ганского] фронта т. Коноваловым⁸⁷ для борьбы с оперирующими в то время басмаческими бандами были организованы крестьянские добро[вольческие] отряды, преимущественно из европейских крестьян бывшего Джалал-Абадского кантона. Таким образом, была создана так называемая крестьянская армия, руководителями которой были гр. гр.⁸⁸ Муханов и Монстров.

Муханов, пользуясь своим положением и авторитетом среди русских крестьян, совместно с бывш[им] полковником академии Генштаба Монстровым⁸⁹ спровоцировали последних на выступление против

⁸⁷ Коновалов Дмитрий Ефимович (1882–1921) — военный специалист РККА, командир отряда, действовавшего против басмачей. Позднее — командующий группы войск Ферганского фронта, помощник командующего фронтом, начальник 2-й Туркестанской стрелковой дивизии, командующий Ферганской группой войск. Умер от тифа.

⁸⁸ Граждане.

⁸⁹ В документе путаница. Крестьянским вожаком был Монстров, а офицером Генерального штаба — Муханов.

сов[етской] власти, бросив лозунг «Да здравствует сов[етская] власть, долой большевиков». На тему этого лозунга были отпечатаны листовки, которые обильно распространялись среди крестьян и проникали в ряды Красной армии, мне известен случай под к[ишлаком] Араван, когда крестьяне при переговорах с ком[андующим] группой т. Сафоновым передали последнему свои требования в письменной форме, где было указано твердое требование удалить от власти большевиков; в качестве парламентаря со стороны крестьянской армии приходил мой однокашник по гимназии Брун Александр (впоследствии убит в бою).

Тов. Сафонов крестьянские требования не принял и поэтому произошел между крестьянской армией, объединенной с армией Мадаминбека и Красной армией сильный бой. Я в этот момент состоял командиром Туркменского взвода, а общее командование красными частями принадлежало т. Сафонову; этот бой для нас был неудачен, ввиду нашей малочисленности, а поэтому согласно приказа т. Сафонова мы с большими для нас потерями при помощи Умурзака Сатыбалдыева прорвались и отошли на ст. Федченко.

Политическое руководство частями белой крестьянской армией принадлежало Муханову (имени и отчества не знаю), а военно-стратегическое — Монстрову⁹⁰.

До крестьянского восстания 1919 г. банда Мадаминбека столь серьезного оформления не имела, после же восстания банда Мадамина получила сильное политическое и просто боевое подкрепление в лице крестьянской армии, которая дала бандитам руководящий состав, который вошел в число членов Ферганского правительства, членом коего состоял также и Муханов. Кроме Муханова из членов Ферганского правительства в моей памяти уцелели следующие: Мадаминбек (пред[седатель] Временного правительства), Ненсберг (советник Мадамина, фактический руководитель), Поплавский (министр путей сообщения), Ситняковский старший (министр юстиции и пред[седатель] военно-полевого суда)⁹¹, также в правительстве были: Муханов, Монстров, Ситняковский

⁹⁰ Очевидно, наоборот.

⁹¹ Очевидно, речь идет о Б.Н. Ситняковском, однако он не был старшим из братьев Ситняковских. Ситняковский Борис Никанорович (1887–?) — сын генерала, следователя Ферганской области. Бывший подполковник. Служил в туркестанских стрелковых частях. Помощник военного прокурора Ташкентского окружного суда. Военный специалист РККА. Перешел на сторону басмачей. Член делегации Мадаминбека на переговорах со штабом 2-й Туркестанской стрелковой дивизии РККА (в марте 1920 г.). Сдался красным. Арестован и отправлен в Архангельск.

Мадамин-бек после перехода на сторону красных. Фергана, 1920 г.

младший⁹², Фаринский, Белкин — он же Никольский, Орехов, Кучуков С.Ю. и др[угие]. Все перечисленные мною лица состояли в белобандитских частях Ферганского Вр[еменного] правительства в политических и командных должностях, все вышеизложенное мне удалось установить в момент, когда Мадамин-бек с частью своего штаба выехал в Ташкент на подписание мирного договора с советской властью, я же распоряжением реввоенсовета Фер[ганского] фронта в лице т. Веревкина-Рахальского и Саакова⁹³ был послан к белобандитам в качестве заложника, штаб коих в описуемый момент находился в к[ишлаке] Кара-Тери.

Мне известно от крестьян европейских поселков, расположенных в Ошском б[ывшем] округе следующее: для помощи Красной армии ком[андующим] войсками т. Коноваловым (умер от тифа в Самарканде) для ликвидации басмачества была организована крестьянская армия, во главе которой были поставлены Муханов и Монстров.

⁹² Возможно, Ситняковский Алексей Никанорович (1882–?) — сын генерала, исследователя Ферганской области. Бывший есаул. Военный специалист РККА. Участник ликвидации отряда Хал-Ходжи (1918 г.). Командующий обороной города Ош. Сдал город Крестьянской армии и Мадамин-беку и перешел на сторону басмачей. Военный советник Мадамин-бека. Позднее — военный специалист при Курширмате (1920 г.). Сдался красным. Арестован и отправлен в Архангельск. Или Ситняковский Всеволод Никанорович (17.01.1888–?) — сын генерала, исследователя Ферганской области. Бывший капитан. Военный специалист РККА.

⁹³ Сааков Оник Арзуманович (1890–1938) — военный комиссар 2-й Туркестанской стрелковой дивизии.

Получив от сов[етской] власти оружие и огнеприпасы, крестьянская армия начала действовать против басмачества, возглавляемого Мадамин-беком, затем крестьяне, спровоцированные Мухановым и Монстровым, изменили советской власти, обратили свое оружие против РККАрмии, эта измена в лице Муханова и Монстрова обратилась так серьезно, что белыми были захвачены города Джалал-Абад, Ош и осажден г. Андижан, если не подоспела бы своевременно нам поддержка в лице Казанского имени Гинзбурга полка, то Андижан был бы захвачен белобандитами.

Считаю долгом упомянуть, что благодаря переброске Казанского полка с Асхабадского фронта на Ферганский, безусловно, произошло сильное ослабление Асхабадского фронта и только лишь сознание и твердая воля, которая может существовать в рядах РККА дала возможность с большими усилиями отстоять Ферганскую долину и б[ывшую] Закаспийскую область.

После разгрома крестьянской армии под г. Андижан крестьяне разбежались по своим поселкам, а Муханов и Монстров остались при штабе Мадамин-бека, участвовали в боях против красных и после разгрома красными белобандитов под укр[еплением] Гульча Муханов, Монстров и Кучуков со своими семьями бежали в погранпост Иркештам, где имели намерение уйти за кордон в Кашгар, но благодаря отказу в пропуске китайским правительством, Муханов, Монстров и Кучуков были вынуждены сложить оружие и сдаться советской власти.

Вскоре после сдачи Муханова и Монстрова вся банда Мадамин-бека распалась и сдалась совет[ской] власти.

Должен особенно резко подчеркнуть, что ферганское басмачество в лице Мадамин-бека имело тесную связь с белыми генералами, оперировавшими в тот момент в разных концах СССР с задачей уничтожить сов[етскую] власть, и эту связь я могу доказать тем, что в бытность мою командиром Кара-Киргизского кав[алерийского] полка при преследовании в Алайской долине банды Нурмата (брат Курширмата)⁹⁴ в зим[овке] Кок-Су мною был найден обрывок бумаги, на котором было напечатано следующее: «радиограмма через Кашгар Ферганскому Временному правительству Мадамин-беку. Доблестные войска генерала Юденича заняли Пулково, на днях будет взят Петроград...» Продолжение этой радиограммы мне неизвестно, так как было

⁹⁴ Нурмухамедбек (Нурмат) — брат Курширмата. Один из видных деятелей басмаческого движения.

оторвано, найденный мною документ я передал нашему комбригу тов. Кужелло Э.Ф.⁹⁵

Описуемый мною выше документ во мне родил уверенность в том, что Муханов заранее готовил для нас коварную измену, будучи уже в связи с белобандитами и пользуясь темнотой русского крестьянства, спровоцировал последнее, в результате чего мы, то есть РККА, понесли большие потери в части людского состава, вооружения и снаряжения.

Деятельность Муханова особенно подробно может описать бывший белогвардеец Милеев Дмитрий Михайлович (проживает в к[ишлаке] Базар-Курган, быв[шего] Ошского округа) и Кучуков Сулейман Юнусович (зав. коннозаводством в Алма-Ата)

Более показать ничего не имею.

Протокол написан собственноручно.

Н. Классовский

ЦА ФСБ. Д. Р-42311. Л. 58-60об. Подлинник. Чернила. Л. 61-62.
Заверенная машинописная копия.

14. Заключение по делу А.В. Муханова. Без даты

Заключение

по сл[едственному] делу № 101804

по обвинению Муханова А.В. по ст. 58-13 УК

Муханов Александр Владимирович, 1874 г., б[ес]п[артийный], без определенных занятий, б[ывший] генерал, окончил академию Генерального штаба; в 1917 г. царским правительством был назначен военным атташе при посольстве в Афинах. После октябрьского переворота, вернувшись в СССР (январь 1918 г.), поселился вместе со своей семьей в гор[оде] Скобелеве — где до 1919 г. был преподавателем средней школы. В 1919 году во время разгара басмаческого движения Муханову была предложена красным командованием должность пом[ощника] нач[альника] штаба Ферганского фронта. Не желая служить в Красной армии, Муханов отклонил предложение красного командования (показ[ания] стр. 13) и вместе со своей семьей бежал в Китай, в гор[од] Кашгар. Местный губернатор, боясь дипломатических осложнений, в разрешении на

⁹⁵ Кужелло Эрнест Францевич (04.01.1890–22.06.1934) — советский военный деятель. Происходил из чешско-немецкой семьи, уроженец Австро-Венгрии. Член РКП(б). Командующий войсками Андижанского района (1919 г.). Командир отдельной кавалерийской бригады интернационалистов.

въезд Муханову в Китай отказал. Тогда последний, оставив свою семью в Кашгаре, бежит в горы, где в то время местное кулачество, недовольное политикой Сов[етской] власти организовывалось в повстанческую армию. Муханов, примкнув к повстанческому движению (стр. 13), стал во главе последнего, объединившись с Мадамин-беком — вождем басмачей (стр. 13). Муханов, став во главе повстанческо-басмаческой армии, повел наступление против Красной армии, им был занят ряд городов, разграбленных армией Муханова. Для пополнения рядов своей армии

Муханов на пути своего движения объявлял мобилизацию, причем лица, отказывающиеся стать в ряды мухановской банды, расстреливались по распоряжению последнего.

Показания гр[ажданина] Салтова Толчибека:

«Муханов А.В. у нас в Гульче был вместе с Мадамин-беком и с ним 500 джигитов. Муханов был руководителем этой армии. Всякие расстрелы производились по его решению. Например, по его приказанию был расстрелян Избасар Халфа и еще его 2 родственника, кои отказались быть в рядах Мадамин-бека. Кроме того, был расстрелян еще один житель из Корису, коего привели джигиты Мадамин-бека. Его обвинил Муханов в шпионаже в пользу красных. Таких случаев расстрела было очень много...» (стр. 36)⁹⁶

После ряда боев с Красной армией банда Муханова была разгромлена и последний с остатками бежал к китайской границе в гор. Иркештам, куда съехались прочие руководители повстанческого движения, где и было образовано временное Ферганское правительство (показ[ания] стр. 14, 32), в состав которого вошел в качестве военного министра Муханов. Мухановым велись переговоры с представителями китайских властей, с английским консулом (в Китае) Эссертоном и русским консулом Успенским о пропуске через китайскую территорию остатков повстанческих банд — в этом Муханову было отказано, но он получил индивидуальное предложение от английского консула Эссертона — поступить на английскую службу.

О деятельности Ферганского правительства гр[ажданин] Купцов К.Е. показывает:

«Забравшись в Иркештам, мухановцы и компания организовали там Временное правительство Ферганы при помощи английского и русского консулов. Во главе правительства, как было слышно — Муханов был военным министром... Этому правительству английский консул обещал

⁹⁶ Цитата искажена.

Дом, где проживал А.В. Муханов перед арестом. Москва, Покровский бульвар 14-6.
Фото А.В. Ганина. 2024 г.

оказать денежную помощь, после чего названное правительство начало проводить принудительный набор среди киргизского населения для пополнения армии бандитов. Набрал около сотни киргизов, их стали обучать военному делу: грабить мирное население — отбирая лошадей, одеж[А]у и продукты питания... Был запрещен всем въезд в гор[од] Ош под страхом расстрела. Были случаи, когда красноармейцы, не желавшие присоединиться к этой авантюре, бежали в сторону Ош. были бандитами казнены. Находящееся в Иркештаме имущество, как то: таможенные, военные и почтово-телеграфные — было продано Ферганским правительством китайцам...» (стр. 45, 46)⁹⁷.

В феврале 1919 г. красным командованием было предложено Ферганскому правительству сдаться. Муханов в числе других своих сообщников сдался и, явившись в Ташкент, был прикомандирован к РВС Туркфронта. Спустя некоторое время Муханов был арестован и направлен в Москву. Постановлением Коллегии ОГПУ⁹⁸ Муханов был приговорен к 2-м годам концлагеря, инкриминировалось ему «сокрытие шпионов Мадамин-бека».

Вышеуказанная к[онтр]р[еволюционная] деятельность Муханова в то время была невыяснена.

⁹⁷ Цитата искажена.

⁹⁸ Очевидно, ВЧК.

Проживая в Москве с 1922 года, Муханов определенного занятия не имел: преподавал иностранные языки среди детей бывшей знати, работал одно время в артели, среди членов которой вел а[н]ти[советскую] агитацию, распространяя провокационные слухи о скором падении Сов[етской] власти.

Принимая вышеизложенное,
полагал бы:

След[ственное] дело № 101804 по обвинению Муханова А.В. передать на рассмотрение Особого совещания при Коллегии ОГПУ.

Справка: Муханов А.В. арестован 22/VI-[19]30 г., сод[ержится] в Бут[ырском] изол[яторе].

Уполном[оченный] 2[-го] отд[ела] О[собого] о[тдела] ОГПУ *Левитский*

«Согласен»: пом[ощник] нач[альника] 2[-го] отд[ела] О[собого] о[тдела] *Фирин*⁹⁹

«Утверждаю»: пом[ощник] нач[альника] О[собого] о[тдела] ОГПУ: *Николаев*¹⁰⁰

ЦА ФСБ. Д. Р-42311. Л. 63-65. Подлинник. Машинопись.

Документальная публикация материалов следственного дела бывшего генерала А.В. Муханова — участника басмаческого движения в Ферганской области.

⁹⁹ Фирин (Пупко) Семен Григорьевич (1898–14.08.1937) — помощник начальника 2-го отдела Особого отдела ОГПУ (с апреля 1931 г.).

¹⁰⁰ Николаев-Журид Николай Галактионович (02.1897–06.02.1940) — помощник начальника Особого отдела ОГПУ. Один из организаторов массовых репрессий. Расстрелян. Не реабилитирован.

REFERENCES

1. *Alekseev M.* Voennaja razvedka Rossii. Pervaja mirovaja vojna [Russian military intelligence. The First World War]. M.: Izdatel'skij dom «Russkaja razvedka», 2001. Kn. 3. Ch. 1. 512 p.
2. *Alekseenkov P.* Krest'janskoe vosstanie v Fergane [Peasant uprising in Fergana]. Tashkent: Sredazkniga, 1927. 108 p.
3. *Bashanov M.K.* Russkie voennye vostokovedy do 1917 goda. Biobibliograficheskij slovar' [Russian military orientalists before 1917. Bio-bibliographic dictionary]. M.: Vostochnaja literatura, 2005. 296 p.
4. *Bashanov M.K.* Sobytija Grazhdanskoj vojny v Turkestane i Semirech'e v otchetah i donesenijah britanskogo konsula v Kashgare podpolkovnika P.T. Jedertona (1918–1920) [The events of the Civil War in Turkestan and Semirechye in the reports and dispatches of the British Consul in Kashgar, Lieutenant Colonel P.T. Ederton (1918–1920)] // *Izvestija Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeja*. 2018. № 21. P. 42–60.
5. *Ganin A.V.* Korpus oficerov General'nogo shtaba v gody Grazhdanskoj vojny 1917–1922 gg.: Spravochnye materialy [The Corps of Officers of the General Staff during the Civil War of 1917-1922: Reference materials]. M.: Russkij put', 2009. 895 p.
6. *Ganin A.V.* Kadry General'nogo shtaba v period Grazhdanskoj vojny v Rossii 1917–1922 gg. [Personnel of the General Staff during the Russian Civil War of 1917–1922]. M.: Kuchkovo pole Muzeon, 2023. T. 1–2. 1000 p.; 968 p.
7. *Inojatov H.Sh.* Narody Srednej Azii v bor'be protiv interventov i vnutrennej kontrevoljucii [The peoples of Central Asia in the struggle against the interventionists and internal counterrevolution]. M.: Mysl', 1984. 463 p.
8. *Kashirin V.B.* Dozornye na Balkanah: Russkaja voennaja razvedka v stranah Balkanskogo poluostrova nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny [Sentinels in the Balkans: Russian military intelligence in the countries of the Balkan Peninsula on the eve and during the First World War]. M.: VIKMO-M, 2014. 632 p.

9. Oficery russkoj armii, pogibshie v vojne s Japoniej 1904–1905 gg. Biograficheskiy spravocnik. Sost.: D.K. Nikolaev, O.V. Chistjakov, M.V. Abashina, N.G. Zaharova, S.A. Haritonov [Officers of the Russian army who died in the war with Japan 1904-1905. Biographical reference book. Comp.: D.K. Nikolaev, O.V. Chistyakov, M.V. Abashina, N.G. Zakharova, S.A. Kharitonov]. M.: Staraja Basmannaja, 2018. 772 p.
10. *Radzhabov K.K.* Madaminbek i Shermuhammadbek kurbashi – vozhdj povstancheskogo dvizhenija v Ferganskoj doline [Madaminbek and Shermukhammadbek Kurbashi are the leaders of the insurgency in the Ferghana Valley] // Grazhdanskaja vojna v Rossii: Zhizn' v jepohu social'nyh jeksperimentov i voennyh ispytanij, 1917–1922. Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma (Sankt-Peterburg, 10–13 ijunja 2019 g.) [The Russian Civil War: Life in the era of social experiments and military trials, 1917-1922. Proceedings of the International Colloquium (St. Petersburg, June 10–13, 2019)]. SPb.: Nestor-istorija, 2020. P. 304–320.

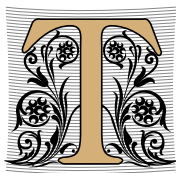

Ключевые слова:

А.В. Муханов, басмаческое движение, РККА, Ферганская область,
Гражданская война в России

Andrey V. Ganin

«THE ONLY WAY OUT FOR ME WAS
TO JOIN THE REBEL MOVEMENT...»
GENERAL A.V. MUKHANOV
AND THE ANTI-BOLSHEVIK MOVEMENT
IN THE FERGANA REGION

The material is a collection of documents from the investigative file of General A.V. Mukhanov (1874–1941), a prominent figure in the anti-Bolshevik movement in the Fergana region. During the period 1919–1920, General Mukhanov worked for a time with the Basmachi movement led by Madamin Bek and the Peasant Rebellion Army under K.I. Monstrov. Later, he continued his service in the Red Army. In the 1930s, Mukhanov was arrested for his involvement in the anti-Soviet movement in Fergana. These historical significant materials, are stored in the Central Archives of the Federal Security Service of Russian Federation. They are now being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: A.V. Mukhanov, Basmachi movement, Red Army, Ferghana region, Civil War in Russia.

Introduction, preparation of the text and comments by
Andrey V. Ganin — Dr. Hab. in History, Leading Research Fellow Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences.
ORCID: 0000-0002-8602-1990
SPIN-code: 1144-9875

Вступление, подготовка текста и комментарии:

 Ганин Андрей Владиславович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН
ORCID: 0000-0002-8602-1990
SPIN-код: 1144-9875

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в формате Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.docx»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — от 1 до 2 авторских листов (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются статьи и бóльшего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.Л. Блок, контроль за губернерами, крестьянский террор

Сноски

Оформление сносок:

Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.

Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.

Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

Для иностранных изданий: *Johnson J. The History of USA. London, 2002. P. 14.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список использованной в статье литературы следует представить в конце статьи в романском алфавите.
2. Список литературы (References) в романском алфавите для международных баз данных, повторяет все источники литературы, независимо от того, имеются ли среди них иностранные. Если в сносках на русском есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

3. Транслитерируются фамилии авторов и русскоязычные названия источников. Переводятся названия статей, монографий, сборников статей, конференций.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении ученых // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190–199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. The system of peer review in scientific information provision // Information Support of Science. New Technologies: Collected papers [Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh. Informatsionnoe obespechenie nauki // Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.] Nauchnyi Mir, Moscow. P. 190–199.

4. Список литературы в латинице может готовиться с помощью систем транслитерации свободного доступа (<http://www.translit.ru>) и переводчика Google. Вручную делать транслитерацию не допускается в целях избежания ошибок.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем: 1500–2000 знаков с пробелами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами: формат TIFF или JPG; размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

**Материалы высылаются на электронный адрес:
historical.reporter@gmail.com**

ПОДПИСКА

Оформить подписку на журнал «Исторический вестник»
можно он-лайн на сайте Почты России.

www.podpiska.pochta.ru

Наш индекс – ПА772.

**Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.**

Для заметок

Следующий номер
«Исторического вестника» будет посвящен
общеисторической тематике.

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
российских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X–XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке